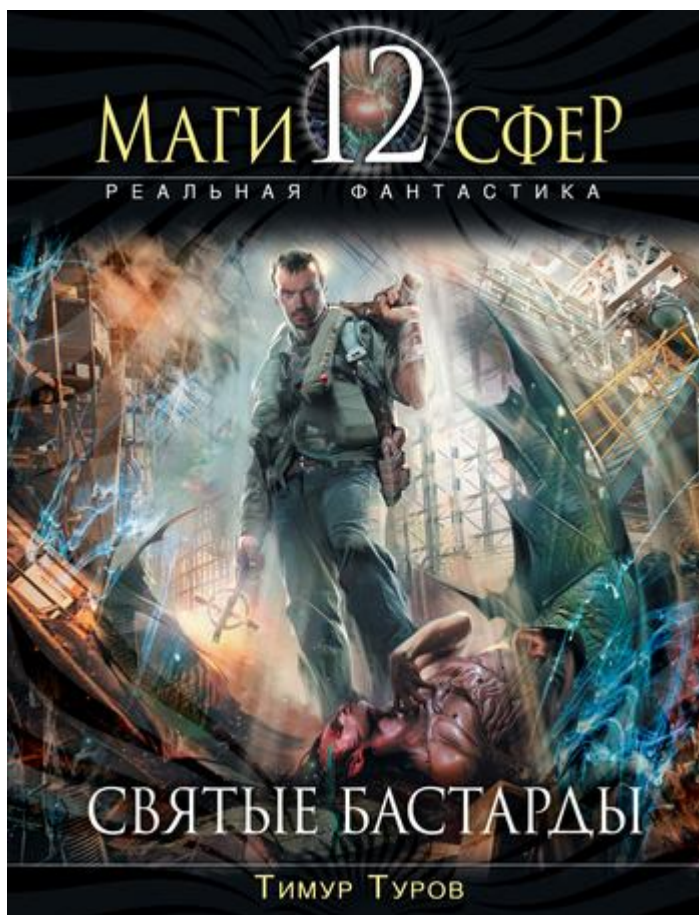


Тимур Туров
Святые бастарды

Маги 12 сфер – 7



Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=594315
«Святые бастарды»: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-47842-2

Аннотация

Новый роман о жизни за Пеленой! Лишь посвященные знают, что Пелена – наложенное могущественными магами заклинание, не позволяющее людям видеть, какие существа живут на самом деле рядом с ними...

На этот раз действие происходит в Санкт-Петербурге. На борьбу с влиятельной организацией «Ложя Петра и Павла» плечом к плечу встают человек Иво, элохим Атаниэль, альв Маж и оборотень Вереск. Надежды на успех мало, но риск, как известно, благородное дело.

У каждого из этой четверки есть свои основания ненавидеть «Ложю Петра и Павла», и эта ненависть, подкрепленная взаимопомощью и магическими способностями, позволяет «Святым бастардам» живыми выпутываться из таких ситуаций, в каких уцелеть почти невозможно...

Тимур Туров
Святые бастарды

Глава 1

Громадная белоснежная яхта известного российского бизнесмена, предпочитающего жить за пределами страны, пришвартовалась к причалу Английской набережной в Санкт-Петербурге два дня назад. Событие это было отмечено как прессой, так и горожанами, но с борта никто не сходил, шабашей и дискотек не устраивал, и все успокоились.

Леня Крипич, водитель-экспедитор компании «Переезд!», припарковал «Газель» в двадцати метрах от пристани, махнул вскочившим было грузчикам – сидите, мол, – и зашагал к яхте.

По дороге у него закружилась голова, на мгновение Леня зажмурился, а в следующий момент обнаружил, что идет обратно к собственной машине.

– Как меня достало это солнце, – пожаловался он, вытер лоб рукавом фирменной куртки, развернулся и вновь направился к яхте.

Погода в этом году и впрямь разгулялась – в июле Петербург настигло настоящее лето, с жарой за тридцать, редкими долгожданными грозами, прогретой Невой и разве что не закипающим заливом.

Каждый следующий шаг давался Лене все сложнее. Казалось, солнце выбрало именно его макушку в черной кепке с восклицательным знаком в колесе и с садистским наслаждением плавит ее.

Мелькнула мысль уволиться, потребовать отгул или внезапно заболеть. Вспомнилась бутылка пива, что лежит дома в холодильнике. И уже совсем было решившись наплевать на все и уехать, Леня обнаружил перед собой трап, а на нем – невысокого горбоносого человека в темно-фиолетовом костюме.

– Чего надо? – с легким акцентом поинтересовался тот.

– Принять груз для ООО «Ламбер», – отрапортовал Леня.

– Груза не будет, – сказал горбоносый и, не тратя время на пояснения, зашагал вверх по трапу.

Леня повторно смахнул пот с лица, пошарил в карманах, оглядел папку с документами, слишком тонкую, чтобы вместить кирпич «Нокии», и около минуты осознавал, что забыл телефон в кабине.

Сверху до него донесся голос человека в костюме:

– Совсем озверели?

На этот раз акцента практически не чувствовалось.

В очередной раз утерев пот, экспедитор поплелся к «Газели». С каждым шагом ему становилось все легче, и, залезая в кабину, он уже почти примирился и с солнцем, и с заказчиком-дебилем, не согласовавшим все вопросы по отправке груза.

– Ну, чего? – поинтересовался один из грузчиков.

– Ничего, едем обратно, – отмахнулся Леня. – Все вокруг идиоты и пытаются на мне ездить.

Иво по привычке проснулся в семь утра. В школу было не надо – прошли уже и экзамены, и выпускной, на котором он так и не пригласил Ленку на танец, – однако привычка оказалась сильнее его.

Отец уже сидел на своей любимой табуретке, прислонившись спиной к стене и облокотившись на старый, но добротный стол без скатерти. Иногда Иво казалось, что отец никогда не спит, потому что тот ложился позже сына, а вставал раньше.

В правой руке отец держал глубокую пиалу, а рядом с левой на столе стояла початая бутылка недорогого дагестанского коньяка. Все в отце было лаконично и законченно – длинные жилистые руки, глубоко запавшие черные глаза, коротковатый засаленный серый пиджак поверх футболки с двумя зашитыми дырочками на груди. И даже сандалии, у одной из которых не хватало оторванного ремешка, тоже вписывались в его облик.

Для всех отец выглядел как алкоголик, пытающийся показать всем, что он – тоже

человек, тоже нормальный. Да и вел себя с чужими людьми так же. Но притворяться перед сыном было просто не нужно, поэтому дома он во многом позволял себе быть собой.

– Доброе утро, – привычно произнес Иво и, как всегда, не дождался ответа.

К вежливости его приучали в школе, и только там. О том, что со знакомыми надо здороваться и прощаться, говорить «приятного аппетита» или «будьте здоровы», он узнал вскоре после того, как попал в первый класс.

Иво прекрасно помнил те дни, когда он, не умеющий нормально ни читать, ни писать, ни даже толком разговаривать, угодил в галдящий буйный коллектив из тридцати с лишним детей. Они уже примерно понимали, что такое дружба, как играть в прятки и салочки, даже умели в любой ситуации оправдаться перед воспитательницей или учительницей, свалив все на кого-то другого.

Все это Иво пришлось изучать методом проб и ошибок, хотя ябедничать он так и не научился. К третьему классу он выровнялся с остальными детьми почти по всем предметам, и учительница перестала уделять ему какое-либо внимание, словно поставила напротив его имени в журнале галочку – «неинтересен».

– Грязно у нас, – внезапно сказал отец.

Иво с сомнением осмотрел комнату. Эта фраза была одной из десятка, которые парень слышал от отца дома, но обычно она произносилась, только если пыль уже скапливалась по углам комками, а сейчас она еще лежала ровно, тонким слоем.

– Я приберусь.

Спорить с отцом было бессмысленно – он умел, не двинув даже пальцем, сделать жизнь сына невыносимой так, что Иво чуть ли не на стенку лез, настолько неуютно ему становилось.

Воду парень набрал в туалете в конце длинного коридора с пятнадцатью заколоченными дверьми. За шестнадцатой жили они. Привычно окунув тряпку в ведро, Иво принялся за дело.

Уборка не заняла много времени – комната была небольшой, метра три на четыре, а обстановка – спартанской. Две продавленные кушетки, добротный, но очень старый стол, несколько табуреток, крепкий высокий шкаф с множеством царапин и радиоприемник, включавшийся по собственному желанию и отключавшийся так же, – вот и все.

Иво знал, что у других людей есть холодильники, телевизоры и даже микроволновые печи. У них с отцом из техники были только приемник, электроплитка и телефон, к которому Иво строго-настрого было запрещено подходить.

Когда Иво было лет десять, он, после разговора с учительницей, подошел к отцу и спросил:

– Папа, мы – нищие?

– Нет, мы просто другие, – ответил отец.

А через несколько лет, когда у мальчишки наступил переходный возраст и его начали интересоваться девчонки, Иво внезапно начал видеть гораздо больше, чем обычные люди, и понял, что отец имел в виду.

– Я ушел гулять, – эта фраза повисла в воздухе, оставшись без ответа. Так бывало почти всегда, и Иво даже удивлялся, если отец вдруг отвечал на какой-то его вопрос или замечание.

Накинув старую, но вполне еще приличную, хоть и слегка коротковатую куртку, парень вышел из дома. Вокруг барака, вросшего в землю почти по окна, зеленели клены, липы и кусты акации. Единственная узкая тропинка петляла так, что, немного отойдя от дома, Иво уже не видел даже признаков своего жилья.

В гости к ним никогда никто не приходил. Ни пожарная инспекция, ни милиция. Не забредали с расположенного рядом Смоленского кладбища алкоголики, не пытались найти клад мальчишки, не целовались в укромных уголках, которых здесь было множество,

парочки.

Когда Иво было одиннадцать, у него впервые появился друг – ну или скорее приятель – заикающийся грузный пацан со странным именем Вальдислав. У него в гостях Иво был уже три раза, и приятель не раз намекал, что было бы неплохо нанести и ответный визит.

Ничего хорошего из этой затеи не вышло – еще на подходе, метров за двести, Вальдислав начал беспокоиться, затем у него скрутило живот, и в гости к другу он так и не зашел, развернувшись и совершенно неожиданно для Иво задав стрекача.

– Ст-трашно у вас т-там, – честно признался он потом. – К-как будт-то в груди лед-дышка, вначале м-маленькая, а потом все больше и больше, и т-терпеть ее вообще невозможно!

Вальдислав научил Иво играть в шашки и шахматы, в подкидного дурака и в «морской бой». Это были полгода, в которые Иво смог заглянуть в нормальную, обычную жизнь, посмотреть, как живут другие дети.

Он ел в гостях борщ и картофельное пюре с котлетами, разительно отличавшиеся от того, что давали в школьной столовой или готовил отец. Смотрел телевизор, с удивлением понимая, откуда берутся все те фразы, которыми щеголяли одноклассники – оказывается, почти все они звучали в кино или рекламе.

С Вальдиславом было легко и просто, и поэтому Иво очень огорчился, когда у приятеля начались приступы астмы и его родители переехали ближе к заливу, чтобы иметь возможность каждый день подолгу гулять с сыном на берегу.

Больше друзей у Иво не появлялось. В школе его считали слишком странным, соседей у него не было, ни в какие кружки и секции мальчишка не ходил – как-то так получилось, хотя он и пробовал дважды. На хоккей отец не дал денег, а их там надо было не так уж и мало, а из секции карате Иво выставили на шестом занятии, когда он довел более опытного спарринг-партнера до белого каления и тот едва не убил Иво.

«Он идиот! – кричал партнер, когда его оттаскивали. – Он на кулаки лезет, уклоняться не умеет, сам лезет!»

«У нормального человека должен быть инстинкт самосохранения, – сказал тогда тренер. – А за ненормальных я отвечать не собираюсь».

Тропинка вывела к кладбищенской ограде и мимо нее – к Смоленке, а затем и к мосту через речку. Иво всю жизнь прожил на острове, об этом ему не раз говорили, но разницы с материковой жизнью не было никакой – что ты живешь на Васильевском острове, что в Центральном районе – все одно.

Разве только на ночь летом мосты разводят. Впрочем, мостик через реку Смоленку не разводили никогда, и Иво перешел через него и оказался практически в центре города. Его окружали старинные особняки и доходные дома, четырехэтажный город, та его часть, которую распланировал еще чуть ли не сам Петр Первый, с улицами-линиями, сквериками и дворами-колодцами.

Собираясь перейти через дорогу, Иво заметил мчащийся «Мицубиси» и остановился, едва сойдя с тротуара. Машина проехала сантиметрах в двадцати от парня, резко затормозила, и из нее выскочил невысокий мужик лет сорока в аккуратном костюме-тройке.

– Ты чего под колеса кидаешься? – заорал он. – Жить надоело?

– Я видел, что вы проедете мимо, – спокойно ответил Иво. – Риска не было.

Мужик аж задохнулся от возмущения, но кидаться с кулаками на высокого парня поостерегся, а говорить тут было не о чем. Он нырнул в машину, громко хлопнул дверцей и с места, насиливая двигатель, рванул прочь.

Иво не раз замечал, что его хладнокровию, которое парню, в общем-то, ничего не стоило, удивляются все вокруг.

И когда в школе был пожар и все метались, он спокойно открыл фрамугу и вылез в окно второго этажа, прыгнул на козырек и оттуда – на асфальт. За ним последовала

половина класса, остальные предпочли выскочить за истерично вопящей учительницей в дымный коридор.

И когда перед экскурсией в Эрмитаж со строительных лесов упало ведро, Иво первым заметил его и просто оттеснил стоявших рядом одноклассниц, а через мгновение в полуметре от него всплеснулся темно-зеленый бутон масляной краски.

Были и еще случаи, когда окружающие спрашивали его: «Тебе совсем-совсем не страшно?»

«Совсем», – отвечал Иво поначалу, но после насильственного похода к неврологу исправился и стал говорить:

– Страшно конечно, но я справляюсь.

«Справляться» было совсем несложно. То, что для других мыслилось страшным, а подчас и невозможным, для Иво оказалось естественным. Пройти по краю крыши четырехэтажной школы? Легко. У парапета такая же жесткость и надежность, как и у асфальта внизу. Первым встать за жуткий фрезерный станок в кабинете труда? Не вопрос. У него отличный защитный кожух, а технику безопасности трудовик только что объяснил достаточно внятно и разумно.

Неразговорчивый и бесстрашный, безденежный и не по возрасту спокойный, Иво был загадкой не только для одноклассников, но и для более старших ребят. Но связываться с ним почти никто не решался, только в пятом классе произошел эпизод, когда трое десятиклассников решили выдоить мальчишку. Тогда Иво получил хороший урок – бывают ситуации, когда человек может сам не справиться.

Отец не интересовался, почему у сына разбита губа и заплыл глаз. Почему он стал реже ходить в школу и замкнулся в себе. Но когда Иво попросил помощи, не отказал в ней.

На следующий день троица обошла недавнюю жертву по большому кругу, и до самого выпуска парни старались не сталкиваться с ним. А по школе пошли гулять слухи о том, что Иво то ли знает с нечистой силой, то ли входит в какую-то секту, в которой все занимаются черной магией.

В версию с сектой поверили многие, она объясняла его странности. А Иво было плевать – он избавился от ежедневных: «Роди денег! Нету? Достань! Рожай, пацан, если жить хочешь!»

Задумавшийся Иво бесцельно шел по улице, глядя на себя в витрины магазинов. Там он видел худого, с виду болезненного юношу. Черные волосы, темно-карие глаза, бледная кожа – на такую с большим трудом ложится загар. Поношенная джинсовая куртка, джинсы, из-под которых видны полоски лодыжек – маловаты уже, надо новые покупать, а отец наверняка не даст денег.

Смотреть на окружающих людей не хотелось совершенно. Во-первых, потому, что всем им до него нет никакого дела, – а значит, и ему до них нет. А во-вторых, потому, что многие из них людьми в полном смысле слова никогда не были.

Иво помнил, каким шоком для него стало, когда по пути в школу в тринадцать с половиной лет – это был январь девяносто девятого – он вдруг понял, что видит гораздо больше обычного.

Среди людей попадались рогатые с треугольными лицами, остроухие, низенькие с ушами-лопухами и громадными носами. В этот момент Иво был ближе к пониманию чувства страха, чем когда-либо еще. Он таки дошел до школы, но только для того, чтобы обнаружить, что и там полно странных существ, а в параллельном «А» классе, считавшемся элитным, двенадцать детей из тридцати – не люди. В его родном «В» все были обычными. Зато классная руководительница, серьезная и основательная учительница биологии, щеголяла острыми высокими ушами, а ногти ее были плотными когтями – и это было видно даже сквозь телесного цвета маникюр.

Иво в тот день сбежал домой, чтобы вывалить открытие на отца, чтобы переложить на него ответственность, чтобы отец объяснил сыну – мол, ты не сошел с ума.

И отец в каком-то смысле не разочаровал, потому что, едва открыв дверь в комнату, пацан увидел на табуретке, с пиалой в руках, не его, а какое-то другое существо: длинные руки, худое жилистое тело, глубоко запавшие черные, без радужки глаза на нечеловеческом лице.

– Я вижу, ты теперь видишь через Пелену, – сообщило голосом отца существо. – Значит, пришло время для разговора.

В тот раз Иво узнал совсем немного – отвечать на все возникающие у него вопросы существо не стало, объяснив лишь, что да, действительно, на Земле сосуществуют больше десяти различных народов, называемых «сферами», и что большая часть людей их не видит, потому что на них действует сложное и поддерживающее себя самостоятельно заклинание «Пелена».

– Не обращай внимания, – неожиданно мягко закончило короткий рассказ существо. – Никто не будет кидаться на тебя с целью убить или съесть. А меня ты лучше и дальше называй «отец», так будет проще всем.

Иво долго переживал открытие. Он обнаружил, что у некоторых домов появились, видимо скрытые ранее Пеленой, этажи и надстройки, в некоторых окнах по вечерам словно металось пламя или показывались странные фигуры.

Старик-обувщик около Василеостровской щеголял короткими рожками, гаишный сержант, время от времени регулирующий движение на перекрестке Среднего проспекта и Восьмой – Девятой линий – острыми ушами и вылезающими из белых перчаток когтями.

Многое стало более понятным, когда Иво открыл, что директор школы, равно как и директор шефского предприятия – не люди. Они с гораздо большим удовольствием помогали своим, чем всем остальным, а детей-людей вообще слегка презирали. Но к Иво, после того как он начал видеть истину, стали относиться настороженно, и ему даже без чтения нотаций простили случайно разбитое во время перемены окно в рекреации первого этажа.

Сложнее всего приходилось с отцом. Называть его так Иво было трудно, но постепенно он привык. На какой-то момент в их отношениях возникло что-то странное, когда взрослый вроде бы чуть теплее относился к подростку, а тот встречал это настороженно и с опаской.

Однако со временем Иво загнал мысли об этом вглубь, и теперь воспринимал живущее с ним в комнате существо как настоящего отца, без каких-либо сомнений, хотя и знал, что это не так.

– Куда прешь?! – Иво едва не «вошел» в громадный стеклопакет, который четверо грузчиков пытались внести в парадное, в то время как дверь была для этого маловата.

Парень обогнул их и понял, что стоит около библиотеки, где в последние полтора месяца проводил большую часть свободного времени. Он толкнул дверь, открывшуюся с легким скрипом, вошел и прошагал мимо абонементного зала в читальный.

– Как всегда, учебники по биологии, физике, химии? – усмехнулась старушка-библиотекарь. Ее очки с толстыми линзами искажали глаза так, что они казались очень большими. Однако пожилая дама была человеком на все сто процентов.

– Да, – улыбнулся в ответ Иво. – Чтобы поступить, надо все хорошо знать. Конкурс большой.

– На медицинский?

– Ага.

Старушка помедлила, огляделась, а потом перегнулась через стойку и тихо сказала:

– Ты когда документы сдавать будешь, намекни, что готов работать с любыми пациентами. Кому именно намекать – поймешь.

– Не понимаю, – Иво удивленно посмотрел на библиотекаршу.

– Чего тут не понимать? – старушка раздраженно откинулась назад и зашептала громче и яростнее: – Я тоже все вижу, и даже кое-что могу, только не так много, чтобы заинтересовать серьезных людей. Я видела, как ты вчера смотрел на дейвона, севших позади тебя. В этом нет ничего такого, я тоже, бывает, их увидев, нервничаю. А в медицинские вузы

поступить очень непросто, там в приемных комиссиях нелюди, и чужих не пускают. Им нужны врачи, которые за Пеленой видят. Что такое Пелена, знаешь?

– Знаю, – ошарашенно произнес Иво.

– Ну, так намекнешь им – мол, готов лечить всех. Они тебе помогут: и с общежитием, если надо, и спецкурсы прочитают. У меня внучка с третьего раза поступила, но ей сложнее было – она сквозь Пелену не видит. Ладно, на тебе книги, иди, читай.

Иво прошел к своему постоянному месту у окна, разложил учебники, собираясь, как обычно, чередовать разные дисциплины, чтобы не устать слишком быстро, но недавний разговор не шел из головы.

Значит, он не единственный человек, видящий сквозь Пелену. А еще, значит, есть «серьезные люди», которых можно заинтересовать, если ты что-то «можешь». Но что именно? И как?

Поразмышляв немного на эту тему, он встал и подошел к библио-текарше.

– А есть книги по всему этому?.. Ну, по Пелене и тому подобному?

– У нас нет, – сурово ответила дама, но тут же смягчилась: – В Публичной библиотеке есть, в университетских запасниках. Ты лучше пока учебники читай, потом, когда станешь врачом, многие двери сами откроются. Хороший терапевт или тем более хирург всегда имеет нужные связи.

Этот ответ Иво не понравился, но настаивать или расспрашивать о сказанном ранее он не решился. Сев на свое место, он открыл учебник органической химии и заставил себя вчитаться.

Все написанное там Иво знал, но некоторые нюансы постепенно вымывались из памяти, поэтому он еще и еще раз перечитывал учебники.

В аттестате у него из шестнадцати предметов было десять пятерок, четыре четверки и две тройки – по русскому языку и геометрии. Причем по геометрии учитель поставил низкую оценку из вредности, и даже разговор с завучем, которая вытягивала хорошистов на четверки, а отличников на золотые медали, не помог.

Когда есть захотелось уже нестерпимо, Иво сдал книги и пошел домой.

Этот прием он придумал давно – если очень хочется есть, надо начать что-то делать или куда-то идти, пообещав себе, что там-то уж точно поешь. И желудок успокаивался, покорно ожидая пищи.

По пути он купил овощи и триста граммов говяжьих костей. Отца дома не было, и парень спокойно занялся готовкой. Солнце уже давно миновало полдень, Иво поел борща собственного приготовления и успел немного поваляться с зачитанным до дыр томом «Айвенго», когда пришел отец.

Он был мрачнее обычного, в авоське тренькали две бутылки коньяка.

– Иво, нам нужно поговорить, – с ходу, даже не посмотрев на борщ, заявил он. – У тебя когда экзамены начинаются?

– Через полторы недели, – парень удивился тому, что отец столь многословен.

– Ты к ним готов?

– Наверное, да, – осторожно произнес Иво.

Ему не нравился ход разговора, он бы предпочел налить борща в миску и смотреть на то, как отец, прихлебывая из пиалы коньяк, будет есть, а потом просто сидеть, изредка поглядывая в окно. Именно так проходила большая часть времени в этом доме.

Лишь иногда, не чаще раза в месяц, а то и в два, раздавался звонок телефона. Отец брал трубку, выслушивал, говорил: «Все устраивает», а потом – когда сразу же, когда через пару часов, а когда и на следующий день – исчезал. Причем Иво никогда не замечал этого момента – вот только что отец сидел на табуретке и держал в руках пиалу, а в следующее мгновение его уже нет дома.

А через несколько часов или – очень редко – через день отец вновь появлялся на табуретке, потягивал коньяк, а в доме заводились деньги, впрочем, как правило, не очень большие. Их всегда хватало на еду и коньяк, и почти никогда – на новые вещи.

– Ты уже знаешь, что я не твой отец, настало время для более подробного рассказа.
– Зачем? – тихо спросил Иво.
– Скорее «почему?». Потому что сегодня ты уйдешь отсюда и начнешь собственную жизнь. Не перебивай! Твоего отца я не видел никогда, а мать наблюдал в течение двадцати минут, когда ее вытащили из утонувшей в Смоленке «Волги».

Иво промолчал. С детства отец приучил сына – приемного – к единственному правилу этикета, выгодному ему. К тому, что перебивать старших невежливо.

– Она была беременна тобой, причем у нее шансов не оставалось, а ты мог выжить. Ты находился на грани – и любое вмешательство выкинуло бы тебя в посмертие. Ты заинтересовал меня как опыт, продолжение исследований, которые вели мои предшественники. Проще всего их назвать моими отцом, дедом и прадедом, хотя мы размножаемся иначе, чем вы, и это все совсем не так. Я извлек тельце из трупа и выходил. Ты был моим экспериментом.

Иво, несмотря на паузу, которую он, судя по замыслу приемного отца, должен был заполнить, снова промолчал.

– Мы живем рядом с вами тысячи лет, мы пользуемся вашей культурой и вашими продуктами, мы стали частью вас и не заметили этого, – но мы вас не знаем. – Существо улыбнулось; оно редко это делало, и обычно не в самые веселые моменты. – Ты стал логическим продолжением эксперимента, который начали сотни лет назад. Сейчас я могу точно сказать, что та часть эксперимента, объект которого ты, – закончена, и пока ты не начал превращаться в мое искаженное отражение, я решил выгнать тебя.

– Отец... – не осознав еще масштаба катастрофы, пробормотал Иво.

– Называй меня «Эддинг, отпрыск Фиона». Эдуард Фердинандович – это для тех, кто меня совсем не знает, а «отец» – для человека, которым был ты до сегодняшнего дня. Иди, общайся, пробивай свой путь, достигай своих вершин. Если будет совсем плохо, то я помогу, но не жди, что сделаю это с удовольствием. Ты помнишь, как впервые увидел меня таким, каким видишь – сейчас?

– Да.

– Тогда я сказал тебе, чтобы ты продолжал считать меня отцом. Честно скажу, ставя себя на твое место, я не мог представить, как такое может продолжаться. Но ты быстро привык. Это одна из причин, по которой мы исследуем вас, людей, – ваше умение примиряться с очевидными несоответствиями. Обычные люди видят мир через Пелену, как в магазинном зеркале, показывающем клиентам то, что они хотят увидеть. Я – слэш, из черной сферы. Ты – человек, из коричневой. Есть еще белая сфера, оранжевая, серая и другие – все это тебе еще предстоит узнать. Но в первую очередь ты должен найти своих. «Коричневых», которые видят мир таким, какой он есть. Они научат тебя вашей, человеческой магии, помогут выжить и направят на нужный путь.

– Но я не хочу...

– Замолчи, – Эддинг отхлебнул коньяку прямо из горлышка бутылки, отставил ее, встал с табурета и прошелся по комнате. – Ты родился позавчера, вчера посмотрел сквозь Пелену, увидев мир таким, какой он есть, а сегодня заявляешь, что чего-то не хочешь? Твой век короток, но даже по меркам коричневой сферы ты слишком молод. Иди, добейся чего-нибудь, а потом вернись и скажи, чего именно ты не хочешь. И если, на мой взгляд, ты сможешь доказать свою точку зрения – что маловероятно, – то я выслушаю тебя и помогу.

За несколько минут Эддинг сказал слов больше, чем за пару предыдущих лет.

– Я пошел? – неуверенно спросил Иво.

– Подожди, – слэш на секунду задумался. – Я не могу выпустить тебя в большой мир, не дав пару небольших уроков. Иво, ты, хотя ничего не знаешь и не умеешь, тем не менее – маг. То есть у тебя имеется развитое тело Силы, люди, как правило, называют его «аурой», и ты можешь, хотя бы в теории, заниматься магией. Делать тебе это сейчас, когда ты не подключен к источнику, опасно, но одно заклинание я тебе покажу.

– Какое?

– Заклинание, с помощью которого ты сможешь видеть суть окружающих существ и предметов, их тело Силы. Сильного мага ты «просмотреть» не сможешь, но, во всяком случае, поймешь, имеешь дело с существом, владеющим магией, или обычным, просто выглядящим иначе, чем ты. Посмотри на меня. Для начала постарайся ощутить присутствие энергии в себе, у тебя должно получиться. Нет, не напрягай тело, просто ощути... Так. Прищурь глаза и по-пробуй взглянуть словно сквозь и мельком. Нет, не старайся, а делай! Еще раз. Еще раз. Повторяй раз за разом.

Некоторое время они упражнялись, а потом...

Иво потрясенно уставился на приемного отца. На мгновение он увидел нечто странное – словно облако вокруг слаш, повторяющее контур его тела, примерно на метр отходящее от него, с какими-то завихрениями, плотными образованиями, шариками внутри. Тело Силы было и снаружи и внутри организма, в нем просматривались органы Эддинга, они выглядели совсем не так, как у людей, – внутри приемный отец отличался от сына гораздо больше, чем внешне. Но вообще картинка получилась хотя и странной, но внутренне логичной и законченной.

– Не злоупотребляй, но в случае чего это может помочь тебе, – сказал слаш. – Дальше получится легче. Со временем ты начнешь разбираться, где в теле Силы чакры – они же энергетические центры. Как выглядят уплотнения, возникающие, если маг часто творит одно и то же заклинание. Сможешь с одного взгляда определять хронические болезни и только начинающиеся – что, как врачу, тебе будет очень кстати.

– Спасибо, – Иво почувствовал усталость, захотелось вздремнуть, но теперь для этого стоило подыскать другое место.

– Не за что. И – подарок от меня.

Слаш стоял с пустыми руками, Иво не сводил с него глаз, однако, в очередной раз моргнув, обнаружил, что в руках у приемного отца – сверток.

– Здесь книга одного давно умершего «коричневого» мага, немного денег и карта Санкт-Петербурга, по которой ты сможешь понять, где надо искать помощи. Книгу и карту постарайся изучить как можно быстрее, деньги не трать, пока не поймешь, как их пополнить. Книга для меня бессмысленна, а для тебя может стать очень полезной. Она непростая, и пока она в твоих руках, будет защищать не только себя, но и частично тебя. Большая часть магов увидит в ней простой фолиант, дорогой и интересный, но не раритетный. Принцип ясен?

– Ясен. Как ты исчезаешь и появляешься? – спросил Иво, настроенный разгадать эту тайну.

– «Отвод глаз», заклинание, – пояснил приемный отец. – Все, иди.

Иво вышел, затем обернулся и хотел спросить еще что-то, но дверь захлопнулась перед самым его носом. Восемь шагов по прямой, поворот налево, еще два шага, четыре ступеньки вниз – и парень вышел из дома, в котором провел большую часть своей жизни.

Глава 2

Небольшое кафе с вывеской «Валентина», расположенное у метро «Елизаровская», было настолько обычным, насколько это вообще возможно. Простенькие стулья из дешевого пластика, пластиковые же столы, полиэтиленовые скатерти наводили на мысль о том, что хозяева заведения не заботятся о постоянной клиентуре, рассчитывая на «самотек», которого около станции метро всегда с избытком.

Впрочем, в данный момент никого, кроме двух посетителей, здесь не было, что не слишком удивляло официантку – в середине рабочего дня такое случалось.

– Деньги принес? – поинтересовался сероглазый неприметный мужчина неопределенного возраста в белой футболке и таких же белых джинсах, сев за столик.

Напротив него располагался тип гораздо более яркий – мускулистый, ростом под два метра, с беловато-голубыми глазами. Одет он был в костюм, но пиджак и брюки из эластичного материала явно не сковывали движений владельца, и тот был готов к любому

развитию событий.

– Как и договаривались, пятнадцать тысяч евро. Кстати, почему в евро?

– Евро стоят дороже, – усмехнулся сероглазый. – Ну, и Европа у нас близко, смысл брать доллары, чтобы потом переводить их в другую валюту?

– Информация с собой? – пресек эту тему мускулистый.

– Не вся, я столкнулся с некоторыми трудностями, – уклончиво ответил его собеседник, двигая через столик папку с бумагами. – Основную часть пришлю завтра или послезавтра на е-мейл, а здесь – структура «Ложи Петра и Павла» с комментариями и их связи в Москве и за границей. Наверняка не все, только то, что отслеживает наш орден.

– Ты обещал сегодня всю информацию, – мускулистый наклонился вперед, забирая папку со стола. – Не хочешь ли ты меня обмануть?

– Ты слышал о Наблюдателях, которые обманывали клиентов? – вопросом на вопрос ответил сероглазый. – И как у них после этого шли дела?

Мускулистый откинулся на спинку стула и задумался. Ему явно было что сказать, но начинать конфликт он не хотел. Подошла официантка, замерла в ожидании заказа.

– Два американо, – не глядя на нее, сказал сероглазый. – За счет моего друга.

– И два эспresso за счет моего собеседника, – добавил мускулистый. – И посчитайте нам сразу. Спасибо.

Сероглазый уставился на собеседника, затем улыбнулся:

– А тебе палец в рот не клади.

– Да уж, не рекомендую. – Мускулистый, похоже, что-то обдумал и решил продолжить диалог: – Как ты считаешь, у «Ложи» есть слабые места? Я принес всю сумму, а ты – только часть данных, так что, думаю, я имею право на несколько вопросов.

– Слабые места? Пожалуй, только Настя. В папке есть вся информация, но я отвечу так. В «Ложе» верховодит Креон, сатра. Есть костяк «Ложи», руководители территорий и служб, их около тридцати – дейвона, джинна, сатра. У каждого из них своя сфера ответственности и свой вес в «Ложе», но все они – профессионалы и добились положения потом, кровью и интригами. Между собой они иногда грызутся, но в случае внешней угрозы объединяются сразу. А если кто-то проявит нерешительность, его уберут свои же, снизу.

Однако есть структура, похожая на службу безопасности, что стоит ближе всего к трону и при этом особняком. Это четверо верог – двое старых, Анна и Александр, и двое молодых – Стас и Настя. Настя – дочь Анны и Александра – совсем молодая, потенциально она – один из сильнейших магов Петербурга, очень хорошие задатки, участвовала во всех конфликтах «Ложи» за последние пятнадцать лет. Но у нее есть недостаток, связанный с юным для вампира возрастом и тем, что она знает, насколько сильна.

Настя, скажем так, неосмотрительна в поступках. Не только по меркам вампиров, но и по людским. Под мудрым руководством старших она – отличное орудие. В свободное плавание ее не пускают, но иногда она проявляет инициативу... И тогда ее наказывают родители. Но все тщетно, эта барышня не обладает осмотрительностью и хладнокровием своих родичей. Креону Настя нужна. Через нее Глава «Ложи» рассчитывает влиять на «красных», если те вдруг затеют собственную игру в рамках объединения.

– С Настей понятно. Есть еще кто-нибудь или что-нибудь?

– Смотря для чего, – усмехнулся сероглазый. – Для войны – одни слабые места, для диверсий – другие, а если ты хочешь стать членом «Ложи» и сделать там карьеру – третьи. Сразу, правда, отмечу – элохим в «Ложе» нет. Будут задвигать на задний план. Так что тебя интересует?

Подошла официантка с подносом и поставила на стол четыре чашки кофе: перед одним посетителем два американо и два эспresso – перед другим.

Мускулистый достал бумажник и выложил сотенную, затем жестом предложил собеседнику сделать так же. Тот нахмурился, но деньги достал, правда, отсчитал ровно за две чашки – восемьдесят восемь рублей.

– Меня интересуют слабости конкретных магов, где они живут и за что отвечают, –

продолжил беседу мускулистый, как только официантка отошла от столика.

– Кое-что есть в папке. А то, чего там нет, мне все равно неизвестно.

Мускулистый достал из внутреннего кармана пиджака пачку банкнот по пятьсот евро, перевязанных резинкой, толкнул ее через стол, взял папку под мышку, а затем встал и вышел, даже не пригубив кофе.

Оставшийся в кафе сероглазый потянулся к своей чашке, всем видом показывая, что уж он-то оплаченное выпьет до последней капли. Но как только хлопнула дверь, решительно встал и подошел к официантке.

– Запасной выход есть?

– Да, – девушка почувствовала непреодолимое желание помочь клиенту. – Я провожу вас.

Вернувшись через минуту к стойке, официантка обнаружила там пятисотрублевую купюру. А еще она поймала себя на мысли, что никак не может вспомнить лицо мужчины.

Глаза вроде были светло-голубые. Или серые? Или зеленые?

Она помотала головой, спрятала купюру в карман фартука и обернулась на колокольчик в дверях – в кафе входила молодая пара. Парень явно красовался перед подругой – такой может дать хорошие чаевые.

А может и сбежать, оставив девушку оплачивать счет.

Куда идти дальше, Иво не знал, поэтому позволил ногам шагать куда угодно. Перемахнул через невысокую в этом месте ограду лютеранского кладбища, прошел немного, пару раз свернул, затем сел на покосившуюся лавочку рядом с широким серым надгробием и раскрыл сверток.

Сверху, как и обещал Эддинг, находилась книга.

«Феофан, или Искания и Находки» стандартным компьютерным шрифтом Arial было написано на сером томе, похожем скорее на большую коробку в коричневой подарочной бумаге. Ниже размашистым почерком добавлено: «Питербурхская Книга Мертвых».

Пара попыток показала, что книга просто так не откроется.

– Мне очень надо, – настойчиво произнес Иво и вновь потянул вверх обложку. – Очень!

Книгу это не впечатлило. Иво сосредоточился и попробовал по-смотреть на нее так, как учил приемный отец. Получилось не сразу, но через несколько минут настойчивость была вознаграждена.

Книга словно ждала этой попытки и сама раскрылась – но с другой стороны, как арабская. Он пытался читать ее с конца! Иво пробежал глазами содержание, отметил заинтересовавшие его разделы – «Основы», «Питербурх, житие и смертие», «Держание Силы», «Ангелы, демоны и иные», а также странные «Юшка и мистерии», «Держание Себя», «Зверь: вымыслы».

Открыл на первом попавшемся месте.

Если напрячь глаза, то буквы выстраивались странным порядком и показывались архаичным почерком «от руки». Однако если смотреть на книгу словно невзначай, появлялся обычный шрифт, и написано все было современным языком с вкраплениями старого стиля.

«Чтобы защититься от ненужного внимания, используйте морок – наложение этого заклинания не требует большого умения и доступно почти любому. Вариантов данного заклинания есть множество, и в зависимости от склонностей и таланта можно выбрать любой или придумать собственный. Я пользовался двумя. Примитивным, скрывающим меня без остатка от глаз простых смертных, и более сложным, помогающим при поединках с искушенным противником. Первый не рассматриваю по понятным причинам, а второй являет собой оригинальную мысль и потому интересен.

Любой, заинтересованный в вашей смерти или увечье, стремится уязвить вас и увидеть после удара поверженным, – а значит, готов обмануть себя с вашей помощью. При ударе противника надо отбить его или уклониться, и делано показать, что вы раскрылись и поражены.

Сделать это надо как можно более изящно, чтобы противник не заподозрил подвоха. Если обман вам удался, дальнейшее на себя возьмет противник – он сам придумает, как именно вы поражены, какие у вас раны и что с вами происходит далее. Обман этот продлится в зависимости от вашей силы и умения, но не дольше нескольких мгновений, которые надобно использовать для ретирады либо контратаки. Способ исполнения заклинания подбирайте на свой вкус и умение».

Дальше шло практическое описание чар, не совсем понятное, но четко прописанное...

Иво задумался. Совет Феофана выглядел разумно – даже в обычной драке иногда выгодно притвориться, что ты пропустил удар. Но заклинание? Магия? И как это вообще происходит?

Молодой человек захлопнул книгу, испытывая раздражение на себя, на отца, который оказался чужим и даже в какой-то мере чуждым, на Феофана, уверенного в том, что читатель знает достаточно, чтобы понять написанное им.

– Эй, пацанчик, телефона не будет позвонить? – парень чуть за двадцать незамеченным подошел почти вплотную к Иво, что при заросшем кустами кладбище сделать было несложно.

За ним стояли еще двое, причем все трое выглядели тертыми, не особо умными и привыкшими решать свои проблемы за счет более слабых. Заготовки таких типов Иво встречал в родной школе, и общение с ними было подчас болезненным и неприятным.

– Да, сейчас, – Иво отложил сверток и медленно поднялся.

Телефона у него, естественно, не было – вообще, в классе из тридцати двух человек мобильники имелись только у четверых, и показывали статус родителей своих владельцев четче, чем лакмусовая бумажка – кислоту.

Иво, делая вид, что шарит по карманам, осторожно осмотрелся. Можно было попробовать сбежать – с приличными шансами. Но тяжелая ноша помешает ему – значит, придется оставить сверток с подарками Эддинга, лишиться книги, карты и денег. Даже мысль об этом казалась неправильной.

Он ударил первым, и получилось удачно – хук снизу в подбородок слегка смазался, кулак угодил в нос противнику, и тот с мычанием упал.

Остальные двое тут же кинулись на Иво. Это были не сверстники, готовые захлебнуться от бурлящей внутри агрессии, а взрослые шакалы, привыкшие наносить подлые удары и нападать гуртом.

Иво бил беспорядочно и получал в ответ, пытался увернуться и снова напасть, а потом, когда его чуть не свалили с ног, вдруг решил использовать прием, описанный Феофаном. Это было мгновенное озарение – уйдя от подножки, воспитанник слэш вспомнил описание в книге (оно оказалось на этот раз четким и ясным, как химическая формула) и мысленно надавил на противника, уверяя его, что жертва упала.

Этот момент он запомнил надолго – словно совпали элементы головоломки, и беспорядочный хаос мыслей сменился четким, направленным усилием. Хулиган с криком пнул воздух в том месте, куда должен был упасть Иво. Второй растерянно смотрел то на стоящего противника, то на место, куда тот вроде бы свалился, а потом замотал головой, развернулся и побежал.

А несостоявшаяся жертва аккуратно подсекла увлеченно пинающего воздух агрессора, подхватила сверток и помчалась в другую сторону.

Отбежав на достаточное расстояние, Иво неожиданно почувствовал, что совсем недалеко происходит что-то странное. Ощущение было похоже на болезнь с высокой температурой, когда бросает то в жар, то в холод, но все это накатывало не изнутри, а снаружи, причем с определенного направления.

Сориентировавшись, парень осознал – что-то происходит в том месте, которое он до недавнего времени называл домом.

Не задержавшись ни на секунду, он побежал. Перемахнул с ходу ограду, увернулся от аккуратной старушки с двумя гвоздичками в руке, и через минуту вбежал в дом.

Эддинг лежал навзничь, вытянувшись на грязном полу. Между головой и шеей было пустое пространство, а из тела торчали шесть странных, изготовленных вроде бы из кости кинжалов.

Иво, чувствуя, что надо что-то сделать, но не понимая, что именно, выскочил на улицу. Жаркий, плавающий солнцем город июльский день казался спокойным и мирным. Это было обманом – Иво чувствовал, что убийство произошло совсем недавно, но понять, куда делись преступники, не мог.

Вернувшись в комнату, парень сел на колени около трупа и зарыдал. Между ним и Эддингом никогда не было особой близости, приемный отец не таскал маленького Иво на шее, не учил играть в футбол и не объяснял, как нужно вести себя с девчонками.

Они не смотрели вместе кино – да и телевизора-то у них не было. Эддинг просто время от времени, очень нечасто, говорил Иво, чего делать нельзя и еще реже жестко рекомендовал что-то делать именно так. Последние лет пять приемный отец не занимался уборкой, ел только то, что готовил Иво, а сам все больше сидел, потягивая из пиалы коньяк, и наблюдал за ним.

Но все это было неважно, потому что все эти годы Иво точно знал, что его тыл надежно прикрыт. Что надо решать проблемы самому, – но если вдруг появится что-то, с чем ему никак не справиться, то придет отец и поможет.

И вот «что-то» появилось, – а приемный отец, неожиданно костлявый и маленький, лежит в луже иссиня-черной крови и справиться уже ни с чем не сможет.

А значит, теперь именно на Иво лежит задача понять, что происходит, и отомстить за его смерть. Парень даже не подумал о том, что совсем недавно, буквально час назад, Эддинг выставил его из дома.

Он просто осознал, в чем его долг, и решил выполнить задуманное, даже не подозревая о том, что это логическое построение наверняка бы очень заинтересовало slash, ставившего эксперимент на приемном сыне.

Тщательно осмотрев комнату, Иво нашел под матрасом восемьсот рублей и потрепанный паспорт на имя Эдуарда Фердинандовича Грабина, сорок второго года рождения. Отец не выглядел на шестьдесят лет, но это было отмечено вскользь, так как к делу не относилось.

Простучав на предмет тайников все стены, а затем и мебель, Иво не без труда обнаружил, что толстая столешница на самом деле гораздо изящнее – а там, где видится простой массив дерева, есть узкий и тонкий выдвижной ящик.

В нем лежали угрожающего вида инструменты, похожие на пыточные, несколько обычных грелок, наполненных чем-то жидким, два коричневых резных жезла и с десятков мелких склянок разной формы. В дальнем углу ящика Иво обнаружил телефон «Эрикссон», мигающий красным огоньком, а рядом – зарядное устройство.

В аппарате был забит только один контакт, некто «11». Иво вздохнул и набрал номер. Ответили почти сразу – видимо, хозяин номера держал телефон гораздо ближе к себе, чем Эддинг.

– У тебя проблемы? – без приветствия спросил тихий, вкрадчивый голос.

– Меня зовут Иво Эдуардович, с кем я разговариваю? – вопросом на вопрос ответил парень.

– Тебе не понравится ответ... Хотя... Иво? Зверушка Эддинга? Можешь считать меня пресс-секретарем Петербургской черной сферы, хотя это совершенно не соответствует действительности. Что с Эддингом?

– Он мертв... Его убили...

– Ты уверен? Это не так-то просто, и если он лежит в луже крови с кучей ран и не дышит, это еще ничего не значит.

– В нем шесть костяных ножей и его голова отрезана.

– Тогда да. – Собеседник на мгновение задумался. – Уходи оттуда и не возвращайся ни в коем случае. О теле мы позаботимся. И еще. Иво, не хвастайся тем, что тебя воспитывал

слаш. Одни будут тебя считать лжецом, другие отнесутся как к увечному.

Телефон протяжно пискнул и выключился. Иво подсоединил его к зарядке, сел на пол возле трупa и развернул небрежно замотанный сверток. Под книгой обнаружился конверт с пятью тысячами рублей. Деньги это были небольшие, едва снять комнату и кое-как прожить месяц, но Иво никогда в жизни не держал в руках даже такой суммы. Кроме того, получалось, что Эддинг отдал ему большую часть имеющейся наличности, оставив себе значительно меньше.

Карты, обещанной приемным отцом, в свертке не оказалось. Иво потряс книгу, затем, сосредоточившись, открыл ее и снова по-тряс – ничего из увесистого тома не выпало.

Это выглядело странным.

Иво встал, сунул в карман телефон, почти не успевший восполнить заряд, и в очередной раз за день вышел из дома. Оглянувшись, парень пристально посмотрел на него – неказистый, приземистый, с дырявой в нескольких местах крышей барак выглядел нежилым давно, но стал таковым только сейчас. Иво неожиданно остро понял – он сюда больше не вернется. Никогда.

И зашагал к Василеостровской. По дороге он несколько раз ловил на себе озадаченные взгляды прохожих, а задумчивый громадный мужик с белоснежными крыльями за спиной, куривший на козырьке над магазином, даже сделал Иво некий жест, словно бы смотрел в зеркальце и крашивался.

Парень оглядел себя – да, вид у него был помятый, но ничего криминального не наблюдалось. Ощупал лицо – и обнаружил на щеке грязь, размазанную слезами. Отошел в сторону, тщательно вытерся рукавом, оглянулся и кивком поблагодарил крылатого. Впрочем, тот никак на это не отреагировал, только шагнул с козырька и полетел – но невысоко, едва-едва над проводами.

Купив пару жетонов, Иво спустился под землю и лишь в вагоне метро понял, что ехать ему некуда. Из рассказов одноклассников он знал, что в городе есть несколько мест, где собирается неформальная молодежь – по слухам, там можно было договориться о ночлеге, найти выпивку и якобы интересную компанию.

Из услышанного когда-то разговора двух бабушек на кладбище Иво также знал, что в православных церквях и соборах можно поговорить с батюшкой, прикинувшись паломником, и получить еду и койку.

Но он не доверял ни своему обаянию, ни актерскому таланту. Кроме того, надо было попробовать как-то выйти на убийц Эддинга.

Иво с тоской подумал о том, что мысль о поступлении в медицинский теперь точно придется отложить надолго – без дома, без работы, без возможности подготовиться шансов не было. Мелькнуло – а как же Ленка? Неужели он ее больше никогда не увидит? – и тут же парень переключился на размышления о более насущных проблемах.

Полупустой вагон тронулся, и в этот момент в голову Иво пришла мысль. Он раскрыл сверток, в котором осталась только книга, отложил ее в сторону и посмотрел на тряпку, в которую был завернут том.

Обычная серая ткань под пристальным взглядом словно подернулась пленкой, и на ней проявилась карта Петербурга и его окрестностей. Названий и рисунков не было, но то здесь, то там возникли небольшие пятна самых разных цветов.

Были здесь два оранжевых на севере города, несколько зеленых и белых. Большое пространство в центре, захватывающее Петро-градку и Васильевский остров, было испещрено пятнами, заштрихованными красными, серыми, оранжевыми и зелеными линиями. Но больше всего Иво заинтересовали коричневые пятна, которых на карте было не меньше десятка.

Эддинг сказал, что ему нужно обратиться к представителям коричневой сферы, своей, родной. Это имело смысл – и Иво по наитию выбрал не самые большие, но и не самые маленькие пятна неподалеку от центра. Одно находилось рядом с Сенной площадью, другое – неподалеку от Адмиралтейских верфей.

Иво выскочил из вагона в последний момент, обнаружив, что поезд стоит на станции «Гостинный двор», в одной руке у него была книга Феофана, в другой – карта. В переходе он аккуратно сложил тряпку и сунул ее в задний карман потрепанных и коротковатых джинсов, а книгу – в громадный внутренний карман ветровки, отчего куртку тут же перекосило – телефон с зарядкой, лежащий с другой стороны, был гораздо легче.

Перегон до «Сенной» он проехал стоя – мест не было. Поднимаясь на эскалаторе, Иво обдумывал тактику – надо было как-то найти пресловутых «коричневых», магов-людей. Проблема заключалась в том, что если чародеев других сфер искать было проще простого – они сильно отличались от людей, – то своих слабому и в теории, и в практике магии Иво было не отличить от обычных прохожих. А напрягаться, чтобы постоянно видеть тела Силы, парень не мог – ему для этого совершенно точно не хватало энергии.

Впрочем, как оказалось, проблемы в этом не было – сразу на выходе из метро к Иво подошел милиционер, грубо взял под локоть и спросил:

– Турист?

– Нет, я на Васильевском живу, – спокойно ответил Иво.

– «Ложа Петра и Павла»? – удивился сержант, и глаза его сузились.

– Какая ложа? – Иво попытался вырвать руку – безуспешно, и тут же почувствовал мурашки, показывающие, что его осматривают – и не просто так, а с помощью магии. Такие, проникающие вглубь взгляды, он время от времени ловил – как правило, от нелюдей. – Послушайте, у меня есть к вам разговор...

– Пойдем, наговоришься еще, – сержант ловко вывернул руку Иво таким образом, что со стороны казалось, что они просто идут под руку, а на деле парень был вынужден шагать рядом с милиционером. – Васильевский остров – не лучшая рекомендация в наше время. Про «коричневых» в «Ложе» я не слышал, но подстраховаться надо.

В отделении милиции оказалось на удивление прохладно. Заперев парня в «обезьянник», сержант повесил на решетку изогнутый гвоздь и предупредил:

– Попытаешься выбраться – сработает сигнализация. Сиди без фокусов, жди старшего.

Иво сел в угол, достал книгу и принялся читать ее с самого начала. Из предисловия стало ясно, что написал ее Феофан Прокопович, один из сподвижников Петра Первого, сильный маг и видный деятель православной церкви. Конечно, про себя он мог и соврать, но по стилю чувствовалось, что автор действительно неглупый и уверенный в себе человек, который при этом заранее уважает любого, кто читает его книгу.

Время от времени Феофан ссылался на другие источники, о которых Иво никогда ничего не слышал: «Ораторий» Генсера, «Лютъ» Отрепьева, «Трижды сожженную рукопись» Игнатия Лойолы и другие.

Книга не была автобиографией, географическим справочником, приключенческим романом или учебником магии. Она совмещала в себе сразу все и являлась даже чем-то большим. Из фолианта Иво узнал, что люди – это всего лишь одна сфера из двенадцати, прочитал едкие описания десяти других и смутное, полное намеков упоминание одиннадцатой. С особым интересом одолел кусок, посвященный слаш:

«Черная сфера – источник страха, живут одиноко, внутренней злобы или доброты не имеют, умеют говорить с мертвыми. Телесной силы они необычайной, умирать не любят и терпят боль без судорог и метаний. Симпатий и антипатий в других сферах не имеют, праздного любопытства не терпят, чудеса творят страшные».

Сразу после сфер автор без всякой логики перешел к описанию трактиров на дороге из Москвы в Петербург: одни всячески рекомендовал, от других предлагал держаться как можно дальше.

Также иногда Феофан загадывал что-то вроде загадок – например, указывал, что у него есть источник мощи, но скрыт он ото всех, и даже пояснял, как его найти, но настолько путано и туманно, что сделать это было наверняка невозможно – «меж двух небесных элохим, на уровне глубокого подвала».

Увлечшись чтением, Иво не заметил, как прошло больше трех часов. Подняв в какой-то

момент глаза, он понял, что напротив сидит крепкий старик и пристально на него смотрит.

– Меня зовут Василий Сергеевич, – мягко произнес тот. – А тебя?

– Иво Эдуардович, – с готовностью ответил парень.

– Плохо имя с отчеством сочетается, – заметил собеседник. – Насколько я вижу, ты не подсоединен к источнику. Мозолей на теле Силы нет, но само тело не очень характерное для человека. Книжку читаешь необычную, неплохая, кстати, копия, и сохранность хорошая. Да еще живешь на Васильевском острове. Кто ты, Иво Эдуардович? Расскажи то, что, как ты думаешь, мне нужно знать.

Старик взмахнул рукой, и парень неожиданно почувствовал острый приступ желания рассказать собеседнику все. Начиная с того, как Эддинг вынул недоношенного ребенка из мертвой женщины, и заканчивая встречей на Сенной с сержантом милиции.

Иво мотнул головой, сопротивляясь порыву.

Дед удивленно расширил глаза:

– Блок? Амулет, которого я не вижу? Парень, ты понимаешь, что, упираясь, делаешь себе только хуже?

Он еще раз взмахнул рукой, но на этот раз – резче, и словно добавляя кистью.

– Я родился восемнадцатого июня тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. Отец неизвестен, мать погибла перед родами. Выходил и вырастил меня slash Эддинг, отпрыск Фиона. Сегодня Эддинг был убит неизвестными. В наследство мне достались эта книга, карта Петербурга и пять тысяч рублей. Я приехал на Сенную площадь, чтобы найти магов коричневой сферы, которые помогут мне обучиться и отыскать убийц приемного отца. – С каждым словом Иво становилось все легче.

– Это многое объясняет, – старик усмехнулся. – Дети легко адаптируются. Лично я даже полчаса рядом со slash переносу с трудом, а ты жил около одного из них семнадцать лет, естественно, у тебя выработалась привычка. Странная история, но я тебе верю – придумать slash, который бы взял на воспитание человеческого ребенка, – невозможно. Это оксюморон. Хотя, как я слышал, иногда они рождаются из мертвых тел, возможно, он как-то провел параллель с собой. С другой стороны, кто я такой, чтобы копаться в логике и психологии черных?

– Вы можете мне отомстить за отца? – с надеждой спросил Иво.

– Отомстить за slash, убитого на Васильевском острове? Даже расследование будет отличным поводом к войне с «Ложей», а мы лавируем уже два десятилетия, не давая им ни единой зацепки. Мальчик, кто бы ни убил твоего приемного отца – были ли это другие slash или члены «Ложь Петра и Павла», сильнейшего объединения магов Санкт-Петербурга... Лучший тебе совет – забыть. Ни с первыми, ни со вторыми дела иметь не стоит. Сотрут в порошок и не заметят.

За спиной старика в помещение вошел капитан милиции – светловолосый мужчина средних лет. Не обращая внимания на собеседников, он подошел к окну, выглянул в него, затем звучно высморкался в носовой платок, пробормотал: «Так, так, так», и вышел.

– Он нас не видит и не слышит, я отвел ему глаза, – пояснил Василий Сергеевич. – Резюмируя, молодой человек, я не могу предложить вам поддержки «Третьего отряда» – так называется наше объединение. Устройтесь на работу, а через год пойдете в армию. Там отслужите полный срок, а мы будем смотреть за вами, присылать посылки, при необходимости ограждать от слишком навязчивых старослужащих и офицеров. За это время станет ясно – интересуется вами кто-то или вы всем безразличны. Кроме того, вы получите отличный урок субординации, что сделает вас более ценным кадром. Основная проблема молодых магов – желание все делать по-своему. Неумение подчиняться и расставлять приоритеты я тоже не считаю достоинством.

– Я все-таки попробую найти тех, кто поможет мне в расследовании смерти отца прямо сейчас, – упрямо заявил Иво.

– Ваше право, – вздохнул старик. – Насколько я понимаю, идти вам все равно некуда – поэтому предлагаю наше гостеприимство на одну ночь. Ни нас, ни вас это ни к чему не

обязывает. Согласны?

– Согласен, – Иво улыбнулся.

– Ах, еще момент... – Старик помрачнел. – Если «Ложа Петра и Павла» потребует выдать вас, мы выдадим. Драться за чужака у нас нет возможности. Но, оценивая подобную вероятность, я полагаю ее ничтожной.

– Что? – не сообразил Иво.

– Девяносто девять процентов за то, что вы, молодой человек, никому не нужны. А значит, спокойно можете умыться, что вам явно не помешает, поужинать, что тоже немаловажно, и выспаться, что уж точно необходимо. И все это – в спокойном месте.

– Я согласен, – Иво с тоской посмотрел в окно. Солнце скрылось за домами, в Петербурге стремительно темнело – белые ночи уже кончились.

Детство тоже ушло в прошлое, и, наверное, юность – с ним. Впереди была взрослая жизнь, о которой парень имел весьма смутное представление.

Глава 3

Утро красило Петропавловку в розовый цвет. Двое шли по стене выстроенной Петром крепости.

– Хорошие новости – альв где-то в городе, – худощавый мужчина с красными глазами обнажил в улыбке длинные клыки. – Более того, он на нашей территории.

– Хорошей новостью была бы его смерть или поимка, Александр, – собеседник красноглазого, плотный мужчина с виду едва за пятьдесят, отличался приплюснутым носом, зелеными глазами и мощным торсом под обтягивающей футболкой. – Альв убил Алишера и тяжело ранил Анну. Она теперь спит, восстанавливая силы, и будет спать еще не один месяц. Если об этом узнают наши соседи...

Мужчины переглянулись.

Оба они принадлежали к самому могущественному клану в Санкт-Петербурге. «Ложа Петра и Павла» за последние полвека увеличила свою территорию втрое, подминая под себя или уговаривая окружающие объединения магов и получая все новые и новые источники.

Но авторитет «Ложи» покоился на ее силе, и если окружающие почувствуют хоть малейшее проявление слабости, то каждый немедленно вспомнит прошлые унижения.

– Я считаю, что альв должен быть пойман, он слишком хороший инструмент, другого такого мы быстро найти не сможем, – тщательно подбирая слова, заявил Александр. – Я оставил ему выход на один источник не для того, чтобы убить, а для того, чтобы поймать и использовать. Худшего наказания для него придумать нельзя, а оставить мальчишку безнаказанным – значит показать слабость.

– Мы не можем позволить себе неустойчивости, только не сейчас, – Креон подошел к краю стены и взмахнул рукой. – Через полтора года в Петербург перевезут Государственную думу, вопрос уже решен. Перевезут на нашу территорию – мы наконец-то получим рычаг, с помощью которого сможем влиять на события в масштабах страны! Рамаажизни был хорошим инструментом, но он сломался, и надо с этим жить. Не сможешь поймать – убей без сожаления! Замену альву обеспечили? Что молчишь? Насколько я знаю, вы, верог, физически не можете проглотить собственный язык.

– Рамос привез оборотня, но отказался выдать его грузовой компании. Я сам об этом узнал только сейчас, мы пытаемся договориться о способе транспортировки.

Креон медленно повернул голову к собеседнику и, прищулив пронзительно-зеленые глаза, тихо произнес:

– Рамос отказался? Да кто он такой? У тебя три дня на то, чтобы перевезти оборотня в Одиннадцатый равелин. Если не успеешь, будешь штурмовать яхту и пойдешь в первых рядах.

– Не боишься поспорить с Мерионом?

– Мерион сдаст Рамоса с потрохами. Если его подчиненный не смог выполнить такого

простого задания, то он сам виноват. Заодно наш британский друг поймет, насколько мы готовы уступать ему.

– Ни капельки, – представитель красной сферы усмехнулся, вновь показав клыки.

– Точно.

«Спокойным местом», что обещал старый маг, оказалась простенькая однокомнатная квартира со скрипящей двуспальной кроватью и старой, но еще добротной мебелью – стенкой, такой же, как дома у Вальдислава, парой небольших кресел и несколькими стульями.

Унитаз слегка покачивался, ванна была маленькой, и горячая вода текла тонкой струйкой. Но все это выглядело мелочами, Иво квартира показалась роскошной и громадной, он не отказался бы прожить в ней хоть всю жизнь – это непритязательное жилище было куда комфортнее и роскошнее, чем то, к которому привык парень.

Его не смущали ни потертые коричневые обои с белыми цветками, порой не совпадающими на стыках, ни «поющий» паркет с несколькими недостающими в коридоре плашками.

Ему просто показалось, что жить здесь, при этом учиться в университете и, может быть, встречаться с какой-нибудь девушкой – память услужливо представила Ленку Соколову, покусывающую кончик ручки на выпускном по математике, – было бы настоящим счастьем.

Есть не хотелось, а потому продукты в холодильнике в этот вечер остались нетронутыми.

Спать тоже не было никакого желания, однако Иво разделся, умылся с удовольствием – воду греть было не надо! – и лег, постелив чистое белье из шкафчика. Уже почти задремав, он вдруг вспомнил про телефон, поставил его заряжаться, а потом часа полтора провел в мучительных попытках заснуть. Его терзали мысли о смерти Эддинга, о матери, которую он никогда не знал и не видел, о вступительных экзаменах, что наверняка пройдут без него.

Утром он быстро умылся, позавтракал холодной курицей и соком, оделся и вышел, просто захлопнув за собой дверь, согласно полученной вчера инструкции.

В руке у Иво был полиэтиленовый пакет с надписью «Горячая курочка», в котором находились книга и карта. Сержант вечером кинул пару намеков на то, что с удовольствием выкупил бы у парня оба предмета за немалые деньги, но не особо настаивал. Видимо, получил определенного рода инструкции от Василия Сергеевича, решившего обойтись с воспитанником слав честно. Возможно, у старика были планы на Иво – парень вспомнил, что Эддинг говорил о том, что когда-то он сможет стать неплохим магом.

На Сенной площади творилось форменное столпотворение. Рядом с входом в метро некто маленький, лысый и неприлично ушастый дернул парня за рукав и заговорщицкой скороговоркой предложил:

– Запрещенные артефакты, на любовь, на смерть врагов, подзарядки не требуют, есть врастающие в тело, краденые у сатра специально для «коричневых»! Куплю, продам артефакты, предметы Силы, зелья, тайные ингредиенты. Есть клык верог, надежное средство от...

– А «красные» об этом знают? – поинтересовался Иво, и торговец отшатнулся.

Жизнь здесь кипела, и каждый третий продавец не был человеком. Едва ступив на эскалатор, Иво заметил позади, в вестибюле станции, знакомого сержанта, выговаривающего что-то троице смущенных подростков с копытами.

«Сатра», – подумал Иво, почерпнувший немало информации из книги Феофана.

Спустившись в зал, парень отошел в сторону от основного потока пассажиров и достал карту. Можно было поехать на Черную речку и оттуда пройти до Новой Деревни, где была небольшая территория «коричневых». Или отправиться в парк Победы, который также держали представители родной сферы.

Но внезапно на Иво накатила безысходность – он осознал, что, по большому счету,

чужой для людей. Что наследство в виде мести за приемного отца-слаш никому, кроме него, не нужно. Да и сам он – не лучший подарок, учитывая, что, возможно, – хотя он в это и не верил, – кто-то могущественный охотится за ним.

На прощание Василий Сергеевич дал собеседнику понять, что ни одно нормальное объединение «коричневых» магов не примет его с ходу, а если кто-то согласится, то наверняка такое отребье, что от них лучше сразу бежать.

Иво еще раз рассмотрел карту. Куда ни кинь – везде клин. Страх не было – иногда он чувствовал легкое беспокойство, но именно чтобы бояться, ощущать ужас или что-то подобное – такого с ним, спасибо приемному отцу, не происходило никогда.

– А пошло оно все, – пробормотал парень и решительно свернул карту. – Иду на «вы».

Он решил поехать на свою родную станцию метро «Василеостровскую» и там найти представителей «Ложи Петра и Павла». Отца убили на их территории, если они не виноваты – пусть разбираются. А если это они приложили свои лапы, – то уж, по крайней мере, он поймет это и будет действовать соответственно. Как именно – Иво пока не представлял.

Не было еще десяти утра, когда он вышел из метро и тщательно осмотрелся. Никто из находившихся рядом людей и нелюдей не был похож на сержанта с Сенной площади.

Иво решил пройтись вокруг квартала, но, сделав всего несколько шагов, заметил того крылатого, что вчера подсказал ему вытереть лицо.

– Уважаемый! – крикнул воспитанник слаш стоявшему впол-оборота элохим. – Можно вас спросить?

Крылатый повернулся к Иво, и тот мгновенно осознал собственную ошибку – этот «белый» был гораздо ниже, сильно моложе, да и крылья, представшие глазам, были скорее обрубками.

– Да? – хрипло поинтересовался элохим.

– Простите, я вас перепутал с другим, у того крылья длиннее были, – начал объяснять Иво, по выражению лица собеседника понял, что допустил бестактность, и взмахнул руками, показывая досаду.

Взмахнул очень неудачно – задел кого-то невидимого, и в следующий момент тот проявился на пустом месте. Стройный юноша, закутанный в полупрозрачное облако тумана, был представителем голубой сферы, альвом.

– Я ошибся, – торопливо сказал Иво. – И, если вы не против, пойду своей дорогой.

– Я против, – заявил покрасневший от ярости элохим.

– Я тоже против, тутти-там, – медленно протянул альв. – Предлагаю отойти в подворотню и обсудить.

Именно этого Иво и не хватало – затеять ссору с двумя уроженцами гостевых сфер, наверняка опытными магами и сильными бойцами. Пытаться сбежать смысла не имело, оставалось надеяться лишь на голос разума – ведь он не хотел никого оскорбить.

Втроем они прошли в ближайшую арку, миновали детскую площадку, на которой уставшие мамы обсуждали своих чад и украдкой курили, подошли к тупику, в котором никого не было и ржавел бесколесный остов «шестерки».

Первый удар Иво пропустил – элохим без предупреждения ткнул его кулаком в грудь с такой силой, что воспитанник слаш пролетел полметра и ударился спиной в стену.

Другой бы упал, но Иво лишь встряхнулся и кинулся вперед. Впрочем, шансы его были равны нулю – противник превосходил и числом, и умением, а элохим – еще и весовой категорией.

– Дай я, тутти-ту, – тихо произнес альв и сделал странный жест правой рукой, будто размешивая что-то.

Иво ничего не почувствовал, но понял – это его шанс. Он в притворном ужасе схватился рукой за голову, сделал вид, что покачнулся и падает, а сам вспомнил, как обманул вчера хулиганов. Пустил в ход то, что Феофан назвал «отводом глаз», постарался убедить альва и элохим, что повержен.

Тощий юноша явно поверил в то, что враг побежден, и Иво бросился прочь, причем

так, чтобы альв оставался между ним и элохим. Однако не успел он сделать и нескольких шагов, как сзади послышалось:

– Стоять!

И раздался выстрел.

Иво замер, а потом осторожно обернулся.

– Очень ловко, – похвалил элохим, опуская пистолет.

Альв с удивлением посмотрел на свои руки, затем на невредимого Иво.

– И что дальше? – поинтересовался воспитанник slash. – Будете убивать?

– Отличная идея, тутти-ту, – альв улыбнулся краешками губ, и Иво понял, что существо, скрытое в коконе из тумана, безумно. – Нас трое, можем проголосовать.

– Я за то, чтобы угостить «коричневого» кофе, – элохим пожевал нижнюю губу. – И сделать ему предложение, от которого, если у него есть хоть капля мозгов, он откажется.

Сели в находящейся неподалеку кофейне. Иво с удивлением разглядывал меню – ему казалось диким отдавать за чашку стоимость банки растворимого кофе, но платил не он.

– Ирландский, двойной эспresso и двойной шоколад, – заказал элохим, и официантка, явно не первый раз видевшая этого клиента, улыбнулась ему – крылатый явно ей нравился, хотя она наверняка не видела его обрубков. – Ну что, уважаемый «коричневый», давайте представляться? Мое имя – Атаниэль. Предвосхищая вопрос – имя настоящее. Представителя голубой сферы зовут Маж, и на этот раз – по серьезной причине – имя ненастоящее.

– Меня зовут Иво, – проворчал сирота. – И другого имени у меня никогда не было.

– Свяжешься с нами – будет, тутти-там, – улыбнулся альв, слегка раскачиваясь на стуле. Он был очень невысок – едва ли метр сорок ростом – и при этом очень шуплый. – Если доживешь, тутти-ту.

– Ну помолчи, а? – раздраженно вставил Атаниэль. – Иво, я так вижу, ты ни к какому источнику в Петербурге не привязан – твое тело Силы истощено, пополнить энергию ты не пытаешься, а значит, ни в какое объединение не входишь. Это так?

– Так.

– Хорошо. Насколько я понимаю, азами магии ты владеешь плюс еще парой хитрых приемов. Так?

– Нет. – Иво наслаждался секундным замешательством Атаниэля. – Я самоучка, кое-как усвоил по книге одно заклинание, еще одно мне показал приемный отец, плюс есть некоторые врожденные качества, о которых я говорить не собираюсь.

Альв и элохим уставились на него, словно пытаясь проглядеть в нем дырки.

– Что-то есть, но я не понимаю, тутти-ту. Возможно, какое-то проклятие slash... – пробормотал Маж.

– А я вообще ничего не вижу, – с досадой добавил Атаниэль. – Ладно, парень. Видимо, здесь наши дороги расходятся и тебе не придется выслушивать мое предложение. Итак...

– Быстро, уходим! – альв вскочил так резко, что опрокинул столик.

Иво вскользя подумал:

«Хорошо, что кофе еще не принесли».

– Опять? – Элохим взмахнул рукой. – Аня, запиши на мой счет!

Странная пара – громадный элохим и маленький альв – двинулась к выходу, но почти сразу остановилась. В кофейню один за другим вошли трое верог – один в легком сером плаще и двое в брючных костюмах – мужчина и женщина. Первый поднял руку, словно требуя тишины, и заявил:

– Не надо резких движений, дети. Нам нужен только альв. Элохим может уйти.

– Семь и бездна, ты не смеешь ставить мне условия! – воскликнул Атаниэль. – Мы уйдем вместе.

Иво с удивлением смотрел на то, как спокойно себя ведут остальные посетители. Они словно не слышали ни слова из этого разговора, словно не чувствовали, что приближается схватка. Воспитанник slash уже знал, что никто не видит чужаков такими, какие они есть на

самом деле, – это работало заклинание «Пелена». Но, кроме того, вампиры, похоже, набросили на сидящих в кафе людей какой-то морок.

С его места было хорошо видно, как двое стоящих сзади «красных» начали что-то творить – это была сложная магия, но понять, что именно, он не мог – не хватало знаний. Элохим и альв заметить этого не могли – верог в распахнутом плаще закрывал товарищей.

– Осторожно! – крикнул Иво, и в этот момент все началось.

Реагируя на его крик, альв нырнул в сторону. Элохим попытался достать пистолет, но толчком воздуха его откинуло на несколько метров назад и вбило в стену. Вампир в плаще небрежно махнул в сторону Иво. Тот почувствовал давление на виски, и у него появилось легкое желание упасть на пол. Вопреки позыву, воспитанник слэш прыгнул вперед и ударил красноглазого в челюсть. Удар оказался хорош – «красный» как раз наклонялся, да еще и Иво смог вложиться как надо.

Раздался хруст, и вампир в плаще кулем свалился на руки Иво. Это помешало двум остальным верог мгновенно атаковать воспитанника слэш – они пошли кругом, выбирая позицию так, чтобы при атаке не задеть сородича.

И тут позади них возник Маж, в руке у него был короткий резной жезл из черного дерева. Альв сделал два легких пасса, и оба «красных» упали как подкошенные.

Рядом с ошарашенным Иво оказался Атаниэль. Он вырвал из рук воспитанника слэш на диво тяжелого вампира.

– Бежим! Или ты собираешься ждать свой шоколад?

Они вынырнули из кофейни в тот момент, когда кто-то из посетительниц завизжал:

– Человеку плохо! Людям плохо, вызовите «Скорую»!

Примерно в двухстах метрах от выхода элохим затормозил, лихорадочно шаря по карманам, затем достал брелок и нажал на кнопку. Стоявший неподалеку кабриолет отозвался тонким писком.

– Садись назад, – Атаниэль легко перепрыгнул через дверцу, нажал на кнопку под рулем, и автомобиль звучно заурчал.

– А как же альв? – удивился Иво, перелезая через борт; у машины не было задних дверей.

– Он уже здесь, – элохим без тени сомнения газанул, подрезая маршрутное такси.

– И это верно, тутти-ту, – подтвердил Маж, материализуясь на переднем пассажирском сиденье. – Мне противопоказано гулять в этих местах без маскировки. Нам, тутти-там, потрясающе повезло, что ты, Иво, успел предупредить меня, а затем вывел из строя Александра. Да еще Настя полезла вперед, закрывая меня от Стаса, тутти-ту. Они были на одной линии, когда я сбил обоих. Если бы Стас, тутти-там, мог видеть все, закрылся бы в два счета!

– Плохо, что они меня увидели, – пожаловался Атаниэль. – Надо было их убить.

– Скажи спасибо Иво, тутти-там, что мы вообще ноги оттуда унесли. Если бы он, тутти-ту, не вывел из строя Александра, тутти-там, дело кончилось бы печально. Стаса или Настю один на один я бы, скорее всего, сделал, тутти-ту... Ну, Настю точно.

Альв явно снова и снова переживал схватку, он вертелся на сиденье как заведенный и дышал тяжело и прерывисто.

Элохим молча прижал педаль газа. Иво с заднего сиденья заворуженно наблюдал, как стрелка спидометра пересекла отметку «100», затем поползла к «150».

– Мы торопимся на тот свет? – поинтересовался он.

Автомобиль по встречной полосе обогнал длинный хвост и на только что зажегшийся красный едва вписался в поворот, выезжая на набережную. Сзади раздался звучный хор клаксонов.

– Если мы не выберемся с Васильевского острова в пять минут, тутти-ту, нас перехватят на мосту, – пояснил немного успокоившийся Маж. – А насчет квалификации водителя ты не волнуйся, тутти-там. Атаниэлю не повезло с рождения, он лишен чуда полета. Но компенсирует, тутти-ту, это тем, что гоняет по ночным улицам в компании таких

же придурков, тутти-там. Прыгает с мостов, обвязавшись веревкой, и ныряет в подводные пещеры, тутти-ту. Причем на данный момент еще ни разу не умер.

– Все бывает в первый раз, – элохим резко вырулил со встречной на свою полосу, едва уйдя от лобового столкновения, и вновь пересек перекресток на только что зажегшийся красный.

Позади вовсю свистел милиционер, гудели стоящие в пробке машины, а легкий красный кабриолет пересек Дворцовую площадь и скрылся под аркой Генерального штаба.

– Нас не поймают? – осторожно поинтересовался Иво.

– «Ложа» слегка опоздала, через пару минут мы выедем с их территории. Милиционеры видели черный «Мерседес», а не красный «Феррари». А остальным мы, в общем-то, и неинтересны, – пояснил элохим. – Итак, едем ко мне. Устроим военный совет. Вдвоем это было скучно, а втроем можно и покричать, и поспорить.

– Скучно с тобой не бывает, тутти-там, – прокомментировал альв, уже совсем спокойный.

Через несколько минут машина неспешно взобралась на невысокий поребрик и застыла посреди тротуара, оставляя пешеходам проход едва ли в полметра. Впрочем, здесь она была не одинока – стоящий рядом джип заставлял людей вообще выходить на проезжую часть.

– Все забываю заказать Часовщикам морок с ржавой «копейкой» или другим автохламом, похожим на мою ласточку габаритами, – сказал элохим. – Вплавить амулет в асфальт и парковаться без проблем, пока заряд не кончится, – а все будут уверены, что здесь догнивает старая машина.

Атаниэль жил в старом доме, причем его квартира располагалась сразу на двух этажах – одна комната и совмещенный санузел на шестом, а вторая, кухня и еще один санузел – на седьмом, и соединялись этажи узкой винтовой лестницей без перил.

Квартира была сравнительно небольшой, но мебель и планировка делали ее скорее компактной. В глаза Иво бросилась громадная подъемная кровать, болтавшаяся на четырехметровой высоте почти под самым потолком – с нее в одну сторону свисало одеяло, в другую – простыня.

В проходе между стен располагался капитальный с виду турник – Иво едва смог бы до него дотянуться, зато Атаниэлю он наверняка был удобен. За кроватью стоял велотренажер с множеством кнопок, рядом с ним – удобное «директорское» кресло перед компьютерным столом, на котором красовался большой плоский монитор.

– Давайте наверх, у меня в холодильнике запас бутербродов и еще есть классическая турка для того, чтобы варить кофе на песке, – элохим слегка рисовался и не скрывал этого. – А после кофе займемся насущными делами.

Иво про себя отметил, насколько его спутники были разными.

Атаниэль – живой, крепкий, высокий, за два метра. Светлые волосы и беловато-голубые глаза, в которых плещется жажда жизни.

И Маж – едва видимый за белесой дымкой, худой и воздушный, незаметно меняющийся внешне так, что уловить оттенок русых волос очень сложно, а в темно-синих глазах – настороженность и издевка, и еще немножко безумия.

Кухня оказалась большим помещением с громадной плитой на восемь конфорок, длинной барной стойкой и двухметровой высоты круглым столом в углу. Нежно-сиреневые обои перекликались с мебелью разных оттенков синего цвета и создавали впечатление, что живет тут не двухметровый громила, а некая барышня. В пользу этого предположения говорило и то, что, в отличие от жилых комнат, кухня была чистой и аккуратной.

– Люблю повеселиться, особенно пожрать! – громогласно заявил Атаниэль, потирая руки. Иво знал, что это цитата, но не знал – откуда. – Видимо, вчера вечером приходила тетушка Йэль. Точно, холодильник забит, а кухня сияет! В комнатах по моей просьбе она ничего не трогает. Итак, скоро будет кофе! Иво, у тебя есть телефон?

– Нет, – автоматически ответил Иво, но тут же вспомнил про «Эрикссон» приемного отца в кармане. – Хотя да, есть.

– Запиши сразу на всякий случай мой номер. Ух ты, какой раритет! – добавил Атаниэль, увидев тяжелый «кирпич», а затем, подождав, пока Иво разберется с меню, продиктовал цифры и добавил: – Последние две перед набором меняй на предыдущие, «сорок два» вместо «пятидесяти трех».

– Зачем это? – удивился Иво.

– Чтобы, тутти-ту, враги не обнаружили, – пояснил альв. – Если они узнают номер Атаниэля, вычислят нас в два счета. А ты, кстати, владелец неправильного номера, тутти-там, не отвлекайся!

Пока элохим готовил кофе, все молчали. Потом ели бутерброды, запивая ароматным плотным напитком – Иво ни разу в жизни не пил такого.

– А теперь можно и к делам, – бодро сказал Атаниэль, заглотив шестой бутерброд. – Итак, в минусе: нас мало, у нас нет собственного источника, и за нами охотится самая коварная команда разносферных магов Петербурга.

– И самая сильная, хочу отметить, тутти-ту, – добавил Маж.

– Это несущественно, – отмахнулся элохим. – В плюсе у нас трое разносферных магов... ммм... разного, так сказать, уровня, и позитивный настрой на победу.

– Как-то негусто, – прокомментировал Иво.

– Очень даже негусто, тутти-ту, – подтвердил альв. – А еще в минусе то, что Атаниэль привязан к источнику своих родственников, тутти-там, но как только они узнают, что он в ссоре с «Ложей Петра и Павла», его тут же отрубят. Я подсоединен к источнику «Ложи», тутти-ту, – они схлтурили, отрубая меня от последнего, четырнадцатого, так что можно сказать, что я нелегал, и когда это будет обнаружено, тоже останусь без подпитки, тутти-там. Иво, насколько мы можем видеть, вообще пользуется только накопленными за недолгую жизнь силами, тутти-ту, и как только он их исчерпает, станет надолго беспомощным, а то и умрет.

– У меня есть вопрос... – Иво допил кофе и посмотрел на пустую чашку. – Вернее, много вопросов. Во-первых, что это за «тутти-ту – тутти-там»?

– Опять? – тихо произнес Маж. – Оно опять полезло?

– Я просто не говорил, оно и не прекращалось, – грустно пояснил Атаниэль. – Иво, давай я расскажу историю нашего друга альва с самого начала, и многое, думаю, станет более понятным.

Родом он вообще из Севастополя. Совсем ребенком его то ли украли, то ли вынудили родственников отдать – в любом случае взяли там, ночью, из постели, и привезли сюда. «Ложь Петра и Павла» разработала некое заклинание – хотя скорее просто нашли где-то описание. Берется магически одаренный ребенок из любой сферы, за исключением, пожалуй, слэш или верог, и подсоединяется к источнику через взрослого мага. То есть ребенок может брать Силу, только прогоняя ее через посредника. Затем ребенка ставят в условия, когда магия ему жизненно необходима – например, запирают в раскаленном железном ящике, и чтобы выжить, маленький маг использует Силу, постоянно прокачивая ее через посредника и получая на выходе крохи.

– Зачем это делается?

– Все просто, Иво. Тело Силы, или, как его иногда называют, ауру, можно прокачивать. Получать возможность работать с большими потоками Силы, а значит, стать более могущественным – магом. С помощью изнурительных тренировок и медитаций ты лет за двадцать достигнешь того, чего адепты «Ложи» за счет Мажа – добились за полгода. Днем и ночью, каждую секунду, без выходных и перерывов в течение восьми лет он усиливал членов «Ложи».

– Хочу отметить, тутти-ту, что до меня они уже проворачивали эту штуку, – добавил альв. – Никто не выживал дольше полугода, тутти-там. В среднем – два-три месяца. Я прожил в невыносимых условиях восемь лет, тутти-ту. Причем во многом за счет мелодии, которая однажды появилась у меня в голове. «Тутти-ту, тутти-там, тутти-там, тутти-ту» – примерно так. Она крутилась во мне все время, и я думаю, что я однажды немножко, тутти-

ту, сошел с ума.

– Маж научился пользоваться крохами Силы очень разборчиво и точно, чтобы выжить, – пояснил Атаниэль. – Кроме того, он все время был вроде как подключен к адептам, которые его использовали, и чувствовал их заклинания и ритуалы через них. Восемь лет он учился у лучших магов сильнейшего объединения Санкт-Петербурга. Каждую секунду. И когда он почувствовал слабинку, он ударил.

– Я, тутти-там, мог попробовать сбежать раньше. Силы поднакопил. Ритуалы продумал, заклинания. Но, тутти-ту, если бы меня поймали, то убили бы или сделали так, чтобы даже шансов на свободу не осталось. Я ждал идеального стечения обстоятельств, тутти-там.

– Семь сложили звезды, – элохим скривил губы в усмешке. – Маж вывел из строя своего тогдашнего посредника, убил куратора проекта и сбежал.

– Я улетел из Петропавловской крепости, прыгнул со стены, тутти-ту, – пояснил альв. – Но время сыграло со мной злую шутку. Из детства я помнил, как хорошо и интересно парить над землей, и совершенно не помнил, как это тяжело, тутти-там. Я упал в Неву и утонул бы, не замеченный никем, под мороком. Если бы рядом не проезжал на водном мотоцикле Атаниэль. Он вытащил меня, и я очень ему признателен, тутти-ту.

Элохим расхохотался. Он бил себя руками по коленям, запрокидывал голову и смеялся громко, в голос, с пролезающими порой хрипами. Альв насупился.

– Простите, – наконец отдышался Атаниэль. – Просто налицо некоторое искажение. Вначале я заметил в сотне метров от себя пятно на воде – на скутере туда нельзя, там судоходство, но рисковать я люблю и поехал посмотреть аномалию. Расколдовать морок Мажа у меня не получилось – он имеет склонность к очень сложным заклинаниям, которые можно сделать гораздо проще. Поэтому я просто вытащил нечто, плавающее в воде. Это нечто долбануло меня несколькими боевыми заклинаниями, отобрало скутер и бросило умирать в Неве. Крыльев мне Семеро не дали, зато желания жить у меня хватит на десяток сородичей. Я выплыл – ободранный, со сломанными ребрами и десятком ожогов. Сутки меня выхаживали родичи, а когда выпустили, то рядом с машиной меня ждал Маж.

– А что, я должен был с распростертыми объятиями кинуться к первому же магу из чужой сферы, тутти-там, который схватил меня около моей тюрьмы? Я защищался! – Маж вскочил с места, туман вокруг него сгустился. – Первым делом я нашел петербургских альвов и рассказал им о том, что со мной произошло.

Иво ждал продолжения, но Маж умолк, судя по всему, надолго. Он стоял, покачиваясь, видимо полностью уйдя в себя.

– И что дальше? – воспитанник слэш посмотрел на Атаниэля.

– Они отказались ему помогать, – ответил элохим. – Подробностей не скажу, потому что сам не знаю. Может, даже готовы были выдать его «Ложе», чтобы не ссориться. Может, просто не поверили. Возможно, поверили, но решили закрыть на это глаза. В любом случае, насколько я понимаю, Маж провел некий ритуал и по следу своих заклинаний нашел меня. Или просто приехал к Исаакию, где обитает самая большая компания моей крылатой родни, будь они неладны. Не смотри удивленно, Иво, мне не за что любить своих родственников. В какой-то мере ко мне свои отнеслись не лучше, чем альвы к Мажу.

– К тому времени я проанализировал произошедшее и понял, что Атаниэль, тутти-ту, спасал меня, – продолжил очнувшийся альв. – Он был единственным, кто за последние восемь лет помог мне, и я подумал, тутти-там, найду и извинюсь. Может, что посоветует.

– Ага, – вклинился элохим. – Нашел и с ходу – давай, мол, уничтожим «Ложу Петра и Павла». Извиниться забыл, но раз об этом зашла речь – я прощаю тебя, Маж.

– В любом случае, Атаниэль не отказался сразу, тутти-там. Последнюю неделю мы кружим вокруг их территории, выискивая слабые места и хоть какую-то возможность для нападения, тутти-ту.

– Я заказал «бесцветным» информацию по «Ложе», – сказал элохим. – Наблюдатели взяли деньги, выдали крупницы, но с остальным тянут, видимо надеются, что меня убьют.

Хотя сами ненавидят «Ложу»! Она их крепко ударила по носу лет двадцать назад. А еще я попытался прощупать возможность создания коалиции для выступления против «Ложи». За последние годы они много кому хвост прищемили, в девяностых раз пять территорию расширяли, последняя небольшая война кончилась буквально месяц назад. Под прикрытием празднования трехсотлетия Петербурга они отобрали у оборотней два источника за Финляндским вокзалом. Громкая получилась история, но никто даже не пикнул.

– Все боятся? – догадался Иво.

– Не просто боятся, а боятся панически, – усмехнулся элохим. – И не только «Ложу», но и друг друга. Когда медведь раздвигает свои владения, шакалы устраивают передел остатков территории. Сейчас можно ждать, что сатра и джинна с северо-востока будут добывать магов из маах'керу, ослабленных войной с «Ложей».

– То есть, чтобы сподвигнуть все объединения на войну с нашим врагом, – Иво встал и прошелся по кухне, которая была раза в два больше комнаты, где он прожил всю жизнь, – надо ослабить «Ложу Петра и Павла» и показать, что они захирели?

Альв и элохим переглянулись.

– А ты молодец, – рассмеялся Атаниэль. – Мы с теми же исходными неделю думали, что делать. Но в любом случае мы сейчас подвешены. Как бы плохо я ни относился к своим, но втягивать их в эту бойню я не могу. А значит, я должен найти другой источник и хотя бы формально выйти из-под опеки родичей. Но источника у нас нет, и единственный действительно сильный маг – Маж. Но как бы силен и умел он ни был, одному ему не справиться. Я кое-что могу, но даже сравнивать меня с лучшими магами «Ложи» смешно.

Некоторое время все трое молчали, потом элохим встал и занялся очередной порцией кофе.

– Маж, ты можешь научить меня магии? – спросил Иво. – Хотя бы основам? И объяснить, как связаны маг и источник, подробно рассказать, что такое Пелена, ну и еще ответить на некоторые вопросы?

– Легко, тутти-ту, – ответил альв. – Правда, только если не вдаваться в подробности. Пелена – это самоподдерживающееся заклинание, которое скрывает от обычных людей мир магии, тутти-там. Люди видят то, к чему они привыкли, не замечая странностей, а Пелена всего лишь добавляет этому стабильность. Вместо Атаниэля они видят здоровяка, тутти-ту, похожего на шведа, вместо меня – изящного студента-ботаника. Если ты начнешь кидать огненные шары у них под носом, тутти-там, они решат, что ветер стал очень горячим. Пелена гораздо сложнее, но дальше начинаются тонкости и нюансы, которые понять без подготовки сложно. Маг может обойтись без источника, только если он не творит заклинаний. Сила иссякает, и без подпитки ты ослабнешь, а можешь даже и умереть, тутти-ту, переоценив свой запас энергии. Все в мире магии завязано на источниках так же, как в пустыне все завязано на воде, в среде наркоманов – на наркотиках, среди бизнесменов – на деньгах, а в политике – на власти. Многие маги по натуре одиночки, тутти-там, но, даже захватив источник, один маг его не удержит.

– Есть исключения, – вклинился элохим.

– Я думаю, они подтверждают правило, тутти-ту. Плохонький источник, очень сильный и опасный маг, стечение обстоятельств... Возможно, тутти-там, череда сложных многоэтапных договоров, нарушение которых чревато глобальными последствиями. В общем – действительно исключение, тутти-ту.

– А научить меня основам магии? – вставил Иво. – Хотя бы немножко?

Альв легонько вздохнул, и по комнате разнеслась мелодия – «тутти-ту, тутти-ту, тутти-там».

– Лучше всего, чтобы мага обучали свои. Мы с тобой из разных народов, у нас разное строение тел Силы. Одно и то же заклинание маги разных сфер творят слегка по-разному, а иногда и не слегка.

Иво удивился – Эддинг ничего подобного не говорил. С другой стороны, он своего приемного сына и не обучал магии, если не считать единственного заклинания на прощание.

– Да ладно, Маж, ты же гений, – с издевкой вставил Атаниэль, с ловкостью наперсточника переставлявший три турки на покрытом песком противне. – Кто, как не ты, может преподавать основы магии представителю чужой сферы?

– Ладно, начнем, тутти-ту, – внезапно согласился альв и серьезно посмотрел на Иво. – Что ты сегодня ел? И учти: ты не подключен к источнику, а значит, придется после урока восполнять затраты энергии твоего тела Силы. Процедура эта болезненная и неприятная, но если ты готов – то я научу тебя некоторым вещам.

Иво посмотрел в глаза альву. Тот вел себя вполне разумно, за исключением этой дурацкой мелодии, но там, в глубине глаз, жило настоящее безумие. Плескалось всполохами, отражаясь временами на легком тумане, окружающем альва. Другой бы десять раз подумал, прежде чем отдаться в ученики подобному существу, но Иво не знал страха, а логика говорила – лучше такой наставник, чем никакого.

– Я согласен, – сказал он.

– Тогда, тутти-ту, начнем с самого простого – «длинная рука», она же «молот», она же имеет еще десяток названий. Простейшее заклинание, которое должен знать каждый. Сейчас я раскроюсь и покажу тебе, как это выглядит, тутти-там...

Глава 4

Громадный круглый зал Одиннадцатого равелина сиял в ярком свете галогеновых ламп, так что были видны малейшие детали суперсовременной и очень дорогой отделки.

Само здание, прозванное столь необычным образом, нависало над хозяйственной постройкой рядом с Иоанновским равелином и было видимо только для магов. Оно совершенно не вписывалось в старинный ансамбль крепости и, естественно, не являлось равелином по сути.

В зале находилось четырнадцать существ – и ни одно из них не было человеком.

– Завтра, послезавтра – крайний срок – «посредник» должен быть у нас. – Креон, сидевший во главе овального стола, чуть повысил голос: – Это вопрос престижа. Мы можем подождать, и нас могут подождать, но каждая минута – словно глоток слабого яда, который постепенно подтачивает нас изнутри. Ускорить поимку альва мы не можем, он чувствует самых сильных наших магов, а от слабых легко уйдет. Без источника он никто, а значит, далеко не убежит, так что поимка его или устранение – лишь вопрос времени. Но с новым «посредником» медлить нельзя, благо все козыри у нас на руках. Я еду в Зеленогорск к Александру, он там ведет переговоры – мы получим многое без драки, просто за обещание защиты, дела у них там идут не очень. Стас, ты съездишь к Рамосу...

– Я? Сам? – верог в сером костюме приподнял брови.

– Не время для того, чтобы проявлять спесь. Дадим этот кусок нашим ново-британским друзьям, пусть почувствуют себя важными. Настя, твоя задача, как обычно, ничего не делать, в случае необходимости помочь Стасу.

Молодая женщина в спортивном комбинезоне кивнула.

– Остальные должны быть готовы присоединиться к этой операции в любой момент, но заниматься будут непосредственно альвом и элохим. Я разослал по всем объединениям магов описание человека и альва, с приказом поймать и отдать их нам. Это пробный шар – кто подпрыгнет, кто выразит протест, кто отмолчится.

– А про элохим ты им ничего не написал? – поинтересовалась Настя.

По залу пролетел шепоток. Креон поморщился, но пояснил:

– Атаниэль – урод, бескрылый калека, и элохим словно чувствуют вину перед ним, они его не сдадут. Как только мы скажем, что ищем его, свои его тут же отрубят от источника, показывая – «тебя ищут», а сами начнут осторожно пробивать возможность либо выгородить пацана, либо ударить нас исподтишка так, чтобы мы о нем надолго забыли. Элохим сейчас в силе – у них появился новый источник, они последние годы готовились к войне с нами и не втягивались в другие дразги. То есть мы сейчас вроде как не претендуем на Атаниэля, и у нас

нет причин для конфликта с элохим. В то же время если кто-то поймает альва и человека, то и бескрылый будет с ними, почти наверняка. Да и вообще, из троицы опасен только альв. Если всем все понятно, предлагаю начинать.

Одиннадцать из тех, кто сидел за столом, удалились в узкую дверь, остались трое – Креон, Стас и Настя. Свет словно сам по себе погас, и теперь зал освещался только легким светом луны, едва пробивавшимся сквозь узкие окна.

– Вы в курсе, в ложе не особо любят вас, верог, но я знаю, насколько вы полезны. Если вы наломаете дров, Мохаммед и его друзья будут настаивать на том, чтобы некоторые ваши обязанности перешли к ним, – Креон говорил все тише и тише, зная, что собеседники в любом случае его услышат. – Александр провалил операцию и получил оскорбительную рану от заведомо более слабого противника. Я отстранил его от дела и отправил в Зеленогорск. Сам я присоединюсь к нему сегодня же. Сейчас я оставляю тебя, Стас, за главного. Сделай все красиво – и у тебя не будет причин быть недовольным своим местом в «Ложе».

– Хорошо, – коротко ответил Стас.

Но, выйдя из зала, он произнес витиеватую матерную фразу, в которой ловко провел параллели между сексуальной жизнью некоторых копытных животных и предками Креона.

– Ты недоволен? – удивилась Настя. – Ты добился столь многого. Стал первым, можешь менять правила под себя.

– Ты не понимаешь, – ответил Стас. – У Креона отличное чутье, он чувствует, что пахнет паленым, и уходит в сторону, забирая с собой самого ценного сотрудника. А мы, когда начнется пожар, будем в самом его центре. Я доверяю чутью Креона, хотя и не понимаю, в чем подвох – ведь ничего страшного не происходит. И это меня тревожит...

Иво проснулся среди ночи. Он чувствовал, что знает нечто важное, но что именно – не понимал. Несмотря на то что после изучения двух заклинаний – простейшего морока и «длинной руки» – альв с помощью крайне неприятного ритуала восстановил энергию воспитаннику slash, чувствовал он себя уставшим и разбитым, и короткий сон ни капли не помог ему восстановиться физически.

Ему постелили на кухне, разложив громадное потертое кресло. Парень попытался анализировать – что же могло его разбудить? Может, он в курсе, как победить «Ложу»? Вряд ли. Тогда слышал о тех, кто может помочь? «Третий отряд» отпадает, slash его сразу же пошлют куда подальше, а больше он никого не знает.

Тогда что? Особых заклинаний у него нет, и Маж побьет его мизинцем левой ноги... А что есть? Книга и карта – сокровища, чудом уцелевшие в нервотрепке последних двух дней?

Закрыв за собой дверь в туалет, он вдруг понял. Книга! Иво, забыв обо всем, вышел обратно и заорал:

– Атаниэль! Маж! Я нашел источник!

Через несколько секунд на кухню ввалился заспанный элохим и мрачно прокомментировал:

– Это биде. На случай, если ко мне зайдет дама, что теперь уже маловероятно.

Из пола возник небольшой шар, сотканный из тугих золотых нитей и клочьев синего огня. Пока элохим пытался понять, что это такое, а Иво завороченно смотрел на чудо, позади них поднялся по узкой лесенке Маж и взмахом руки убрал диковину.

– Ты параноик, – прокомментировал элохим. – Ну, скажи мне, что это был отвлекающий маневр.

– Это был настоящий «боевой шар», – спокойно ответил альв. – Я не могу рисковать. Мне нельзя попадаться им в руки.

– И что бы он сделал? – поинтересовался Иво.

– Если бы я потерял над ним контроль, взорвался бы и огненным смерчем прошелся вокруг, – пояснил Маж. – Насколько сильно, не знаю. У меня не было возможности поэкспериментировать с этим заклинанием. Так что там с источником?

И Иво сообщил им о книге Феофана Прокоповича, в которой было написано, среди прочего, об источнике, принадлежавшем ему одному.

– Он при Петре жил здесь! – возбужденно пересказывал Иво. – И спрятал свой колодец ото всех. И зашифровал в книге место.

– Чушь, тутти-ту. Так не бывает – источник триста лет без хозяина в центре мегаполиса не простоит, тутти-там.

– А я не уверен, что чушь, – внезапно встал на сторону Иво Атаниэль. – Про Феофана я кое-что слышал и про его источник тоже. Многие искали, и сейчас распространено мнение, что это одна из мистификаций веселого «коричневого» мага. Он вообще-то много всего натворил, но есть нюанс, который так и не был объяснен. Хотя в Москве Феофан состоял в «Обществе Нептуна» и пользовался их источниками, в Питере он так и не примкнул ни к какому объединению, оставался в стороне от всех и при этом недостатка в энергии не испытывал.

Альв поморщился, показывая всем видом, что считает историю с источником чушью, затем вдруг коварно улыбнулся:

– Так вы, тутти-ту, считаете, что сможете найти спрятанный пару-тройку веков назад в центре города источник? При том, что его уже многие искали и никто не нашел?

– Ну, мы же собираемся втроем противостоять «Ложу Петра и Павла», – ответил Иво. – По-моему, найти этот источник проще.

Элохим расхохотался. На нем были только роскошные и явно очень комфортные шелковые семейные трусы в сиреневую полоску. Маж был обряжен в длинную светло-голубую пижаму из фланели – сквозь туманный кокон одежда казалась кукольно-рисованной, да и сам альв был похож скорее на большую, отлично сделанную куклу, чем на живое существо.

На насмешливую, злую куклу, по прихоти своего создателя облаченную в уютную пижаму.

– Если вы все решили, тутти-ту, то я вам помогу, тутти-там. Но после того как мы истратим все силы на бесцельные поиски, тутти-ту, я вам это припомню.

– Маж, не ворчи, а то я начинаю чувствовать себя женатым, – снова расхохотался Атаниэль. – Иво, раз уж мы все равно проснулись, зачитывай.

Воспитанник слэш достал увесистый том.

– Ого, – удивился вдруг Маж. – Ты, тутти-ту, урвал очень странную вещь!

– То есть? – поинтересовался воспитанник слэш, листая страницы.

– У этой книги, тутти-там, много секретов. На ней висит добрая дюжина заклинаний, некоторые уже почти исчезли, другие выглядят как только что наложенные. Ну-ка, дай... – Альв протянул руку к фолианту, но, едва не дотронувшись до него, отдернул кисть. – Ну, тутти-ту, одно я могу сказать точно: никому, кроме «коричневых», книга в руки не дастся. Что будет – взрыв, потеря информации или что-то еще, – точно не скажу, но что-то будет.

– Отец... Ну, приемный... Брал ее в руки... Вроде бы, – неуверенно произнес Иво. – А он ведь слэш.

– Через тряпку, тутти-там, скорее всего, – прокомментировал альв. – Я, кстати, не вижу деталей. Я бы попросил книгу у тебя на пару дней, на опыты, но не уверен, что не испорчу ее.

– Голову свою свинти на опыты, ее сложнее испортить, – подколот друга элохим. – Иво, если у тебя оригинал дневника Феофана, то он бесценен. Никому не показывай его, никому не давай и вообще, спрячь подальше. Книга эта известная, списки с нее имеются, но все они разные и все неполные. Считается, что среди них большая часть подделки, но теперь я думаю, возможно, что и нет – Прокопович был большим шутником. Мой прадед, Интраэль, лично был с ним знаком, пару раз упоминал – и каждый раз в связи с какой-нибудь пакостью.

Иво наконец нашел то место, в котором упоминался источник, и зачитал вслух:

– «Двое дейвона смотрят на бурление вод, двое делают вид, что равнодушны, двое

совсем отвернулись». Слушайте, в прошлый раз здесь было написано про элохим, я точно это помню.

– Книга взаимодействует с читателем, тутти-ту, факт, – заявил Маж. – Феофан создал артефакт, замаскировав его под книгу. Только для коричневой сферы, с возможностью подзарядки, – то ли как-то стандартно, и тогда его заряжал Эддинг сам или носил к Часовщикам, то ли от хозяина, и тогда ты, Иво, подпитываешь книгу, то ли еще как-то, например от более могущественного артефакта.

Все трое некоторое время смотрели на открытый том, мирно лежавший на столе.

Наконец Иво отвел от него взгляд:

– Маж, а откуда ты столько всего знаешь? Ты ведь с детства в плену был.

– Обратная связь, – небрежно отмахнулся альв, но, видя непонимание в глазах человека, смилостивился: – Я восемь лет увеличивал тела Силы неплохим магам, тутти-ту. Я чувствовал их, пятнадцать адептов, которые за счет меня из псов превратились в медведей. У каждого – свой стиль, свои любимые заклинания, от которых остаются мозоли на теле Силы. И все это я чувствовал через обратную связь. Кто-то предпочитает работать с артефактами и амулетами, кто-то играет сложными заклинаниями, кто-то пользуется грубой Силой, кто-то комбинирует, тутти-там. Все потоки, все заклинания я чувствовал своей шкурой. Они не собирались меня учить, но я оказался слишком крепким, тутти-ту, чтобы быстро умереть, и очень многому научился у них.

– Маж только выглядит хилым, – не удержался и вновь подколот друга элохим.

– Я, тутти-там, чуть не сошел с ума за эти восемь лет, – пожаловался альв. – А ты смеешься, тутти-ту.

Атаниэль только пожал плечами. У Иво создалось впечатление, что обладатель куцых крыльев словно испытывает окружающих, ища грань, предел, порог. Любитель экстремальных развлечений, он, может даже неосознанно, шел на риск и тут. Природная харизма позволяла Атаниэлю пройти над пропастью, но рано или поздно Маж мог взорваться, тем более что, по мнению Иво, он не «чуть не сошел с ума», а полноценно окунулся в безумие, которое до сих пор мелькало время от времени в глазах альва и проявлялось в поступках.

Вернулись к тексту. Несколько раз Иво прочитал предшествующие фразы, но в них Феофан только распространялся о том, как хорошо иметь собственный источник, на который никто больше не претендует.

– Это Петергоф, – вдруг уверенно заявил Атаниэль. – Дейвона и элохим – статуи, бурление вод – фонтаны. А насчет «центра города» «коричневый» просто соврал, чтобы всех запутать, или имел в виду какой-нибудь метафизический центр. Старый шутник вполне мог выкинуть подобное.

– Петергоф? Это далеко, тутти-ту? – Маж явно не разделял оптимизма друга и желал, чтобы тот как можно быстрее осознал тщетность поисков и переключился на реальные задачи.

– Километров двадцать – двадцать пять, – пояснил элохим. – По ночному городу доберемся быстро.

Иво сильно сомневался в том, что Атаниэль правильно угадал с местом, но своей версии у него не было. Через пять минут троица спустилась вниз и обнаружила, что «Феррари» буквально заперт – впереди на тротуаре стоял давешний джип, а позади выезд перекрывала новая «Мицубиси Харизма».

– Что у нас тут? – с недоброй усмешкой поинтересовался элохим. – Кто-то хитрый нашел хорошее место для парковки?

Он протянул руку в сторону «Харизмы», легко крутнул кистью, и Иво заметил, как сместился рычаг скорости – он узнал заклинание, это было «длинная рука», из простейших.

После этого Атаниэль заклинанием подкручивал руль, а Иво вместе с альвом отталкивали машину, причем мелкому и худому Мажу, видимо, доставляло удовольствие делать это вручную, без помощи заклинаний.

– Последний штрих, – заявил элохим и, нагнувшись, с помощью магии и силы оттащил тяжеленную тумбу-ограничитель. Иво и Маж затолкали «Харизму» на газон, после чего Атаниэль вернул тумбу на место.

– Пусть вызывает кран, – рассмеялся шутник. – Ну что, поехали?

Иво никогда раньше не ездил с громадной скоростью по ночному Петербургу. Тот оказался совсем другим, нежели дневной, – из сурового и статного он вдруг превратился в веселый и разбитной. Мелькали огни, перекрикивались пьяные горожане и туристы.

Дорога заняла от силы минут двадцать – элохим выжал из машины все, что мог, и поджарый красный автомобиль с устрашающей скоростью несся сквозь мигающие желтые перекрестки.

– Сбрось до семидесяти, тутти-ту, – потребовал Маж, когда до Константиновского дворца осталось не так много.

– Предчувствие? – понимающе кивнул Атаниэль, послушно снижая скорость.

– Нет, просто страшно стало, – недовольно пояснил альв.

Впрочем, меньше чем через километр стоял гаишный патруль – и Иво так и не понял, то ли Маж предсказал его появление, то ли и вправду испугался. Сам воспитанник слэш получал от поездки чистое удовольствие – бешеная скорость в хорошо работающем автомобиле почти не чувствовалась, ее выдавали только ветер и мелькающие с двух сторон огни.

– Где-то здесь, – уверенно заявил альв, впервые услышавший про Петергоф меньше часа назад, и тут же пояснил: – Натоптано очень, каждый день тысячи проходят, сложно не узнать.

Иво усмехнулся – если Мажу сложно было не узнать место, а элохим, скорее всего, с трудом бы его опознал, то сам он не смог бы отличить его от любого другого.

Машины припарковали во дворе двухэтажного дома, укутанного в строительные леса. Парк с фонтанами находился через дорогу, а напротив него здания располагались нечасто, и расстояния между ними были большими.

Ворота к дворцу и фонтанам были закрыты, но это оказалось меньшим препятствием по сравнению с тем, что никто из троих приятелей не знал, где искать источник. Перелезли через высокую красивую ограду и оказались в ухоженном парке.

– Тут кто-то есть, – сказал вдруг альв.

– Никого, – махнул рукой Атаниэль. – Кому нужно бродить здесь ночью?

Маж мотнул головой, не соглашаясь, но пошел за товарищами. Они шагали по дороге среди деревьев. Никто из троих здесь ни разу не был – у Иво как раз во время экскурсии с классом не оказалось денег, слэш иногда давал их на подобные вещи, но в тот раз то ли решил ввести еще одну переменную в эксперимент, то ли и впрямь находился на мели. Атаниэль, выросший, судя по обрывочным фразам, в мансарде художника-элохим, к классическим формам искусства был равнодушен, предпочитая скорость, риск и новые технологии. А альву никто и не предлагал заполнить пробелы в образовании.

– Он наверняка хорошо замаскирован, поручусь Семью, – в голосе Атаниэля впервые за недолгое время, которое его знал Иво, мелькнула неуверенность. – И при этом точно на виду. Феофан шутник, наверняка что-то смешное для него с источником сделал.

– Осторожно! – крикнул Иво, заметив, что одно деревце качнулось в полном безветрии.

События, последовавшие за этим криком, уместились в несколько секунд, но было их очень много.

Во-первых, альв взлетел на пару метров, сделал жест, будто бросает невод, и пропал в облаке тьмы, в то время как вокруг него сферой загорелось около сотни ярких огоньков. Они высветили все вокруг, в том числе и полтора десятка сатра, одетых в летний камуфляж.

Во-вторых, элохим, больше доверяющий пистолету, чем магии, кувыркнулся в сторону, доставая оружие из кобуры под мышкой, головой врезался в одного из «зеленых» и тут же вскочил, в то время как его противник остался лежать на траве.

Козлоногие, обнаруженные, заматались – на первый взгляд беспорядочно, но на самом

деле четко разделяясь на две группы – атаки и вспомогательную, которая перекроет пути отступления.

К сгустку тьмы, в котором прятался альв, тянулись призрачные зеленые ветви, таяли и исчезали совсем рядом.

Элохим видно не было, зато дважды громко хлопнули выстрелы.

Иво, которого весь путь донимала одна мысль, прятаясь за краем сознания, как надоедливая мошка, внезапно поймал ее и понял – вояж в Петергоф был отчаянной глупостью. Необдуманный, на чужую территорию, без четких планов, без подготовки возможного отступления...

Логика подсказывала два варианта – или вступить в драку на стороне новых друзей в надежде, что они сумеют защитить не только себя, но и его, или бежать. Иво неожиданно даже для себя выбрал третий. Он выскочил на середину дорожки, оказавшись почти под висевшим в клубке мрака альвом, и закричал:

– Остановитесь!

И, к его удивлению, все замерло, и Иво понял, что у него есть несколько секунд.

– Мы не враги, нам незачем драться!

Оглядевшись, он увидел с десятков пригнувшихся, готовых к возобновлению схватки сатра. Единственное, что сдерживало их, – это то, что говоривший был спокоен и уверен в себе.

Вверху хрипло дышал альв.

– Вы вломились на нашу территорию, сунули свои носы туда, куда не следует. При этом говорили что-то про источник, – сказал, подойдя к Иво, хмурый, слегка хромающий сатра с кучерявыми седыми бакенбардами. – Вы или воры, или провокаторы, или дураки. Хотя не исключаю, что вы сочетаете и то, и другое, и третье. Что вам здесь нужно? Кто вас послал сюда именно сейчас? Все знают – ночью в этот парк чужим вход заказан.

– Мой «коричневый» друг прав, – заявил подошедший элохим. Изящный полуспортивный костюм превратился в лохмотья, одной туфли не хватало, левый глаз заплыл, а чуть позади, словно почетный конвой, держались двое молодых «зеленых». – Вам мы не враги. Мы враги «Ложи Петра и Павла». Насколько я знаю, сатра в Петербурге и окрестностях ничего хорошего от них не видели.

Хозяева парка загомонили. Седой сатра поднял руку, и все затихли.

– Нам не за что любить «Ложу», это правда. То, что они сделали с цитаделью рядом с Ботаническим садом, то, что они сейчас творят в Летнем саду, – все это грустно и вызывает много неприятных эмоций. Но ссориться с ними – значит нарваться на войну, а у нас домен на Черной речке, мы фактически граничим с Креоном и его командой. «Ложка» разослала всем письма, в которых просит... Хотя нет, кому я вру? Требуется, чтобы им выдали альва, похожего на тебя, – сатра ткнул в опустившегося на землю Мажа, затем посмотрел на Иво, – и человека, похожего на тебя. Элохим им то ли не нужен, то ли они ведут какую-то хитрую игру. Выдав вас им, мы отсрочим войну.

– И все равно потом проиграете! – заявил альв, держа в руке черный резной жезл. – Я точно знаю, что ваш домен на Черной речке – одна из ближайших их целей.

Все замолчали. Пауза затягивалась.

– Организуйте «полог», – потребовал старший сатра. – А вы – подойдите поближе.

Маж, Атаниэль и Иво подошли к нему, тут же вокруг них возникло нечто похожее на громадный мыльный пузырь, такой эфемерный, что воспитанник слэш едва смог его заметить.

– Здесь нас никто не услышит, – пояснил сатра. – Если бы вы не были врагами «Ложи Петра и Павла», я приложил бы любые усилия, чтобы вы никуда отсюда не ушли. Вы наглые, беспринципные щенки, которым закон не писан.

С одной стороны, вы – глупцы, которые без разведки залезли туда, где вас готовы убить. Но, с другой стороны, – вы враги наших врагов, да и жить вам осталось в лучшем случае несколько дней, а потому я отпущу вас в обмен на информацию. Почему вы считаете,

что «Ложа» нападет на нас в ближайшее время?

– Они постоянно расширяют свою территорию, тутти-ту, – пояснил альв. – С запада у них залив, с юга – сильные сейчас элохим в Исаакиевском домене и фактически подпавшие под власть «Ложи» Часовщики с Апраксиного рынка, тутти-там. На востоке у них территория, недавно отнятая у оборотней. Я был в плену у «Ложи» и совершенно точно могу сказать – там никто не сомневается в том, что ближайший удар будет на север, тутти-ту.

Сатра задумчиво посмотрел на альва:

– Значит, по-вашему, все бессмысленно? Они постепенно захватят весь город, и никто им даже слова не скажет?

– Ну, вообще-то мы объявили им войну, – скромно вмешался элохим, пытавшийся привести костюм хоть в какой-то порядок.

– Зовите меня Амниссос, – улыбнулся сатра. – Я считаю, что идущие на смерть дети могут знать мое настоящее имя. Что вы говорили насчет источника?

Иво, Атаниэль и Маж переглянулись.

– Был такой маг, Феофан Прокопович, – медленно начал Иво, неосознанно трогая спрятанный в выданном Атаниэлем рюкзаке тяжелый том.

Собеседник тут же его перебил:

– И вы решили, что его источник находится в Петергофе? Ха! Дети! Есть около сорока списков с книги Прокоповича. Все сорок – разные, то есть в чем-то они сходятся, но в самых важных вещах расхождения фундаментальные. Большинство копий было сделано еще при жизни Феофана, у него несколько раз похищали магический том, какой-нибудь маг переписывал его и отдавал копию элохим, сатра или альвам, а потом Феофан возвращал себе книгу – иногда с боем, а иногда новый хозяин просто просыпался, а фолиант уже исчез. Кроме тайны источника, в книге есть намек на хранилище магических артефактов, есть упоминание очень сложных арканов и несколько рецептов очень ценных зелий. Ну так вот: по моим данным, ни одной серьезной тайны Прокоповича никто не открыл. По мелочи выясняли что-то и потому уверялись, что все в книге правда. Но главные загадки остались неразгаданными – и не вам пытаться играть против давно покойного чародея.

– Я так и думал, тутти-ту, – удовлетворенно согласился альв.

– Если кто-то должен найти ответ на загадку – почему не мы? – поинтересовался элохим.

– Потому что вы не сможете воспользоваться ответом, – пояснил сатра. – Если бы вы нашли источник Прокоповича у нас, мы бы отобрали его тут же. Найдете на территории «Ложи» – лишитесь находки еще быстрее. Найдете на спорной территории – спровоцируете войну и будете ее первыми жертвами. Вы не умеете жить компромиссами, не умеете копить, отказывать себе в чем-то ради далекого будущего. У вас нет семей, детей, кланов – вы словно камень, летящий с горы. Я не трону вас только потому, что вы собираетесь упасть на наших врагов – а убьете вы кого-то из них или только напугаете, уже не мое дело. Все, вас проводят.

– Подождите, тутти-ту, – вмешался альв. – Можно нам поговорить между собой пару минут? Возможно, тутти-там, у нас появится интересное предложение.

– Я не верю в это, – грустно улыбнулся сатра, – но отказать идущим на смерть детям не могу.

Он легонько взмахнул рукой – то ли прощаясь, то ли снимая заклинание, а затем отошел в сторону. Маж пару раз взмахнул жезлом и пояснил:

– Повторить заклинание я не смогу, зато могу поддержать и обновить уже имеющееся, тутти-там, благо я видел, как его накладывают. Нас никто не слышит. Иво, ты не хотел бы попасть в плен к «Ложе»?

– С ума сошел? – поинтересовался элохим.

– Зачем? – по-деловому подошел к вопросу Иво.

– Мы сможем устроить диверсию, тутти-ту, – пояснил Маж. – Я точно знаю, куда отвезут Иво, кто будет им заниматься и что надо сделать для того, чтобы выбраться оттуда.

Если Иво сможет, следуя моим инструкциям, тутти-там, избавиться от охраны и открыть нам дверь, то мы устроим им отличный переполох.

– Это покажет их слабость, – подхватил Атаниэль, – и, возможно, остальные объединения перестанут так бояться «Ложи».

Иво улыбнулся. Страх у него действительно не было, однако логика подсказывала, что выбраться живым из этого приключения будет непросто. Это – с одной стороны. А с другой – кофе, вкус которого так отличается от привычного. Бешеная скорость и мелькающие в ночи огни. Цель – несбыточная и оттого более настоящая, нежели какой-нибудь телефон или ноутбук. А с поступлением в университет, несмотря даже на то, что экзамены еще не начались, в любом случае уже ничего не получилось.

– Я согласен, – сказал он.

– Тогда слушай, тутти-ту. Внутренняя служба безопасности «Ложи» состоит из четырех верог, и они, как старые цирковые собачки, неспособны выучить новые па, тутти-там. Причем одного из них я убил или серьезно ранил при побеге, второй наверняка разбирается со всеми общими вопросами, которые они раньше делили на двоих, и почти точно тобой, как проходным делом, заниматься не будет. Есть еще Настя, но она очень молода для «красной», ее легко вывести из себя и затем обмануть, думаю, проблем с ней не будет даже у тебя. Итак, из реальных вариантов остается только один – Стас. И именно о нем мы сейчас побеседуем...

Глава 5

Если бы кто-то мог посмотреть на яхту, стоящую у Английской набережной, сверху, то увидел бы чистую зеркальную поверхность крыши шестой, самой верхней палубы.

А из помещения под зеркальной крышей открывался превосходный вид на панораму набережных и безмятежно-чистое рассветное небо. Обстановка каюты могла бы сделать честь любому пентхаусу – ее роскошь показывала, что хозяину яхты плевать на мнение остальных.

Стенные панели из белого дуба, фурнитура из золота, кожаная мебель светло-кофейного цвета – все кричало о безумном богатстве владельца.

– Я никогда не общался с верог вот так, спокойно, за чашечкой чая, – признался один из двух собеседников, имеющих возможность насладиться открывающимся с яхты видом. – Каждый раз или срывалось, или сводилось к взаимным угрозам...

В тоне его не было ничего похожего на нервозность или пре-дупреждение, но второй отлично понял намек и ответил довольно жестко:

– Ну кто я такой, чтобы ломать традицию? Рамос, ты еще не допил чай, а я пока не получил четкого ответа на свой вопрос. В то же время могу сказать, что я с сатра и чай пил, и воевал, и спрашивал с них порой так, что от отвечающего после разговора мало что оставалось.

А вот в его тоне угроза была. Первый, сатра, невысокий горбоносый мужчина с хитрыми карими глазами, никак на намек не отреагировал, словно не заметил его. Вместо этого он продолжал замороженно наблюдать за рукой собеседника-верог.

Посмотреть и впрямь было на что. Тончайшая до прозрачности ладонь лежала на ручке кресла неподвижно, а вот длинные пальцы подрагивали, когда из каждого из них по очереди выскакивал узкий загнутый коготь, чуть отталкивал палец от дерева и вновь втягивался в бледную плоть.

– Никогда не видел ничего подобного, – признал сатра. – Как ты это делаешь?

– Как кошка втягивает когти? – ответил вопросом вампир. – Рамос, мне нужен мальчишка-оборотень. Нужен вчера, а лучше – позавчера. Тебя подключили к местному источнику, доставили на яхту хорошее вино, отличную еду. Но, по-моему, ты забываешь, что единственное, зачем ты нам нужен, – это для того, чтобы доставить щенка. Ты отказался передать его транспортной компании, отказался переправить его под мороком на

собственном катере и требуешь какой-то дикой секретности, хотя весь путь проходит по нашей территории.

– Стас, пойми и ты меня. Яхта принадлежит не последнему сатра в этом мире, перед Мерионом склонялись и склоняются, но чем ниже склоненные, тем яростнее они вцепятся ему в глотку, если появится возможность разогнуться. Я завидую вам – «Ложа Петра и Павла» расширяется безостановочно. Как вам это удастся? Ведь остальным достаточно просто собраться вместе на короткий момент – и вас всех уничтожат!

– Этот секрет за то, чтобы сегодня оборотень был у нас, – немедленно ответил верог. – До полуночи.

– Согласен, – было очевидно, что сатра и так не собирался больше тянуть, но не хотел, чтобы это выглядело трусостью. – Но вы гарантируете, что в акватории Невы ничего не случится?

– Даю слово, – небрежно ответил Стас. – Итак, в начале девяностых, когда мы сильно прижали нескольких соседей и за полгода приобрели четыре источника, собралась коалиция. Они напали на нас, а затем, в процессе, часть наших противников стала союзниками, и мы всех победили. В конце девяностых история повторилась.

– В чем секрет? – заинтересованно спросил Рамос.

– Секрет в том, что зачинщиками всегда были мы. Шантаж или подкуп порождали раскол в рядах противника еще до начала войны, а затем мы только дирижировали. Более того, война оба раза начиналась тогда, когда мы были к ней готовы, когда мы ее хотели.

Сатра откинулся в кресле и пригубил чай.

Он не был дураком и легко понял – после тех двух случаев любой зачинщик войны против «Ложи» будет выглядеть двусмысленно, и все потенциальные союзники окажутся под подозрением друг у друга, а в такой ситуации каждый будет тянуть одеяло на себя.

Становясь громче и громче, заиграл «Танец с саблями» Хачатуряна.

Стас достал из кармана небольшой алый телефон. Он вроде бы ничего не сделал, только отвернулся от собеседника, но Рамос из разговора не услышал ничего – впрочем, он и не пытался. Здесь, подключенный к чужому источнику, он зависел от гостеприимства хозяев, а идиотом, как уже говорилось, сатра не был.

– Мне срочно нужно ехать, – констатировал «красный», пряча телефон в карман. – Я жду ценный груз до полуночи, если я не получу оборотня после двадцати четырех часов по петербургскому времени, тебя отрубят от источника, а яхта станет невыездной. По-старайся не испортить наши отношения.

Он вышел из каюты, а через несколько секунд стоявший рядом с яхтой мотоцикл завелся – и на нем уже сидел Стас.

– «Наши отношения»... – словно поката на языке слова Рамос, покачал головой и достал из кармана телефон. – Аванд, готовь шлюпку. Мы выждали достаточно, надеюсь, Мерион не сочтет, что мы действовали как мальчишки на побегушках...

Он спрятал мобильник и тихо сказал в никуда:

– Хотя на самом деле им плевать, сколько мы тут выжидали... Мы для них и есть мальчишки... И если будем недостаточно расторопны, выпорют...

Путь из Петергофа в Петербург оказался куда более долгим и куда менее комфортным – Иво везли в багажнике джипа, аккуратно перевязанным бечевкой и с кляпом во рту.

Старый сатра поначалу никак не хотел выдавать кого-либо «Ложе», но Маж в личной беседе, густо пересыпанной «тутти-ту» и «тутти-там», сумел найти подход к собеседнику – и тот, наконец, согласился.

Первые солнечные лучи едва начали проникать сквозь тонировку пятой двери автомобиля, когда воспитанника слаш грубо вытряхнули из машины.

– Такой маленький и слабый, а уже успел завести таких сильных врагов, – сказал верог, который легко вынул Иво из багажника. – Я создам для тебя твой самый любимый кошмар, ты станешь молить меня о смерти задолго до того, как я разрешу тебе рассказать мне хоть

что-то.

Самое интересное было то, что вампир говорил это совершенно спокойно, буднично.

Под взглядом врага Иво почувствовал себя голым и жалким – впрочем, во многом так оно и было. Маж предупреждал, что Стас первым делом посмотрит его тело Силы, причем сделает это очень тщательно, используя заклинания, вскрывающие самый искусный обман, и ощущения у Иво при этом будут не из приятных.

– И что мы имеем? Сложное проклятие slash, неплохой, но совсем не развитый потенциал, слегка истощенная без подпитки аура. Я думаю, жить тебе осталось несколько часов, но ты не огорчайся – эти часы покажутся тебе во много раз длиннее всей предыдущей жизни.

Верог шел по мосту к Петропавловской крепости, неся Иво на плече. Мимо них ходили люди – но никто из них не замечал вампира и его ношу. Одиннадцатый рavelин, который Иво видел только снаружи и о котором большинство петербуржцев ничего не знало, словно веретено выростал из невысокой хозяйственной постройки вблизи Иоанновского рavelина и издали выглядел воздушным, однако вблизи потрясал размерами.

Стас поднялся по тонкой лестнице, увернувшись от идущего навстречу джинна – тот не обратил на вампира и его ношу внимания, хотя не заметить их не мог.

– Раньше Петропавловскую крепость использовали как тюрьму, – сказал верог. – Она очень удачно расположена, и сбежать отсюда непросто. Тогда нашей «Ложе» хватало подсобных помещений. А десять лет назад нам потребовался более серьезный оплот, и мы поставили Одиннадцатый рavelин, который без всякого согласования с ЮНЕСКО стал частью ансамбля Петропавловской крепости. И именно здесь ты проведешь свои худшие часы. Гордись, парень, в крепости до тебя сидели многие известные личности.

Все это время Иво молчал – он чувствовал, что может выплюнуть кляп и сказать что-то в ответ, но Маж четко и однозначно предупредил – Стаса злить нельзя ни в коем случае, раздраженный, он может выкинуть что-то новое. Альв уверенно говорил, что Иво поместят в одну из трех камер, остальные были либо слишком комфортабельными, либо рассчитаны на более опасных пленников. А от того, в какую именно из трех, зависело, насколько трудным окажется пребывание воспитанника slash в этих стенах. Маж в свое время побывал в каждой из них, и каждая годилась для их плана – но в разной степени.

Два поворота налево, подъем по узкой лестнице – выбор остался из двух камер, лучшего и худшего вариантов. Верог на секунду заколебался, и Иво, помня наставления Мажа, слегка дернулся – Стас тут же повернул налево, неся пленника в камеру с более суровыми условиями, которая в то же время была значительно предпочтительней для исполнения их плана.

– Вот здесь ты проживешь свои последние мгновения, – спокойно заявил «красный» и кинул Иво в яму, на полтора метра наполненную водой. – Здесь ты расскажешь мне все, что знаешь, – хотя я и так вижу, что никакой ценной информации у тебя нет и быть не может. Сейчас откроется клетка, и оттуда к тебе вытолкнут крыс. Если ты будешь недостаточно быстро мотать головой, они съедят твои уши и нос, а потом, если успеешь, сойдешь с ума. Но, вполне возможно, ты утонешь раньше.

Стас вышел, и Иво встал и огляделся. Естественно, он ничего не увидел – вместе с верог из камеры исчез и последний лучик света. Вода пахла протухшими водорослями, пол был неровным и осклизлым. Даже стоять оказалось непростой задачей.

«Восемнадцатый камень от двери по левой стороне, сразу над водой, шестой снизу, – вспомнил наставления альва Иво. – В центре камня два выступа».

Прежде чем найти искомый кусок стены, он несколько раз поскользнулся и даже чуть не утонул, неожиданно для себя потеряв ориентировку в непроглядной мутной воде, тыкаясь в неровные пол и стены в поисках поверхности.

«Интересно, как альв смог прожить здесь полгода, ведь его эта жижа должна была скрывать с головой, – внезапно понял Иво, нащупав нужный камень. – Может, он просто гораздо легче воды и не мог утонуть?»

И тут на едва выглядывающее над поверхностью плечо с легким писком взобралась крыса. Парень смахнул ее рукой, и в рукав тут же вцепился второй зверек.

Маж утверждал, что крыс в камеру выпускают всего шесть, и даже называл их по именам – несколько месяцев голохвостые были его единственной компанией, и альв сумел в какой-то мере подружиться с ними. А перевели его отсюда в более суровое место именно потому, что сочли привыкшим и даже в какой-то мере полюбившим камеру.

Иво взмахнул рукой, сбрасывая крысу, и почувствовал очередного мохнатого гостя, цепляющегося сзади за волосы. Около минуты парень отмахивался от зверьков, а потом решил плюнуть на них. Альв утверждал, что крысы, которых каждый вечер выпускают из клетки, а утром открывают узкий лаз обратно, просто ищут опору и грызть его не будут – во всяком случае, поначалу.

Спихнув с головы особенно навязчивого гостя, пленник нащупал прядку, в которую альв вклеил запаянный тонкий кусочек полиэтилена. Волосы вокруг футлярчика Маж смочил любезно предоставленным сатра лимонадом – для маскировки.

«В полиэтилене – моя кровь, – пояснил альв. – Верог может учуять ее, но, скорее всего, не обратит внимания, ведь сатра скажут, что схватили тебя в бою, в котором я сильно пострадал. Здесь всего пара капель, но больше и не надо – если попадешь в нужную камеру, этого будет достаточно для активации заклинания».

Иво достал футляр, смахнул с руки очередную крысу и застыл в ожидании. За несколько минут, проведенных в камере, воспитанник слэш успел получить множество неприятных ощущений, его начало слегка знобить от холода.

А потом вдруг сделалось теплее – и неожиданно комфортнее.

Будто скользкий пол стал чище, вода – прозрачнее, а крысы – дружелюбнее.

«Только бы запустить заклинание, – подумал Иво, проговаривая про себя свою часть плана. – Нужно всего два условия – открытая дверь и кровь альва на нужном камне, а потом сработает «Огненная волна» – и если Маж нигде не ошибся, то чары, которые альв готовил несколько месяцев, раскалят бетонную стену до гигантской температуры, взрывая в ней влагу. Попутно убьют явившегося посмотреть, что происходит, вампира, хотя это будет побочным эффектом. А после можно будет вызывать альва и элохим, а незадолго до их прибытия просто ударить ногой в стену – и должен вывалиться большой кусок...»

– Первый год я просто выживал, тутти-ту, – рассказывал альв, рисуя соленой водой на животе Иво узоры. – Это было самое страшное и одновременно самое простое время, тутти-там. Грань жизни и смерти, реальности и безумия. Первым моим «клиентом» стал джинна, через него я прогонял потоки Силы, тутти-там, – он уже на момент встречи со мной был неплохим магом, разносторонним. Но против природы не попрешь, тутти-ту, и лучше всего он работал с огнем. Вторым стал сатра – крепкий середнячок, тутти-там. Ему очень сложно было со мной, самый, пожалуй, неудачный вариант для «Ложи» за все время моего рабства. Усилился едва-едва, такое бывает – просто предел у мага, и если он достигнут, как ни прыгай, зубами за небо не зацепишься, тутти-ту.

Ему было трудно – зато мне просто. Наверное, во многом благодаря ему я и выжил. Из той энергии, которую я прогонял через Гелена, мне оставались не крохи, а вполне приличная часть. Я думал, что мне плохо, а на самом деле окреп и к концу того года начал понимать, что в меня вместе с крупицами энергии входят и умения тех, кого я усиливаю, тутти-там. Я чувствовал каждое движение в джинна, а затем в сатра. И именно тогда я попробовал сделать что-то не только для выживания – и у меня получилось, тутти-ту. Альвы не очень сильны с огнем, но я ощущал все действия «оранжевого» и начал понимать огонь гораздо лучше. Только по счастливой случайности я тогда не попытался сбежать – сейчас мне понятно, что попытка провалилась бы, тутти-там.

После Гелена был Мохаммед, гигантский старый дейвона. Меня считали ущербным из-за того, что сатра почти не усилился, и отдали слабому магу, тутти-там. Вот он выпил из меня все соки и усилился настолько, что из рядового колдуна на посылках стал кем-то вроде

сотника. У него я почти ничему не научился – «серый» не лез в нюансы; получив возможность работать с большим количеством энергии, он брал мощью, тутти-ту.

Потом были еще несколько сатра и дейвона, один джинна и двое верог. Стас и Настя, тутти-ту. Я думаю, кто-то из них ребенок Анны и Александра, но у кровососов нет особой любви между родственниками, во всяком случае со стороны она незаметна. Меня курировала Анна, тутти-там, однажды она поняла, что я усиливаюсь, и предложила убить. Это было после второго джинна, перед тем как меня перевели в морозильную камеру.

Анна и Александр растянули меня на столе и провели отличный романтический вечер, тутти-ту, время от времени слизывая по капле моей крови и обсуждая, тутти-там, насколько целесообразно убивать меня и какова вероятность, тутти-ту, что я попробую сбежать и причиню им хоть какие-то неудобства.

Я, тутти-там, был отрублен даже от крох энергии, мне было очень больно и очень страшно, и от меня, тутти-ту, ничего не зависело. Я был вещью, которая сломалась, – и когда они решили меня починить, это вылилось в полтора месяца крошечных пыток. Четыре года после этого я, тутти-ту, строил планы, создавал сложнейшие заклинания, искал слабые места у своих мучителей, находил их – и не пытался сбежать. Мне было страшно.

Того «ремонта», тутти-ту, хватило на четыре года. Еще на восемь магов «Ложи». Я знал, что попытка побега приведет к одному из двух – или меня вновь будут пытаться, долго, медленно, ничего не спрашивая – просто для того, чтобы окончательно запугать, – или убьют.

И я бы так и не сбежал, если бы Анна, наблюдая за мной, не сказала, что я слишком окреп. Она не бросала слов на ветер, тутти-ту. Это значило, что времени у меня нет. Это была камера, в которой я висел на двухстах крючках, вдетых в мою кожу, и крепились они кевларовым шнуром к раскаленному листу металла, тутти-там, так, что мне приходилось левитировать себя хотя бы на миллиметр, но не слишком сильно, чтобы не обжечься.

К этому времени я разобрался в том, как устроена моя камера, ослабил крепление раскаленного листа и был готов к попытке сбежать, – но страх заставлял меня терпеть муки, тутти-ту.

Страх перед Анной пересилил. Я сорвал раскаленный лист и разрубил им Анну, попутно рухнув вниз и едва не переломав себе все кости. То, что я забираю больше энергии, почувствовал дейвона – Алишер, – которого я в то время прокачивал. Он был неподалеку и спустился в камеру. Алишер не одобрял того, что со мной творили, – как и многие, в общем-то, в «Ложе», – из тех, кто обо мне вообще знал. Но я делал его сильнее, и он пользовался этим.

Я, тутти-ту, в тот момент был слегка безумен, тутти-там, и сделал с Алишером некоторые вещи, после которых он остался жив, но вряд ли когда-либо смог бы встать или вдохнуть воздух полной грудью... А потом, слегка успокоившись, добил его. Хладнокровно. После этих операций к источникам я был подключен уже напрямую. Потом я выбежал за дверь, но когда обернулся, то с ужасом увидел, что разрубленная от плеча до пояса Анна смотрит на меня. Верог очень живучи, а Одиннадцатый равелин находится прямо над источником, тутти-ту.

У меня не хватило смелости вернуться и добить ее. Сейчас я бы точно сделал это, а тогда... Тогда я испугался. Испугался Анны и Александра, испугался Стаса и Насти – он слабее, она глупее, тутти-там, но оба тоже очень неприятные. Я в тот момент не знал собственной силы, просто не было возможности для сравнения.

Одиннадцатый равелин используется в основном как тюрьма и как резиденция нынешнего главы «Ложи», тутти-ту, Креона. В последние годы там обычно немного народа, да и сам Креон предпочитает резиденции на Васильевском острове и в Кронштадте, тутти-там. Было раннее утро, меня никто не увидел. После смерти Алишера я мог черпать Силу прямо из источника – это просто опьяняющее ощущение. Я прыгнул и полетел в сторону Дворцовой набережной. Из детства я помнил, что умел летать... Вот только забыл, насколько хорошо, – а точнее, плохо делал это. Я, тутти-ту, рухнул в Неву, чуть-чуть не

дотянув до какого-то корабля с пьяными туристами. Дальше ты знаешь, Атаниэль рассказывал...

Тусклый луч из приоткрытой двери камеры показался Иво очень ярким. Крысы запищали, вцепляясь в плечи пленника, и ему пришлось скинуть их, качнув пару раз руками.

Это усилие неожиданно оказалось чрезмерным – и Иво осел, руки ослабли, а ноги стали ватными.

– Эй, человек, что с тобой? – настороженно поинтересовался заглянувший к пленнику Стас, а через мгновение без сомнений нырнул в грязную воду и вытащил Иво. – Все вы, «коричневые», идиоты! Ты же не подключен к источнику, а туда же – энергию направлено-налево расходовать! Подожди пару часов, тогда и сдохнешь!

Иво тем временем провалился в блаженную тьму – и только смутная мысль о том, что он не смог использовать заклинание, наложенное альвом, что их план наверняка сорвался, билась на грани сознания.

Когда он открыл глаза, напротив сидел Стас в сухом и чистом льняном костюме. Они находились в квадратной комнате с двумя большими окнами, из которых открывался вид на Петропавловский собор. У одного из окон расположились стол и высокое, наверняка очень удобное кресло, в дальнем углу возвышался сейф в человеческий рост. В ближнем к Иво находился высокий зеркальный шкаф-купе. Сам Иво сидел в алом кожаном кресле, Стас – на кожаном диване, что шел в комплекте с креслом. Между ними притулился низкий стеклянный столик.

Верог отхлебывал что-то алое из бокала, лениво листал глянцевого журнал и время от времени поглядывал на Иво.

– Давай договоримся, – мягко предложил хозяин кабинета. – Пока ты рассказываешь, я тебя не трогаю. Как только ты замолкаешь больше чем на минуту, я отрезаю тебе палец. Когда кончатся пальцы – перейдем на конечности. Больно не будет, я не садист, рассчитываю только на то, что ты будешь покладистым мальчиком.

– Я ничего не знаю, – пробормотал воспитанник слаш.

– Ну, тогда, для затравки разговора, давай отрежем тебе пару пальцев. Скажем, на левой ноге?

Иво с удивлением понял, что внутри закипает гнев. Чувствовал он себя сравнительно неплохо – скорее всего, причина крылась в шприце и двух немаркированных ампулах, лежавших на столе. Руки были связаны за спиной, ноги оставались свободными.

– Вы убили моего приемного отца, Эддинга, – начал Иво, пытаясь из полутора десятков предложенных альвом вариантов выбрать хоть что-то действенное. – И поэтому я решил отомстить.

– Ничего не знаю про Эддинга, – спокойно ответил вампир. – Но – могли, могли. Чего скрывать? Когда начинается геноцид, никто не вспоминает про царапины. Давай дальше.

– Я нашел элохим и альва. Они имеют на вас зуб.

– Смешно. Я бы предположил, что это они тебя нашли, но бывает всякое. Дальше.

– Мы, вместе с теми, кто противостоит «Ложе», начали составлять план...

– Хватит! – Стас расхохотался. – «Противостоит!»! Партизаны в белорусских лесах! «План»! Ладно, поигрались, и будет.

Верог встал и подошел к сейфу. Приложил руку к дверце, и та услужливо открылась. Вернулся вампир, поигрывая длинным старинным стилетом.

– Я могу погрузить тебя в транс, и ты все расскажешь, – тихо предложил он. – Без сказок про сопротивление. Хочешь?

Иво тупо смотрел на него, словно не понимая, о чем речь. На самом деле все было ясно – Маж описал врага довольно четко. Этот «красный» действительно легко мог погрузить человека в транс и выпытать все, что нужно. Так же, как кошка может съесть мышь, едва поймав ее.

Но так же, как пушистый хищник, Стас находил самый простой и логичный вариант

скучным. И Иво делал вид, что не понимает. Это ему было необходимо для того, чтобы мысли мучителя естественным путем дошли до варианта «поиграть с добычей».

– Конечно, хочешь, хотя еще и не осознаешь. Давай мы сделаем так – я развяжу тебе руки, – верог подошел к пленнику и, перегнувшись через его плечо, резанул стилетом по веревке. – Затем дам тебе оружие, – Стас сел на диван, оставив на столе стилет. – А потом ты сам начнешь отрезать себе пальцы за каждую ложь. Хорошо?

– Мне не нравится это, – Иво нужно было изображать испуганную жертву, и он попытался сыграть роль. – Отпустите меня, а?

Страх не было – только легкая усталость и азарт от необходимости решить задачу. Пока верог делал все в соответствии с рассказом Маж.

– Фи, – Стас встал и подошел к окну. Его спина словно звала Иво: «Воткни в меня нож». Но парень знал, что противник только и ждет этого от него. – Сколько тебе лет?

– Семнадцать.

– В семнадцать все весело и все интересно. Мне девяносто шесть, и самый главный мой враг – это скука. Ты знаешь, что верог иногда входят в состояние долгого сна?

– Нет, – честно ответил Иво.

– Бывает. И чаще всего именно от скуки. – Стас обернулся, глянул на так и лежавший на столе стилет, затем неуловимым движением пересек комнату, и в следующее мгновение Иво почувствовал, как когти мучителя вспарывают кожу на его горле. – Сегодня утром мне позвонили и сказали, что поймали кое-кого. Но не сказали кого – и я решил, что альва. И когда я увидел тебя, то почувствовал ярость. Потому что ты мне неинтересен. У тебя нет нужной мне информации, мне не за что мстить тебе. За выбитый у Александра зуб? За то, что ты идиот? Ты даже простенькую сценку с бунтом разыграть отказался! Уми.

Последнее слово «красный» сказал очень тихо, одновременно отпустил Иво и отвернулся, уверенный, что парень исполнит приказ. Воспитанник слаш и впрямь почувствовал, что с ним что-то происходит, и почти сразу догадался, что именно.

Маж рассказывал, что Стас ювелирно обращается со страхом, дозируя его от мелкого беспокойства до дикого, панического ужаса, от которого мышцы начинают непроизвольно сокращаться. Именно то, что Иво не чувствует страха, а работать с ним будет, скорее всего, Стас, послужило основой идеи операции.

Сейчас, по мнению хозяина кабинета, за его спиной в диких мучениях и судорогах, промочив и испачкав штаны, умирал Иво. И уверенность верог была настолько велика, что он не обернулся на вполне естественный шорох – жертва корчится в агонии, задевает ногой стол, бьется головой о дорогой рельефный линолеум.

А в следующее мгновение Иво всадил нож в спину вампира. Он знал, что осталось всего одно мгновение для того, чтобы вынуть стилет и воткнуть его во второе уязвимое место с другой стороны груди, но не успел этого сделать.

Стас развернулся мгновенно, белое лицо его было перекошено болью, а из распахнутого в ультразвуковом крике рта струйкой текла на подбородок черная кровь. Он взмахнул рукой, и Иво перышком отлетел к стене, стилет остался в его ладони.

– Ты... – зашипел верог. – Мерзкий, мелкий человек... Думал, сможешь меня убить?

– И еще не теряю надежды, – прохрипел воспитанник слаш, хватая воздух ртом.

Стас словно перетек через комнату, поднял сползшего по стене Иво так, чтобы глаза их оставались на одном уровне, и мрачно усмехнулся.

А в следующее мгновение Иво вдруг понял, что Маж был абсолютно прав – этот «красный», как старая цирковая собачка, повторял один и тот же трюк с разными вариациями даже тогда, когда было понятно, что публике это неинтересно.

Он снова воздействовал на человека страхом!

И, не колеблясь, Иво всадил стилет в спину Стасу. А потом, едва не падая от боли в спине и шее, поднял тяжелый стеклянный столик и размозжил им голову упавшего вампира.

А затем, обессиленный, свалился на пол и закрыл глаза.

Глава 6

– Пошли их всех к черту! – яростно орал в трубку Мерион, сатра, для которого в бизнесе были открыты все двери, а закрытые подчас выбивались ударом копыта. – Я тут просто оказываю им небольшую ответную услугу, а они спрашивают, почему я при этом не подпрыгиваю и в радостном предвкушении не снимаю штаны?

Рамос переживал бурю, отведя телефон подальше от уха – делать так ему было не впервой: хозяин славился эмоциональными взрывами, мог в ярости и накинуться с кулаками, но все это компенсировалось достаточной свободой при выполнении заданий и превосходной оплатой. «Форбс», публикуя статьи о Мерионе, указывал на «взрывной характер», но до избиения журналистов хозяин пока не снисходил.

– Креон послал верог, чтобы тот сосал у меня кровь? Пусть сам встанет на коленки, может, ему что и перепадет, – бесновался шеф в своем лондонском офисе. – Я давно говорил, что в России сатра делать нечего, Россия – это край полудиких Часовщиков и абсолютно диких маах'керу!

В таком духе Мерион высказывался уже минут двадцать, и фразы, лишённые первоначального накала, постепенно становились все более осмысленными. Наконец он успокоился и обычным тоном, безо всякого перехода, приступил к делу, заставив Рамоса поднести трубку поближе к уху:

– Значит, так. Никаких шлюпок, никаких моторных лодок. Спускай на воду спасательный понтончик, который наборный, и на самом тихом ходу, так, чтобы быть в Петропавловке не раньше чем без четверти двенадцать, иди к этим сволочам. Стас дал тебе гарантию, что ничего не случится. Постарайся, чтобы случилось. Не знаю, сломай психогенератор или найми кого-нибудь, чтобы врезались в тебя – только не сразу, а около крепости. После этого я выставлю «Ложу» претензию. Не официально, конечно, а в приватной беседе. Креон не дурак, и ломать со мной отношения не будет. Вина их очевидна, я выторгую что-нибудь, ну, и в следующий раз они будут вежливее.

Рамос чувствовал, что его «сливают» – Мерион не рисковал ничем: если что, претензии у Стаса будут именно к Рамосу. Но это был не первый подобный случай, и каждый раз ушлomu щеголю-сатра удавалось выкручиваться. Подчас он даже приводил этим хозяина в восторг.

– Что делать с оборотнем после возникновения проблем в акватории? – спокойно поинтересовался Рамос.

– Оборотень, оборотень... в понтончике ведь есть несколько секций под контрабанду?

Об этом Мерион знать был не должен, но тем не менее знал. Щеголеватый сатра прикусил губу, запоминая – вычислить крысу в команде и притопить между делом.

– Есть, – спокойно ответил он.

– Сунь маах'керу в такую секцию. Сдохнет – так сдохнет, «Ложу» сама виновата. А выживет – ну, его проблемы, и счастье для Креона, которому мальчишка за чем-то так нужен.

Рамос дождался завершения разговора, затем нашел в телефоне контакт «Девкалид Москва яхт-клуб».

– У тебя есть надежные ребята в Петербурге? – поинтересовался он, обойдясь без приветствия. – Нет, на этот раз никакой контрабанды. Надо разыграть небольшое представление с пиратами в акватории Невы. Да, денег будет достаточно, чтобы скрыться ото всех на пару лет...

Судя по настенным часам, в обмороке Иво провел всего несколько минут. Он с трудом поднялся, опираясь на алое кресло, затем, пошатываясь, дошел до сейфа и обнаружил, что там, на второй сверху полке, в клетке сидит щенок.

– Тяф? – поинтересовался зверек и нетерпеливо переступил с лапы на лапу.

– Если бы я смог запустить заклинание в камере, то мне не пришлось бы драться со Стасом, – пояснил Иво собаке и помотал головой. – Здесь должны быть лекарства, я так

думаю.

Щенок глядел на него непонимающе и, переминаясь, время от времени гавкал. Иво осмотрел шесть полок. На самой верхней хранились документы – уставы разных ООО и ЗАО, какие-то печати и незаполненные формы. На второй сидел щенок в клетке. На третьей, высокой, в длинной и широкой подставке покоилось полтора десятка ножей и стилетов разной длины. Вместо четвертой был внутренний сейф, на пятой располагались украшения – браслеты, кольца, кулоны. Некоторые выглядели очень дорого, другие казались ветхими и топорными. Иво догадался, что это магические предметы – амулеты, а может, даже и артефакты, но трогать их не решился.

А на шестой, самой нижней, полке хранились коробки с ампулами, флаконы и бутылочки. Воспитанник слэш попробовал наклониться, но его тут же замутило, и он вынужден был опереться на полку-сейф. Она мгновенно с легким шелестом ушла внутрь, верхние полки сдвинулись ниже, а полка-сейф вылезла в самом верху.

Иво помотал головой, чувствуя, что ничего не понимает. Он толкнул полку со щенком, та мягко ушла в стену – на мгновение стало видно, что там вырезана ниша и поставлен механизм. А через секунду щенок возмущенно тьякал с верхней полки.

– Это хорошо, – пробормотал Иво, толкнул ногой отсек со склянками и почти сразу обнаружил его перед лицом.

Большая часть пузырьков и ампул оказалась без маркировки. Скорее всего, там были или запаховые, или магические метки, но различить их мог, наверное, только хозяин или другой верог.

Иво, спотыкаясь и шатаясь, подошел к труп и обнаружил рядом с ним две ампулы, которые на него истратил Стас. Обратно к сейфу парень не шел, а полз. Ему становилось все хуже и хуже. Добравшись до сейфа, Иво понял, что ему не встать, и последовательно толкнул несколько полок, переводя медицинскую в самый низ. Перед возмущенным такой бесцеремонностью щенком парню на мгновение даже стало стыдно, и он пообещал:

– А тебя мы освободим и накормим...

Найдя упаковку, в которой не хватало двух ампул – таких же, как использованные Стасом, – Иво достал сразу пять штук и, отбивая край, жадно выпил одну за другой. В коробке оставалось еще с полсотни, и можно было не экономить.

Как человек, мечтавший стать хирургом, он не мог не понимать, что эффект от введения в вену и от принятия перорально может и должен быть разным. Но в этом состоянии Иво, скорее всего, не смог бы даже наполнить шприц.

Пятую ампулу он почти полностью расплескал, но огорчиться не успел, так как снова потерял сознание.

В себя он пришел только через полчаса – опять же судя по настенным часам. Маж объяснял, что никто Стаса во время допроса тревожить не станет – если будет что-то совсем важное, ему позвонят, но в кабинет сразу войдут вряд ли, тем более что он наверняка запрет его изнутри.

Чувствовал себя Иво на удивление неплохо. Теперь ему нужно было срочно связаться с альвом и элохим. По первоначальному плану воспитанник слэш должен был стереть собственной слюной часть нанесенного альвом ему на живот соленой водой рисунка.

По словам Мажа, рисунок этот относился к древней магии дейвона, и когда-то очень давно с помощью таких соленых узоров они могли передавать сообщения на любые расстояния. Сам альв узнал об этом от одного из тех, кто использовал его для собственной прокачки – любые магические действия «клиентов» Маж чувствовал на себе и таким образом узнал немало тайн.

Но был и запасной вариант – вместе с Иво сатра передали Стасу и вещи, якобы найденные у него при обыске, – шариковую ручку с надписью «Дзетта-Банк», сорок семь рублей мелочью, початый блок жвачки, а главное – телефон покойного Эддинга. С единственным контактом – «Атаниэль». Естественно, дозвониться по нему до элохим было нельзя, потому что две последние цифры в номере ребята изменили заранее.

Иво вначале не хотел отдавать телефон, который казался ему достаточно ценным, но Атаниэль отмахнулся:

– Пятьсот рублей на блошином рынке – красная цена этому хламу. А если ты сможешь позвонить мне из равелина, а не пытаться объяснить все с помощью рисунков на пузе, это будет гораздо более эффективно!

Предметы, переданные вместе с Иво, лежали на столе, в том числе и телефон, правда, почему-то разобранный на корпус, аккумулятор и сим-карту.

Парень собрал аппарат, вызвал единственный контакт, поменял две последние цифры и нажал на «вызов».

– Да, – отозвался наконец Атаниэль. – Слушаю.

– Это Иво. Я попал в камеру с водой, но закончить заклинание не смог. Во время допроса я убил Стаса, сейчас в его кабинете. Труп тут же. Насколько могу судить, никто о его смерти не знает. Окна кабинета выходят на Петропавловский собор.

– Иво, тутти-ту, молодчина! – Альв явно вырвал трубку из рук элохим. – Там есть сейф?

– Есть.

– Он открыт?

– Да.

– Чтобы не ошибиться – высокий, в котором ящики можно легко перекидывать вверх-вниз?

– Да.

– Повезло, тутти-там! Должна быть полка с талисманами, а на ней черный камушек в виде креста.

Иво обследовал полку, а затем подтвердил:

– Да, есть, даже более того – здесь два черных камня в виде креста, один с ладонь величиной, второй – раза в два больше.

С другой стороны замолчали, и пауза длилась секунд десять. Наконец альв медленно произнес:

– Два иссиня-черных камня, очень тяжелых, похожих на кресты?

– Да, – подтвердил Иво, доставая первый.

Он и впрямь оказался тяжеленным. В руке лежал удобно, но ощущение от него было неприятное.

– Положи их на место и не трогай ни в коем случае, тутти-ту. Шесть лет назад у Стаса было два таких камушка, размером значительно меньше, и один из них он использовал в последней большой войне, тутти-там. Капнул своей кровью на него и швырнул через стену. Взрыв был приличный, «коричневые» списали на разорвавшийся баллон с пропаном... А камушек был с нателный крестик. Может, большие взрываются хуже, но скорее гораздо лучше. Боюсь, там у Стаса вторая Хиросима на полке. Что еще есть, тутти-ту?

– Два браслета – один золотой, вроде как детский, второй взрослый, вроде бы бронза, с шипами.

– Не знаю, не трогай, тутти-ту.

– Шесть колец, одно деревянное...

– Про кольца не надо, тутти-там, я их не знаю. Кулоны есть?

Иво подтянул полку поближе. Большая часть вещей на ней лежала горкой, в том числе и взрывающиеся камни. Отдельно, в футлярах, были только маленький пузырек с бьющимся внутри пламенем и два талисмана – венец из колючей проволоки и серебряный кулон в виде волчьей лапы. Воспитанник слаш описал пузырек и оба талисмана.

– Пузырек не трогай, фигня какая-то, тутти-там, верогская. Про венец ничего не скажу, а кулон, тутти-ту, явно какое-то оружие против маах'керу, вряд ли просто оберег. Что еще?

Иво последовательно описал полтора десятка вещей, и альв признал из них только две – «холодилку», сохраняющую кровь в емкости свежей, и человеческий оберег от проклятий, скорее всего уже настроенный на кого-то.

– Иво, нам ничего из этого не подходит, тутти-ту. В любом случае, ты молодец, и сейчас надо продумать, как именно мы попадем в равелин. Ты сможешь открыть окно или выломать кусок стены, тутти-ту?

– Окно вроде бы смогу, два метра в ширину и чуть меньше в высоту. Хватит?

– Будем работать с тем, что есть. Иво, в двенадцать выстрелит пушка Петропавловской крепости, сразу после этого равелин сделает треть оборота вокруг своей оси, тутти-там. Окна будут смотреть на Неву. Твоя задача – открыть окно. На всякий случай, сделаешь это только в тот момент, когда выстрелит пушка. Не забудь открыть окно – мы будем лететь на дельтаплане, как и условились, и увидим твое окошко только во время поворота, тутти-ту. Разворачиваться или переигрывать планы времени не останется, от воздействия разрушительной магии равелин прикрыт, так что, если ты промедлишь, мы просто впечатаемся в стену, тутти-там.

– Не беспокойся, открою, – сказал Иво.

– Не клади трубку! – заорал Атаниэль в тот момент, когда Иво уже собирался нажать «отбой». – На всякий случай оставь телефон включенным и поставь громкую связь. Если возникнут проблемы, можно будет быстро их урегулировать!

– Понял, оставляю разговор, – Иво включил громкую связь, а затем аккуратно положил телефон в карман.

Он подошел к окну и убедился в том, что сможет быстро распахнуть его – здесь стояли гигантские стеклопакеты, четверть которых открывалась. Дельтаплан в эту четверть, скорее всего, не поместится, но ребята наверняка что-нибудь придумают, тем более он им сказал все как есть.

До полудня оставалось чуть менее сорока минут.

Иво подошел к распахнутому сейфу, аккуратно задвинул полку с талисманами и вынул клетку со щенком.

– Тяф! – одобрил действия человека песик и напустил под себя лужу.

Клетка при ближайшем рассмотрении оказалась сделанной из деревянных полосок, в ней было небольшое окошко, видимо для пищи, – а вот дверцы конструктор мини-тюрьмы не предусмотрел.

Иво решил сломать ее, но силы рук – не самых слабых в его выпускном классе – оказалось недостаточно. Парень вынул из сейфа самый длинный стилет, с серебряным лезвием, сунул его между прутьев, установив клетку на полу между ног, и нажал. Жалобно скрипнув, одна планка выскочила из паза. Остальное было просто – вынимая планки одну за другой, Иво быстро освободил щенка.

– Тяф! – еще более одобрительно заявил тот и обежал комнату по периметру, постаравшись держаться от мертвого вампира как можно дальше. – Тяф! Тяф!

Тем временем Иво понял, что через полчаса здесь начнется большая драка – согласно плану альва, они должны были «устроить шумиху покрепче, тутти-ту, и сбежать как можно дальше», а значит, для трофеев времени не останется.

Парень достал коробку с ампулами, которые позволили ему выжить – воспитаннику slash очень захотелось выпить содержимое двух-трех, но он сдержался. Вынул пять картонных упаковок, в каждой из которых было по десять ампул, и сунул их себе под рубашку, за ремень джинсов.

Хранилище это было не лучшее, но ни рюкзака, ни сумки, ни даже скатерти или шторы Иво в кабинете не обнаружил. Он рассматривал стилеты, думая взять один из них в качестве оружия, когда из мобильного телефона в кармане раздался свист.

– Да?

– Иво, мы вылетаем, – проинформировал его альв. – Управлять будет Атаниэль, я все время на связи.

– Хорошо.

На часах было без двадцати двенадцать. Иво начало тянуть в сон, руки и ноги стали ватными. Он быстро достал упаковку с ампулами, вынул парочку, нашел около разбитого

журнального столика шприц и приготовился сделать себе укол.

В качестве пациента ему приходилось выступать не раз – школа заботилась о том, чтобы дети вовремя сдавали анализы и делали прививки. А вот роль доктора Иво исполнял пока только в мечтах и уколов ни себе, ни кому-либо другому ни разу не делал.

– Это должно быть несложно, – уверил воспитанник slash щенка.

– Тяф! – согласился тот и завилял куцым хвостиком.

Иво перетянул плечо, несколько раз сжал-разжал кулак, а затем аккуратно воткнул шприц и даже не промазал – вот только угол оказался не лучшим, и игла прошла вену насквозь.

– Ну, чуть сложнее, чем я думал, – подкорректировал свое мнение Иво.

– Тяф! – подобострастно согласился с ним пушистый ассистент.

Со второго раза игла вошла правильно, и Иво медленно вогнал в себя четыре кубика прозрачного раствора. На часах было уже без десяти двенадцать, голова слегка прояснилась, хотя слабость все еще оставалась.

– Тяф-тяф! – требовательно заявил щенок, и Иво вдруг осознал, что зверя-то надо вытаскивать отсюда! Что толку в разбитой клетке, если потом в кабинет придет глуповатая, но злобная, судя по рассказам Маж, Настя или куда более умный и расчетливый Александр? В лучшем случае щенок вылетит в окно.

Иво еще раз осмотрел кабинет. Ни сумки, ни мешка, ни шторы. Разве что... Парень внимательнее взглянул на мертвого верог – сверху пиджак выглядел почти идеально, если не считать пары потеков черной крови. Снизу, понятно, в нем две дырки от стилета, да и крови наверняка набежало куда больше. Но щен, если не хочет остаться здесь, потерпит.

«Красный» оказался довольно тяжелым – Иво пришлось попотеть, чтобы снять пиджак. Едва воспитанник slash поднял одежду, в которую собирался завернуть щенка, как раздался выстрел Петропавловской пушки. На часах было без трех минут двенадцать.

– Что за черт?! – в сердцах бросил Иво и кинулся было к окну, ощущая, как махина здания пришла в движение.

Что-то мелькнуло на краю зрения, и брошенный вскользь взгляд уловил маленький черный крестик, падающий из кармана пиджака на лоб верог.

Понимая, что он ничего не успевает, Иво кинулся к окну и распахнул одну восьмушку, обогнул стол с креслом, распахнул вторую – получился прямоугольник полтора на два метра. Отскочил, схватил удивленно наблюдавшего за ним щенка и услышал сзади дикий грохот.

– Я же говорил, тутти-ту, что это нужное окно! – заявил вылезавший из-под обломков стола Маж. Рядом с ним обиженно порывкивал вывалившийся из своего гнезда мотор, безуспешно пытаясь крутить лежавший на полу винт. – Хоть бы двигатель заглушил!

– Времени не было. И я, кажется, руку повредил, – сообщил Атаниэль. – И, между прочим, равелин еще двигался, когда я совершил посадку.

– Атаниэль!.. – Иво заметил, как элохим небрежно пнул руку Стаса. Черный крестик медленно заскользил со лба верог и на мгновение завис на переносице над лужицей крови. – Бежим, быстро!

К чести альва и элохим, раздумывать и спрашивать они не стали. Маж первым бросился к дверям, распластался по стене, чтобы не оказаться на линии огня, отжал ручку и толкнул.

Элохим молча кувыркнулся в проход, в одной руке у него был обычный пистолет, в другой – что-то вроде игрушечного водяного. Следом за ним, почти сразу, в дверь выскочил Маж, последним, сжимая в руках дырявый пиджак со щенком, Иво. Он едва успел захлопнуть за собой дверь, как сзади раздался взрыв. Дверь разлетелась в щепки, приняв на себя взрывную волну, но парня все-таки пронесло на несколько метров вперед.

Кабинет превратился в руины, которые разительно контрастировали с чистой, бело-золотой дугой коридора, где оказались трое приятелей.

– Нам к лифтам, тутти-ту! – крикнул Маж.

Иво не знал, где здесь лифты, зато Атаниэль, судя по всему, ориентировался – он

повернул направо, видимо, на кого-то наткнулся – сделал пару выстрелов, – затем обернулся и нажал на спуск детского пистолета. Струя серой жидкости прошла над головами Мажа и Иво. Воспитанник слэш обернулся и увидел, как она сгущается в облако.

– Не задерживайся, тутти-ту, это яд! – крикнул альв, дергая Иво за рукав. – Надо выбирать!

И они побежали. В здании орала сигнализация, сработали пожарные поливалки. Первым мчался элохим, он стрелял еще дважды, но ни трупов, ни живых Иво не видел, только однажды приоткрылась дверь в коридор и оттуда высунулась голова озабоченной женщины-джинна.

– Назад! – рявкнул альв и метнул в нее огненный шар размером с кулак. Дверь моментально захлопнулась. – Иво, не отставай! Нам, тутти-там, повезло – простым боевым магам на этот уровень подниматься допуск не позволяет, они попробуют заблокировать выход. Местных особо не трогай – почти все они обычные клерки, тутти-ту.

И, словно опровергая его слова, навстречу Иво и Мажу вылетел Атаниэль. Альв увернулся, а вот человек оказался погребенным под высокой и отнюдь не легкой тушей «белого».

Когда Иво наконец выбрался из-под кряхтящего элохим, Маж висел под потолком, укрывшись в облаке тьмы, а под ним на полу корчился мощный пожилой дейвона в камуфляже без знаков различия. «Серый» выглядел массивным и не слабым – встретиться с таким один на один в темном переулке Иво бы очень не хотелось.

Альв был безумен, он раз за разом посылал в дейвона энергетические разряды и хохотал. Иво не знал, что и делать в такой ситуации, зато элохим просто подпрыгнул, схватил сошедшего с ума мага за пятку и дернул вниз.

– Сдурел? – заорал он. – Сам сдохнешь и нас здесь оставишь!

– Это... Это Мохаммед... – задыхаясь, пояснил альв. – Третий, кого я прокачивал. И второй, кого я убил.

Действительно, дейвона был мертв.

– Тяф? – подал голос полузадушенный щенок.

Они побежали дальше и практически сразу уперлись в тупик с двумя лифтами – обычным и грузовым. Атаниэль нажал на обе кнопки, створки грузового открылись – и на ребят вывалилась компания из четырех дейвона и двух сатра.

Эти точно не были клерками – одетые в десантные «разгрузки» поверх камуфляжа бойцы «Ложи» мгновенно разделились по двое и завязали бой. Иво метнулся в лифт, пытаясь проскочить между дейвона, получил прикладом автомата по голове и потерял сознание.

В отключке воспитанник слэш был всего несколько секунд. Едва открыв глаза, он понял, что лежит на спине – как он успел перевернуться в падении, Иво не помнил. В бока несильно били створки пытающегося закрыться лифта, подбородок лизал щенок, а рядом лежал автомат – видимо, уроненный кем-то из врагов.

Схватка за несколько секунд превратилась в свалку.

Скорее всего, гостей хотели взять живыми – альв и элохим не смогли устоять, и Мажа уже вязали, а Атаниэль с трудом отбивался от двоих наседавших на него «зеленых».

Иво сел, поднял автомат и нажал на спусковой крючок. Вместо ожидаемой очереди раздался одиночный выстрел, а приклад с такой силой ударил в плечо, что Иво проехал сантиметров двадцать вглубь лифта и едва не потерял сознание в очередной раз.

Однако выстрел произвел магический эффект – Маж и Атаниэль остались в центре небольшого холла перед лифтами, а бойцы «Ложи» попрыгали за ближайший угол, небольшой диванчик и две кадки с золотистыми пальмами.

А в следующее мгновение прямо над Иво прошла очередь, и он почувствовал, что щенок у него на груди описался. Парень втянул ноги, оказавшись полностью в лифте, дверцы тут же захлопнулись, и кабина поехала, хотя на кнопку никто не нажимал.

Лифт опускался тягуче-медленно, и воспитанник слэш успел прислониться спиной к стенке, сунуть под рубашку щенка, вновь замотав его в окровавленный пиджак, и взять

автомат так, чтобы он был не на весу, а прочно упирался в плечо, которое по ощущениям уже начало распухать.

Мигнул свет. «Ту-там», – ласково произнес лифт, напоминая об альве, и двери раскрылись.

– Совсем наши охренели, ни ума, ни совести, – укоризненно произнесла старушка-дейвона, стоявшая перед лифтом с большим моющим пылесосом в одной руке и пакетом, из которого торчали разные моющие средства и тряпки, в другой. – Хватают, пытаются, орут, стреляют. Своим же потом в глаза смотреть стыдно. Тебе куда?

Иво ошарашенно смотрел на женщину, спокойно вошедшую в кабину.

– К выходу, – пробормотал он. Автомат, так уютно устроившийся в руках, захотелось выкинуть.

– Ребенок же еще совсем! – сморщила треугольное лицо бабка. – Я тебя выведу.

Она нажала на кнопку, лифт снова поехал, затем остановился – и, к удивлению Иво, открылись не те двери, что раньше, а створки за его спиной. Парень вывалился из кабины, мимо него бодро протопала женщина.

Здесь все было далеко не так шикарно, как вверху, – обычные стенные панели, линолеум на полу и пара простеньких протертых кресел. Следуя за бабкой-дейвона, Иво пытался понять ее мотивы, но у него ничего не получалось. Вверху остались Маж и Атаниэль, это угнетало воспитанника slash гораздо сильнее, чем необходимость каким-то образом выбираться из равелина.

– ...!.....! – на незнакомом, но явно восточном языке заявила старушка кому-то, кого парень пока не видел.

Иво приготовился к драке, палец лежал на спусковом крючке, но вышедший навстречу молодой дейвона в форме охранника выглядел пристыженным и даже в какой-то мере испуганным.

– Ты прошел через первый этаж, вышел через колонные ворота, использовал «отвод глаз», понятно? – требовательно заявил охранник.

– Понятно, – кивнул Иво, опустив ствол автомата.

– Спрыгнешь через окно, потом держись левее, под стеной. Через ярко-зеленую траву перешагивай, по брусчатке не ходи.

«Серый» явно был недоволен.

– Я все хорошо сделал? – спросил он.

– Все хорошо, Ахмер. Но все равно здесь плохая компания для дейвона.

Ахмер поморщился и словно между делом взялся за цевье автомата Иво. Воспитанник slash замер на секунду, а потом отпустил оружие – дейвона ловко перехватил его и вскинул на плечо, не обращая больше на чужака никакого внимания.

Не слушая дальнейшего разговора между бабкой и Ахмером, Иво поднял приоткрытую створку полуметрового окна и выглянул – до земли было метров шесть. Он вылез, повис на руках и прыгнул.

Опыта таких прыжков у Иво не было, и он слегка отбил себе ноги. Спрыгнув с Одиннадцатого равелина, который на самом деле был равелином лишь по названию, воспитанник slash оказался в двадцати метрах от настоящего равелина – Иоанновского.

«А теперь враг захватил не только равелин, но и саму крепость, и расползается по всему городу», – мысли текли неторопливо, зато ноги двигались быстро.

Иво сбежал по пандусу и едва не встал на брусчатку, но вовремя одумался и перепрыгнул на газон.

Трава там действительно была разной – где-то чуть более яркой, где-то более блеклой. Как и советовал охранник, Иво шел по тусклой зелени. Вокруг было много народа – обычные люди, они заходили на почту, в туристический центр, покупали мороженое и разговаривали.

Парень собирался уже смешаться с толпой и уйти в сторону станции метро «Горьковская», когда с криком «Я-а-а-а!» сверху упал Атаниэль. На руках у него был выглядевший мертвым Маж, от которого шел самый настоящий пар.

– Что встал? Бегом! – заорал элохим.

И тут же рядом с Иво вспыхнула трава. Он помчался за Атаниэлем, осознав, что гонка продолжается. Сзади что-то орали, впереди, на мостике, поперек дороги встали трое в форме охранников, однако элохим даже не притормозил – держа легкого альва под мышкой, двухметровый бескрылый гигант продолжал нестись вперед.

Иво отставал все больше.

Трое попытались остановить Атаниэля, но он все-таки прорвался сквозь заслон, раскидав противников. Но элохим это далось нелегко, он шатался, на спине его остались ожоги, а по всему телу возникли длинные кровавые порезы.

Качнувшись в очередной раз, Атаниэль выронил Мажа, а затем упал сам.

Иво понимал, что это конец, но бросить элохим и альва во второй раз не смог. Подхватив почти невесомого Мажа, он попытался взвалить на себя еще и Атаниэля, но рук не хватало, а ноги подгибались. Да еще и щенок за пазухой...

Но тут прямо перед Иво, протаранив шлагбаум, остановился очень странный «уазик».

– Грузи сюда, нацист! – рявкнули из него.

Что-то выяснять времени не было, поэтому воспитанник слэш закинул в машину альва, затем с помощью водителя взгромоздил на сиденье элохим и, только усевшись рядом со спасителем, смог его рассмотреть.

Это был Часовщик – маленький, ушастый и носатый, в мотоциклетном шлеме и гигантских очках, состоящих из множества линз, расположенных одна за другой, одни над другими, под разными углами. Он был одет в толстую кожаную куртку с кучей нашлепок и такие же плотные, наверняка ужасно неудобные по нынешней жаре кожаные штаны. Иво знал, что согласно плану им кто-то должен был помочь на выходе, но кто именно – ему не сказали, так как было опасение, что все пойдет не так хорошо и его допросят с пристрастием.

Часовщик с места набрал приличную скорость, по пешеходному переходу пересек проезжую часть и, игнорируя дороги и крики окружающих, рванул в парк между метро «Горьковская» и Петропавловской крепостью.

Руля у машины не было – зато имелось множество рычагов и кнопок, бегло касаясь которых водитель ловко управлял внедорожником.

– А почему «нацист»? – оскорбленно поинтересовался Иво, пытаясь пристегнуться и при этом не выпасть через борт, – тент болтался сзади ненатянутым.

– Был такой жуткий проект в сороковых, там тоже «коричневые» участвовали, – пояснил Часовщик. – Хотя они много хороших символов испоганили, так что шутка неудачная. Эти-то хоть живые?

Только что пристегнувшийся Иво с кряхтением перегнулся назад, вызвав озабоченное твяканье щенка, и убедился в том, что элохим уже приходит в себя, а Маж дышит – хотя и неровно.

– Живые, – подтвердил он. – Как думаете, сейчас не время для знакомства?

– Давай на «ты», – предложил водитель, нажал на клаксон, который неожиданно интеллигентно крякнул пару раз, и опасно накренил машину, вырывая между десятком загорающих. – Я – Тек-Чат. Работаю на Атаниэля. Он уже сознался в том, что капиталист?

– Нет, – Иво схватился за ручку двери и чуть не вылетел наружу, пока джип раздумывал, переехать ему через почти полуметровый поребрик или перевернуться.

Через мгновение снизу раздался скрежет – машина явно задела только что преодоленное препятствие.

– У него две разборки автомобилей, преимущественно элитных, и бригада промышленных альпинистов. Я – главный на одной из разборок. Только «Мерседесы» и «БМВ»!

– А едешь на «уазике», – подколот его воспитанник слэш и этим оскорбил до глубины души.

– Это же «Геленваген»!

– Нет, – Иво никогда не ездил на культовых джипах, но видел их неоднократно. –

«Гелены» – они большие, квадратные и кра-сивые.

– Не путай сыр с плесенью! – возмутился Тек-Чат. – Настоящие «гелены» делали только для армии, и они именно такие, как у меня, только хуже! Потому что свой я усовершенствовал!

– Замолкните! – потребовал сзади Атаниэль. – У меня голова раскалывается... Почему мы не поехали через Троицкий мост?

– Самый очевидный путь, – объяснил Часовщик. – Наверняка перекрыт.

– На Васильевский не надо, – простонал элохим. – Васильев-ский – это ловушка, я купил у «бесцветных» информацию, прислали ее сегодня утром. Там, в том числе по несчастным случаям, связанным с врагами «Ложи», половина умерла или неподалеку от острова, или через несколько часов после его посещения.

– А выбора нет, – Часовщик вырулил мимо театра «Балтий-ский дом», вдоль которого тянулся небольшой сад, отделяющий его от города. Повернул к дороге и тут заметил четыре автомобиля, перекрывающих выезд. Ругнувшись, он направил внедорожник в забор. – Приготовьтесь!

За десяток метров до преграды он стукнул кулаком по явно тугой кнопке рядом с рычагом коробки передач, и джип с оглушительным треском взвился в воздух. Обламывая ветви деревьев и кренясь, он приземлился на трамвайные рельсы с другой стороны высокой металлической ограды. Загрохотал, задрезжал и затрясся всем кузовом, но и не подумал останавливаться.

– Колесо лопнуло, – деловито сообщил Часовщик, выдвинул из торпеды панель, напоминающую калькулятор, и затарабанил по ней. – Сейчас автоподкачку включу, клеевую. Если разрыв небольшой, поедем нормально.

Иво, обернувшись, увидел, как пытаются выехать из перегороженного проезда машины из заслона, но только мешают друг другу. Их хозяева никак не рассчитывали, что беглецы перепрыгнут через ограду.

Машина гнала по рельсам отгороженной трамвайной полосы, рядом в ту же сторону двигался редкий поток по одностороннему Кронверкскому проспекту.

А навстречу, как отметил хладнокровно Иво, ехал громадный современный джип «Шевроле», водитель которого смотрел в другую сторону, одновременно ругаясь по телефону.

– Чертовы сатра, – буркнул Тек-Чат. – Понапокупали прав в пивных ларьках!

В последний момент он успел вывернуть рычаг, и модернизированный «Геленваген» резко кинуло в сторону, – но именно в эту секунду опасность обнаружил и водитель встречного джипа, который рванул руль туда же.

К удивлению Иво, столкновение оказалось довольно мягким – машина Тек-Чата вначале, как в масло, вошла в передок сатровского джипа, затем немного заехала на него и протасила метров пять.

– «Алмазная крепость» работает! – с восторгом заорал Часовщик. – Мы даже не заглохли! Син-Тар проспорил мне две бутылки пива!

Из руин машины вылез, помахывая головой и прихрамывая на обе гнущиеся назад ноги, ее владелец. Он явно ничего не соображал, на груди у него слюнявчиком висела рваная подушка безопасности.

Элохим приподнялся на заднем сиденье, достал пистолет и хладнокровно выстрелил сатра в лоб.

– Ну, в общем-то, по правилам дорожного движения мы тоже были неправы, – дипломатично сообщил Часовщик своему шефу.

– Это резиновые пули, я только что сменил обойму, – Атаниэль не собирался поддерживать шутку.

Элохим согнал Часовщика с водительского места, быстро перебрался вперед, прислонился к спинке и с шипением дернулся – на спине, между черных от копоти обрубков крыльев, зиял украшенный волдырями ожог.

– Может, я все-таки? – предложил Часовщик.

– Времени нет, – бросил элохим.

И действительно – сзади показался первый автомобиль преследования. Иво теперь сидел рядом с альвом, свободно болтавшимся по всему заднему сиденью. Атаниэль легко дернул два рычага одновременно и нажал какую-то педаль – «гелен» словно приподнялся, а затем спокойно слез с груди металла.

Элохим был явно более крутым водителем, нежели Часовщик. Он легонько прикоснулся к рычагам, кнопкам и крутилкам, и машина, словно живая, выполняла все его прихоти.

– Ты же второй раз за рулем моего джипа, как у тебя получается? – возмутился Тек-Чат.

– Руля у твоего джипа нет, – опроверг высказывание элохим. – И не забывай – ты техник, мастер. А я – потребитель, гонщик. И каждый из нас в своей области – гениален.

– Поворот направо, – заявил альв, не открывая глаз. Его знобило, и видеть дорогу он не мог никак. – Поворот направо, сейчас же.

– Тише, братишка, нам бы только до Исаакия добраться... – пробормотал Атаниэль.

– Разворот, немедленно, разворот, – зачастил Маж, мечась по заднему сиденью.

Впереди показалась улица Добролюбова, но не успел джип выскочить на перекресток, как перед ним без каких-либо спецэффектов открылась гигантская яма с переплетением труб внутри. Позади догоняли машины преследователей, а сверху кто-то мастерски всадил по колесам правой стороны несколько пуль, отчего «гелен» едва не закрутило.

Атаниэль, матерно поминая Семерых, лихорадочно дергал рычаги, сидящий рядом с ним Часовщик извлек из-под сиденья полуметровую трубу, похожую на гранатомет, и подсоединил проводок, идущий от нее, к разъему в торпеде.

– Под арку, немедленно, под арку, – зашептал альв, брызгая слюной и все так же не размыкая глаз.

На этот раз элохим послушался и рванул под арку между старинными домами – ехать туда, с одной стороны, было форменным самоубийством, большинство местных дворов являлось узкими «колодцами», сплошь уставленными машинами, с другой же, оставаться на улице было еще более опасно.

– Разворот и обратно, – потребовал Маж.

Атаниэль послушался и на этот раз, оставив позади так и неисследованный двор.

«Гелен» вышибал дисками искры из асфальта, его кренило, но он продолжал ехать. Выскочили обратно на Кронверкский – преследователи не поехали за ними под арку, а решили, видимо, перехватывать с другой стороны квартала, – и свернули на ближайшей перед аркой улочке. Сверху тоже больше никто не стрелял. Джип прошел между двумя автомобилями, легонько задев бампер каждого, затем, поднятый элохим на два целых колеса, проскочил мимо громадной ямы, перед которой начала собираться пробка, и через минуту уже ехал по Биржевому мосту, покидая негосте-приимную Петроградскую сторону и стремясь к Васильевскому острову.

Альв молчал, Иво сидел в углу. Впереди с руганью управлял джипом Атаниэль, пытаясь выдавить из умирающей машины хоть что-то, а рядом с ним сосредоточенно возился в трех выдвинутых из торпеды панелях Часовщик.

На Стрелке Васильевского острова удалось разогнаться. Иво мельком взглянул на Ростральные колонны, и тут его озарило. Но рассказывать об увиденном было совершенно не к месту. На Дворцовый мост проскочили на красный, кроме них, в том же направлении никто не ехал. Однако, оказавшись на мосту, увидели, что его дальний конец перегорожен фуруй.

– Приготовься! – заорал альв. – На два – поворот налево!

Он даже сел – хотя глаза его были все так же закрыты.

– Два!

Элохим, не размышляя, дернул рычаг, и машина вывалилась на встречу.

– Прыжок!

Атаниэль скривил губы в злобной ухмылке и со всей силы ударил по кнопке.

Джип взмыл в небо, легко перелетел через перила моста и еще некоторое время набирал высоту.

– Накладываю морок, – проинформировал Часовщик. – А жаль, такое зрелище, наверное!

На слове «наверное» «гелен» совершил посадку. Иво четко видел – внизу только вода и ничего больше. Но упал автомобиль на что-то твердое, более того, пробил это «что-то», погасив большую часть скорости, и застрял мордой вниз, совсем немного не войдя в воду.

Они висели в воздухе, а самые краешки передних колес лениво лизала мелкими волнами Нева.

Глава 7

Александр несколько раз побывал в Зеленогорске, красивом городке, когда тот назывался еще Териоки, но с тех пор все тут изменилось неузнаваемо, как изменился и он сам.

Санаторий на окраине Зеленогорска являлся территорией не для всех – здесь отдыхали члены стаи Рыжих Хвостов маах'керу и их самые уважаемые гости. Сейчас они вдвоем с Креоном находились в номере класса люкс, и взбешенный сатра орал на верог:

– Кто настаивал, чтобы Одиннадцатый равелин вращался? Ты, Александр! А ведь я был против! Можно поднять протоколы и по-смотреть, мать вашу!

Вампир ждал объяснений.

Общую суть происшедшего он уловил – было нападение на штаб-квартиру, погибли Стас, Мохаммед и еще трое бойцов, несколько магов отравлено. Также стало понятно, что экстренные меры не включили запрет на выход из равелина своих, и новость наверняка дошла и до матерей кланов дейвона, и до глав землячеств джинна, и, естественно, до всех сатра, что наверняка больше всего бесило Креона, всю жизнь доказывавшего родственникам, что он – самый лучший. В то, что нападение спланировали и выполнили в одиночку альв и его друзья, Александр не поверил, но говорить об этом пока не имело смысла.

– Потери невелики, – начал успокаиваться сатра. – Плох сам факт, теперь надо действовать аккуратно, но при этом агрессивно, чтобы никто не заикнулся, что мы ослабли. Думаю, пора двигаться на север, домен моих дальних родственников на Черной речке нужно прибирать к рукам – это сделает более сговорчивыми джинна на Крестовском острове и покажет остальным, что мы не теряем хватки. Обязательно надо подогреть конфликты между другими объединениями. Одиннадцатый равелин получил серьезные повреждения – во время вращения в нем произошел взрыв. Долбанный Стас хранил у себя «Сердце огня» и другие довольно-таки опасные вещи, что именно так рвануло – покажет расследование. А сейчас надо подумать – чинить или капитально переделывать.

– Переделывать, – сказал Александр. – Закрывать Иоанновский равелин и прилегающие территории для туристов под видом реконструкции крепости и сделать Одиннадцатый капитальным.

Сатра усмехнулся. Они оба понимали, что никакой другой ответ в данной ситуации не будет правильным.

– Альва отрубили от источника? – спросил верог.

Он не хотел этого. После отсоединения мятежный мальчишка из голубой сферы мог сразу же сбежать – свои его примут где угодно, Рамаажизни за годы рабства стал очень сильным магом, хотя наверняка еще не осознал своего могущества.

– И альва, и элохим – Исаакий отказался от немедленной войны и согласился отключить его. Я бы давить на них не стал, но, после смерти Стаса, Настя решила, что она теперь за старшую. Некоторые члены совета попытались ей что-то втолковать, но она чуть не пустила в ход силу, и они решили не связываться, сделав вид, что подчиняются. Она сделала несколько ошибок, но осуществила пару рискованных, но успешных мероприятий –

как, например, с элохим. Впервые лет за сорок мы их уели, и за это спасибо можно сказать калеке Атаниэлю и твоей своенравной дочери Насте.

– Что ей грозит? – Александр понимал, что оставить его дочь без наказания в этой ситуации Креон не мог. Существовали варианты на подобный случай, и ни при каком раскладе Настя не могла оказаться у власти. – Я могу усыпить ее на несколько лет. Пусть полежит, подумает.

– Усыпить одного из сильнейших магов? – Креон сделал вид, что поражен, но сыграл довольно плохо. – Мы для этого ее прокачивали с помощью альва? Чтобы она спала во время кризиса? Нет, Настя пойдет под начало к Лирке да Глисиа или Саину и будет участвовать во всех серьезных операциях. А за что такое понижение, объяснишь ей ты.

– Мы возвращаемся в Петербург? – вампир не сомневался в ответе, но, к его удивлению, Креон отрицательно покачал головой.

– Мы остаемся здесь, и этим показываем, что у нас не происходит ничего страшного. И пусть наши младшие слегка повоюют, по-грызут друг друга, попробуют выползти наверх. Слишком давно все было очевидно и просчитано на десяток ходов вперед. Им не мешает почувствовать на себе, что власть, за которую они так увлеченно бьются, – это не только деньги и энергия, но и пот, и разбитые в кровь носы, а иногда и смертельная опасность.

Александр коротко поклонился.

Иногда ему казалось, что Креон заигрывается, но, как правило, «зеленый» выкручивался из самых сложных ситуаций с немалым выигрышем как для себя, так и для «Ложи». И это было единственной причиной, по которой Александр, маг гораздо более старый и сильный, стоявший в свое время у истоков «Ложи Петра и Павла», терпел этого сатра.

Однако в этот раз, верог чувствовал это, хотя и не был наделен даром предвидения, тучи над объединением сгущались грозные. Нападение наверняка кто-то подготавливал, и этим «кем-то» были настоящие враги «Ложи». Враги хитрые, сильные и владеющие непростым навыком выигрывать битвы, ни разу не показавшись на поле боя. Альва, элохим и человека кто-то использовал как пешек, отчаянно прорывающихся в ферзи.

«А если они сами?..» – робко скользнула мысль в голове Александра, но тут же была смята логикой и здравым смыслом.

«Красный» уже сто семьдесят лет был вторым лицом в «Ложе», при нем сменилось восемь первых. Позиция его устраивала более чем.

Следствием разговора стало то, что он понял – сразу же после этого кризиса надо будет сменить нынешнего лидера. И поставить дейвона. Матери кланов в последнее время развернули пропаганду среди членов «Ложи», хотя к прямому вредительству их агенты, известные Александру наперечет, вроде бы не переходили. Сильные маги и добившиеся хоть чего-то в объединении «серые» не поддавались на провокации, а вот самые младшие колебались, и время от времени кто-то уходил.

– Значит, пока отдыхаем, – подвел итог разговору Креон. – Ну что, прогуляемся до бара, на «процедуры»?

– Можно, – кивнул Александр.

Как бы ни шли дела, он не видел смысла отказываться от хорошего вечера.

– Прямые критские дороги... – с восторгом пробормотал сатра в дорогом темно-фиолетовом костюме, проявляясь из пустоты рядом с подвешенным над водой джипом. Вместе с ним проявилось и все судно – серый плот-понтон размером восемь на шесть метров, пустой, с невысокими перилами по бортам. В передний край этого понтона и врезался «гелен». – Вас за плохое поведение с моста выгнали?

Иво от удара о переднее сиденье соображал с трудом, зато пристегнутый и оттого почти не пострадавший Часовщик бодро ответил:

– Пробки, будь они неладны, объезд ищем!

Судно медленно шло в сторону Петропавловской крепости.

– Разворачивай, – потребовал элохим, который, судя по всему, от боли и слабости не мог встать с места. – Разворачивай, я сказал!

Для подтверждения угрозы Атаниэль поднял пистолет, но ствол его ходил ходуном, словно описывая в воздухе силуэт щеголя-сатра.

– Сами разворачивайте, – хладнокровно ответил «зеленый», спокойно достал телефон, набрал номер и сказал в трубку: – Полный отбой, за мной неустойка.

Затем отошел к краю понтона и, сунув руку в воду, что-то сделал. На поверхность вынырнул небольшой водный мотоцикл, видимо прикрепленный под понтоном на всякий случай.

– И, если встретите Стаса, передайте ему, что он свою часть договора не выполнил.

Иво хотел крикнуть вслед отплывающему от понтона сатра, что Стасу теперь никто и ничего не предъявит, но решил, что это будет слишком театрально. Если быть откровенным, то невозмутимый сатра произвел на него впечатление.

Часовщик быстро разобрался с управлением понтоном, поцокал на талисман, державший под мороком судно и все, что находится на нем.

– Аглицкая работа, – заявил он. – Я такой как-то раз заряжал, но этот посложнее и похитрее будет – он с психогенератором, чтобы, значит, все вокруг обплывали. А на угрозу сверху британцы явно не рассчитывали.

Вместе с тяжеленным джипом плот шел неохотно. Иво, оставив уснувшего, несмотря на все встряски, щенка в машине, обошел пару раз «гелен», разминая ноги и пытаясь избавиться от головокружения, и на втором круге обнаружил, что одна секция под его ногами звучит иначе, чем другие. Он наклонился, стукнул по металлопластику и убедился, что здесь и впрямь что-то есть.

– Дай я, – подошел Тек-Чат. – Вот тут должен быть рычаг... Нет, кнопка... Ага, вот так нажимаешь, а здесь подхватываешь!

Он ловко подцепил край панели и, кряхтя, вытащил из центра судна довольно большой ящик. В образовавшейся внизу дыре плескалась вода.

– А открывается эта штука... – Часовщик полностью ушел в загадку, хлопая по ящику с разных сторон. – Открывается вообще просто! Оп-па!

Под откинутой крышкой обнаружился темноволосый человек. Хотя, присмотревшись, Иво по заостренным ушам и ногтям, больше похожим на когти, понял, что это оборотень – невысокий крепыш, совсем еще пацан. Он лежал неподвижно, с закрытыми глазами, а потом внезапно открыл их и спросил:

– Ху ар ю?

– Чего? – заинтересовался Тек-Чат. – Это по-каковски?

– По-английски, – пояснил Иво. – Спрашивает, кто мы, а мне ему даже сказать нечего.

– Я ему объясню, – элохим с кряхтением вылез из наискосок торчащего в понтоне джипа. – Отойдите на всякий случай – если он в драку полезет, всех троих здесь же положит, мы не в том состоянии.

– Да и он не лучше, – попробовал спорить Иво.

– Пожалуйста, отойдите, – настойчиво повторил Атаниэль.

Человек и Часовщик отошли в сторону. Понтон не плыл, а скорее дрейфовал в сторону Исаакия. Иво почувствовал, что теряет сознание. Вялыми руками он отогнул рубаху и обнаружил, что, несмотря на картонные футляры, часть ампул разбилась.

Отколов края у четырех, воспитанник слаш выпил их одну за другой.

– Это чего? – поинтересовался Часовщик.

– Не знаю, – признался человек. – Но эта штука позволяет мне не умереть.

Тек-Чат взял одну пустую ампулу, понюхал и пораженно про-изнес:

– Как ты это пьешь? Это же даже нюхать невозможно!

Иво удивленно посмотрел на ушастого водителя. По его мнению, лекарство было слегка терпким, но вообще-то безвкусным. Воспитанника слаш мутило, но сознание слегка прояснилось.

– Что, тутти-ту, вообще происходит? – поинтересовался из джипа Маж. Слова альв произносил медленно, с трудом.

Элохим поднялся от ящика с оборотнем и подошел к машине, присоединяясь к остальным.

– Маж, братишка, благодаря тебе мы ушли от «Ложи». Только объясни, что это был за трюк с вещанием?

– Трюм с вещами, тутти-там?

Альв явно пребывал еще вне этого мира. На заднем сиденье не было ремней безопасности, и он пострадал не только от пары заклинаний, но еще и от всех ухабов и ударов, а также от прыжков машины.

– Ну, то, как ты указывал нам дорогу. Здесь поверните, там развернитесь, тут подпрыгивайте!

– Подпрыгивайте, тутти-ту? – помотал головой альв. – Последнее, что я помню – это как Иво выстрелил в воздух, сатра и дейвона отпрыгнули, ты швырнул меня во второй лифт, я в полете, тутти-там, кинул что-то там в коридор... Ага, еще вроде помню, как мы нажали на первый, но он оказался не первым, и как... Нет, дальше не помню. Атаниэль, как мы оттуда выбрались?

– Вначале мы очень долго ехали в лифте – подозреваю, что нас успели перехватить с ручного управления и отправили к группе поддержки. Дальше ты «длинной рукой» швырнул сзади во встречающих стул, и они решили, что нападение с двух сторон, а стул разбил окно. В тебя ударили заморозкой, я взял тебя под руку и решил сыграть в регби за трехчетвертного.

– Во что и за кого, тутти-ту?

– Я взял тебя на руки и помчался к окну, выпрыгнул с двенадцати метров, порезавшись осколками, получил какую-то хрень в спину – по касательной, как я подозреваю, – встретил внизу Иво, а дальше все по плану... Наверное. Потому что на мосту нас встречали, и я опять играл тобой в регби, но местные форварды меня вырубili.

– Дальше я скажу, – вклинился Тек-Чат. – Я вас встречал, как и договаривались. Подъехал на шум, помог Иво затащить два полутрупа в машину, наложил на нее морок и рванул оттуда. Дальше мы прыгали, катались, врезались, а ты неожиданно взял на себя роль штурмана и командовал, куда ехать. Последний приказ был прыгать через перила Дворцового моста.

– И вы выполнили, тутти-там?

– Ну, ты же видишь, где находится машина? – вопросом на вопрос ответил Атаниэль.

– Ничего не помню, тутти-ту, – пожаловался Маж. – Возможно, от шока открылись новые способности... Но скорее всего, просто «поймал волну» – баек про подобные случаи с нашими я слышал немало. Тек-Чат, что за гадость у тебя в руках?

– Это его, – Часовщик ткнул пальцем в Иво и протянул ампулу альву. – На. Воняет.

– Я и отсюда чувствую, – Маж взял стекляшку. – Это делали альвы.

– И что это такое? – спросил Иво.

– Наркотик, наверное, – спокойно пояснил Маж. – Точнее не скажу, я в этой области полный ноль. Но вообще мои родственники славятся производством магических галлюциногенов. Одни открывают притон, другие, кто посерьезнее, – фабрику. Где ты взял эту пакость?

Иво рассказал про свои обмороки и Стаса, про сейф, вынул из-за пояса картонки с ампулами.

– Ну, парень, ты выдал, тутти-ту! Ларчик просто открывается – в камере ты непроизвольно использовал магию, такое бывает с необученными. Растратил силы, почти умер. Стас вколол тебе наркотик в расчете, что ты еще немножко поживешь, или зная что-то, что мне лично неизвестно. Препараты альвов в большинстве случаев – просто магические галлюциногены, рассчитанные на представителей разных сфер. Но возможны всякие эффекты. В твоем случае эта дрянь помогает выжить, но и эффект привыкания налицо.

– Ты можешь что-нибудь с этим сделать? – поинтересовался Иво.

– Способов поддержать тебя я не знаю, кроме как передать тебе часть своей энергии, и ты вряд ли забыл – это очень болезненно и неприятно, – признался Маж. – Но на самом деле все это уже не имеет значения. Меня только что отрезали от источника.

– Меня тоже, – добавил Атаниэль. – Я не говорил, думал вначале посоветоваться с тобой.

– А я плачу сто пятьдесят долларов в месяц и в ус не дую! – заявил Тек-Чат. – Источник Часовщиков с авторынка «Северный Маршал».

– Людей подключают?

– Элохим подсоединяют?

– Альвам тоже можно, тутти-ту?

– Ну, налетели! – Часовщик поморщился. – Нет, ребятки, только для своих и только по протекции.

– Я знаю, где находится источник Феофана, – вдруг выдал Иво. – Надо...

– Это миф, – желчно заявил Атаниэль.

– Надо пытаться выжить, а не гнаться за химерами, – подтвердил Маж. – Кстати, я вижу гроб с оборотнем или сознание все еще подводит меня?

Иво покорило то, как от него отмахнулись. Голова снова кружилась, слова элохим доходили как сквозь ватную пелену, а тот объяснял альву, что в ящике – живой мальчишка-оборотень из Канады, которого, скорее всего, привезли в «Ложу» на смену Мажу, и сейчас он спит – пацан очень истощен, для его перевозки использовали контейнер с серебряными вставками, а он, дурак, пытался выбраться, оцарапался и теперь чувствует себя неважно.

– Я сейчас умру прямо здесь, – признался Иво. – А источник находится на дне Невы, между Стрелкой Васильевского острова, Петропавловской крепостью и Эрмитажем. Дейвона глядят с Ростральных колонн, элохим на Петропавловском соборе и Александрийском столпе.

– Умирать погоди, – альв выбрался из джипа, с удивлением глянув на спящего щенка. – Сейчас что-нибудь придумаем.

Маж взял из рук Иво картонки, вынул одну ампулу, ловко сшиб ногтем головку, затем с неожиданной силой загнул Иво голову назад и вылил по паре капель в глаза человеку.

– Дозу увеличивать нельзя, попробуем окольные методы, что-то я про такое слышал, – пояснил альв. – Ну как?

– Легче, – вяло согласился Иво. – Вы про источник поняли?

– Поняли, поняли, – разозлился элохим. – Ты предлагаешь устроить поиски под носом у «Ложки»?

– А ты испугался? – вдруг принял сторону Иво Маж. – Я предлагаю такой план: нашего героя положить спать, на подольше – организм, возможно, выкарабкается, он молодой и сильный. Я возьму оборотня и Иво, найду место, где можно переждать некоторое время. А ты, Атаниэль, вместе с Тек-Чатом займешься поиском источника.

– Я в воду не полезу, – тут же отказался Часовщик. – И вообще, мне надо как-то оттабаганить машину на Старую Деревню, чтобы починить. Это вы тут все богатые и красивые, а у меня бизнес и двое детей.

– Я один справлюсь, – устало сказал Атаниэль.

Иво успел подумать, а как Маж собирается тащить и его, и канадца, и тут ноги его подломились, и воспитанник слэш выпал из реальности.

Сны у него бывали, но, как правило, – обрывочные и странные, такие, которые запомнить почти невозможно, потому что логика в них отсутствует напрочь. Однако на этот раз Иво понимал, что спит и что сон этот плохой, неправильный. Вначале вокруг было темно, как в кинотеатре перед началом показа, затем из темноты вышла смутно знакомая фигура в белом халате.

Иво присмотрелся – это был Стас.

– Ты убил меня и за это будешь страдать вечно! – мрачно заявил верог. – На тебе лежит мое посмертное проклятие.

Он вынул из-под халата саквояж, раскрыл его и начал доставать ножи, пилы и тиски. Тьма вокруг рассеялась, теперь это был кабинет, похожий на зубной, и беспомощный Иво лежал посреди него на кушетке, а рядом помахивал зазубренным скальпелем Стас.

– Это же сон, – удивленно сказал Иво. – Во сне ты мне ничего не сделаешь.

– Вечно будешь страдать, – зловеще пробормотал вампир и сделал первый порез внизу живота.

Крови оказалось много, зато совершенно не было боли.

Иво легко высвободился из пут и отошел от кушетки, отметив, что на его месте осталась лежать кукла, смутно похожая на него. Стас продолжал резать куклу, время от времени патетически сообщая, что так будет продолжаться вечно. Иногда верог откладывал скальпель и начинал загонять иголки под ногти кукле или вкалывать ей большим шприцем какие-то препараты.

Кукла орала и корчилась. Иво было неприятно смотреть на все это.

Дурацкий спектакль продолжался и впрямь долго. Фантазии у Стаса оказалось немного, зловещие фразы то и дело повторялись, пытки тоже не блистали разнообразием. Если бы Иво мог, он бы поспал – такую скуку на него нагонял издевающийся над куклой «красный».

Но Иво и так уже спал и прекрасно это понимал.

Ни перестать смотреть на этот дешевый балаган, ни как-то вмешаться в представление он не смог, как ни пытался, и поэтому, почувствовав, что может проснуться, с громадным облегчением закрыл глаза там – и открыл в другом месте.

Иво попробовал пошевелиться – однако руки его были связаны и уже затекли.

Он лежал на продавленной кровати в узкой длинной комнате, захламленной кучей мебели эпохи советской империи. Рядом на табуретке сидел понурый Маж, дымка вокруг альва стала почти прозрачной, один его глаз заплыл от кровоподтека, другой смотрел зло и пристально.

И посмотреть было на что. Кроме альва и человека в комнате находились четверо элохим, каждый из которых был куда выше Атаниэля, а тот превосходил Иво на полторы головы и Мажа на все три.

– Кто у нас проснулся, – громогласно заявил стоящий в центре комнаты «белый». – Историю твоего друга мы выслушали, теперь ты расскажи нам что-нибудь.

Заговоривший с Иво выглядел старым, очень старым. Сморщенная кожа лица задубела и была похожа на резное дерево, серые глаза глубоко запали. Остальные трое крылатых казались ненамного старше Атаниэля, но смотрелись куда более опасными.

– Я не дал тебе умереть, чтобы иметь возможность решить твою судьбу, – высокопарно заявил старик. – Так что ты можешь не благодарить меня.

– Они всегда так выражаются? – поинтересовался Иво у Мажа.

Он решил, что все еще спит, и потому можно не церемониться.

– Это же элохим, – пожал плечами альв. – Лучше не зли их и отвечай на вопросы, тутти-ту.

– А Атаниэль по-человечески разговаривает, – настаивал Иво.

– Он мало общается со своей родней. А они друг с другом – постоянно, тутти-ту, – поясняя, Маж подмигивал Иво и делал страшное лицо. – Ответь им на вопросы, тутти-там!

– Спрашивайте, – пожал плечами Иво.

– Кто ты такой, как познакомился с Атаниэлем и что у тебя есть против «Ложки Петра и Павла»? – спросил элохим сурово.

– Человек, случайно, козлы они все, – небрежно ответил Иво, вызвав страдальческий стон у Мажа.

Старик кивнул своим, элохим помоложе подошел к кровати и слегка лягнул ее в спинку. Ложе вместе с Иво проехало метр, ударились обо что-то и развалилось. От встряски у воспитанника слэш прояснилось в голове, и он внезапно осознал, что происходящее – действительно не сон.

– Попробуй еще раз, поподробнее, – порекомендовал старик.

– Я человек, меня воспитал слаш. Два дня назад моего приемного отца убили. Пытаясь найти убийц, я случайно встретил Атаниэля, мы с ним поссорились, а потом помирились, и он предложил мне вместе с ним начать войну против «Ложи Петра и Павла». Опыт общения с «Ложей» и рассказы о них подтвердили, что они использовали Мажа и, судя по всему, других детей в магических экспериментах. Я предполагаю, хотя у меня и нет доказательств, что они убили моего приемного отца.

– Таризель? – сдержанно спросил старик.

– Все сказанное – правда, хотя наверняка не вся, – подтвердил один из крылатых мордоворотов, поглаживая простенький деревянный браслет на левой руке. Одет этот элохим, как и пара его приятелей, был в классический серый двубортный костюм. Иво пришла в голову мысль: «А как они надевают подобное поверх крыльев?»

– Значит, подождем, – дед прикрыл глаза и сложил руки на груди. Крылья за его спиной слегка приподнялись и разошлись.

– Чего подождем? – не понял Иво.

– Труповозку, тутти-ту, – нервно ответил альв.

– Зачем труповозку? – снова не понял воспитанник слаш.

– Трупы возить, тутти-там.

– Какие трупы?

– Наши с тобой трупы, кретин, тутти-ту! – сорвался наконец Маж. Элохим стояли недвижимо, никак не реагируя на его слова. – Мы спустимся вниз, нас убьют и отвезут на кладбище, тутти-там!

Лампочка без плафона слабо освещала комнату – было в ней ватт сорок, вряд ли больше. Сквозняк из открытого окна покачивал ее, и полумрак вкупе с двигающимися тенями делал обстановку зловещей и загадочной.

– За что? – Иво окончательно проснулся, но соображал все еще туго.

– Не за что, а зачем! Если мы будем мертвы, тутти-там, Атаниэль не пойдет один против «Ложи», и элохим смогут откупиться от них! Понимаешь, мы – та самая плохая компания, кошмар для родителей, тутти-ту! Из-за нас он ступил на кривую дорожку – ну, там, пьянка, милиция, совет магов и публичное аутодафе, тутти-там.

«Белые» даже не пошевелились, а старик, кажется, даже заснул, словно убаюканный криками. В отличие от младших элохим, он был одет не по-деловому, а просто и комфортно – бежевая водолазка, серые, явно уютные джинсы. Подобных стариков Иво не раз видел на Васильевском острове – аккуратные, в удобной и будто бы недорогой одежде, они чаще всего владели редкими и недешевыми иномарками, а жили в больших расселенных коммуналках.

– Ну, в чем-то они правы, – признал Иво. – Но я не верю, что Атаниэль вот так просто откажется от мести. Только теперь не только «Ложе», но и своим.

– Логично, тутти-ту, – согласился Маж, догадавшись, куда клонит Иво. – Они убили его друзей, об этом он так или иначе узнает, тутти-там. Парень он горячий, кого-нибудь обязательно зарежет, а то и Исаакий взорвет.

Старый элохим едва заметно переступил с ноги на ногу.

– Мы только сегодня несколько раз спасали ему жизнь, и он нам тоже. – Иво сделал вид, что задумался. – Слушай, у них будет только один выход – связать его и держать под замком.

– Сбежит ведь, тутти-ту, – подыграл Маж. – Перед тем как связать, надо бы им его избить хорошенько, чтобы запугать, тутти-там.

Дед вплотную свел за спиной крылья, на лице его появилось отвращение.

– Избить – мало, ты что, Атаниэля не знаешь? – возмутился Иво. – Им придется сломать его психологически. пытки, давление, затем вроде как ласково упрекнуть, накормить, а потом неожиданно – бац! – и снова пытки.

– Заткнитесь, уроды, – не выдержал один из крепышей. – Атаниэля у нас никто пальцем

не тронет, он и так убогий!

– Ну, тогда я не знаю, – сделал вид, что расстроился, Иво.

– Мы не будем вас убивать, – неожиданно сказал старик. – Молчите! И вы – тоже! – шикнул он на заволновавшихся сородичей. – От Атаниэля скрыть правду несложно, но я не хочу врать мальчику.

Дед сжал челюсти, поиграв желваками, затем нахмурился. На его выразительном лице последовательно сменились несколько эмоций – от удивления до отвращения и решимости.

– Надо было сразу отправить его подальше, никто из элохим не посмел бы отказать ему в пристанище, он как упрек и предупреждение для всех нас. Мальчик любит риск, ему не хватает неба, и дело рано или поздно кончилось бы печально. И я даже рад, что он с вами.

– Но... – начал Тариэль, но умолк под пронзительным взглядом старшего.

– «Ложа Петра и Павла» окружает нас с трех сторон. Пройдет несколько лет, и они окажутся и с четвертой. И что? Жизнь в курятнике? В окружении лис? Летать только по пропускам, в пятницу вечером?

– Нет! Мы нападём на них! – снова не выдержал Тариэль.

Остальные двое мордovorотов подались вперед, готовые подтвердить – да, они будут сражаться и, если надо будет, погибнут.

– Заткнись, мальчик, – старый элохим хмыкнул. – Не помнишь, как это бывает? Сейчас мы нападём на них, а завтра на нас нападут джинна. Урок старый и хорошо запоминающийся – они разделяют и властвуют. Сегодня Атаниэль отправился в свой первый полет, а я, старый элохим, понял, что у меня подрезаны крылья. Альв и человек! Берегите Атаниэля. Скорее всего, вы трое погибнете, но сделаете это в полете. А я слишком стар – я умру в курятнике.

В этот момент в распахнутое окно влетел еще один «белый».

– Машина внизу, – тихо произнес он. – Все спокойно?

– Да, – старик улыбнулся. В глазах его горел фанатичный огонь. – Машину убирайте, все, улетаем.

Новый чужак не удивился такому решению – лишь сдержанно кивнул и вылетел прочь, за ним сгнули трое крепышей, а последним на подоконник с трудом взобрался дед. Он обернулся и сказал:

– Вами Повар интересовался. Не пытайтесь с ним драться.

И, не ожидая реакции, повернулся и сделал шаг наружу.

Иво решил, что старик точно не сможет взлететь и разобьется, едва покинув окно, – однако, к его удивлению, элохим сошел с карниза легко и непринужденно и полетел, даже не просев на несколько сантиметров, как остальные.

– Крепкий дед, – признал он.

– Всех нас переживет, тутти-ту, – согласился альв. – Ты знаешь, что за повар?

– Нет, – Иво пожал плечами. – Может, Атаниэль знает?

Глава 8

Несмотря на ночь, в Одиннадцатом равелине кипела жизнь. Дейвона в рабочих комбинезонах меняли выбитые и покосившиеся окна, молодые сатра и джинна оттирали и замазывали следы недавней битвы. Восстановить кусок стены, за которым когда-то был кабинет Стаса, за такое время было невозможно, но на его место повесили баннер, на котором были нарисованы окно и стенные панели.

А в большом круглом зале уже долгое время шел совет, и перерывы становились все чаще – атмосфера озабоченности и подозрительности, столь непривычная для равелина, действовала на нервы тем, кто еще недавно был уверен, что контролирует чуть ли не весь Петербург.

– Я считаю, что надо немедленно атаковать сатра на «Черной речке», – Настя не могла держать себя в руках, ее бледное худое тело подрагивало, а когти вылезли из пальцев. – Те, кто отдал нам мальчишку-«коричневого», знали, что посылают ядовитый подарок.

– Креон отстранил тебя от руководства и правильно сделал, – невысокая рыжая джинна неохотно цедила слова. – Настя, пожалуйста, сядь и не вставай, пока не захочешь сказать что-то новое.

– Мона ре Монакайбо, – с шипением произнесла верог. – А ты вообще как маг – никто! Ты просто бухгалтер! Что ты здесь делаешь?

Джинна выдержала долгую паузу, поправляя янтарную брошь на небесно-голубом платье, идеально сочетающуюся с ее волосами.

– Послезавтра Часовщики с Апраксиного рынка должны передать нам сто тысяч евро. Эти деньги уже расписаны и большей частью потрачены. Настя, сколько денег дадут нам послезавтра Часовщики?

– Сто тысяч, – уверенно ответила верог.

– Ни копейки, – возразила джинна. – Они попросят отсрочки в надежде, что вот-вот начнется война и нам станет не до них. Я знаю все деньги, которые у нас есть, которые должны прийти в ближайшем будущем и которые мы должны потратить или уже потратили, не имея их на руках. Причем в финансовых делах мы не сможем вести все так, чтобы нам тут же поверили на слово. Мы зависим от сатра в Британии, от джинна в Испании, от Часовщиков в Швейцарии. Если мы станем невыгодными партнерами, морская контрабанда пойдет через Прибалтику, наркотики тоже найдут другие перевалочные пункты, и даже абсолютно законные сделки будут расторгнуты, а все договора заключены с другими. Я не лезу в стратегические планы, но если при мне говорят очевидную глупость, которая чревата катастрофой, я молчать не буду! Война сейчас убьет нас!

Все присутствующие молчали, обдумывая выступление обычно немногословной джинна. Она разыграла сильную карту – деньги. Было понятно, что ей можно и нужно возразить, но непонятно – как. Креон находился в семидесяти километрах от Петропавловской крепости и вроде как устранился от руководства, а скорее просто сбежал на время кризиса, чтобы после его завершения прийти и раздать всем сестрам по серьгам – кому повышение, а кому и строгий выговор с занесением под брусчатку крепости.

– Войны быть не должно, – произнес длиннорукий сатра в легком светло-зеленом шелковом костюме. – Но и прощать ошибки окружающим мы не имеем права. Нам нужно обдумать пару акций, коротких и ярких, как сегодняшнее выступление наших противников. Ну и, естественно, надо уничтожить альва и элохим.

– И человека, убившего Стаса, Гекатон? – поинтересовалась Настя. По ней не было видно, что она скорбит по мужу, да и особой любви между ними не наблюдалось, хотя кто их, верог, поймет?

– И человека, убившего Стаса, – подтвердил сатра. – Альва и элохим уничтожить на месте: они опасны и их сложно удержать в руках. А человека мы убьем демонстративно, на чужой территории, и так, чтобы все ужаснулись. А сейчас давайте обдумаем, что можно сделать яркого, зрелищного. Предлагаю припугнуть Часовщиков, устроив рейд на рынок «Северный Маршал», тем более что в сегодняшнем набеге принимал участие и ушастый. После этого лидеры Апраксиного рынка трижды подумают, прежде чем не дать нам денег. А также захватить один из двух источников сатра на «Черной речке», благо предлог есть. Второй источник мы предложим одновременно альвам, оборотням и дейвона, граничащим с сатра в этом районе. И даже предложим небольшую помощь.

– И не дадим ее? – поинтересовалась с улыбкой Настя.

– Почему же, дадим, – рассмеялся Гекатон. – Тем, кто не сможет получить контроль над источником сатра.

После исхода элохим из комнаты Иво успел не только осмотреться и освоиться – во время визита «белых» времени на знакомство с обстановкой у него не было, – но и потребовать еды. Жрать хотелось неимоверно, живот подводило.

– Для героев нам ничего не жалко, тутти-ту, – проворчал альв, всем видом показывая обратное – мол, была б его воля, он бы человеку даже воды соленой в море не налил.

На стол из пакета с надписью «24 часа» выложили продукты, от вида которых Иво чуть не захлебнулся слюной.

– Элохим принесли? – поинтересовался он.

– Ага, – поддержал шутку Маж. – Были еще черная икра и буженина, тутти-там, но сам понимаешь – кто долго спит, тому элохим ничего не приносят.

– Как они нас нашли? – Иво уплетал булку с колбасой, запивая молоком, и чувствовал, что ничего вкуснее не ел в жизни.

– Это территория элохим, если бы было светло, ты бы за окном невдалеке увидел крышу Исаакиевского собора, тутти-ту. В общем-то, выбора у нас не было – или тащить вас с оборотнем через полгорода, или соглашаться на условия бабушки, стоявшей неподалеку от Медного всадника с табличкой «сдам комнату», тутти-там.

– И она пустила к себе такую компанию? – удивился Иво.

– Я сказал, что вы пьяные, тутти-ту. Вереск оклемался, маах'керу вообще сильные и живучие, если бы не серебряные вставки в его контейнере, он бы сам оттуда выбрался, тутти-там. Бабка к пьяным относится с пониманием, цену загнула и пустила.

– И куда делся... Вереск?

– Через территорию джинна двинул на Сенной рынок, тутти-ту. Если повезет и его не обворуют, купит у Часовщиков какую-нибудь переводящую штуку, Атаниэль ему денег дал, а то ведь невозможно с ним общаться. Я знаю, такие есть, Часовщики на основе лаптопов и наладонников делают, тутти-там.

Иво почувствовал легкое головокружение и внезапно вспомнил свой сон с верог в главной роли.

– Маж, а есть такая штука – «смертное проклятие»?

– Есть, тутти-ту. Жуткая вещь – убиваешь мага, а потом гниешь заживо, и лекарства от этого нет, тутти-там.

– Стас меня проклял, – Иво внезапно улыбнулся – какая разница, от чего умирать – от проклятия, от наркотика или от истощения тела Силы. – Он приходил во сне и пытал меня. Ну, точнее, я как-то сумел встать, а он пытал оставшуюся на моем месте куклу.

Объяснение вышло путаным, но альв не удивился.

– Проклятие от Стаса? – Маж расхохотался. – Иво, даже не думай, тутти-ту. Посмертное проклятие, настоящее, полноценное, могут создать в Петербурге мага три, от силы – пять. Сам подумай – это проклятие накладывается на тебя, тутти-там, и таскаешь ты его с собой все время, и когда болеешь, и когда дерешься, и когда врач тебя режет. А заклинание это – как граната с чекой, которая замкнута на твою смерть. Чуть напортачил, не рассчитал что-то – и она рванула, тутти-ту. Причем серьезные маги обычно таким не балуются, им не до этого. А Стас, скорее всего, создал что-то по-проще, с кошмарами, тутти-там, чтобы они преследовали его убийцу. Но так получилось, что у тебя нет страха, и ты просто видишь сны с его участием, тутти-ту.

– То есть мне теперь от этих странных кошмаров никак не избавиться?

– Как только подсоединишься к источнику, покажу, что надо сделать, тутти-ту. До тех пор смотри это кино со Стасом в главной роли, тутти-там. Меня больше беспокоит то, что на меня уже дважды делали энвольтацию на смерть – такими темпами, тутти-ту, я за несколько дней растрату всю свою энергию, хотя у меня были очень настойчивые учителя, добившиеся того, что я работаю экономно.

– Энвольтацию? – удивился Иво.

– Тебе не грозит, тутти-там, никто не будет тратить столько сил и времени на умирающего «коричневого» недомага, тутти-ту, – жестоко прокомментировал альв. Чувствовалось, что он вымотан настолько, что сил на расшаркивания не осталось. – Ритуальное проклятие. Если жертва не защищена, то быстро и гарантированно умирает.

Дверь бесшумно открылась, и в проеме появился Вереск.

– Ффы мееня понимаете? – поинтересовался оборотень. Сидевший на его плече щенок радостно тявкнул, и забывший про зверька Иво почувствовал укол ревности.

– С трудом, – саркастически заметил альв. – Часовщики продали тебе по дешевке бракованный переводчик, тутти-ту?

– Оон ссамообучающийся. – Вереск подумал и добавил: – Сказали, что йя за нейделю плодтного общейния доведду йего до совейршенства.

– И нас до белого каления, тутти-там, – добавил Маж. – Как располагаться будем? Я, в общем-то, могу не спать, но кроватей все равно только две, а мы в ближайшее время ждем Атаниэля.

– Йа могу спайть на пполу, – предложил оборотень. – Ходть на сыйрой зеймле.

Сразу после этой фразы ввалился Атаниэль.

– Мне кажется, или канадец заговорил по-русски с немецким акцентом? – поинтересовался он. Выглядел элохим дико уставшим – глаза ввалились, и он сутулился.

– Нашел источник? – альв повернулся к вошедшему, и туманная пелена, закрывающая его постоянно, стала тоньше.

– Нет, – Атаниэль улыбнулся. – Но он там есть. Я разбил дно на двадцать пять квадратов и обследовал их один за другим. На три из них я попасть так и не смог – что-то вроде «лесных колес» сатра водило меня за нос. Если бы не было цели обследовать все, никогда бы не догадался.

В комнате наступила тишина.

Прервать ее решил Вереск.

– Йа подтключен к твум йисточникам, – заявил он гордо. – Праффда, ф Канаде.

– И сильно тебе это помогает, тутти-ту?

Оборотень насупился. Черпать энергию даже за сотню километров от источника долго и сложно, а из Канады – в принципе невозможно. В общем, даже из соседней Финляндии самый сильный маг не смог бы дотянуться до петербургского источника.

– Покажи переводчик, – потребовал элохим.

Вереск дал ему старенький «палм» с нашлепкой на аккумуляторе, явно приделанной туда Часовщиками. Атаниэль достал стилус и пару минут что-то двигал им по экрану.

– Ну-ка, попробуй, – потребовал он.

– Альфа, сосиски, честер, – чисто произнес оборотень. – Так лучше?

– Гораздо! – элохим рассмеялся. – Ты небось торговался?

– Конечно! Часовщики это любят! – с гордостью заявил Вереск.

– Наши – не очень, – пояснил Атаниэль. – Поставили тебе перевод с английского на сербский, с сербского на немецкий, и уже с немецкого на русский. И обратно так же. Сильно цену скинул?

– В два раза.

– За «в два раза» могли и ревербератор¹ для искажения звука вкрячить, но, видимо, пожалели. Надо бы господина Вереска куда-то пристраивать, есть мысли?

– Он, тутти-ту, согласен спать на коврике, – доложил альв.

– Я в глобальном смысле, – поморщился элохим. – Мы в данный момент – не лучшая компания.

– Я знаю, что ваши враги – это мои враги, это они украли меня из стаи, – насупился оборотень. – Я буду драться в вашей стае.

Выглядел он подростком – только начал вытягиваться и походил на человека поразительно. Но Иво уже знал, что эти чуть заостренные уши и грубые острые ногти означали опасных бойцов, всегда держащих свое слово и умеющих перекидываться в разных животных.

– Сколько тебе лет, тутти-ту?

– Почти четырнадцать, – без задержки ответил Вереск. – Но я учился магии и у меня есть два облика.

¹ Устройство, искажающее или дополняющее звук. Чаще всего используется эффект «эхо». (Прим. авт.)

– Два? – с уважением спросил Атаниэль. – Неплохо! А какие?

– Я могу быть волком и волкодавом, – смущенно ответил Вереск. – Начинаящим магам не рекомендуют брать сильно отличающийся второй облик. Хотя многие пробуют.

Иво, слушая разговор, пытался восстановить кровать, разрушенную вторгшимися родственниками Атаниэля. Но все крепления оказались поломанными или согнутыми до полной непригодности.

– Маж, а почему здесь такой бардак? – элохим прошел к одной из двух целых кроватей и растянулся на ней, упираясь головой в спинку, а ноги закинув на стол. – Не мог снять комнату почище?

– Она, тутти-ту, была почище до прихода твоих родственников, – желчно ответил альв. Атаниэль подскочил:

– Кто был?

– Старый такой, тутти-там, лицо, как вяленая груша, от левого виска к шее идет длинный шрам.

– Интраэль... – пораженно пробормотал элохим. – Легенда! Один был?

– С тремя крупными парнями, – вклинился Иво. – Убить нас хотели.

– Вы же... Вы их не?... – Лицо Атаниэля стало похоже на грустный смайлик. – Ведь неправда же?... Да нет, Интраэля нельзя убить...

– Все живы и здоровы, тутти-ту, – поморщился Маж. – И твой Интраэль благословил нас троих – вместе с тобой, естественно – на смерть.

– Как он это сказал? «Пусть сдохнет?» Или: «Если ему пришло время умирать, значит, так тому и быть?»

– «Мальчик полетел». И, тутти-там, по-моему, он тебе зави-довал.

Атаниэль даже рот приоткрыл от удивления. Некоторое время он переваривал информацию, затем лицо его расплылось в блаженной улыбке.

Раздался стук в дверь. Вереск, все еще стоявший у входа, повернулся и без всякой задней мысли открыл.

– Мужики! – ввалившийся человек был худ, невысок и абсолютно пьян. – У нашей коммуналки есть харроший обычай!

На этой длинной фразе он выдохся и попытался уснуть, прислонившись к косяку. Однако оборотень легонько толкнул его, и человек бодро продолжил:

– Проставиться надо, за новоселье.

– Проставляйся, – согласился не понимающий местных акцентов и нюансов Вереск.

– Вам надо проставиться! – попытался донести мысль местный житель.

– Проставляйся нам, – пошел навстречу «харрошему обычаю» оборотень.

– Не, мужики, так дело не пойдет, – обиделся вошедший и чуть ли не выпал из комнаты, но вовремя удержал равновесие. – Я щчитаю, вы неправы.

И, оскорбленно пожав плечами, вышел.

– Я думаю, сегодня ночью приключений больше не будет, – Атаниэль зевнул. – Иво, ты как, отоспался?

– Его, тутти-ту, твой дед слегка подлечил, свой амулет на него использовал, – пояснил Маж. – Но проблему наверняка полностью не снял, надо будет завтра в больницу сходить, тутти-там.

Иво прислушался к себе. Плохо ему не было, хотя слабость и оставалась. А еще мучительно хотелось выпить содержимое пары ампул. Или вколоть. Или хотя бы закапать в глаза. Говорить об этом он не стал.

– Хорошо. – Атаниэль на секунду задумался. – Нам надо подготовиться к поиску источника и не позднее завтрашнего вечера найти его. Деньги у кого-нибудь есть?

– Пять тысяч я тебе отдал сутки назад, вместе с книгой Феофана, – напомнил Иво.

– Книга в надежном месте, – отмахнулся элохим. – А пять тысяч в нашей ситуации – не деньги, да и закончились они уже.

– У меня денег нет, тутти-ту, – туман вокруг альва стал почти непроницаемым. – И ты

знаешь об этом. «Ложа» не выплатила мне зарплату за последние восемь лет.

– Это понятно...

– У меня осталось триста пятьдесят долларов из выданных тобой пятисот, – Вереск посмотрел на Атаниэля, но тот, вопреки его ожиданиям, не обрадовался.

– Итого, – элохим нахмурился. – Если поскрести по сусекам, у нас есть долларов шестьсот. Самый простенький амулет будет стоить сотню, и самые простенькие нам не нужны. С авторазборок в ближайшее время денег не будет, там я все подчистую выгреб. Мои промальпы сами лапу сосут, то есть денег нет тоже. Идти на поиск источника в аквалангах – мне лично страшно, особенно учитывая, насколько близко будет Одиннадцатый равелин. Какие предложения?

Иво внезапно вспомнился курс истории. Учитель, ненавидящий коммунизм и все, что с ним так или иначе связано, часто и со вкусом рассказывал, откуда большевики брали деньги.

– Надо грабить банк, – тихо сказал он.

Все уставились на него. Иво почувствовал себя неловко.

– Я пошутил.

– Банк мы точно не возьмем, – признал наконец элохим. – Но мысль интересная. Чуть меньше суток назад мне пришла от Наблюдателей информация по верхушке «Ложи», я знаю, где и кто из них живет.

– Я красть не буду, – с отвращением заявил Вереск. – Вот встретиться с врагом лицом к лицу – это я понимаю!

– Это юношеский максимализм, тутти-ту, – проворчал Маж. – На войне все способы хороши. Но в данном случае, тутти-там, ты, Атаниэль, просмотрел еще одну возможность.

– Какую?

– Отдать в залог одну из разборок. Ты говорил, тутти-ту, что там есть боксы и подъемники, а значит, этот бизнес стоит денег.

Элохим задумался, и было очевидно, что мысль ему не понравилась. Однако через мгновение он усмехнулся:

– Отличная идея! Если мы переживем ближайшие пару недель, то, я думаю, деньги найти мы сможем. А если не переживем – то они нам будут не нужны!

– Тяф! – напомнил о себе щенок, успевший не только прыгнуть с плеча Вереска на пол, но и обследовать половину комнаты.

– Кому будем закладывать, тутти-ту? – поинтересовался Маж.

– Тек-Чату, я думаю, – ответил Атаниэль. – Он не раз уже намекал, что хочет стать совладельцем. Думаю, мысль стать полным хозяином его обрадует еще больше, ну а цену я заламывать не буду.

Элохим легко вскочил с постели, достал из кармана трубку и набрал номер.

– Добрый вечер, уважаемый, – с иронией произнес он. – Сейчас ты окончательно проснешься. Как тебе нравится вариант выкупить у меня разборку? Нет, естественно, не за сорок тысяч. Скажем, за двадцать пять? И если я не верну через две недели тридцать тысяч, ты станешь абсолютным ее владельцем. Ага. Ага. Нет, не завтра, а через час. Ладно, пусть будет через полтора и там, где ты скажешь. Хорошо, жди.

С торжествующей улыбкой Атаниэль нажал на «отбой» и по-смотрел на друзей.

– Ну что ж! Через полтора часа мы станем богаче на двадцать пять тысяч долларов, а это значит, что котировки нашего безнадежного предприятия резко идут вверх!

– Потрясающе, тутти-ту!

Иво, после семнадцати лет неторопливой и абсолютно предсказуемой жизни, последние дни казались диким калейдоскопом, и, несмотря на полученные раны и смертельную опасность, происходящее ему нравилось. В этом был смысл – в отличие от прошлой жизни, спокойной, но никому не нужной.

Маж и Атаниэль отказались от помощи Иво – он чувствовал себя не очень хорошо и почти наверняка стал бы им обузой. Кандидатура Вереска вообще не рассматривалась. Воспитанник слэш внезапно понял, что с появлением в команде оборотня он сам словно

получил повышение, теперь младшим в компании был канадец.

– Как твоя спина, тутти-гу? – Альв посмотрел на элохим.

– Я к тетушке заходил, она вылечила, – скупое отозвался тот. – Спрашивал насчет денег, никто мне и копейки больше не даст.

– Ну, тогда на выход, – альв улыбнулся, и Иво увидел в этой улыбке безумие.

Маж был готов на любое предприятие, направленное против «Ложи Петра и Павла», а получив на руки приличные деньги, команда становилась куда более опасной.

Альв и элохим вышли, на ходу обсуждая маршрут. Им предстояло пересечь Неву до развода мостов, при этом по возможности миновать территорию «Ложи», а затем так же, обходными тропами, вернуться.

Вереск завалился на кровать, посадив щенка на грудь. Тот, фыркая и твякая, затеял рыть подкоп в подмышке оборотня.

– Вообще, это я его нашел, – заметил Иво.

– Мы с ним просто друзья, – слегка невольно отозвался Вереск. – Он совсем как я. Без дома, без родни. Но мне проще – у меня есть цель. А знаешь, какая у нас в Квебеке погода?

Вереск перескочил с одной темы на другую абсолютно без перехода.

– Нет, – признался Иво.

– У нас там часто идут дожди. Зимой холодно, летом прохладно. А у вас очень жарко.

Оборотень провел несколько дней в ящике и меньше суток на свободе – и все это время в Петербурге стоял зной.

– Если тебе нравится сырость, то в Петербурге тебе будет комфортно, – усмехнулся Иво. – Жара у нас – редкость.

– Тяф! – подтвердил щенок.

Вереск явно не поверил. Он погладил щенка, немного поворочался на продавленной кровати и уснул, о чем сообщил миру ровным сопением с легким присвистом.

Иво же спать совсем не хотелось. Он обыскал комнату и нашел в разваливающемся шкафу, у которого вместо двух ножек были стопки книг, три картонных футляра, в каждом из которых находилось по десять ампул. Вылеченный старым элохим организм не собирался умирать или падать в обморок, но при мысли о содержимом крохотных сосудов сердце немного сдавливалось.

– Я не наркоман, – прошептал Иво. – Мне это не нужно.

В его классе была пара ребят, которые вылетели из школы в одиннадцатом классе, хотя для этого нужно было очень постараться – в последний год до выпуска дотягивали всех, кто хоть как-то учился.

Однако эта парочка умудрилась подсесть на героин, попасть в несколько очень неприятных историй с кражами и встать на учет в наркодиспансере.

Они ходили поначалу гордо и с видом «мы-знаем-что-то-чего-вам-не-дано», но перед большим скандалом и вылетом из школы оба превратились в жалкое подобие людей – нервные, вздрагивающие от каждого шороха, худые, вечно кланчащие мелочь и с глазами, выражение которых Иво так и не смог понять.

А теперь он сам попал в ловушку. Руки тянулись к ампулам будто сами, воспитанник слас с некоторым удивлением смотрел за тем, как ладонь взяла одну.

– Нет, – Иво положил наркотик на место, выскочил из комнаты и прямо перед собой увидел приоткрытую дверь со сломанным замком. За ней виднелся подъезд – обшарпанный и темный.

В другую сторону уходил сумрачный коридор с дверями с обеих сторон и едва светящейся лампочкой вдали. Направившись по нему, Иво миновал одиннадцать комнат. В конце коридора обнаружилась кухня – довольно большое квадратное помещение с рядом из четырех газовых плит, мойкой и десятком столов по периметру.

За одним из столов дремал, обнимая уполовиненную чекушку, давешний сосед.

А за другим стоял колоритный тип – высокий, под два метра, в ярком восточном халате на упитанном теле и с изумрудной змеей, будто бы вырубленной из единого драгоценного

камня и обвивающей шею владельца. Змея была живой и пристально смотрела рубинами глаз на Иво. На голове у типа сверкал белизной шикарный поварской колпак, с баранкой наверху и зеленой эмблемой в виде девятилучевого солнца.

– Это кто? – Иво так удивился, увидев этого человека посреди коммунальной кухни, что легким толчком разбудил пьяного соседа.

– Добрухин, – с готовностью ответил тот. – Из командировки вернулся, пельмени варит. Ты проставляться будешь?

– Через пару дней, сейчас на мели, – ответил Иво, чтобы отделаться. – Пару дней надо еще пережить.

На «Добрухина» тип в халате походил не больше, чем то, что он готовил – на пельмени. Над узкой, изрезанной поколениями кухонных обитателей досочкой молнией сверкал тесак. В нескольких тарелках лежали мелкие кусочки мяса и овощей, рядом толпились склянки со специями, судя по всему, собранные по всей кухне из всех столов и шкафов.

– Хорошее у тебя проклятие, красивое, – заметил тип, не глядя на Иво.

– Это не посмертное проклятие, а так, подделка, – ответил воспитанник слаш.

– Я о проклятии «черных», – тип в халате обернулся, и Иво вздрогнул. Лицо незнакомца было искажено в улыбке – она словно застыла. Змея медленно переползла так, чтобы видеть парня. – Очень аккуратно вплетено в твоё тело Силы.

Когда он говорил, губы, растянутые почти до ушей, не шевелились.

– Ты Повар, меня предупреждали не драться с тобой.

– И зря! Если уж драться, то с более сильным противником, многому научишься. – Иво вдруг показалось, что говорит не человек, а змея. Но это было не так, видимо, гость просто чревоуещал. – Будешь мясо?

Иво готов был поклясться, что секунду назад этой сковороды не было, но теперь Повар держал ее в руке, а мясо и овощи уже выглядели обжаренными, – а на столе не осталось ни мисок, ни склянок.

– Спасибо, я сыт, – ответил Иво, украдкой взглянул на пьяного соседа, а когда обернулся, ни Повара, ни сковороды на кухне уже не наблюдалось. – Черт знает что!

Это наверняка был маг, причем очень сильный. О нем упоминал старый элохим, который сам является неслабым колдуном, и значит, сбрасывать Повара со счетов не стоило.

Что он делал здесь, в этой коммуналке на территории элохим? Ждал ли Иво для разговора или попал сюда по каким-то другим делам? То, что пьяный видел кого-то другого, удивительным не было – Пелена скрывала от людей многие чудеса, и те видели обыденность там, где наделенные магией существа творили необычное. Хотя, возможно, это был наложенный Поваром морок.

Вереск тихо посапывал, около его кровати свернулся клубком щенок. Иво прошел мимо своего диванчика, но не дошел метр до шкафа и вернулся. Лег и закрыл глаза.

И сразу же перед его взором появился Стас с набором пыточных инструментов. Иво встал со стола, отошел в сторону и с тоской принялся наблюдать за глупым и бесконечным спектаклем.

– Ты будешь страдать вечно, – без энтузиазма заявил верог, засовывая когтистую руку в живот кукле.

– Иво! Иво! – раздалось откуда-то издалека.

Воспитанник слаш с радостью вынырнул из сна.

– Тек-Чат?

И действительно, рядом с ним стоял Часовщик. Он был мрачен и озабочен, в глазах мелькало что-то неуловимое, тревожное.

– Твоя помощь нужна Атаниэлю, – торжественно провозгласил «желтый» и поднял указательный палец левой руки.

– А моя не нужна? – пробурчал откуда-то сзади Вереск.

– Про тебя никто... Шеф про тебя ничего не говорил, но, наверное, просто не успел, времени-то мало было, – Тек-Чат косо взглянул на оборотня. – Маах'керу схватили ваших

друзей, надо ехать выручать. Атаниэль успел позвонить мне перед тем, как его схватили.

Иво показалось странным, что элохим во время нападения успел не только позвонить Часовщику, но еще и продиктовать ему адрес, по которому они сейчас проживали, однако эта мысль мелькнула и ушла.

Надо было ехать спасать друзей.

Вереск собрался моментально, с сомнением взглянул на щенка и решительно закрыл перед его носом дверь.

Глава 9

Со стен большой комнаты мигали полторы сотни плоских мониторов, на каждом из которых отражалась жизнь какого-то места в Санкт-Петербурге. Среди этих мест были и знакомые любому туристу Петропавловская крепость, Гостиный двор, Исаакиевский собор и многие другие исторические места.

Однако имелись здесь и какие-то дворы, двери, скамейки в парках – места, даже часть которых узнал бы не каждый коренной обитатель города. Время от времени то один монитор, то другой издавал негромкий писк и показывал небольшое окошко с информацией, данной настолько мелким шрифтом, что рассмотреть ее было бы сложно даже с расстояния в метр.

Но двое находившихся в комнате не обращали внимания ни на мониторы, ни на писк. Один из них, сероглазый высокий блондин, сидел между двумя полукругами столов, уставленных разнообразной офисной техникой, второй – безволосый и словно с бельмами в каждом глазу – ходил вокруг, заставляя собеседника крутиться вместе с комфортным кожаным креслом.

– И поэтому, я считаю, необходимо вмешаться немедленно, – произнес сероглазый, завершая долгий монолог.

– Вмешаться? – иронично поинтересовался лысый. – Ты, рука «действующих», говоришь мне, командору «разговаривающих», что мы должны вмешаться?

– Ну, на самом деле в рангах между нами всего одна ступень, – сероглазый хмыкнул. – А наш командор в Амстердаме и, судя по всему, надолго. Я исполняю его обязанности, и я не мизинец и не ладонь, ты не должен чувствовать себя уязвленным. Ты считаешь, что собранной мною информации недостаточно?

Лысый недовольно поморщился:

– Ты не до конца понимаешь ситуацию. К сожалению, сейчас никакой повод, кроме разве что прямого нападения на нашу резиденцию, не будет достаточным для того, чтобы мы выступили открыто против Желтого Ока. О том, что именно они помогли «Ложу Петра и Павла» в девяносто втором вытеснить нас с Миллионной улицы, знаем только мы, и доказательств у нас нет. О том, что «Ложка» вместе с Оком проводит масштабный эксперимент на Стрелке Васильевского острова, знаем тоже только мы, и на этот раз – только с твоих слов. Ты сам сказал, что прямых доказательств нет, есть только статистика и данные анализа.

– «Эксперимент»? – удивился сероглазый. – Ты называешь «экспериментом» то, что убило предыдущего магистра Санкт-Петербургского отделения Изумрудных Крыльев?

– Давай я перескажу твою историю, и ты сам решишь, как это выглядит. Итак, в две тысячи первом под асфальт между Дворцовым и Биржевым мостами закатали некий прибор. Определяя нужные кандидатуры на подъездах к этому месту и управляя двумя светофорами, неустановленные лица, предположительно маги «Ложь Петра и Павла» совместно с магами из Петербургского Желтого Ока, за два с половиной года устранили не менее тридцати магов и видных деятелей из разных объединений Санкт-Петербурга, каждый из которых так или иначе мешал либо «Ложь», либо «Оку». Я все правильно изложил?

– В общих чертах – да, – согласился сероглазый.

– А теперь ответь мне на несколько вопросов. Во-первых, как ты докажешь, что хотя

бы одна смерть не была естественной? Они умирали от инфарктов, от того, что не справились с управлением машиной и врезались в столб или стену, от кровоизлияния в мозг и от множества разных – РАЗНЫХ – причин, причем большинство скончалось довольно далеко от указанного тобой места, а некоторые даже на следующий день после посещения Стрелки Васильев-ского острова. Не отвечай, не стоит.

Предположим, мы докажем всем, что все было именно так, как ты говоришь. Вскроем асфальт и – не обнаружим там ничего. Потому что фактов у тебя нет, кроме того, что дорожные работы там проводились и при этом присутствовали некие маги, что, впрочем, довольно естественно, так как в Военно-морском музее рядом с местом ремонта находится наблюдательный пункт «Ложи Петра и Павла».

Итак, мы вскроем асфальт, ничего там не найдем и останемся крайними. А пока мы будем его вскрывать, заклинание, которое ты просмотрел, так как увлекся прибором, сработает и благополучно убьет всех присутствующих – в тот же день или на следующий. Я тебе верю и восхищен твоей работой с информацией – как ты соединил все эти смерти, вычислил место, где все жертвы были в тот день или предыдущий, узнал, когда там вскрывали асфальт и так далее. Но доказательств у нас нет, Желтое Око благодаря негласной связи с «Ложей» значительно усилилось.

Война между двумя орденами, развязанная нами, будет иметь большой резонанс, и при этом мы почти гарантированно проиграем. Ты знаешь, почему командором «разговаривающих» стал я, а не Михаил? Он лучший стратег, у него стальная хватка. Нет, не знаешь? А я скажу. Потому что мы проиграли важный бой и стали слабее, потому что надо было не воевать, а выживать. С девяносто второго года мы остались в тех же границах, у нас есть глаза и уши во всех объединениях, мы в любой момент готовы к обороне. Но к наступлению мы будем готовы только тогда, когда наше преимущество будет очевидным и исход войны – недвусмысленным.

– А если этого не будет никогда? – поинтересовался сероглазый.

Его собеседник улыбнулся, и стало понятно – если этого не будет никогда, значит, открытого столкновения никогда и не произойдет.

– У тебя связаны руки, но и связанными ты делаешь немало, – кивнул на экраны лысый. – Я вижу, ты отслеживаешь эту компанию из альва, элохим и человека. Они великолепно поработали сегодня.

– Я не планировал этого, – честно признался сероглазый. – Но они могут преподнести еще немало сюрпризов. За ними следят постоянно, иногда я немного помогаю, но, боюсь, они убьют себя сами – у них нет стопоров.

– В любом случае, присмотри за ними, – с начальственными интонациями произнес лысый. – Главное, не вмешивайся в конфликты.

– Конечно, – ответил сероглазый. В этот момент отчаянно запищал один из экранов на стене, картинка сильно приблизилась, и стал виден старый элохим, идущий по набережной рядом с Исаакиевским собором. – Интраэль!

– Хитрый лис, – сказал лысый. – Полтора года назад я был уверен, что «Ложа» сомнет их, но у них открылся источник, он воспитал несколько очень сильных магов, укрепил ряды «белых», после чего Креон не решился начинать конфликт...

Эти двое не любили друг друга – один все время старался показать, что второй ему не ровня, а второй игнорировал эти намеки.

Впрочем, это не мешало им уважать друг друга и поддерживать, естественно, настолько, насколько вообще «разговаривающий» может поддержать «действующего», и наоборот.

– Засыпал я три часа назад управляющим небольшой разборкой, – Часовщик открыл ключом дверь старенького «Мерседеса» S-класса. Даже в темноте было видно, что его серый кузов сильно проржавел. – Через десять минут после того, как проснулся, стал ее владельцем. А еще через сорок минут выяснилось, что сделка готова сорваться!

Во дворе было темно, почти все окна в домах уже погасли, фонари не горели.

– Объясни еще раз, что произошло? – Иво сел рядом с води-телем.

– Я ждал Атаниэля у своих друзей, которые были готовы мне дать денег взаймы, – Часовщик глубоко вздохнул, успокаиваясь, затем крутанул ключ в личинке замка зажигания. К удивлению Иво, мотор завелся сразу, и звук оказался негромким и приятным. – По дороге шеф со мной разговаривал, мы обсуждали детали – ну, что и как будет, если я, пока он не выкупит бизнес, еще машины в разбор возьму и тому подобное. И вдруг он кричит: «Нападение! Маж, они по колесам бьют!» А потом уже мне: «Срочно, улица Листьева, дом семнадцать, квартира четыре, первая дверь напротив входа, скажи Иво, что нас маах'керу атаквали около телецентра!» И все. Вот я и приехал за тобой... И за канадцем вашим. Поедем сейчас к нашим, в сам конфликт они не полезут, а вот амулетами и советом помогут.

– Понятно, – Иво ситуация не нравилась, и он совершенно не представлял, как он сможет хоть что-то сделать против маах'керу, которые смогли захватить Атаниэля и Мажа. – А куда конкретно мы едем? Мосты ведь разведены?

– А ты не слышал про Обуховский паром? – поразился Тек-Чат. – Как можно жить в Петербурге и не слышать про него? Все маги знают, что когда мосты разводят, Часовщики запускают паром. Это подлые джинна придумали строить Большой Обуховский мост, который называют еще «Вантовым», вытянули денег из бюджета на эту махину, чтобы не платить Часовщикам!

И действительно, через пару минут машина свернула с дороги, проехала под «кирпич» в большие ворота, миновала два больших, явно заводских здания и приблизилась к компании из полудюжины автомобилей, два из которых были громоздкими и странными произведениями Часовщиков. В ближайшем, единственном незатонированном из всех, сидела пара джинна, оттуда доносилось веселое рэгги.

Иво огляделся – место казалось смутно знакомым, хотя в этом районе города он бывал очень редко. Вроде бы это была набережная промзоны неподалеку от проспекта Обуховской Обороны. Съезда к воде не имелось, машины стояли на асфальтированной площадке в тридцати метрах от Невы. Никакого парома видно не было, и как на него заезжать, тоже выглядело непонятным, но остальные спокойно ждали.

А еще через пять минут между машин пробежался мальчишка-Часовщик, собиравший со всех по двести рублей за переправу. Затем к берегу словно из ниоткуда подплыл паром – площадка метров сорок на сорок, дальний и ближний края ее были заострены. Из ближайшего края выдвинулась аппарель, легла на асфальтированную площадку. Машины по одной поднялись в воздух и перенеслись на паром, возвышавшийся над водой метров на пять.

Затем они одна за другой съехали по аппарели на приемную площадку, которая словно квадратик из пятнашек скользила по палубе, расставляя автомобили как можно компактнее.

Тек-Чат аккуратно съехал вниз, словно по эстакаде, площадка с машиной скользнула в сторону и поставила «Мерседес» почти у выхода – джинна в «Пежо» поместили гораздо дальше.

– Блат? – поинтересовался Иво.

– Ну, своих-то как не уважить? – вопросом на вопрос ответил Часовщик.

Паром двинулся и с места набрал большую скорость. Противоположного берега они достигли за пару минут. Затем машины по одной поднялись вверх и переместились на набережную.

Несмотря на то что дно у автомобиля подрагивало, мотор и ходовая работали исправно. Тек-Чат шел стабильно на скорости сто – сто десять километров в час, легко обгоняя часть попутных машин и спокойно уступая тем, кто ехал быстрее.

Через двадцать минут он достиг проспекта Энгельса и почти сразу свернул во двор, с помощью амулета активировав маскировку.

– А сам не мог бы так сделать? – поинтересовался Вереск. – Простое же заклинание.

– Так – не мог, – ворчливо отозвался Часовщик. – Это почти полный аналог «белого

плаща» элохим, считай абсолютный «отвод глаз». Здесь в любом месте могут быть агенты «Ложи», и я бы очень не хотел, чтобы они нас обнаружили.

Следующие минут пять Тек-Чат кружил по дворам, заезжая в одну арку и выезжая в другую, но ни разу не выбираясь на большие улицы.

– Мы кружим на одном месте, – констатировал Вереск.

– Да, – нервно ответил Часовщик. – Я очень осторожен! Не могу же я привести к родственникам «хвост»?

Иво удивленно посмотрел на водителя. Буквально несколько часов назад Тек-Чат уверенно и легко уходил от погони, спасая его, Мажа и Атаниэля, и в нем не было ни страха, ни осторожности, только азарт и веселье.

А сейчас это был словно другой Часовщик. Впрочем, возможно, его изменила новость о том, что разборка «Мерседесов» и «БМВ» может перейти в его личную собственность – кто-то говорил Иво, что Часовщики иногда становятся очень жадными, и это может даже походить на приступ психической болезни.

– Приехали, – заявил наконец Тек-Чат, тормозя в небольшом дворе, окруженном со всех сторон четырехэтажным домом.

Из двора был только один выезд сквозь узкую арку, фонари здесь горели тускло, и свет во всех окнах был погашен.

– Куда дальше? – поинтересовался Иво, выйдя из машины.

Позади него хлопнул дверцей Вереск, а Тек-Чат еще только заглушил двигатель. Часовщик посмотрел на Иво, и лицо его отразило нечто вроде сожаления.

– Что-то не так... – успел сказать Вереск перед тем, как Иво провалился в забытие.

На этот раз Стас издевался над куклой, подвешенной на дыбе. Белая комната, казавшаяся некоей абстракцией из-за сглаженных углов, оставалась неизменной, фразы покойного верог также не блистали разнообразием, и Иво вновь попробовал вырваться из запрограммированного круга – но не смог.

Воспитанник slash решил обдумать сложившуюся в реальности ситуацию. Мысли о предательстве Тек-Чата и невозможности сделать что-либо сразу загнали Иво в такое мрачное состояние духа, что кино со Стасом в главной роли показалось едва ли не комедией.

Тогда он попробовал поразмышлять о чем-то другом, более приятном. Долго не мог нащупать тему, но в какой-то момент подумал о Ленке Соколовой, и воспоминания нахлынули потоком.

Это случилось в конце девятого класса. Все парты были заняты, за двумя сидело по одному человеку – Иво в задних рядах и Витька Богатырев за первым столом. Сосед Богатырева, Илюха, тогда как раз приболел, и бугай Витька в тоске без закадычного приятеля изрисовывал тетради боевыми роботами из японских мультфильмов. На новенькую, сделавшую шаг в его сторону, Богатырев так посмотрел, что она сразу же уверенно пошла к столу Иво в самом конце третьего ряда.

– Привет, меня зовут Лена, я раньше жила в Купчино, а теперь – на Кораблестроителей, и у нас трехкомнатная квартира, в нашей школе мест не было, меня направили в вашу, – без передышки выдала девчонка, поставив алый портфель с двумя розовыми крылатыми слониками на стул возле Иво. – Можно, я сяду с тобой, потому что за первым столом мне не рады?

Она была выше Иво сантиметров на десять, светло-русые волосы в модном тогда «каре» покачивались, обрамляя узкое симпатичное лицо с ангельскими голубыми глазами.

– Можно, конечно, – согласился Иво, сдвигая учебник геометрии со второй половины столешницы ближе к себе. – Меня зовут Иво.

Неизвестно, что именно рассказали Ленке позже остальные девчонки – скорее всего, про то, что он «странник», – то есть не такой, как все. Про то, что он живет без матери, и его отец – алкоголик. Про то, что у Иво нет друзей и вообще для девушки из трехкомнатной квартиры с улицы Кораблестроителей он, пожалуй, худшая партия из всех возможных,

включая хамоватого Богатырева и заикающегося Смагина.

А может, ей никто ничего и не рассказывал, а она сама сделала выводы. Первые дни Ленка нервничала и словно проглатывала знаки препинания при разговоре, но довольно быстро выяснилось, что девчонка она сообразительная, начитанная, и учителя просто не нарадовались на нее.

Полтора месяца до окончания девятого класса они сидели за одним столом, изредка перекидываясь фразой-другой, но на переменах и тем более после уроков вместе время не проводили. Иво в тот период подтянул все «хвосты» – ему хотелось показать новенькой, какой он умный. Тогда же он смог уговорить slash, которого считал своим отцом, купить ему новый костюм.

Правда, костюм оказался пустой тратой денег – к концу лета Иво вытянулся, и в десятый класс пришлось закупаться снова, на этот раз, правда, как обычно – в секонд-хенде.

А Ленка пересела от него к Лизе Тепловой. В общем, вполне логично – они и жили недалеко друг от друга, да и места в классе теперь было гораздо больше, несмотря на то что из двух параллельных сделали один. Доучиваться последние два года средней школы решили не все.

Как ни странно, Витька Богатырев остался. Правда, через полтора года он подсел на героин и опустился, – но тогда, в самом начале десятого класса, всерьез рассчитывал окончить школу, сходить в армию и пойти учиться на налогового полицейского.

– Ты будешь умирать вечно, – Стас в очередной раз дернул за лоскут кожи, свисавший с бока куклы.

Иво усмехнулся – жалкое зрелище.

В десятом классе Иво впервые в жизни танцевал с девушкой. И это была Ленка. Обычно он не ходил на школьные дискотеки: не было ни желания, ни денег. Но в тот раз Иво нашел на улице пятисотрублевую бумажку, к тому же он точно знал, что Соколова будет на осеннем балу, и решил попробовать все сделать по правилам.

Он купил бутылку портвейна, гордо сказав в окошко ларечнику с короткими рожками и острым подбородком: «Мне «Три топора»!», и выпил половину под неодобрительными взглядами пары старушек, сидевших на скамейке неподалеку. Бутылку с остатками поила он спрятал в кустах.

Отдал на входе сорок рублей, прошел сквозь галдящую толпу и у двери в актовый зал увидел ее. Среди девиц, из-за обилия грима похожих на клоунов, Ленка выглядела просто потрясающе. Иво вскользь поздоровался с ней, проходя мимо, а затем встал в темном зале, в котором хоть как-то освещалась только сцена – несколько прожекторов с поплавленными цветными пластинками светили туда сверху.

Играла музыка, парни и девушки выплясывали и кривлялись, по углам стояли юнцы, умудрившиеся протащить спиртное на праздник, и втихомолку пили, через весь этот бардак ходили завуч и две учительницы – русичка и химичка, высматривая нарушителей порядка. Причем если завуч действительно пыталась следить за порядком, время от времени вылавливая кого-нибудь с бутылкой, то учительницы плевать хотели на порядок. Иво видел – им самим хотелось на дискотеку, правда, наверное, не на эту.

Он стоял в стороне ото всех и ждал совпадения двух вещей – чтобы Лена была в зале и заиграла медленная музыка. Когда она вошла в зал, стало понятно, почему девушка стояла в коридоре – вместе с ней был парень из одиннадцатого класса. Иво не знал его и, в общем-то, знать не хотел.

Диджей включил что-то медленное и иностранное – Иво не разбирался в музыке, ему не на чем было ее слушать. Центр зала сразу же освободился, редкие пары топтались на месте.

– Можно тебя пригласить?

Ленка удивленно посмотрела на Иво. Одиннадцатиклассник, промедливший в первые

такты, насупился и сделал шаг вперед, чтобы поставить наглеца на место, но девушка удержала его и шагнула к Иво.

Это было странное ощущение – касаться руками девичьей талии, чувствовать почти невесомые руки на плечах. Иво не умел танцевать, поэтому просто переступал с одной ноги на другую под музыку и смотрел в глаза Лене. Она была невозмутима и загадочна, как Сфинкс.

Танец кончился внезапно. Потом были школьный двор, крики, драка – в общем-то, в этом Иво и не сомневался и даже был готов к такому. Одиннадцатиклассник беспорядочно махал руками и выкрикивал угрозы, а воспитанник слаш просто выбрал момент и ударом в скулу свалил противника на землю.

Однако потом вышел другой парень, более ловкий и сильный, и уже Иво то и дело валялся на земле, но, в отличие от ухажера Ленки, он каждый раз вскакивал и бросался вперед, стараясь ударить, если не удавалось – толкнуть, а если не получалось и это, то войти в клинч и укусить противника.

Его могли запинать прямо там, в школьном дворе, но противник оказался с чувством юмора и некоторой долей благородства.

– Все, хорош, – сказал он, когда Иво в очередной раз поднимался с земли. – Нашелся ванька-встанька! Пусть будет боевая ничья.

Они пригласили Иво выпить, у ребят была водка. Но Иво мутило после портвейна, проглоченного больше часа назад, и от предложения он отказался.

Тот, с кем Иво дрался во второй схватке, весь учебный год здоровался с ним. Остальные, в том числе и ухажер Лены, его игнорировали. Самое плохое было в том, что и сама Ленка после этого случая стала избегать Иво, хотя иногда он ловил ее изучающий взгляд.

– Просыпайся уже, – голос Стаса изменился, хотя верог все так же продолжал измываться над куклой. – Какие все же вы, люди, нежные!

Иво открыл глаза, не понимая, где он находится.

Над ним склонился сатра, и это был Амниссос, хромой из Петергофа.

– Значит, так, человек. Во-первых, если ты попытаешься сбежать или полезть в драку, то я тебя могу случайно убить – ты в очень плохом физическом состоянии, поверь мне, – сатра грустно улыбнулся. – Во-вторых, я пока что не враг тебе.

– А почему я тогда связан? – Иво был спеленат, как младенец, – и руки, и ноги скручены и привязаны к телу.

– Потому что я тебе не доверяю.

Они беседовали в большом, освещенном лампами дневного света помещении без окон, на стенах которого висели «шведские стенки», а на полу лежали маты. Рядом с Иво лежали связанные и без сознания Атаниэль и Маж. Напротив воспитанника слаш на корточках, с вывернутыми назад коленями, сидел Амниссос.

Сатра со времени последней встречи не изменился – все тот же потертый камуфляж без знаков различия, те же усталость и настороженность во взгляде.

– Это вы нас поймали?

– Нет, – покачал головой сатра. – Вас поймали Часовщики. А мы вас выкупили.

– Зачем? За сколько? – Иво понимал, что у него все равно нет денег или ценностей для того, чтобы торговаться, но почему-то захотелось узнать цену, назначенную за него и его друзей.

– Сумму скажу легко – сто тысяч евро. И можешь мне поверить, в преддверии войны это были не лишние деньги, и я еще отвечу за них. А вот причину объяснить мне гораздо сложнее.

Амниссос легко встал с корточек, подошел к стене, затем обернулся и добавил:

– Я очень рассчитываю, что ты скажешь мне, зачем я вас выкупил.

Иво задумался. Удивляло то, что сатра разбудил не Мажа или Атаниэля, а его.

Впрочем, возможно, его сочли самым безопасным, а то и самым глупым, слабым звеном.

– Вы боялись, что мы попадем в «Ложу Петра и Павла» и там у нас вызнают о том, что вы участвовали в организации нападения на Одиннадцатый равелин?

– Хорошая попытка, – сатра грустно рассмеялся. – Но это не может быть основной причиной. «Ложя» нападет на нас в ближайшее время, так или иначе. Поводом больше, поводом меньше... Думай.

Иво заворочался, устраиваясь поудобнее. Руки и ноги затекли, он их почти не чувствовал. Куда делся Вереск? Возможно ли, что Тек-Чат соврал не полностью, и в захвате альва и элохим действительно принимали участие маах'керу? Тогда будет понятно, почему здесь нет канадца – вряд ли оборотни выдадут своего. Если он виноват в чем-то, то скорее сами его накажут.

– Вы хотите, чтобы мы воевали с вами против «Ложи», – наобум сделал предположение Иво.

– Плохая попытка, – констатировал Амниссос, вновь присаживаясь на корточки возле пленника. – У меня под началом восемнадцать магов. Кроме нас, в клане есть служба безопасности со своими сатра и те, кого можно назвать ополчением. И большая часть этих сатра – гораздо лучшие бойцы, чем ты или Атаниэль. За сто тысяч евро я мог бы купить хорошее оружие, что куда более предсказуемо и надежно, нежели вы.

– Тогда зачем вы нас выкупили? – Иво надоела эта игра. – Скажите прямо.

Амниссос опять встал и прошелся по помещению. Он не торопился с ответом, и Иво вдруг озарило – сатра сам до конца не знал, зачем выкупил мальчишек у Часовщиков!

– Мы проигрываем, – наконец тихо сказал Амниссос. – Постепенно сдаем позиции. В Москве клан Ксенфа вырезал почти всех наших в ходе Десятилетней войны. «Ложя Петра и Павла» за последние пятнадцать лет отняла у нас треть территорий и четыре источника. Мы можем выиграть битву, но войну мы проигрываем. В начале девяностых я ездил в Грецию отдыхать. Там есть клан сатра с древней историей, среди них время от времени встречаются предсказательницы, пифии. Они не контролируют свой дар, просто время от времени говорят кому-то из встречаемых, что с теми случится. Их не любят за это, первыми пифиями Дельфийского оракула, прославившими храм Аполлона, были именно они, затем они поссорились со жрецами, и Дельфийский оракул стал профанацией, но это уже другая история.

Мне там сделали предсказание, о котором я не просил. И в этом предсказании было сказано про четырех мальчишек из разных сфер. В Петергофе вас было трое, я подумал об ошибке пифии. Но Часовщики предложили мне уже четверых мальчишек – элохим, альва, человека и оборотня. И хотя оборотень умудрился сбежать, я понял – ошибки быть не может.

Когда у тебя есть деньги, ты можешь положить их в банк, и они сохранятся. Можешь вложить в дело, и они приумножатся, но очень медленно. А можешь сыграть на них в казино, и тогда либо все проиграешь, либо получишь мгновенную прибыль.

А теперь представь, что началась инфляция. Банки стали ненадежны, бизнес может развалиться, а деньги каждую секунду теряют в цене. А тебе срочно, просто жизненно необходимо приумножить имеющийся капитал. И ты делаешь ставку в казино, а она играет! И ты выигрываешь! Но понимаешь, что этого мало.

Однажды я уже поставил на вас – и выиграл. Вы сделали невозможное, в Интернете гуляет фотография Петропавловской крепости, сделанная с Троицкого моста, – за Пеленой это просто красивое фото, а для тех, кто видит все как есть, – это изображение чуть покосившегося Одиннадцатого равелина с черной дырой в боку. И эту фотографию скачивают, чтобы поставить в качестве обоев на компьютер, ее обсуждают и комментируют в Петербурге и далеко за его пределами все, кто знает, что такое Одиннадцатый равелин.

Вы за один день сделали для того, чтобы подорвать авторитет «Ложи», больше, чем я за двадцать лет явных или незримых войн. И я собираюсь еще раз поставить на вас. Но так как это будет моя последняя ставка – ста тысяч евро в клане мне никто не простит, – я хочу быть уверенным, что она хотя бы попробует сыграть.

– Что было в предсказании? – Иво уже один раз сталкивался с чем-то подобным, когда Маж в состоянии транса говорил Атаниэлю, куда надо ехать.

Наверняка предсказать что-то не на ближайшую минуту, а на срок больше десяти лет куда сложнее, но оснований не верить в предсказание у Иво не было.

– Сам текст предсказания для вас не важен, – сатра внимательно посмотрел на воспитанника слаш. – Ты можешь сказать, что будут делать альв и элохим, если я их разбужу и отпущу?

Иво подумал и сразу понял – первым делом Атаниэль найдет Тек-Чату и убьет его. Маж, скорее всего, примет в этом участие. Затем начнутся поиски денег – возможно, элохим сможет заложить бизнес кому-то из обычных людей, из тех, кто не видит сквозь Пелену. Но любая поездка по городу будет рискованной – наверняка все уже будут знать о том, кто нанес удар по Одиннадцатому равелину, а желающих заработать на врагах «Ложи» окажется немало.

– Скорее всего, Атаниэль попыбует отомстить Тек-Чату, Часовщику, заманившему нас в ловушку, – честно ответил Иво. – А потом мы будем искать деньги, чтобы собрать снаряжение для борьбы с «Ложей».

– И все это в городе, в котором вас ищут все, кому не лень, – продолжил сатра. – Плохая ставка, не правда ли?

– Я могу убедить Атаниэля отложить месть Тек-Чату, – предложил Иво. – Но вопрос с деньгами все равно останется.

– А если вы решите его, что будете делать?

Иво вновь задумался. Если у них будут деньги, они смогут найти источник. А вот что дальше, воспитанник слаш даже приблизительно не представлял. Для Атаниэля обретение источника являлось одной из важнейших целей, и, получив его, он наверняка уступит инициативу Мажу. Альв наверняка собирается убить всех, кто прокачал с его помощью свое тело Силы, – а это некоторое количество шишек из «Ложи Петра и Павла».

– Я думаю, мы начнем войну, – ответил Иво. – Партизанскую.

– Пионеры-герои, – с оттенком зависти произнес Амниссос. – Если вы повторно «взорвете Одиннадцатый равелин», я думаю, мы сможем попробовать собрать еще одну коалицию. Сейчас все думают, что происшедшее – случайность, но если «Ложу» еще раз щелк-нуть по носу, маги всего города задумаются. На меня можете больше не рассчитывать. После того как я отпущу вас, сто тысяч евро для тех, кто решает главные вопросы в моем клане, будут потерянны, и потерял их я лично. В лучшем случае я стану рядовым бойцом, о худшем я предпочитаю не думать.

Сатра нагнулся и перерезал веревки. Если Амниссос в начале разговора опасался, что воспитанник слаш на него нападет, то он был о его физической форме очень хорошего мнения.

Иво попытался встать, но со стоном свалился обратно – и ноги, и руки затекли настолько, что вообще не чувствовались. А через несколько секунд начала приходить боль – и в основном почему-то болели суставы.

– Я оставляю вам все свои деньги, – Амниссос усмехнулся. – Думал поменять старый «Сузуки» на новую «Тойоту», но вчера снял все в банке, как чувствовал, клянусь корнями Мирового Древа... Мертвым машины все равно не нужны, сыновья у меня уже взрослые, сами заработают, если что понадобится. А если вдруг после всего, что сейчас завертится, мы все останемся живы, я спрошу с вас эти деньги.

Он достал из кармана пачку долларов, положил ее на маты. Затем снял что-то с шеи Атаниэля, повторил операцию с Мажем, сказал: «Через пару минут проснутся», и вышел из помещения. Иво успел заметить в проеме закрывающейся двери еще двоих сатра – они явно ждали своего начальника.

Постанывая от боли в ногах, парень подполз к Атаниэлю и по-пробовал развязать узел, но пальцы слушались еще плохо, а затянуты веревки были на совесть.

– А нож оставить? – заорал Иво вслед ушедшему Амниссосу.

Но тот уже не слышал его. За приоткрытой дверью явно уже никого не было.

Глава 10

В тот момент, когда в шею Иво впиалась иголка, Вереск начал движение. Он не знал, откуда грозит опасность, но тысячи поколений предков-оборотней дали своему потомку хорошие инстинкты – мальчишка выгнулся, заметил росчерк иглы, воткнувшейся в бок «Мерседеса», а затем метнулся в сторону высокой арки – единственного выхода из двора-колодца.

Он мог перекинуться в волка, но тогда пришлось бы оставить одежду и вещи на милость нападавших, а этого в чужом городе он себе позволить не мог.

– Держи сученыша! – завопил кто-то сверху.

Сразу после этого грохнул многократно отраженный стенами выстрел.

– Уйдет же!

И еще дважды догнал Вереска звук выстрела, причем второй раз – вместе с резкой болью в бедре. Оборотень даже не снизил скорость, он знал, что легкие раны – а эта, судя по всему, была такой – заживают на нем быстро.

Выскочив из-под арки во втором дворе – точной копии первого, разве что арок здесь было две, – Вереск мгновенно свернул направо, подпрыгнул, цепляясь за небольшой козырек над подъездом, подтянулся, закинул ногу и влез наверх. Отсюда он мог следить за всеми выходящими из-под арки, в то же время оставаясь для них невидимым – вряд ли преследователи будут искать его вверху.

Однако в следующие несколько минут ничего не происходило. Вереск испытывал желание спуститься и вернуться, помочь Иво, однако в стае его еще в детстве научили ждать – и объяснили, что переходить к действиям можно только полностью спокойным и готовым ко всему.

А спокойствия Вереску сейчас не доставало.

Он попробовал восстановить цепь событий. Иголка в шею Иво прилетела бесшумно и сверху-слева, видимо, из окна второго или третьего этажа. Выстрелы раздались позже и четко сзади – стрелял Тек-Чат, сомнений в этом у оборотня почти не было. Значит, врагов как минимум двое, может быть, больше, но не слишком – иначе они начали бы преследование.

Успокоившись, Вереск спустился, открыл дверь подъезда и вошел, рассчитывая, что в старом здании может оказаться второй вход – с другой стороны, как раз там, где остался стоять «Мерседес» Тек-Чата.

Подъезд оказался непроходным, но с другой стороны было окно, сквозь грязное стекло которого оборотень увидел, как двое Часовщиков затаскивают в автомобиль бессознательного Атаниэля.

Вереск мгновенно скатился по лестнице к выходу, выскочил, услышал урчание мотора, прибавил ходу и все равно не успел – машина уже тронулась, когда он вбежал во двор.

Тек-Чат – а за рулем был он – направил автомобиль прямо на Вереска. Оборотень успел отскочить в последний момент, машина пронеслась мимо и скрылась под аркой. Оставаясь в человеческом облике, канадец не смог бы догнать автомобиль, впрочем, и в волчьем обличье у него не получилось бы долго гнаться за Часовщиками.

Промедлив и потеряв несколько мгновений, Вереск понял, что теперь «Мерседес» он не догонит, даже если обернется волком. Враги уезжали, увозя с собой троих если не друзей, то уж точно единственных знакомых, которые помогали ему в этом душном, жарком и непонятном городе.

Оборотень шагнул в сторону арки, еще не зная, что он собирается делать. И тут из тени вышел человек в белой футболке и таких же джинсах – Вереск готов был поклясться, что мгновение назад его там не было, не чувствовался его запах, не ощущалось его тепло.

– Осторожнее, – поднял указательный палец незнакомец. – Я не враг. Помочь спасти

друзей я тебе уже не смогу, а вот дать адреса тех, кто на вас напал, – вполне. Надо?

– Что ты за это хочешь? – Вереску не понравился этот тип. Выглядел он высоким худощавым блондином с серыми глазами, но оборотню показалось, что этот облик – не более чем маска.

– Сейчас – ничего, – ответил незнакомец. – А когда-нибудь потом, если мы оба будем живы, может быть, что-нибудь и спрошу.

Эта расплывчатая формулировка, по мнению Вереска, практически ничего от него не требовала. Кроме того, остаться сейчас здесь, без денег и цели ему совсем не хотелось. Денег незнакомец не предлагал, зато мог дать цель.

– Я согласен, – Вереск протянул руку, чтобы скрепить сделку.

Однако незнакомец проигнорировал ладонь оборотня.

– Тогда смотри сюда, – в тусклом свете фонарей в руках незнакомца появилась карта Петербурга. – Первый – Лан-Рин, живет на улице Марата, дом шестьдесят восемь, квартира сто девяносто семь. Работает в скупке мастером по ремонту сотовых телефонов, адрес скупки – Владимирский проспект, дом сорок два. Там он появится обязательно, у него в сейфе лежат все сбережения, сумма немалая, Часовщик никогда не оставит такую...

– А Тек-Чата я все равно убью, – Атаниэль положил обратно на маты пачку купюр и растер руки. – Какую «Гойоту» Амниссос собирался взять за девять тысяч долларов? «Ярис»?

Пока альв и элохим приходили в себя, Иво успел им не только пересказать свой разговор с Амниссосом, но и выйти за дверь – осмотреться. За дверью были лестница и окно, и в окно виднелась улица Савушкина – спортивный зал находился неподалеку от метро «Черная речка».

– Тебе бы, тутти-ту, только ворчать, – альв улыбнулся. – Сатра отдал нам все свои сбережения, выкупил нас у Часовщиков, а ты еще и недоволен!

Элохим замер, обдумывая ответ, а потом рассмеялся.

– Ты прав, братишка. Мы живы и при деньгах, и я рассчитываю, что еще до темноты мы найдем источник. Но каков подлец! Дождался, пока я напишу на него доверенность с правом перепродажи, хитростью выяснил адрес, где остались Иво и Вереск, а потом, едва нотариус вышел за дверь, двумя выстрелами в спину снял нас с Мажем!

– Тек-Чат? – уточнил Иво.

– А кто еще, тутти-ту, – подтвердил Маж. – Ничего, эта скотина свое получит, иголки со снотворным я ему еще припомню. Правда, теперь встает вопрос – где закупать оборудование, учитывая, что Часовщикам мы больше доверять не можем, тутти-там?

– Не можем доверять Каддаги, – элохим пристально посмотрел на альва. – В Петербурге их не так много. А вот Таккати, которые у нас в большинстве, доверять можно.

– Как ты их различаешь, тутти-ту? – поразился Маж. – Они же все на одно лицо! Ну, кроме женщин. Хотя, по большому счету, тутти-там...

Иво краем уха слушал разговор. То, что Атаниэль не помчался сразу мстить Тек-Чату, было в основном заслугой Мажа. Альв сразу отменил это предложение, пока еще Иво даже не успел сказать об условии сатра. Атаниэль буйствовал, но Маж помог ему расставить приоритеты – Тек-Чат не нес больше смертельной опасности, и вопрос с его уничтожением можно было отложить – хотя бы на некоторое время.

– Это то, что касается Каддаги, – Иво пропустил мимо ушей кусок лекции Атаниэля о Часовщиках, но элохим не собирался останавливаться. – А если говорить о Таккати, которых у нас больше, чем других племен, то эти гораздо менее религиозны. Внешне очень похожи, но у наших более длинные мочки. Но проще всего Таккати узнать, когда покупаешь у них что-нибудь – как, например, вчера сделал Вереск. Они не любят тех, кто пытается торговаться, и обязательно попробуют всучить тебе самое худшее. При этом вроде бы все твои условия выполнены! То есть если ты будешь брать у Часовщика-Таккати валенки за сто рублей и скажешь, что у тебя только девяносто восемь, но нужны теплые, то получишь

самые толстые валенки с кучей мелких дыр. Ведь про хождение зимой по снегу речи не было! Но заплати им то, что они просят, – и ты получишь в точности то, чего хочешь. Все, у меня руки-ноги отошли, поехали отсюда?

– Поехали, тутти-ту, – согласился Маж. – Но я все равно Часовщикам теперь не доверяю.

– Ты никому не доверяешь, – улыбнулся Атаниэль.

– Почему же? Тебе доверяю, тутти-там. Иво доверяю.

– А Вереску? – элохим прищурился.

– Вереску – пока нет, тутти-ту, – альв помрачнел.

– Ты параноик, братишка!

Маж замер. Иво подумал, что сейчас начнется. Альв все время был на грани, и казалось, вот-вот вспыхнет, не хватало только спички, и элохим только что перешел черту.

Но маленький маг только передернул плечами и тихо сказал:

– Зато это не я доверился Часовщику, тутти-там, который продал нас первым встречным.

И вышел за дверь.

Теперь уже замер Атаниэль. Он беспомощно взглянул на Иво, затем на выход из спортзала, а потом мотнул головой и шагнул следом за другом. Воспитанник слаш тяжело вздохнул и пошел за ними.

У него болели суставы, их словно выкручивало. Сразу после освобождения Иво думал, что это следствие затекших мускулов, но теперь было ясно, что дело в чем-то другом.

Выйдя, воспитанник слаш прижал дверь, и она захлопнулась с мягким щелчком. Снаружи на ней висело расписание занятий по рукопашному бою в клубе «Аякс».

На улицу Иво вышел последним и с удивлением обнаружил, что уже не только рассвело, но еще и припекает. Солнце старалось вовсю. Элохим в одиночестве шел метрах в двадцати впереди и яростно жестикулировал.

Иво не сразу сообразил, что альв на полную использует свои способности к маскировке. Атаниэль, судя по всему, был более самоуверен, хотя как раз его по огрызкам крыльев узнал бы, наверное, любой, видящий сквозь Пелену.

– Догоняй, – обернулся элохим. – Нам нежелательно долго находиться на улице!

Перейдя на бег, Иво почувствовал, что сразу же взмок. Двигаться было тяжело.

– Что с тобой, тутти-ту? – спросили из пустоты голосом Мажа.

– Не знаю, плохо мне, – ответил Иво. – Суставы крутит, живот подводит, на солнце находиться муторно.

– Завязывай с этим, – бодро заявил Атаниэль. – Сейчас поймем машину и поедem на Юго-Восток, у моего знакомого там ресторан. Поедим, отдохнем.

Иво не хотел есть. Он вообще ничего не хотел, в голове крутилась фраза «говорящей коровы» из детского анекдота: «Когда ж я сдохну?»

– Возможно, тутти-ту, это ломка, – неуверенно сказал Маж. – Если так, то надо бы тебя к врачу. Атаниэль, у тебя есть хорошие специалисты?

– Есть, – уверенно ответил элохим. – Как же его? Горын Павлович? Нет. Георгий Петрович? Семь и бездна, меня слишком часто бьют по голове, чтобы она нормально работала! Григорий Пахомович!

Атаниэль направился к таксофону, по которому разговаривала молоденькая девушка, с виду на год-полтора младше Иво. Другам элохим сделал жест – мол, подождите здесь.

Что он говорил ей, так и осталось тайной, но, завершив телефонный разговор, юная дама охотно уступила место Атаниэлю, не вынув свою карточку, и даже подождала, пока он, видимо раз за разом ошибаясь номером, несколько раз звонил.

– Все нормально, нам в Обуховскую больницу, – сообщил элохим, вернувшись.

Он поднял руку, и тут же рядом с ними остановились тонированные «в ноль» «Жигули» пятой модели.

– Куда вам?.. Э! Садитесь, не стойте, садитесь!

За рулем машины сидел азиат. Молодой, вряд ли сильно старше Иво, он явно был готов везти клиентов куда угодно.

– Как тебя зовут? – спросил у водителя Атаниэль.

– Э, для тебя – Абик, а вообще Абдула меня зовут, – водитель говорил со среднеазиатским акцентом.

– Абик, тутти-ту, едем в Обуховскую больницу, – заявил Маж. – Маршрут указывает наш товарищ, денег платим много и сразу. Понятно?

Абдула нервно глянул на пустое место, с которого раздавался голос, но, ничего не сказав, тронулся.

– Иво, ты как? – поинтересовался Атаниэль.

– Плохо, – честно ответил тот.

– Григорий Пахомович – специалист мирового уровня, он любому ногу отрежет, на место руки приспособит, и ты еще потом благодарить его будешь, – попытался подбодрить друга элохим.

– Этого я и опасаюсь, – пробормотал Иво.

– Абик, давай пока по набережной, – переключился Атаниэль на азиата. – Дальше я покажу куда.

– Э, как скажешь, дорогой, – нервно ответил водитель. – В пять минут будем!

Иво с удивлением обнаружил, что рядом, уже вполне видимый и осязаемый, посапывает Маж. Альв, несмотря на громкий разговор и шум мотора, умудрился уснуть, при этом он выпал из невидимости, и теперь его мог увидеть кто угодно.

«Вот вам и параноик, – подумал Иво. – Пока Атаниэль говорит с водителем, самый подозрительный тип в нашей команде засыпает».

Абдула заметил появившегося альва, но, молодец, только слегка вздрогнул, никак больше не выказав удивления. Машина мчалась по улицам, водитель активно пользовался клаксоном и не упускал возможности время от времени высунуться в окно и объяснить остальным участникам движения, в чем они не правы – причем доставалось как другим водителям, так и пешеходам.

– Хорошо водишь, – с иронией похвалил Атаниэль.

– Отец учил, – расцвел не уловивший подколки Абик. – У нас, в Таджикистане, знаешь как водят? Здесь машин больше, но ездят скучнее!

За пять минут, конечно же, не добрались – дорога заняла минут сорок, и Иво тоже уснул бы, но боль не позволила. Когда подъехали к зданию, выяснилось, что это клиника Военно-медицинской академии. Здание располагалось на набережной Фонтанки и выглядело внушительно.

Атаниэль без разговоров отдал Абику сотню долларов. Тот долго и витиевато благодарил, не веря в такую удачу – в дороге водитель наверняка не раз проклял свою жадность и простился с жизнью – голос из ниоткуда, появление Мажа и вообще множество странностей его явно пугали.

Когда они миновали центральный вход Обуховской больницы, элохим оставил друзей и направился к сидевшей за конторкой пожилой даме. Выслушав «белого», та кивнула и набрала номер на большом черном телефоне.

А через две минуты Иво потрясенно смотрел, как к ним по лестнице спускается высокий худощавый врач в белом халате, причем врач, принадлежащий к народу вампиров.

– Настенька, молодые люди ко мне, – тоном исконного петербургского интеллигента сказал врач старушке. – Пойдемте за мной.

– Верог? – тихим шепотом спросил Иво у Атаниэля.

– Вы удивлены? – обернулся обладающий хорошим слухом Григорий Пахомович. – А зря. Мы всегда интересовались анатомией и психиатрией разумных существ. Просто я перенес этот интерес в профессиональную сферу, в то время как большинство моих сородичей остались любителями.

Поднявшись по лестнице за врачом, троица проследовала по длинному коридору и вошла в кабинет. За столом сидела женщина-сатра и что-то писала в толстой тетради.

– Танюшка, – обратился к ней «красный». – Не будете ли вы столь любезны оставить нас с молодыми людьми на несколько – минут?

– Конечно, Григорий Пахомович, – серьезно ответила дама, положила ручку и закрыла тетрадь. – Если я вам понадобится, буду в ординаторской.

Иво осмотрелся – кабинет сиял чистотой. Кроме стола и трех стульев здесь имелась кушетка, большой шкаф со стеклянными дверцами и отпечатанный в типографии плакат с тремя изображениями. На первом, с подписью «Коричневые», была показана кровеносная система человека. На втором, под надписью «Зеленые», – сатра, а на третьем, с подписью «Бесцветные», красовался Наблюдатель, но одетый и с надписью поверх одежды: «Инкогнита».

– Про них вообще ничего неизвестно? – поинтересовался Иво.

– Почему же? – удивился верог. – Про них многое известно. Правда, внутреннее строение, равно как и некоторые нюансы психологии остаются загадкой до сих пор. Директор Нью-Йоркской клинической больницы обещал миллион долларов тому, кто доставит ему замороженное тело Наблюдателя. Вы ведь знаете, что тела «бесцветных» сразу после смерти превращаются в слизь?

– Знаем, конечно, – проворчал Атаниэль так, будто это было очевидно, хотя Иво ни о чем подобном не слышал.

– Научная общественность заинтригована, – усмехнулся вампир. – Причем я знаю как минимум двух медиков, которым в разное время удавалось залезть во внутренности еще живых Наблюдателей. Жили они после этого недолго. Кстати, предложение о миллионе долларов тоже продержалось не больше месяца.

– Трагическая смерть директора Нью-Йоркской клиники, тутти-ту? – усмехнулся альв.

– Именно, – подтвердил верог. – Итак, у кого из вас самые большие проблемы?

Парни переглянулись. Из слов врача можно было сделать вывод, что проблемы есть у всех, однако альв и элохим чувствовали себя вполне нормально.

– У меня, – отозвался Иво.

Вампир пристально посмотрел на него и уточнил:

– Проклятие slash беспокоит?

– Ну что вы все про какое-то проклятие?! – разозлился Иво. – Нет! У меня выламывает суставы, слабость и мутит. Маж думает, что это ломка – я вчера несколько раз принимал какое-то сред-ство, о котором ничего неизвестно, кроме того, что его создали альвы.

Григорий Пахомович еще раз посмотрел на Иво, обошел его вокруг, задумчиво поцокал, затем внезапно топнул, сделал еще один круг и резко сказал:

– Нет, молодой человек, проклятие slash надо снимать! Я даже рефлексы ваши проверить нормально не могу. Жить с этим можно, но думаю, что не очень долго – лет до сорока, максимум – пятидесяти. Такое основательное вмешательство в тело Силы даром не проходит. Как вы умудрились напороться на эту гадость?

Иво сжал зубы. Ему было плохо, а проклятый верог вместо того, чтобы заниматься настоящей проблемой, решил поразглагольствовать о мифическом проклятии.

– Я семнадцать лет прожил рядом со slash, – тихо сказал он, стараясь не сорваться на крик.

– Это объясняет многое, – невозмутимо констатировал врач. – Ладно, для начала я дам вам универсальное лекарство, оно снимет часть эффектов. Обещал, слышали о таком?

– Нет, – помотал головой Иво.

Верог тем временем прошел к шкафу и открыл его маленьким ключиком. Стоя спиной к друзьям, что-то смешал, переливая из одной емкости в другую, затем обернулся и протянул воспитаннику slash стакан с прозрачной жидкостью.

– Может, внутривенно? – неуверенно предложил Иво. – Для лучшего эффекта?

– А вы, я вижу, бывалый наркоман, – усмехнулся Григорий Пахомович. – Пейте, хуже

не будет. Вот так, молодец. А теперь я оформлю вас, ляжете на обследование.

– Это долго? – спросил Атаниэль с беспокойством.

– Неделя, может быть, две, а может, и больше, – спокойно ответил верог. – Истощение физическое, истощение тела Силы, проклятие slash, еще какая-то гадость, правда попроще. Плюс неизвестный мне наркотик. В общем, лечить от чего попало я не привык, мне надо выяснить все точно.

– А быстрее, тутти-ту, возможно? – спросил Маж. – У нас есть срочные дела.

Верог посмотрел на парней, судя по всему, пытаясь оценить их платежеспособность. Иво тем временем с удивлением отметил, что универсальный Обецалп работает, ему стало легче, хотя полностью боль и не прошла.

– У вас есть двадцать тысяч долларов? – наконец спросил врач.

– У нас есть пять тысяч долларов, – ответил элохим. – И можем достать еще немного, но уже с трудом.

Иво отметил про себя, что Атаниэль готов потратить на него большую часть денег команды, хотя и не готов расстаться со всей суммой.

– Хорошо, будем работать с тем, что есть, – решил «красный» и повернулся к Мажу: – Уважаемый альв, сходите, пожалуйста, в двести тридцать седьмой, позовите Алексея Дмитриевича.

– Сейчас, тутти-там, – альв вышел из кабинета.

– Часто он так напевает – «тутти-ту, тутти-там»? – поинтересовался верог, как только закрылась дверь.

– Постоянно, – ответил Атаниэль.

– Ваш друг, несмотря на молодость, сильный маг, но кое-что в нем я рассмотреть смог, – хмуро отметил доктор. – У него серьезные проблемы с психикой. Нервное истощение, плюс он недоразвит физически – в его возрасте альв должен весить раза в полтора больше и быть сантиметров на пять выше, причем это нижняя планка, с учетом конституции. Из вашей троицы только вы, уважаемый элохим, выглядите здоровым, хотя даже вам не помешало бы лечь на обследование.

Элохим тяжело вздохнул и переступил с ноги на ногу:

– Ну, уж я-то точно здоров!

– Не считая плохо зажившего перелома голени полгода назад, нескольких сотрясений мозга, сломанных некогда ребер? В общем, да, здоровы, но я бы на вашем месте все равно прошел обследо-вание.

В это время в кабинет без стука вошел коренастый врач-сатра с окладистой бородой.

– Григорий Пахомович, звали? – у него был густой бас.

– Да, Леша, пойдем в смотровую, поговорим.

Они вышли в смежную комнату, притворив за собой дверь.

– Тебе лучше? – спросил альв со странной улыбкой.

– Есть немного, – признал Иво. – Но, по-моему, эффект уже проходит.

Маж глянул на прикрытую дверь смотровой и быстро подошел к стеклянному шкафу. Дернул дверцу, но та оказалась запертой. Альв разочарованно хмыкнул и отошел к стене. Атаниэлю надоело стоять, и он сел на стул, поставив его спинкой вперед, а затем жестом пригласил друзей сделать то же.

Маж проигнорировал приглашение, а Иво опустился на кушетку.

– Сейчас быстро лечим Иво и едем на Сенной рынок. Жаль, что скотина Тек-Чат забрал мой телефон, – элохим попробовал откинуться назад, но вовремя вспомнил, что спинка стула перед ним, а не позади. – Там все контакты были забиты, теперь придется восстанавливать.

– Иво никуда не поедет, – верог вышел из смотровой и пропустил мимо себя сатра. Тот пересек кабинет и выскользнул в коридор. – Пару дней ему придется провести в больнице. Я уговорил коллегу предоставить нам лечебный артефакт, но его стоимость несопоставима с вашими финансовыми возможностями, поэтому молодой человек получит его на время и будет использовать под моим наблюдением.

Альв задумчиво кивнул, элохим поморщился, но тоже качнул головой.

Вампир сурово оглядел компанию и вдруг усмехнулся:

– Не беспокойтесь, разорять не буду, лишнего не возьму. Все обойдется вам в шестьсот долларов за аренду артефакта, двести долларов – койка в общей палате за два дня или четыреста – в палате на двоих. И, отдельно, донорская помощь от Иво в виде двухсот миллилитров крови. Был бы он в лучшем состоянии – взял бы больше.

– То есть тысяча за два дня, и послезавтра наш друг выйдет отсюда здоровым? – уточнил Атаниэль, даже не заикаясь о варианте с общей палатой.

Иво был ему за это благодарен. Хотя сам бы он, конечно, не стал тратить лишние пять тысяч рублей. А с другой стороны, Амниссос отдал свои деньги им всем, и вроде бы воспитанник slash имел на них прав не меньше, чем другие.

– Здоровым не выйдет, – сразу вернул всех на землю врач. – Чтобы он стал здоровым, надо снимать проклятие «черных», откармливать, нормальный режим, положительные эмоции. Впрочем, это все даже смешно – я на таких, как вы, насмотрелся и в девяностых, и в конце десятых прошлого века. Молодые, в глазах азарт, быстро залатают то, что ходить мешает, а завтра уже в гроб с дыркой во лбу или расплавленным животом.

– Григорий Пахомович, вы решили финансовый вопрос? – заглянул в дверь давешний врач-сатра.

– Да, Леша. У кого из вас деньги? – верог посмотрел на ребят. – Отдайте Алексею Дмитриевичу тысячу долларов и прощайтесь побыстрее. А с вами, юный альв, я бы хотел поговорить отдельно.

Атаниэль достал пачку, отсчитал десять купюр и передал сатра. Затем взял еще две и со словами: «На всякий случай», протянул их Иво. Повинуясь порыву, обнял друга и сказал:

– Держись, братишка. Еще повоюем!

Альв с серьезной миной кивнул Иво, а потом весело улыбнулся и подмигнул.

Человек и сатра вышли из кабинета. Врач шел впереди, не оглядываясь и не думая о том, что Иво может отстать и заблудиться. Они вышли во внутренний двор, прошли мимо двух невысоких домиков, свернули в подъезд трехэтажного здания, прошли его насквозь и вышли в другой двор.

Народа здесь было немало – в основном люди, но встречались и маах'керу, и дейвона, и сатра. Некоторые из людей и нелюдей щеголяли военной формой, на других были белые или светло-зеленые халаты.

– Не больница, а целый город, – удивленно сказал Иво, догоняя врача.

– Обуховская больница – это большой больничный комплекс, – отозвался сатра. – Но за Пеленой он виден не весь. В середине девятнадцатого века здесь открылся источник, и врачи, в том числе и Григорий Пахомович, смогли доказать магам города, что собственный источник врачам необходим и следует оставить его на нужды медиков. После этого клиника сильно разрослась, в том числе и та ее часть, которую скрывает Пелена.

Доктор провел Иво по темному коридору какого-то хозяйственного здания, отпер серую дверь и показал – проходи, мол. За дверью оказалась узкая бетонная лестница, освещенная лампами дневного света, прикрепленными по верхнему краю серых стен. Пройдя два марша, воспитанник slash оказался в холле с постом дежурной медсестры. Там сидела девочка-дейвона.

Иво остановился, чтобы рассмотреть это место поподробнее – он ждал каких-то чудес, сверхдорогого оформления или множества бегающих туда-сюда верог, элохим, сатра и альвов.

Но ничего подобного не было – обычный больничный этаж, чисто и небогато, со старыми выцветшими занавесками на окнах, стенами, изуродованными зеленой масляной краской, и потертым паркетом, поскрипывающим, если переступить с ноги на ногу.

– Проходи к сестре, – сказал сатра. – Будем определять тебя в палату.

Глава 11

«Бесцветный», – а в том, что давший информацию про Часовщиков был представителем этой сферы, Вереск не сомневался, – рассказал про обоих участников операции достаточно, чтобы достать каждого из них. Хотя Вереск и знал, что все Наблюдатели лысые и глаза у них без зрачков, но также знал, что они непревзойденные мастера маскировки, не говоря уже о том, что парики и контактные линзы есть в свободной продаже.

Лан-Рин жил на другом берегу Невы, а мосты еще были разведены, поэтому оборотень, получив от таинственного «бесцветного» карту Петербурга с несколькими пометками, выбрал в качестве цели дом Тек-Чата.

От перекрестка Большого Сампсониевского проспекта и улицы Торжковской Вереску надо было добраться почти до метро «Старая Деревня» – судя по карте, не больше четырех километров. Он размял мышцы так, как учила его мать, затем побежал трусцой, постепенно наращивая темп.

Тонкость была именно в постепенном убыстрении до оптимальной скорости. Вереск слышал истории о маах'керу, которые могли бежать в одном темпе в течение полутора и даже двух суток. Сам он полгода назад поставил эксперимент и понял, что может одолеть за шесть часов около сотни километров по хорошей дороге – естественно, не в облике волка.

Четыре километра Вереск рассчитывал пробежать за полчаса – можно было и быстрее, но тогда пришлось бы нарушать правила дорожного движения, чего законопослушный канадец делать не хотел. Он несся по незнакомому еще городу, неподалеку с такой же скоростью ехал странный трамвай без крыши, но зато с маленьким подъемным краном на платформе, а небо уже окрашивалось приближающимся рассветом.

Оборотень аккуратными движениями, чтобы не сбить дыхание, вынул из кармана «палм» и попробовал на бегу разобраться, есть ли в устройстве музыка. У себя дома, в Квебеке, он обычно бегал со стареньким кассетным плеером, и мысль о том, что можно и сейчас наслаждаться какой-нибудь хорошей песней, ему понравилась – такая ситуация напоминала бы о доме, об аккуратных дорожках Долбеу-Мистассини.

Гарнитура шла в комплекте с «палмом», так что, найдя несколько музыкальных треков и лишь чудом не провалившись в большой разлом в тротуаре, Вереск подключил проводок, пристроил наушники – не самые удобные для оборотня, но терпимые, – и с удивлением понял, что кто-то в России тоже слушает «Пинк Флойд». Этот факт настолько поразил его, что он не сразу заметил двух милиционеров, бегущих к нему наискосок через широкую дорогу, на которой, кроме удаляющегося трамвая, ничего и никого не было.

Уважение к блюстителям порядка вбивалось в канадцев, независимо от того, какой у них формы уши или ногти, с раннего детства, ну и сами полицейские в Стране кленового листа полностью оправдывали доверие, поэтому у Вереска даже мысли не появилось сбежать или приготовиться к драке.

Он остановился, снял наушники и лишь в последний момент уклонился от захвата первого милиционера.

– Вы чего? – он с удивлением понял, что услышал фразу не по-русски, к чему уже начал привыкать за последние несколько часов, а на привычной канадской версии английского языка.

– ...! – неразборчиво сказал один страж порядка.

– ...? – явно спросил что-то второй.

Оба были людьми, и оба принадлежали к монголоидной расе, чего Вереск никак не ожидал.

– Я вас не понимаю, – грустно сказал он. – Но если вы найдете переводчика, готов попробовать объясниться с вами.

– Ду ю спик инглиш? – сказал второй милиционер.

– Да, конечно! – обрадовался канадец.

Но на этом, судя по всему, словарный запас стража порядка оказался исчерпан. Они с

некой печалью посмотрели на Вереска, коротко о чем-то переговорили между собой, затем один из них козырнул, махнул рукой и пошел обратно через дорогу.

Второй еще несколько секунд глядел на Вереска, пожевывая нижнюю губу, но, так ничего и не придумав, последовал за своим товарищем.

Оборотень догадался, что они окрикнули его издалека, может быть, даже свистели, но, не увидев никакой реакции, решили, что он преступник. А вот дальше было странно – канадский полицейский в такой ситуации обязательно попытался бы разобраться, привел бы подростка в участок, нашел переводчика и выяснил, что делает на его территории несовершеннолетний иностранец без сопровождающих.

Впрочем, размышлять об этом смысла не было – оставили в покое, и ладно. Гораздо больше Вереска интересовало, почему перестал работать «палм». Закрыв плеер, он обнаружил, что программа-переводчик выключилась самостоятельно, и запустил ее вновь.

Видимо, гаджет отказывался исполнять две программы одновременно. Не имевший раньше дела с подобными устройствами, Вереск поморщился – придется обойтись без музыки, – а затем сунул устройство в карман и побежал.

До дома Тек-Чата он добрался без проблем – это была ветхая панельная пятиэтажка рядом с перекрестком улицы Школьной и Липовой аллеи. На улицы постепенно выходили люди, один раз Вереск заметил вдалеке дейвона, любовно намывавшего стекла старенького «Вольво».

Двор у дома выглядел на удивление чистым и спокойным. На скамейке около детской горки сидели двое парней, cedивших пиво из почти пустых бутылок, больше во дворе никого не было. Оборотень толкнул обшарпанную и чуть кривую дверь подъезда – она открылась без скрипа.

Третий этаж, на котором жил Часовщик, Вереск прошел без остановки, лишь обратив внимание на то, что дверь в квартиру номер сорок два выглядит добротнее остальных и имеет зачем-то два глазка, один над другим.

Поднявшись на площадку между четвертым и последним, пятым этажом, оборотень выглянул в окно – из него отлично просматривался и двор, и оба въезда в него, и небольшая бесплатная парковка рядом с подъездом, на которую почти наверняка встанет Тек-Чат, если приедет на машине.

Есть хотелось неимоверно, но Вереск знал, что даже если оставить пост, в желудке ничего не появится – денег не было.

Он присел на корточки, прислонившись спиной к стене, и просто смотрел в окно, делая вид, что не обращает внимания на изредка спускавшихся с пятого этажа людей, хотя на самом деле каждый раз прислушивался. Но это было или легкое цоканье каблучков, или стариковское шарканье, или ребяческие прыжки через две-три ступеньки.

Вереск делал вид, что не обращает внимания на них – они делали вид, что им плевать на него.

Так прошло часа два с половиной. По ощущениям оборотня, было около десяти утра, когда во двор въехал старый ржавый «Мерседес». За рулем сидел Тек-Чат; кроме него, в машине никого не было.

Встав, Вереск размялся – хотя Часовщик и не был полноценным противником в плане мускулов, но у него был пистолет, а кроме того, могли иметься самые разнообразные амулеты, производством которых «желтые» славились во всем мире, не исключая и Канаду.

Часовщик поднимался по лестнице, тяжело дыша – еще не старый, он явно вымотался за последние сутки.

«Тем проще, – спокойно подумал Вереск. – Больше шансов, что предатель будет наказан».

Палата, в которой Иво предстояло провести ближайшие два дня, выглядела опрятно – комната три на четыре метра, на окне – металлические жалюзи, у входа – шесть крючков, на двух из которых висели куртка и халат. Над слегка приоткрытой дверью в ванную –

обшарпанная видеодвойка «Дэу», а дальше – два комплекта из кровати, тумбочки и стула, ну и стол под окном. Одна кровать явно была занята, скомканное постельное белье и початая бутылка «Байкала» в изголовье не оставляли сомнений в этом.

Иво сел на вторую кровать, приятно удивившись упругости матраса.

– Так, парень, по распорядку у нас все просто, – с ходу заявил сатра, затворяя за собой дверь. – Начнешь пить, буянить, принимать наркотики – вышвырнут сразу. Курить только на балконе.

– Я не курю, – сказал Иво.

– Все вы не курите, – отмахнулся врач. – По поводу приема пищи и прочего тебе все объяснит сестра или другие пациенты. Теперь главное – я оставляю тебе ценный артефакт, являющийся моей собственностью.

Сатра достал из-за пазухи странный «цветок», словно отлитый из тонких металлических ниточек-проволочек. Иво завороченно посмотрел на этот предмет. В нем ощущалось что-то бесконечно чуждое, такое же, как в фигурках, созданных майя, которые воспитанник slash видел в Эрмитаже.

И в то же время «цветок», в отличие от фигурок, казалось, притягивал его.

– Артефакт предназначен в основном для нормализации психики, имеет ряд побочных эффектов, довольно сильных и изредка нужных, – доктор осторожно протянул «цветок» Иво. – В твоем случае он снимет боль и сделает выход из наркотической зависимости максимально легким. За двое суток, я так думаю, основной результат будет достигнут. Хорошо было бы тебе хотя бы неделю с ним походить, но Григорий Пахомович сказал два дня – значит, два дня. Днем держи его в кармане, «цветок» только с виду хрупкий, но постарайся его не сломать, знаю я вас, людей. Ночью клади под подушку. Сестра будет выдавать тебе вечером снотворное – пей обязательно, если не хочешь познакомиться со спецэффектами артефакта. Все понятно?

– А какие спецэффекты? – любопытствовал Иво.

– Разные, – зловеще ответил сатра. – Лучше не пробуй. И еще – артефакт сдашь лично мне, послезавтра, в это же время. Если не сдашь, будут проблемы со здоровьем, это я тебе как доктор обещаю.

– Какие проблемы? – не сообразил Иво.

– Ногу сломаю. Или руку. – Врач задумался, потом широко улыбнулся. – Но я не верю, что такой очаровательный молодой человек решит украсть ценный артефакт. Все, и так я с тобой подзадержался, до послезавтра.

Едва за сатра закрылась дверь, из ванной вышел мужчина лет сорока – обычный человек в мятой белой футболке, потертом трико и серых тапках.

– Полторы недели сидел здесь один, как дурак, даже в карты перекинуться было не с кем, – пожаловался он. – В других палатах сплошная нелюдь, они в основном со своими кучкуются... А в день выписки нормального соседа дали! Илья.

– Иво, – ответил парень, протягивая ладонь для рукопожатия. – А вы маг?

Вопрос для него был не праздным – в конце концов, все, начиная от Эддинга и заканчивая Атаниэлем и Мажем, утверждали, что учиться надо у своих. Но «своих» встречалось как-то немного.

– Ну как... Можно сказать, маг... – протянул Илья. – Но не то чтобы сильный. Да ладно, чего это я – слабый я маг. Возле источника еще что-то могу, а если, как сейчас, в нескольких километрах, то единственное, что могу, это «анальгин»...

– «Анальгин»? А что это?

– Ты что, с Луны свалился? – удивился сосед. – Это заклинание еще иногда называют «бодрилка» или «антипохмел». Ничего не говорит? Ну, когда сильно устанешь или с утра встал, а проснуться забыл, прикладываешь пальцы к вискам и произносишь «формулу».

– Ни разу не слышал, – честно признался Иво. – Оно сложное?

Илья подошел к Иво вплотную, прикоснулся к собственным вискам кончиками пальцев и прошептал певуче некую фразу, вроде бы даже разборчивую, но при этом совершенно

непонятную.

– Сейчас попробую, – воспитанник слэш прикоснулся руками к вискам и попробовал воспроизвести фразу.

Сосед усмехнулся:

– Все правильно, только сосредоточься и попробуй почувствовать, что тебе становится лучше. «Анальгин» – странная штука, действует только на людей, ну, и еще на полукровок. Многие вообще считают, что это не заклинание, но если ты найдешь немага, который может его повторить, то я очень удивлюсь.

После двух попыток Иво почти уверился уже, что Илья просто обманывает его, но с третьей попытки у него вдруг получилось. В голове прояснилось, боль в суставах словно отошла на задний план, мир вновь обрел краски. Возможно, эффект от «цветка» наложился на действие «анальгина», но в любом случае заклинание сработало, и его действие воспитаннику слэш понравилось.

– Вот уж спасибо так спасибо, – сказал он. – Потрясающая штука! А когда вас выписывают?

– В двенадцать врач посмотрит, – ответил Илья, – и сразу выпишет. Кушать будешь? У меня немного сала с хлебом есть, домой я это точно не поташу.

Иво не просто хотел есть. Пока его крутило, о еде вообще не думалось, но теперь, когда в голове прояснилось, а боль отступила, парень почувствовал лютый голод.

Он поглощал один бутерброд за другим, запивая «Байкалом», который ему налил в больничный стакан сосед, а тот рассказывал о больничных порядках.

– Здесь только выглядит все по-совковому. А на самом деле врачи очень сильные. Да что там говорить, за право работать тут, около единственного петербургского источника, отданного врачам, половина докторов-магов отдаст правую руку. Так что здесь даже самый захудалый лекарь – хороший специалист и знатный интриган. По комфорту это, конечно, не клиника доктора Яновски...

– Яновски? – Иво уже слышал о всемирно известном враче. – А при чем здесь он?

– Ты жуй, жуй, – усмехнулся Илья. – Яновски – это элохим Янаэль. Один из самых известных врачей-магов, притча во языцех. Ты, судя по всему, из деревни в Питер приехал?

Иво тщательно прожевал очередной кусок, затем отхлебнул из бутылки и сказал, уже примерно представляя реакцию:

– Я с Васильевского острова.

И не ошибся. Улыбка Ильи скукожилась, сосед задумался, видимо что-то анализируя, а затем сказал:

– К «Ложе Петра и Павла» ты отношения иметь не можешь, людей они к себе не берут, а если и берут, то обратно не возвращают. В больницу ты попал на этаж, который не каждый человек и увидеть-то сможет, а значит, Пелена на тебя не действует. Ты, вероятно, только недавно увидел это все? Ну, сквозь Пелену?

Иво молча жевал.

Тем временем сосед с азартом пытался решить загадку:

– Сам бы ты сюда не попал, нужно, чтобы кто-нибудь сказал тебе об этом месте. Значит, пришел в какое-нибудь объединение человеческих магов. Не к нам, иначе бы я о тебе знал. Давай угадаю – «Каменщики»? «Альенус»? «Серая Гвардия»? «Михайловская слобода»? Хотя в «Слободу» тебя бы сразу не взяли, они вроде как филиал москвичей, у них своих нахлебников...

– Не гадайте, все равно не получится, – прокомментировал Иво. – Меня никуда не возьмут, слишком неудобные враги.

Илья откинул подушку, и под ней обнаружился ноутбук. Включив блок питания в розетку, сосед вынул из телефона шнурок и подсоединил его к ноутбуку, затем открыл крышку, дождался, когда на экране появится рабочий стол операционки, и запустил подключение к Интернету.

– Что вы делаете? – поинтересовался воспитанник слэш.

– Проверяю одну догадку, – мрачно ответил Илья. – Ну и, если все правильно угадал, покажу тебе пару веселых картинок.

Иво из-за спины соседа смотрел на запуск браузера. Тот отмахнулся – мол, не подглядывай. Пожав плечами, парень отошел к окну и выглянул наружу – внизу две медсестры, обычная девушка и сатресса, тащили куда-то громадный бак с красной надписью «11 отд. ст. кр. пд.».

– Вот оно, – Илья поставил лаптоп на стол. – Я угадал.

На экране под жирной надписью «разыскиваются» висели три фотографии – Мажа, Атаниэля и Иво. Качество было не лучшим – снимки явно выдирали из видео, снятого камерами наблюдения в Одиннадцатом равелине.

– Это сайт нашего объединения, «Третьего отряда», – объяснил Илья. – Сюда попасть можно только после идентификации, и информация здесь официальная. А про вашу троицу уже все вокруг знают, и я не удивлюсь, если на выходе из больницы тебя будут ждать.

Под каждой фотографией была табличка с описанием и ценой за голову или информацию о местонахождении. За Мажа давали больше всего – двадцать тысяч долларов за живого и пятнадцать за мертвого, за Атаниэля – пятнадцать и десять, за Иво – пять в любом состоянии.

За информацию обещали пятьсот долларов в случае, если эта информация поможет расследованию. В описании говорилось, что у элохим обрезаны крылья и он опасен, альв безумен и особо опасен, а человек «может оказать сопротивление».

– Вы, ребята, – говорил меж тем Илья, – уже стали легендой. Фотографии Одиннадцатого равелина с оплавленной дырой в стене – хит последних двух дней. Черт, да я даже не верю, что один из тех, кто это сделал, сейчас стоит рядом со мной! Как у вас это получилось?

Иво между тем пытался сообразить, чем грозит то, что теперь почти все, кто видит сквозь Пелену, знают их в лицо. Во-первых, теперь ему нельзя выходить из палаты, но даже если он останется здесь на весь срок лечения, его может узнать медсестра. Или тот же врач-сатра уже мог позвонить в «Ложу» и сказать им о том, что воспитанник слаш в больнице.

Кроме того, альв и элохим находятся в постоянной опасности и пока еще не знают об этом.

Вереску – знать бы, где он – пока ничего не грозит, и хорошо было бы, если бы он вообще попробовал уехать из Петербурга, а может, даже добраться до своей Канады.

– Как вы это сделали? – повторил Илья. – И даже остались живы? Говорят, в «Ложе» самые сильные в Петербурге маги. Я в это не верю, но то, что у них много мощных ребят, – это точно. Как вы умудрились вляпаться в такое?

– Они были не правы, – рассеянно ответил воспитанник слаш. – А мы этого не любим.

Илья расхохотался, как будто сказанное показалось ему отменной шуткой. Он вызвал поисковик и вбил туда «Одиннадцатый равелин, пролом», затем прошел по ссылке и показал Иво фотографию.

Здание штаб-квартиры «Ложь Петра и Павла» было слегка наклонено, хотя это могло оказаться следствием не очень удачного ракурса. А вот объяснить ракурсом черную дыру в стене не получилось бы никак.

– Это сделали мы? – уточнил Иво.

– Ага, – подтвердил Илья. – Вы вообще шуму наделали много. Я был уверен, что вас уже поймали вчера вечером или сегодня утром. Там такие силы поднялись! Причем, знаешь, я с нашими вчера вечером общался – они говорят, что если вас увидят, то отвернутся или даже помогут слегка. Но это мы, у нас старые терки с «Ложей». А кто другой сделает один звонок и станет сразу богаче на пятьсот баксов. Ты сюда с магическим ранением загремел?

– Лечусь от привязанности к лекарству, – все так же задумчиво ответил Иво.

– Ну, тогда понятно, – улыбнулся сосед. – Я бы без допинга на такое тоже не решился!

Воспитанник слаш не собирался объяснять, что подсел на наркотик уже после начала операции, он был занят тем, что обдумывал план дальнейших действий.

Передать Атаниэлю и Мажу, что их разыскивают, он не мог никак. Хотя почему? Перед тем как сдать его Стасу, Маж нанес на его тело магический рисунок, воспользоваться которым тогда не пришлось. Смыть заклинание можно было только весьма специфическим способом, и ни у Иво, ни у Мажа времени на это в последние сутки не было.

— Это все не имеет значения, — отстраненно произнес воспитанник slash, отвечая на фразу соседа, затем встал и вдруг вспомнил, что только что поел. — Спасибо за хлеб и сало, очень выручили.

— Да ладно... — сосед внимательно смотрел за тем, как Иво прошел в ванную комнату.

Парень закрыл за собой дверь, скинул потертую куртку на пол, расстегнул пуговицы на рубашке — разводов старинного заклинания дейвона видно не было, но так и должно было быть.

«С левой стороны — информационная часть, с правой — тревожная, — вспомнил Иво рассказ альва. — Сверху вниз идет по нарастающей. Если стереть слюной самую верхнюю часть рисунка с правого края, значит, что-то слегка идет не так — время атаки сдвигается или возникли небольшие дополнительные аспекты. Если стереть самую нижнюю часть — значит, миссия полностью провалена и требуется срочно убегать как можно дальше».

Со слов Мажа получалось, что дейвона с помощью подобных рисунков могли передавать вполне осмысленную информацию, чуть ли не анекдоты рассказывать, но до подобного уровня Иво было далеко — равно как и самому альву, которому явно не хватало практики в этом хитром способе переговоров.

Парень немного подумал, смочил палец слюной и потер живот чуть правее пупка, затем потянул палец наискосок вверх-влево, отвел руку и сделал еще три коротких мазка ближе к сердцу.

Если он правильно все сделал, альв должен был получить информацию: «Тревога, основной враг знает больше, чем мы думали, опасность для тебя, для меня и для Атаниэля».

Иво совершил все, что мог. Теперь оставалось только ждать, стараясь не светиться перед больничным персоналом и остальными пациентами. Воспользовавшись местными удобствами, парень вернулся в комнату — Илья лежал на койке, ноутбук покоился на его животе.

— Вы ведь никому не скажете, что видели меня здесь? — спросил парень.

— Естественно, нет, — ответил тот после секундной заминки.

Иво понял, что кому-то Илья точно доложит. Вряд ли это будет сатра или дейвона из «Ложки» — сосед не любил выходцев из других сфер, намеки на это проскальзывали в его словах. Скорее всего, информацию получит тот, кому Илья подчиняется в своем объединении.

Информация по цепочке дойдет до лидера объединения, и вот здесь уже будет большой вопрос — что покажется выгодным главе «Третьего отряда». По общению с Василием Сергеевичем, явно не последним человеком в том клане, Иво понял, что связываться с «Ложкой Петра и Павла» они не хотят. Но «не хотят» и «не будут» — это разные вещи.

Его размышления прервало странное ощущение — кожу на животе слегка стянуло, потом в голове появились образы, которые парень не сразу смог расшифровать. Однако через несколько секунд, когда яркость ощущений уменьшилась, Иво понял примерный смысл послания: «Сообщение получили и учли, уходи на юг, через час у текущей воды».

— Хочешь, телевизор включи, — посоветовал Илья. — Мне он как-то не нужен, я уже лет пять всю информацию из Интернета беру: и быстрее, и проще.

— Нет, спасибо, — коротко ответил Иво.

— Ты что, обиделся на что-то? — приподнялся на локте сосед. Ноутбук опасно съехал к краю живота. — Если хочешь знать, то я тебе честно скажу: то, что вы сделали с «Ложкой», — просто потрясающе! Хотя компания у тебя более чем спорная — альв и элохим. Крылатые, по мне, дикие зануды и фанатики, а выходцы из голубой сферы — слишком нервные и уж больно на нас не похожи. Ну, что скажешь?

Илье явно хотелось поговорить об этом. Воспитанник slash посмотрел на соседа

вскользь и вдруг понял, что Атаниэль и Маж ему ближе, чем этот обычный нормальный мужик, маг, такой же человек, как и он сам. Тот элохим, которого знал парень, не был ни занудой, ни фанатиком, а альв если и проявлял некоторые признаки безумия, то боролся с этим сам, и достаточно успешно.

– А что вы скажете о слаш? – поинтересовался Иво.

– Жуткие твари, – Илью аж передернуло. – Сам я сталкивался только один раз, в метро, лет восемь назад, почти сразу после того, как нашел фазу там, где должен был быть ноль, и начал видеть сквозь Пелену. Представляешь – во всех вагонах плотно, а в этом – человек десять по стенкам прижалось, я вбегаю, за мной двери закрываются, и тут я понимаю, что мне страшно. Нет, не страшно, а жутко! Так, словно вся предыдущая жизнь была ошибкой, будто бы застрелиться прямо сейчас – лучший выход, потому что избежать того страха, который на меня навалился, по-другому невозможно. Две минуты я умирал, а когда двери открылись, выскочил оттуда вместе с остальными как ошпаренный! Потом уже мне объяснили, что «черные» в общественном транспорте почти не ездят, это какой-то исключительный случай был. А почему ты спросил?

– Я семнадцать лет прожил в одной квартире со слаш, – просто ответил Иво.

И после этой фразы словоохотливость соседа словно отрубилось. Про общение с альвами и элохим он мог и хотел разговаривать, а вот «черные» его до сих пор пугали, и человек, который мог не просто время от времени общаться с ними, а жить рядом, перенимал на себя часть той жуткой ауры, которая была присуща слаш.

Иво, освободившись от необходимости поддерживать беседу, прокрутил в голове то, что нужно сделать. Каким-то образом выйти из больницы – скорее всего, с этим особых проблем не будет. Затем пойти на юг до «бегущей воды» – Обводного канала, насколько понял парень. Дороги туда минут пятнадцать быстрым шагом, выходить заранее смысла нет – слишком велик шанс, что кто-нибудь узнает его.

– Кто у нас тут? – поинтересовался, входя в палату, врач-дейвона. За ним просочилась худенькая девушка, тоже из «серых», видимо медсестра. – Ага, Илья Борисович и загадочный пациент, подкинутый мне Григорием Пахомовичем. Ну-ка, Илья, встаньте. Потянитесь. Наклон вправо, наклон влево. Что-нибудь болит? Великолепно.

– А что это, в итоге, было? – поинтересовался Илья.

– «Длинная рука», заклинание стандартное, но использовал его настоящий мастер для сжатия ваших внутренних органов. То, что обычные врачи не смогли ничего сделать, – понятно, современная медицина людей не имеет дела с такой проведенной извне деформацией внутренних органов. Убить вас могли, но не хотели. Дальше делайте, что хотите, – ищите врагов, проводите расследование внутри своего объединения, меня это уже не касается.

Дейвона подошел к Иво, и парень почувствовал легкий серный запах.

– Абстинентный синдром после отказа от неизвестного наркотика, истощение, проклятие слаш, психические расстройства, – с удовольствием зачитал врач медицинскую карту Иво. – Срок госпитализации – два дня, выписано единственное лекарство – снотворное, указано, что больному выдан лечебный артефакт, созданный сатра, что за артефакт, на что он воздействует, какие у него побочные действия – не указано. Я лично в восторге! А вы?

Иво хотел что-то ответить, но не успел – оказывается, доктор общался со своей помощницей.

– А я нет, – заявила девушка. – Два дня – это слишком мало. Если лечить, то делать это по-настоящему.

– Это дело Григория Пахомовича. Возражать ему у меня нет ни возможности, ни желания.

Врач демонстративно отвернулся от Иво и пошел к двери. Перед самым выходом он обернулся и добавил:

– Когда кровь сдавать будете, скажите, что для Григория Пахомовича, там знают, что

дальше делать. И лучше не тяните.

Иво кивнул и пошел за доктором. «Сдать кровь» – отличный предлог, можно будет сразу и уйти.

– Эй, а попрощаться? – мрачно поинтересовался сзади Илья.

– Так я же не уйду? – слукавил, обернувшись, Иво.

– Зато я выписываюсь. Когда вернешься, меня уже здесь не – будет.

Они пожали друг другу руки, затем воспитанник слэш подошел к двери и, уже выходя, услышал:

– Удачи вам, безумцы.

Парень вышел из палаты, бодро прошел мимо сестринского поста и собирался уже выбраться на лестницу, как сзади его окликнули:

– Вы куда?

– Кровь сдать, для Григория Пахомовича, – бодро ответил Иво, не оборачиваясь и надеясь, что этого будет достаточно.

– Так это в триста первый, идите за мной.

Парень обернулся и обнаружил слегка сутулую спину медсестры из Часовщиков. Она не сомневалась, что Иво идет за ней следом, и он, поколебавшись и взглянув мельком на вторую сестру, которая, сгорбившись, писала что-то в журнале, решил не привлекать к себе внимание и пошел за «желтой».

– Сколько сдавать будете? – равнодушно поинтересовалась медсестра, помогая Иво закатать рукав. – Сожмите кулак, ага.

– Двести миллилитров, – ответил воспитанник слэш.

– Хорошо, – сестра воткнула иглу в вену и тут же подставила пробирку, в которую был вплавлен знакомый Иво по кабинету Стаса в Одиннадцатом равелине амулет – «холодилка», как называл ее Маж. – Все, готово. Посидите немного и возвращайтесь в палату.

Медсестра вышла с пробиркой. Иво глянул в окно и увидел, что прямо за подоконником начинается крыша какой-то пристройки, причем крыша со скатом, то есть если вылезти в окно, то можно спуститься по шиферу ниже, а затем просто прыгнуть.

Воспитанник слэш попробовал открыть окно, и оно легко распахнулось. Однако когда парень задрал ногу на подоконник и по-пробовал перенести на нее свой вес, голова у него закружилась так сильно, что он едва не упал.

Пришлось лечь на подоконник животом и медленно вползать в окно, а потом скатываться по крыше. Головокружение не проходило, перед глазами словно резвилась стая мелких мушек.

Иво показалось, что это несправедливо – взяли только двести миллилитров, а чувствует он себя так, будто половину крови выкачали.

На краю крыши он затормозил, сдирая руки о шифер, заглянул вниз и увидел там, парой метров ниже, высокий и плотный куст шиповника.

Прыгать в колючки не хотелось, но и оставаться лежать на крыше смысла не было. Иво вздохнул и оттолкнулся, стараясь выпрямиться в полете и приземлиться на ноги. У него получилось.

Никого рядом не было, и Иво, отряхнувшись, зашагал вдоль здания, продумывая план побега. Кроме того, чтобы выбраться, надо было еще оставить «цветок», причем так, чтобы он гарантированно достался именно хозяину-сатра, а не затерялся в недрах громадной больницы.

За углом Иво увидел потрепанную «Газель», из которой высокий мужик только что вытащил две картонные коробки. Теперь фургон был пуст. У стены возле кабины находился небольшой огороженный сеткой отсек.

Воспитанник слэш мгновенно переиграл план, по которому он хотел выйти через приемный покой под видом посетителя. Дождавшись, пока мужик скроется с коробками в подъезде, парень вскочил в фургон и притаился за сетчатой перегородкой.

Как он и предполагал, водитель не стал присматриваться – есть ли что-то внутри, он-то

знал, что все оттуда вынул, а просто захлопнул двери.

Пару минут занял выезд, водитель негромко переговорил с кем-то на проходной, затем машина выбралась на дорогу, и теперь остро встал вопрос: как покинуть машину?

Почти сразу пришло и решение. На каждом, даже небольшом ухабе Иво бил ладонью по передней стене. Через минуту автомобиль остановился, и водитель, громко и вдумчиво кроя матом отечественного автопроизводителя, обошел «Газель» и открыл заднюю дверь.

Иво, ждавший этого, выскочил и, сопровождаемый криком: «А ну, стоять!» – рванул через дорогу.

Он был на Загородном проспекте – получилось, что водитель фургона еще и подвез его немного к цели. Пробежав метров сто и убедившись, что водила не собирается бросать машину и гнаться за ним, Иво замедлился и перешел на шаг.

Его терзало то, что из больницы пришлось унести ценный предмет – «цветок» сатра, и все наверняка решат, что он украл его. Для себя воспитанник слаш четко решил, что вернет взятое при первой же возможности.

До набережной Обводного канала он дошел без приключений. Огляделся – и понял, что или Маж что-то напутал с «узором» дейвона, или он сам неправильно интерпретировал его сигнал. Может, не через час, а через день? Или не на юг, а на север?

Каждый из этих вариантов имел право на существование и мог быть логично обоснован. Спрятавшись в тени одного из зданий на набережной, Иво задумался. Ничего дельного, кроме как стереть еще часть узора, чтобы вновь связаться с Мажем, в голову не приходило.

Рядом, грохоча и испуская клубы черного дыма, затормозила грязно-белая «шестерка». За рулем сидел смутно знакомый мужик, габаритами сравнимый с борцом сумо.

– Быстро садись назад! – крикнул он Иво голосом Атаниэля. – Или это ведро сейчас заглохнет и придется тебе его толкать, потому что стартера у него нет!

Воспитанник слаш подбежал к машине, с усилием открыл заднюю дверь и не успел ее еще захлопнуть, как автомобиль тронулся, – но не быстро и явно с натугой.

– На таких ужасных ведрах я никогда не ездил, – то ли похвастался, то ли пожаловался элохим. – Зато купил за пять минут и за пятнадцать тысяч рублей.

Глава 12

Вереск успел удержать закрывавшуюся за Тек-Чатом дверь и вломиться за ним в квартиру, сразу же защелкнув за собой замок. Маленький Часовщик упал на пол, придавленный ногой незваного гостя, и теперь прямо в глаза оборотню смотрела стоящая в коридоре жена Тек-Чата, полноватая ушастая дама с громадными, чуть ли не в пол-лица, совиными глазами.

Вереск никогда раньше не сталкивался с Часовщиками в экстремальных ситуациях и не представлял, как может себя повести эта женщина, поэтому просто тихо рыкнул на нее, и «желтая», заломив руки, упала на колени и зарыдала.

– Да замолчи ты, дура, – прохрипел придавленный Тек-Чат. – Кто это? Грабители?

Вереск поразился тому, насколько спокойно говорит Часовщик, словно не чувствует за собой вины.

– Это тот, кого ты предал, – сказал канадец и смутился, насколько высокопарно получилось. – Друг твоего бывшего друга, Атаниэля.

Понимая, что опасности от дамы не предвидится, Вереск наклонился и, взяв Часовщика за плечи, поднял его – Тек-Чат весил на удивление немного – и развернул. В грудь оборотню смотрел небольшой двухствольный револьвер.

– Аккуратно отпусти меня, – попросил Часовщик, дождался, пока Вереск выполнит просьбу, отошел на шаг назад, легонько толкнул «желтую» и сказал ей: – Иди поставь чайник.

Канадец смотрел на Тек-Чата не отрываясь. Ему сложно было примириться с самой

концепцией предательства, но в родной стае ему часто говорили, что все, кроме маах'керу, склонны к измене и вероломству, особенно настойчиво предупреждая о сатра.

Но в жизни никогда ни с чем подобным сталкиваться Вереску не приходилось, и сейчас он старательно рассматривал маленького Часовщика, пытаясь найти в его лице следы какой-то особенной порочности.

Но Тек-Чат выглядел обыденно и даже слегка смешно из-за диковатой системы из полусотни линз, которая висела на резинке у него на шее так же, как у других висят простые очки.

– Зачем ты предал нас? – спросил наконец Вереск.

– У меня не было выбора, – спокойно ответил Часовщик. – Атаниэль попросил меня помочь, описал, откуда надо его забрать, но по своей дурацкой привычке не предупредил, что при этом я буду замешан в нападении на Одиннадцатый равелин. После вылазки, как только я немного поразмыслил, стало ясно, что из Петербурга надо уезжать. Без денег, без связей, бежать чуть ли не в исподнем, с женой и двумя детьми. Детей я отправил в Киев сразу, еще вчера. А сам пытался раздобыть денег и продать все, что у меня есть, когда позвонил Атаниэль и предложил мне выкупить его бизнес. Дурацкое предложение – но при этом отличный способ отомстить ему и достать денег. Повод тебе ясен?

– Ты мог сказать Атаниэлю, что он поставил тебя в плохое положение и переложить на него ответственность, – рассудительно заметил Вереск, не сводя глаз с дула револьвера.

Часовщик искривил губы в злобной ухмылке:

– Этот ребенок за себя ответственность взять не может, и жить ему в любом случае оставалось недолго. Я просто слегка выправил ситуацию и сделал так, что мое бегство из Петербурга будет чуть более комфортным.

– А при чем здесь Маж? Иво? Я? Уж нас-то с Иво ты мог не забирать!

– Все вы смертники! – зло выкрикнул Тек-Чат. – Я должен был оставить вас на свободе и ждать, пока вы придете отомстить мне? Нет уж! Встань лицом к двери, руки за спину.

Вереск сделал так, как было сказано. По шороху сзади он понял, что Часовщик спрятал пистолет в карман, тут же развернулся и со всей силы ударил предателя кулаком в лицо. Тот, не успев даже понять, что происходит, отлетел вглубь коридора и растянулся на полу.

Из руки его выпала веревка.

Оборотень подошел к нему, ощупал кожаную куртку на «желтом», вынул из внутреннего кармана револьвер и забрал его. Потом связал Часовщику вначале руки, затем ноги. Тонкого нейлонового шнура могло хватить даже на то, чтобы опутать маленькое тело «желтого» коконом.

– Ой... – выглянула из кухни жена Тек-Чата. – Ой-ё-ё-ё!

– Замолчи! – зло крикнул оборотень и с удивлением обнаружил, что та послушалась его и теперь едва слышно всхлипывает.

Вереск огляделся – прихожая была бы просторной, если бы на уровне его головы по всему периметру не тянулись полки, заставленные множеством коробок, из которых то тут, то там торчали железки, пластмасски, микросхемы.

На полу около двери стоял брезентовый саквояж, оборотень не раз видел подобные в бандитских фильмах – в них перевозили деньги. На боку саквояжа в полумраке прихожей остроглазый Вереск смог разглядеть оттиснутую надпись «Домен Черная речка».

– Территория «Черная речка» чья? – мрачно спросил он у жены Тек-Чата.

– Сатра, – сквозь всхлипы вымолвила дама.

– Понятно, – сразу все понял Вереск. Он точно знал – если и есть на свете что-то похуже предательства и воровства, то это «что-то» придумали сатра. – Да не ревите вы!

Только что он орал на жену Тек-Чата, но тогда была почти боевая ситуация, а сейчас, слегка отойдя, он почувствовал и разницу в возрасте, и то, что она – женщина, и вспомнил то, что к взрослым женщинам надо относиться уважительно.

– Вы убьете его? – жалобно спросила «желтая».

Вереск мгновение размышлял, а потом ответил:

– Нет. Я не смогу убить связанного, хотя он этого и заслуживает.

После этих слов оборотень обернулся к двери, несколько секунд пытался понять, как работает сложная система запоров, затем нажал на небольшой рычажок. С шелестом вышли из пазов несколько ригелей, отворилась защелка, и дверь распахнулась.

Сжимая в руке саквояж, Вереск вышел из квартиры предателя.

Он утешал себя, что взял не чужие деньги, а то, что было заплачено за жизнь его и друзей. И еще он собирался начать короткую, но успешную войну против подлых сатра, вмешавшихся в чужие дела. Хотя и не знал пока, как это проверить да еще остаться в живых и спасти Иво, Мажа и Атаниэля.

– Загляни в сумку, тутти-ту, – порекомендовал с переднего сиденья невидимый Маж.

«Шестерка» успела разогнаться и неслась по городу со скоростью около семидесяти километров в час, ревя и трясясь. Иво открыл громадный баул, стоящий рядом с ним, и обнаружил там несколько париков, какие-то коробочки и футляры, два небольших кейса и еще много всего неразличимого в глубине.

– Подбери себе, тутти-ту, контактные линзы, парик попышнее, еще что-нибудь, – порекомендовал альв. – Вблизи мы никого не обманем, но издалека должны походить на кого угодно, тутти-там, но только не на себя. Как ты вообще, тутти-ту?

– Да ничего вроде, – ответил Иво. – Только зря я кровь сдавал.

– Не зря, – опроверг его слова элохим. – Сдал кровь – выказал уважение Григорию Пахомовичу. Будет неприятно, если он обидится.

Иво поморщился:

– Я забрал с собой «цветок» сатра.

– Чуть поправишься – отдадим, – рассудительно заметил Атаниэль. – В конце концов, за двое суток заплачено. Ну а если не отдадим, значит – мертвые, а какой спрос с покойников?

Маж расхохотался.

– Что тут еще есть? – поинтересовался Иво, раскрывая баул пошире.

– Два акваланга с гидрокостюмами, – начал перечислять Атаниэль. – Театральный грим, восемь амулетов с энергией, брали десять, – но два, сам понимаешь, сейчас используем. Два теннисных шарика с «чернильным облаком» в каждом. Еще два пистолета «Когти гнева» и три бронежилета «Драконий панцирь». На новые «Панцири» денег не хватало, взяли использованные.

– В них, тутти-ту, кого-то уже поджарили, – ухмыльнулся невидимый Маж. – Но после ремонта выглядят, тутти-там, почти как новые.

Иво присмотрелся к Атаниэлю.

Элохим, судя по всему, использовал из маскировочного арсенала все, что можно, – на лысой голове красовался шикарный парик, превративший его в длинноволосого блондина, глаза стали ярко-зелеными, лицо благодаря гриму выглядело уже и старше, а под гавайской рубахой явно пристроился пояс с накладкой, делавшей Атаниэля очень плотным с виду мужчиной. Остатки крыльев, видимо, он притянул к телу так, что они только слегка прибавляли сутулости.

– Маж тоже загримировался? – поинтересовался Иво.

– Нет, тутти-ту, это бессмысленно, – ворчливо отозвался альв. – Я уже привык жить невидимкой, и энергии на поддержание заклинания трачу немного.

«Шестерка» оглушительно чихнула и заглохла. Атаниэль выматерился, дернул ногой, переключил рычаг передач, и машина, дернувшись, снова завелась.

– А куда едем? – спросил Иво.

– Долгая история, – ответил Атаниэль. – Если совсем все сократить, то едем к другу. Ему известен телефон «бесцветного», с которым я уже имел дело, а Наблюдатель может теоретически знать, где находится Вереск.

– Откуда какой-то «бесцветный» может знать, где Вереск? – удивился Иво.

– Ну, ты, тутти-ту, как маленький, – заявил альв. – Они много чего знают, просто обычно ничего и никому не говорят. Могут продать информацию, могут не продать. Некоторым членам «Ложь Петра и Павла» бесплатно отдавали кое-что, тутти-там.

– Это разные «бесцветные», – раздраженно прокомментировал Атаниэль. Чувствовалось, что по этому вопросу они спорили и до того, как подобрали Иво. – Желтое Око и Изумрудные Крылья. Интраэль как-то раз обмолвился, что они друг с другом грызутся еще хуже, чем с чужаками.

– А я уже говорил, что это, тутти-там, показуха, – уверенно заявил Маж. – А на самом деле они одной рукой дарят, а другой режут. Иво, тутти-ту, ты как думаешь?

– Никак, – честно признался тот.

Гаишник, стоявший на Московском проспекте, взмахнул жезлом, указывая на «шестерку», а спустя мгновение озадаченно по-смотрел на жезл, затем куда-то в сторону от машины.

– Нехорошо, конечно, при таком плотном движении, – сказал Атаниэль. – Но на несколько секунд можно.

– А что случилось? – поинтересовался Иво.

– «Отвод глаз», – ответил Маж. – Вот только что мы были здесь, потом исчезли, а потом уже в ста метрах дальше. Но если бы Атаниэль не вывернул левее, на нас наехал бы «Ланд Крузер».

– Да, он нас не видел, – согласился элохим. – Этим и опасно ставить «отвод» на машину во время движения.

Иво откинулся на спинку сиденья и почувствовал, как его отпускает. Оказывается, все то время, пока он находился в больнице и сбегал из нее, у него внутри словно сидела взведенная пружина, заставлявшая его чувствовать себя некомфортно. В принципе, воссоединившись с друзьями, он не стал рисковать меньше, и даже скорее наоборот. Но сам факт того, что его тыл прикрывают Маж и Атаниэль, позволили пружине внутри разогнуться, и напряжение спало.

В дребезжащей и грохочущей машине, сидя на продавленном сиденье, Иво чувствовал себя намного более комфортно, чем в тихой палате на постели.

Он снова был не один.

А вокруг мелькали дома одной из основных магистралей Санкт-Петербурга – Московского проспекта. Атаниэль то и дело притормаживал, катясь со скоростью черепахи до красного светофора, все медленнее и медленнее, опасаясь останавливаться полностью, чтобы не заглохнуть.

И затем выжимал газ до предела, чтобы ехать хотя бы почти так же, как машины вокруг, – и через сотню метров снова двигался на сцеплении накатом, опасаясь остановки.

Иво бы наверняка рехнулся от такого способа передвижения, но элохим делал все словно автоматически, не переставал сосредоточенно улыбаться и высматривать кого-то среди идущих по обочинам Московского проспекта.

– Вот здесь остановимся, – сказал Атаниэль. – Иво, посиди в машине, у нее водительская дверь не закрывается, не хотелось бы лишиться всего нажитого за сегодня непосильным трудом.

Воспитанник слэш поморщился, ему не очень понравилась эта идея, но остался сидеть на месте, в то время как элохим и продолжавший оставаться невидимым Маж вышли. Через мгновение они скрылись в толпе, и потом уже только изредка вдалеке мелькала макушка двухметрового Атаниэля, который то и дело забывал сутулиться.

Машина осталась заведенной – то ли на случай быстрого бег-ства, то ли чтобы потом не заводить ее с толкача. Иво раскрыл сумку и начал перебирать парики. Их было штук десять – ребята явно ограбили театр или нашли где-то настолько недорого, что закупились оптом. Вообще, он слышал, что хорошие парики стоят немало, но эти на «хорошие» не тянули – за обычные человеческие волосы принять эти штуки можно было разве что издалека, вблизи они казались грязными и на ощупь были не очень приятны.

Воспитанник slash подобрал себе рыжий, с кудряшками. Взял он его из-за того, что одним из самых ярких впечатлений детства был поход с классом в цирк. Огненноволосый клоун настолько развеселил Иво, что тот всерьез собирался пойти после школы в цирковое училище и только классу к шестому понял, что это совсем не его.

Следующим пунктом были контактные линзы. Иво достал коробку с двумя десятками футлярчиков и по изображениям на блистерах выбрал себе серо-зеленые линзы. Долго изучал инструкцию, напечатанную с множеством грамматических ошибок и потому не вызывающую доверия, затем распаковал упаковку тканевых перчаток, на которой было написано, что они без ворса, и приступил к процедуре установки линз.

Первую вставил довольно быстро – оттянул нижнее веко, глядя вверх, расположил линзу на зрачке, затем опустил взгляд и сморгнул. Ощущение было странное, но интересное. Мир не изменился, но Иво чувствовал, что сам он стал немного другим.

Вторая линза почему-то не хотела вставать на место после такой же процедуры, пришлось долго моргать и аккуратно трогать глаз сквозь веко, прежде чем стало более-менее удобно. Зеркало заднего вида отразило человека смешного, но симпатичного, и при этом мало похожего на того Иво, которым он был несколько минут назад.

В окно постучался парень лет двадцати, кавказской внешности.

Иво спокойно опустил дребезжащее стекло.

– Мобильник, «Сименс», пятьсот рублей, ворованный, работает, – с легким акцентом предложил гость с юга.

– Спасибо, не нужен, – отказался Иво.

– Зря, – усмехнулся кавказец и, оглянувшись, перебежал через Московский проспект, в данный момент почти пустой.

Вдалеке показался Атаниэль. Он шел быстрой пружинистой походкой, и, в отличие от внешности, она выдавала его с головой – любой знакомый мгновенно опознал бы в этом гиганте бескрылого элохим.

– Их пасут трое дейвона, один в машине напротив дома и еще двое на соседних крышах, непрофессионалы, – довольным тоном заявил Атаниэль, сев в машину. Иво не понравилось то, что друг воспринимал серьезную ситуацию как игру. – Маж под «отводом глаз» сходил к Трориэлю, узнал телефон.

– Точно, тутти-ту, – пассажирская дверь приоткрылась на мгновение и тут же захлопнулась. – Давай, звони.

Альв продиктовал номер, Атаниэль набрал его на старенькой «Нокии», видимо купленной вместе с париками-амулетами.

– Алло, привет, это Атаниэль, – начал разговор элохим. – Мне нужна информация. Нет, информация сейчас, а деньги чуть позже. Хорошо. Хорошо. Излагаю – где-то в Петербурге должен быть оборотень, канадец, зовут Вереск. Темно-русые, почти черные волосы, карие глаза. Четырнадцать лет. Общается с помощью коммуникатора-переводчика. Мне нужно его местоположение. – Он помолчал, слушая собеседника. – Хорошо. Я согласен.

– Ну что, тутти-ту?

– Обещал перезвонить в течение получаса, – ответил элохим. – Я согласился предоставить взамен ему ту информацию, какую он попросит.

– Он не сможет найти Вереска за полчаса, – уверенно заявил Иво. – Какими бы крутыми они ни были, эти ваши Наблюдатели, но отыскать в пятимиллионном городе оборотня, которому не нужно, чтобы его находили, невозможно.

– А я, тутти-ту, думаю слегка иначе, – вставил Маж. – Он сейчас засек нас по номеру телефона, быстро вычислит, пришлет группу захвата, а затем продаст «Ложе Петра и Павла», причем сдерет с них столько, сколько ты ему никогда бы не смог заплатить, тутти-там.

– Он продал мне информацию по «Ложе», ему теперь невыгодно нас им сдавать, – парировал Атаниэль.

– Живыми, тутти-ту, невыгодно, – явно усмехнулся невидимый альв. – А мертвый ты никому ничего не расскажешь.

Элохим не нашелся с ответом, он просто включил передачу и тронулся, сопровождаемый возмущенным ревом клаксона подрезанного джипа.

– Не могу привыкнуть к этой черепашке, – пожаловался Атаниэль. – Если мы будем ехать, то засечь нас будет сложнее. Надо решать вопрос с Вереском быстрее, вечером я рассчитываю заняться поиском источника.

Иво и Маж промолчали. Машина медленно набирала скорость. Через несколько сотен метров Атаниэль мотнул головой и сказал:

– Вон они.

Иво глянул в ту сторону и не увидел ничего, кроме старого, но еще прилично выглядящего «Форда», наглухо затонированного.

– Кто это? – поинтересовался он.

– Дейвона, тутти-ту, – пояснил Маж. – Следят за бригадой альпинистов Атаниэля. У бригадира, Трориэля, я взял телефон «бесцветного», утраченный вместе с украденным Тек-Чатом мобильником.

– Убью суку, – скрипнул зубами Атаниэль. – Семьсот баксов три года назад за ту мобилу отдал!

Разговор плавно перешел на то, как было бы лучше поступить с Часовщиком-предателем. Альв предлагал не мудрствовать, а просто сварить его в кипящей смоле.

– Отличный вариант, тутти-ту, – горячился он. – Мясо уже слазить будет, а он еще не умрет!

Атаниэль считал это перебором и откровенным садизмом. По его мнению, надо было просто показать Тек-Чату, какое тот ничтожество, а затем, после того как они насладятся рыданиями и лобызаниями стоп в исполнении «желтого», небрежно добить выстрелом в затылок.

Иво четкого мнения по этому вопросу не имел и склонялся к варианту, что если Вереск найдется и с ним все будет в порядке, то можно особо и не наказывать.

– Ха, тутти-ту! – воскликнул неожиданно и зло альв. – Я предлагаю вариант получше! Надо просто позвонить кому-нибудь из «Ложи» и сдать им Тек-Чата!

Это предложение не вызвало энтузиазма ни у Атаниэля, ни у Иво. Маж, в общем-то, тоже почти сразу отказался от него, но неприятный осадок остался у всех, и некоторое время ехали молча.

«Шестерка» кружила по району, предпочитая двигаться туда, где было менее плотное движение, и заехали они в такие места, которых Иво не знал. Вокруг были то гаражи, то низкие узкие пятиэтажки, изредка разбавленные более высокими зданиями, то вдруг въезжали в квартал с высокими и красивыми домами сталинской эпохи.

Сквозь рев обходящегося без выхлопной трубы мотора прорезался писк телефона.

– Да? Ага. Ага. Передаю. – Атаниэль убрал трубку от уха. – Маж, расскажи ему про свой побег и остальное, что спросит, если не будет серьезных причин не говорить. Он сказал, где Вереск будет через час.

Телефон исчез из руки Атаниэля, и тут же раздался голос Мажа:

– Что именно интересует, тутти-ту? Ясно. Я убил дейвона Алишера Измаилова, тутти-там, и сильно покалечил верог Анну Котову, возможно, она умерла позже. Значительных повреждений зданию не наносил. Во второй визит был взорван кабинет верог Стаса Тарасова, тутти-ту. Да, Стас мертв. Дверь выбило. Нет. Нет. На тот момент внутренней охраны на верхних этажах не было. Да. Сколько? Мы подумаем над вашим предложением, тутти-там.

Атаниэль протянул руку к невидимому Мажу, и трубка материализовалась в его руке.

– Он предложил нам информационную поддержку и сто тысяч евро, тутти-ту, за то, чтобы мы просто доставили внутрь Одиннадцатого равелина предмет, похожий на ноутбук, и проследили за тем, чтобы он там находился в течение получаса, тутти-там.

– Безумие, – выразил свое мнение Атаниэль.

– По-моему, это невозможно, – подтвердил Иво.

– Вынужден с вами согласиться, тутти-ту, – подвел черту Маж. – Но, с другой стороны, мы можем согласиться, взять аванс и получать нужную информацию, а потом вернуть аванс и сказать, что не смогли.

– И поссориться с Наблюдателями? – поинтересовался элохим, выкручивая руль на повороте. – Дурацкая идея. Ты можешь ополчить против себя целое объединение, да хоть десяток, а потом уехать в другую страну и как-то там пристроиться. Но у Наблюдателей всего несколько орденов, и у каждого ордена есть глаза и уши чуть ли не в каждой деревне, обладающей слабеньким источником. Давай лучше кинем слаш или верог – эти вообще плевали на сородичей.

– Ну, тутти-ту, нет так нет, – философски ответил альв.

Между Невой и Рыбацким проспектом, на самом берегу, с которого открывался шикарный вид на заречную часть Петербурга, в маленьком открытом кафе сидели командор «разговаривающих» и рука «действующих» Санкт-Петербургского отделения ордена Изумрудных Крыльев. Кроме них, в кафе никого не было, только спала за стойкой девушка-барменша, да в изрядном отдалении на траве лежали несколько загорающих дам бальзаковского возраста.

Если кто-то собирался зайти в кафе, он подходил метров на пятьдесят, неловко переминался, а затем решал, что ему сюда не нужно, и обходил кафе по широкой дуге, даже не понимая, почему решил так поступить.

– Если о том, что ты делаешь, станет кому-то известно, ты останешься один, – заявил лысый. – Магистр занял свой пост недавно, но хватка у него жесткая, и прощаться со своими планами из-за твоих промахов он не будет.

– А я ничего и не делаю, – усмехнулся его сероглазый собеседник. – О том, кто я и откуда, мальчишки не знают, ни с кем другим я не общался, никаких документальных отсылок на орден нет, «открытие памяти» никому из них, скорее всего, делать не будут – вряд ли они вообще доживут даже до нормального вопроса. Тот я, каким ты меня видишь сейчас, исчезнет завтра утром.

– А о каком «предмете, похожем на ноутбук», ты говорил им?

Сероглазый пристально посмотрел на командора, но тот не понял намека.

– Нет никакого предмета, – наконец признался блондин. – Мне надо каким-то образом манипулировать ими, проще всего это делать, тщательно дозируя информацию. Ну и для того, чтобы они чувствовали себя более уверенно и не отвлекались на мелочи, я бы хотел дать им денег. Если все пойдет хорошо и я подсажу их на свою информацию, то, полагаю, две-три акции они переживут и при удачном стечении обстоятельств и тщательном планировании нанесут серьезный ущерб «Ложе» и Оку. При этом можно будет сделать так, чтобы впоследствии мальчишки косвенно указали как на помощников на Желтое Око.

– А зачем ты помог оборотню найти Часовщиков?

Лысый не должен был знать об этом эпизоде, но собеседник не удивился.

– На него у меня свои планы, – ответил он. – В отличие от остальной троицы, каждый из которых малопредсказуем по той или иной причине, Вереск – чистый лист, и с ним можно и нужно работать. Кроме того, мне надо было повесить на него жучка.

– Ты можешь стать хорошим командором «действующих».

После этой фразы лысый встал и, не прощаясь, вышел из-за стола. Он зашагал к Рыбацкому проспекту, на котором стоял его неприметный, но достаточно комфортабельный новый автомобиль «Рено Лагуна».

– А ты должен был стать «слушающим», – сказал сероглазый, убедившись, что командор отошел на достаточное расстояние.

Затем тоже встал, помахал рукой спавшей барменше и глянул на стоявшую через дорогу четырнадцатизатжку – над ее крышей любой видящий сквозь Пелену мог увидеть серебристый шар диаметром метров восемь, словно повисший между антенн.

И пошел в ту же сторону, куда недавно удалился уже отъезжающий командор.

Глава 13

Найти местных маах'керу Вереску оказалось совсем несложно. Поймав за шкуру пацана-Часовщика, он дал ему двадцатидолларовую купюру и получил исчерпывающую информацию. Дальние петербургские родственники обосновались в окрестностях парка «Сосновка», жили замкнуто и гостям не радовались.

Оборотень потратил полчаса на поиск обменника, где попросил поменять доллары США на канадские доллары, но, наткнувшись на непонимающий взгляд девушки, сидевшей за толстым стеклом, согласился взять рублями.

Из сорока тысяч долларов, обнаруженных в кейсе, Вереск поменял пять тысяч. Вышло сто тридцать шесть тысяч рублей. Выйдя из обменника, молодой маах'керу уверенно махнул проезжающей желтой «Волге» с «шашечками» на крыше, затем сел на заднее сиденье и произнес:

– К входу в парк «Сосновка».

– Это куда? – уточнил водитель, усатый толстяк лет сорока пяти в джинсах и синей засаленной рубашке. – К пересечению Северного и Тихорецкого?

Вереск кивнул, и автомобиль тронулся. Вообще-то надо было купить что-нибудь из одежды, хотя бы поменять грязное белье на чистое. С момента похищения две недели назад оборотню ни разу не представилось возможности переодеться. И еще было бы неплохо приобрести спортивную сумку, в которую можно будет спрятать приметный саквояж с деньгами.

Но время не терпело, надо было выручать друзей из плена.

Едва откинувшись на широком сиденье, Вереск уснул.

– Приехали, – услышал он в следующее мгновение.

Встать не хотелось, но, поборов желание попросить сделать пару кругов вокруг парка, оборотень расплатился с таксистом, который, к его удивлению, не включал счетчик.

Высадили его неподалеку от гигантского перекрестка.

На тротуаре оборотень увидел группу Часовщиков, что-то жарко обсуждавших. Подходить к ним не хотелось, но искать маах'керу на их территории, если они не собирались ему показываться, тоже смысла не было.

– Уважаемый, – обратился оборотень к ближайшему Часовщику, – не подскажете, где бы я мог найти хозяев окрестных источников?

Тот нехотя повернулся, смерил Вереска взглядом, улыбнулся чему-то за его спиной и неторопливо заметил:

– Сосчитай до трех.

– Зачем? – удивился канадец.

– До двух.

– Не понял? – забеспокоился Вереск.

И в этот момент его тронули за плечо. Причем тронувшего молодой оборотень не услышал и не почувствовал.

– Идем со мной, – сказал пожилой маах'керу со злым усталым взглядом. – Пойдешь спокойно или тебе требуется помощь?

– Мне нужна помощь, – с готовностью отозвался Вереск, не уловив в интонации издевки. – Я бы хотел поговорить с хранительницей закона.

Местный маах'керу сморщил лицо в угрюмой гримасе, а потом неожиданно расхохотался:

– Все и сразу, да? Как тебя зовут?

– Вереск.

– Меня – Корней. Пойдем, по дороге расскажешь, в чем дело.

Он направил Вереска к переходу через дорогу, затем повел к невысокому двухэтажному зданию.

– Рассказывай, кто, откуда, зачем, – буднично предложил мест-ный. – Почему без взрослых? Сколько тебе лет?

– Четырнадцать, – слегка приукрасил Вереск, извинившись про себя перед собеседником за эту маленькую ложь. – Я канадец, попал сюда, можно сказать, волей судьбы. Моих друзей захватили сатра. Мне нужна помощь, чтобы их спасти.

– А вот это уже интересно, – посерьезнел Корней. – Кто именно схватил твоих друзей?

– Сатра с Черной речки.

– Акалон. Двадцать лет делали вид, что они разумные, но сатра есть сатра! Пойдем быстрее.

Он почти бежал, Вереск держался рядом.

Канадец удивился тому, насколько близко к сердцу принял его проблемы петербургский маах'керу, но все стало понятно, едва они вбежали в полуподвальное помещение двухэтажного дома. На бетонных стенах висели подробные карты района с кучей разноцветных флажков-иголок, воткнутых в перекрестки, дома, дворы. На полу лежал большой черный ворсистый ковер, на котором стоял длинный прямоугольный стол, вокруг стола располагались в офисных креслах трое маах'керу.

– Сатра из клана Акалон захватили нескольких наших, – с ходу заявил Корней.

Трое оборотней мгновенно вскочили с мест, один даже оскалился.

– Не маах'керу, – осознал свою ошибку канадец. – Просто – моих друзей.

И тут же оказался под пристальными взглядами четверых взрослых оборотней.

– Объясни, – потребовал Корней. – Ты сказал, сатра захватили твоих друзей. Твои друзья – люди?

На его лице проявилась брезгливость. Остальные трое восприняли эту возможность более спокойно.

– Не совсем, – Вереск решил просто рассказать все, как есть. – Мои друзья – это альв, элохим и человек.

Корней удивленно открыл рот, остальные замерли, настороженно глядя на гостя.

– Я знаю, о ком он, – вымолвил высокий черноволосый оборотень. Он выглядел самым старшим из присутствующих, и в нем Вереск сразу, едва войдя, почувствовал сильного мага – во всяком случае, гораздо более могущественного, чем он сам. – Их ищет «Ложя Петра и Павла». А еще сегодня ночью кто-то звонил хранительнице с предложением купить этих троих. Мы отказались – это не наше дело, мы не собираемся заигрывать с «Ложей». А сатра, видимо, тоже приняли такой звонок и согласились.

– Вы можете помочь мне? – не особо надеясь на положительный ответ, спросил Вереск.

– Не можем и не будем, – ответил Корней за всех. – Канадец, значит. Про альва, элохим и человека, взорвавших Одиннадцатый равелин, в Петербурге сегодня, наверное, знает каждый, способный видеть сквозь Пелену. У нас нет конфликта с «Ложей», хотя они иногда и пытаются навязать свое мнение всем вокруг. Но это их проблемы.

– Корней, тебе не кажется, что ты слишком много говоришь? – поинтересовался маг-маах'керу. – Мальчик, ты выбрал плохую компанию. Я вижу, ты немного знаком с магией, могу предположить – у тебя два облика?

– Да, – подтвердил Вереск. – Два.

– Я предлагаю тебе помощь и разговор с хранительницей закона. Если ты решишь оставить своих... – маг замялся, – приятелей, то, возможно, мы примем тебя в стаю, дадим хорошее образование, и как маг-маах'керу ты рано или поздно получишь возможность занять приличествующее тебе место. Но это только в том случае, если ты оставишь свои глупые иллюзии. Маг не может жить без источника, настоящий маах'керу не может жить без стаи.

Вереск знал эти интонации – то же самое он не раз слышал от своих канадских опекунов после того, как мать сбил на пешеходном переходе дальнобойщик-янки. Но если дома подобные рассуждения выглядели логичными и естественными, то мысль войти в чужую стаю и забыть о тех, кто хотя и случайно, но спас его от участи живого амулета магов «Ложя Петра и Павла», Вереску не понравилась.

– У меня есть обязательства, – сухо сказал он, – от которых я не могу отказаться.

Все четверо маах'керу рассмеялись.

– А ты серьезный пацан, а? – отметил Корней. – Уже взрослый, да?

– Да, – не принял веселого тона канадец. – У меня есть деньги, оружие и цель. С вашей помощью или без нее, но я своего добьюсь.

Смех прекратился. Маг-маах'керу более серьезно посмотрел на Вереска, отметив опытным взглядом слегка топорщащуюся куртку и задержал взгляд на саквояже.

– Ты ведь не привез оружие и деньги из Канады? – полуутвердительно спросил он, дождался кивка и продолжил: – Вообще-то мы должны задержать тебя и выяснить, где ты это взял. Причем я прекрасно понимаю, что так будет лучше даже для тебя самого – да, да. Ты сейчас ввязываешься в какую-то ужасную глупость, если еще не влез в нее по уши. Но у стаи хватает своих проблем, у нас есть долги, которые надо платить, и долги, которые надо получать, поэтому я предлагаю тебе уйти отсюда.

– И оставить нам деньги, – улыбнулся Корней, заставив Вереска напрячься.

– Ты мало получаешь в своем охранном агентстве? – поинтересовался у Корнея маг-маах'керу. – Откуда ты знаешь, что это за деньги? Что за ними – кровь, наркотики, провокация?

– Никаких провокаций, – возмутился отступивший к выходу Вереск. Он понимал, что в случае схватки наверняка проиграет, но и выглядеть провокатором ему не хотелось. – Это деньги, которые получил один из двух Часовщиков за то, что отдал моих друзей сатра.

И вновь в помещении наступила тишина.

Секунд через тридцать маг-маах'керу тяжело вздохнул и сказал:

– Мальчик, уходи. Мне жаль, что ты впутался во взрослые игры, но помогать тебе или мешать я не вправе, а просить за тебя хранилище было бы слишком безрассудно по отношению и к ней, и к нашей стае. Поэтому – уходи. Если через час ты все еще будешь шляться по окрестностям, то мы возьмем тебя и допросим по всем правилам, и поверь, это тебе не понравится.

Вереск медленно кивнул и, поднявшись по небольшой лестнице, вышел на улицу. Он понял, что никто ему помогать не будет – это была его война, его личная, и впутывать кого бы то ни было в нее смысла не имело.

Он подошел к обочине и начал высматривать такси. Через минуту рядом притормозил автомобиль явно российского производства.

– Куда едем? – поинтересовался водитель.

Вереск, поразмыслив пару секунд, понял, что в этой стране пассажиров подвозят не только таксисты, и решил не привередничать.

– На Черную речку. Только вначале заглянем в какой-нибудь торговый центр.

Он понимал, что одиночная атака на сатра – это настоящее самоубийство, однако выбора у него не оставалось. Но Вереск хотел перед смертью хотя бы поменять белье на новое и чистое.

Иво и Атаниэль сидели в «шестерке» на набережной Черной речки и ждали. Дом, который указал Наблюдатель, находился неподалеку, и оба входа в него – парадный и черный – прекрасно были видны с того места, где стоял автомобиль.

– Не представляю, что ему здесь делать, – в очередной раз отметил воспитанник слаш.

– Меня больше беспокоит то, как мы будем заводить машину, если придется отсюда быстро сваливать, – ответил Атаниэль. – Надо было заехать в сервис и поставить стартер. Если бы я знал, что у нас в запасе есть столько времени, так бы и сделал. Копейки ведь деталь стоит и ставится за пять минут.

В здание, являвшееся обычным бизнес-центром, то и дело заходили люди, но изредка среди них попадались и сатра, которые, по словам глазастого Мажа, занимали весь шестой этаж.

– Вон он, тутти-ту, – заявил невидимый альв с улицы. – По набережной идет.

И действительно, в сотне метров слева от друзей по направлению к зданию шагал Вереск, причем даже издали было видно, что физиономия у него мрачная и решительная, как у камикадзе.

Атаниэль сделал несколько жестов, показывая, что Иво должен обойти Вереска справа, Маж – слева, а сам элохим подойдет с фронта. Атаниэль и Иво вышли из автомобиля и направились к приятелю.

Оборотень был настолько сосредоточен на цели, что не обратил внимания на приближающихся друзей – впрочем, благодаря приложенным усилиям они выглядели не похожими на себя.

– Куда гуляем? – небрежно поинтересовался элохим.

Вереск вздрогнул и выдернул правую руку из кармана ветровки. В ней был зажат небольшой двустольный револьвер.

– Если собираешься стрелять, взведи курок, – посоветовал Атаниэль. – У тебя «Дэрринжер», он так не выстрелит.

Вереск узнал голос элохим, опустил револьвер во внутренний карман куртки и широко улыбнулся:

– А я был уверен, что вы у сатра.

– Были, тутти-ту, – ответил невидимый Маж. – Но неужели ты думаешь, что мы неспособны выбраться откуда угодно самостоятельно?

В его голосе Иво отметил некое бахвальство, что никак не соответствовало истинному положению вещей, но вмешиваться в разговор не стал.

– Вы действительно крутые ребята, – с почтением отметил Вереск, воспринявший слова альва на полном серьезе. – А я вот решил штурмовать штаб-квартиру сатра на Черной реке...

– В одиночку? – поинтересовался Атаниэль. – С одним дамским револьвером? Кстати, где ты его взял?

– У Тек-Чата, – просто ответил оборотень. – И еще я у него деньги отнял, сорок тысяч долларов.

– У Тек-Чата? – хором спросили Иво и Атаниэль.

– Давай в машину, – добавил Атаниэль. – Чувствую, разговор не на одну минуту, а стоять у всех на виду мне не хочется.

Они сели в машину. Атаниэль небрежным жестом крутанул ключом несуществующий стартер, но «шестерка», естественно, не завелась. Вновь ставший невидимым Маж хихикнул с переднего сиденья.

– Когда начали стрелять, я убежал, – начал рассказ Вереск. – Потом вернулся, они уже отъезжали.

– Кто они? – хищно спросил развернувшийся к сидящему на заднем сиденье оборотню Атаниэль.

– Двое Часовщиков, Тек-Чат и Лан-Рин.

– Старина Лан-Рин, – усмехнулся Атаниэль. – Я покупал у него телефон, думаю, мы сможем его найти.

– У меня есть его адрес, – буднично заметил Вереск. – И домашний, и рабочий.

Атаниэль пораженно взглянул на мальчишку.

– В общем, они уехали, я ничего не мог сделать. И тут выяснилось, что рядом был Наблюдатель. Он дал мне адреса Тек-Чата и Лан-Рина взамен на одну услугу в будущем.

– Как выглядел «бесцветный»? – поинтересовался элохим.

Вереск описал его. Атаниэль покивал и сказал:

– Это «мой», с которым я встречался раньше и который дал информацию сейчас. Видимо, он нами серьезно занимается, правда непонятно, зачем ему это нужно. Ладно, Вереск, извини, что перебил. Что было дальше?

– Я пошел к Тек-Чату, дождался его в подъезде, отнял деньги и пистолет...

– Револьвер, – поправил Вереска Атаниэль.

– Револьвер, – покорно согласился оборотень. – После этого поехал к маах'керу в «Сосновку»...

– Подожди, тутти-ту, – перебил его Маж. – Ты оставил в живых Тек-Чата?

– Да, – подтвердил Вереск. – Он потерял сознание, и я не стал его добивать. Он сказал, что Атаниэль подставил его под «Ложу Петра и Павла», и он пытался хоть как-то «выйти в плюс».

– А про то, как я через родственников дважды отмазывал его от тюрьмы – первый раз за кражу, второй за подлог, – он ничего не рассказал? – сварливо поинтересовался элохим. – Он тогда мне клялся в вечной верности, ноги порывался целовать!

– Нет, – Вереск слегка улыбнулся. – Про это не рассказывал. После Тек-Чата я поехал к маах'керу, думал, свои помогут вас выручить.

– И хрен-то там, тутти-ту? – спросил Маж, которого рассказ оборотня изрядно веселил.

– Они отказались. Мне еще повезло, что они не схватили меня и не начали расследование. От них я поехал сюда, у метро за небольшую денежку вызнал у парнишки-дейвона, где сидят местные сатра.

Атаниэль молча улыбался, глядя в зеркало заднего вида на Вереска.

Иво подумал, что парнишка оказался не промах.

– А вы как здесь оказались? – спросил оборотень.

– Пусть Иво расскажет, – решил Атаниэль.

– А может, я, тутти-ту? – азартно возразил Маж.

– Соврешь же, – резонно заметил элохим.

Иво рассказывал недолго, но пришлось несколько раз делать небольшой экскурс в прошлое, например объясняя, откуда они знают Амниссосу, или в чем заключалась роль Тек-Чата при побеге из Одиннадцатого равелина, и кто такой Троризель.

– Надо отдать деньги Амниссосу, – твердо сказал оборотень после завершения рассказа. – Забрать оставшиеся шестьдесят тысяч у Лан-Рина и все вместе вернуть сатра. Он выручил вас.

– Забрать деньги – мысль хорошая, тутти-ту, – подтвердил Маж. – А вот отдать их – похуже.

В результате последовавшего обсуждения, недолгого, но бурного, было решено, что надо немедленно вернуть сатра девять тысяч долларов личных денег, а сто тысяч общественных – потом, по возможности.

В то же время оставить Лан-Рину находившуюся у него часть было невозможно. Это равнялось признанию, что Иво, Мажа и Атаниэля можно похищать-продавать-перепродавать, а значит, деньги было необходимо забрать, при этом по возможности отбив у Часовщика желание заниматься подобными вещами.

На роль гонца, который отдаст девять тысяч, выбрали Иво.

– Во-первых, в этом здании куча обычных людей, и подозрения ты, в отличие от нас, не вызовешь. Во-вторых, ты все равно ничего не боишься, и сыграть роль тебе ничего не будет стоить, глупостей не наделаешь. И, в-третьих, если все же что-то случится, мы тебя вытащим, – объяснил Атаниэль и подмигнул.

– Да я не против, – согласился Иво.

Воспитанник слаш сунул пачку денег в карман, выбрался из машины и пошел к бизнес-центру. На входе сидел сатра-охранник, он бросил взгляд на парня и лаконично спросил:

– Куда?

– К Амниссосу, – произнес Иво, чувствуя себя не в своей тарелке.

Охранник посмотрел на парня более пристально, затем поднял трубку телефона, набрал номер и что-то буркнул в трубку.

– Подожди, – бросил он Иво.

Через две минуты появился молодой сатра в плохо сидевшем на нем деловом костюме. Выглядел он весьма бандитски – шрам от левого глаза к виску, черная окладистая борода, лысый череп.

– Давай, – потребовал он. – Что надо передать?

– Я бы хотел лично в руки, – решил проявить настойчивость Иво и пожалел, что не взял даже полиэтиленового пакета.

– Его нет, и когда будет – неизвестно, – сказал бородач. – А если бы я и знал, то, как сам понимаешь, никогда бы не сообщил какому-то «коричневому», когда появится один из старших клана.

Иво поразмыслил и решил отдать деньги. Он вынул из кармана пачку и протянул собеседнику. Тот взял деньги, не выказывая удивления, задумчиво пошелестел купюрами и спросил:

– От кого?

– Он знает, – ответил парень.

– Похоже на подставу, – заявил бородач. – Сейчас мы с тобой разберемся!

Иво мгновенно развернулся, пулей вылетел из здания и помчался к машине.

Он не преодолел еще и половины пути до «шестерки», когда оттуда выскочил Вереск и, упираясь в открытую дверь, начал толкать «Жигули». Сил у молодого оборотня было немало, равно как и опыта у элохим, сидевшего за баранкой, поэтому Иво запрыгивал в заведенную машину уже на ходу.

– Что случилось, тутти-ту? – поинтересовался Маж.

Позади из здания выбежали бородач и охранник. Соревноваться в скорости с «шестеркой» они не собирались, охранник припал на колено, вытянув вперед одну руку и придерживая ее второй – что именно там находилось, Иво не видел, но наверняка это было что-то стреляющее и опасное. Бородач тронул за плечо охранника – мол, не стреляй.

– Амниссоса не было... И они решили, что я пытаюсь подставить то ли его... То ли весь их клан, – пояснил Иво, у которого от марш-броска сбилось дыхание.

– Мы идиоты, – заявил Атаниэль. – Мы отдали им деньги, которыми они заплатили за нас. Если у Амниссоса из-за этого не будет проблем, ему крупно повезет.

– Как в гангстерском фильме, – сказал Вереск. – Сплошные интриги, стрельба, деньги.

– Финал-то хороший, тутти-ту?

– Какой финал? – удивился оборотень.

– Ну, в фильме, тутти-там?

– Зависит от режиссера, – ответил Вереск.

– Главное, чтобы это были не Тарантино и не Родригес, – по-ежился Атаниэль. – Я даже согласен на Тарковского.

– Ни одного из них не знаю, – честно признался Иво.

Машина тем временем проскочила на мигающий желтый поворот с набережной, выехала к метро «Черная речка» и уткнулась в пробку.

– Преследовать будут, тутти-ту? – поинтересовался Маж.

– Вряд ли, – усмехнулся Атаниэль. – Это не «Ложа Петра и Павла», у которых и народа в десять раз больше, и имидж обязывает отвечать ударом на удар, даже если никто особо не бил.

Он дождался небольшого просвета во «встречке» и, в нарушение всех правил, развернулся прямо из пробки на мосту. За мостом автомобиль повернул на Ушаковскую набережную. Здесь элохим разогнал машину до восьмидесяти километров в час.

«Шестерка» тряслась, гроыхала, но ехала.

– Куда мы теперь? – проорал Иво.

– К Лан-Рину, – рыкнул Вереск. – На работу, проверим, забрал он из сейфа деньги или еще нет. Если забрал, то мы его уже не найдем, наверное.

Автомобиль тем временем проскользнул по набережной, доехал до Литейного моста и свернул на него. Иво откинулся на сиденье, закрыл глаза, и сразу же перед ним возник Стас. Но умерший вампир не успел сказать даже слова, как потускнел и исчез.

Стояло раннее утро, солнце еле проглядывало сквозь облака. В окружении леса чернело

поле. На опушке, подстелив дырявый зипун под зад и прислонившись спиной к сосне, сидел худощавый мужик.

Иво знал, что происходящее – сон, но в то же время чувствовал и осознавал все так, будто это была реальность. Его звали Еремей, и он раньше был крепостным при Новоозерском монастыре. После того как игумен насильно женил его на кривой и дурной девке Настаське, он собрал вещи и после сенокоса сбежал из родной Дяревки, прихватив с собой только мешок овса, зипун и старенький ножик.

Сбежал не на Дон, не в Запорожье, даже не на Урал – там бы его искали. Еремей ушел на север, точно зная, что туда никто не пойдет разыскивать. Зная, что он, скорее всего, сгинет, но сгинет свободным.

На что он рассчитывал, Еремей и сам не понимал. Может, думал добраться до старообрядческих скитов, может, рассчитывал на поморов, о которых среди мужиков ходили срамные истории.

Сбежал – и сбежал, не куда-то, а от кого-то. От жены, от полусотни хозяев, – а чуть ли не каждый послушник в монастыре мнил себя таковым. От насмешек мужиков, считавших его разиней и неудачником, хотя пахарем Еремей был нормальным, и дом не худой, и хозяйство какое-никакое, а ладное.

Осень пережил на жидкой овсянке, на грибах и ягодах, на каше из коры и корешков. Шел на север, пока не падал, потом отлеживался, ел, что бог пошлет, и снова шел.

А с холодами, кутаясь в дырявый зипун, понял – вот она, смертушка, за деревом, листьями присыпана, снегом припорошена, ждет, глазами бесцветными косится – на сколько его еще хватит. На день? Два? Три?

Еремей шел на север. Пока мог – шел. Потом – полз. Есть больше не хотелось, хотелось согреться, и он перебирал руками и ногами, оставляя за собой черный след среди тонкого белого наста.

А потом он как бы умер и как бы ожил. До конца он не знал – точно ли остался жив или же болотники нашли его тело и своей грязной магией оживили. Рел-Наг утверждал, что подобное невозможно, но Еремей опасался верить ему.

Всю зиму мужик провалялся в теплой сухой пещере, то ли просыпаясь от смерти, то ли борясь с лихорадкой, а болотники, требующие, чтобы их называли непроизносимым именем «гр-хч-сг-от», выхаживали его, впрочем, особо при этом не надрываясь, как старого конягу: выживет – хорошо, а помрет – так и время его пришло.

А по весне Рел-Наг вывел оклемавшегося Еремея из пещеры и спросил:

– Землю пахать умеешь?

– Умею, – ответил мужик.

– Мы деревья порубим, корни выкорчем, пожжем их, с плугом поможем, – медленно пояснил болотник. – Семена дадим. А когда урожай соберешь, купим его у тебя по-честному.

– Вам вершки или корешки? – спросил тогда Еремей, вспомнив сказку.

Но болотник только усмехнулся, показывая, что сказки знает не хуже его.

Не обманули ушастые нелюди, и деревья повалили, и пни выкорчевали – с помощью волшбы и разных приспособ сделали это так быстро, что мужик только губу нижнюю от зависти прикусывал.

Пахать да сеять они не умели, а волшбой плуг тащить Еремей запретил – не взойдет зерно от такого, здесь он точно уверен был. Заставил троих болотников впрячься в плуг и перепахал целину несколько раз – так, чтобы уж точно.

А потом засеял.

И теперь ждал всходов.

– Братишка, что с тобой, – перед глазами маячил Атаниэль.

– Не знаю, – признался Иво. – Еремей... Беглый монастыр-ский крестьянин... Его болотники... хотя какие к черту болотники? Часовщики спасли от смерти...

– Заговаривается, тутти-ту, – раздался голос Мажа; сам он, как обычно в последнее

время, на глаза не показывался. – Пусть он в машине посидит, тутти-там.

Иво окончательно проснулся. Сон о Еремее, такой четкий и логичный, в отличие от большинства обычных сновидений, не спешил тускнеть и расплываться в памяти.

– Я в порядке.

– Нет уж, братишка, сиди давай, тебе сейчас в больнице отлеживаться положено, – сказал Атаниэль, которого явно заботило состояние друга. – Вереск, ты пойдешь первым – тебя Лан-Рин наверняка не запомнил, Мажа он может почувствовать или увидеть, эта сволочь – маг, хотя до лучших ему далеко, но сюрпризов не исключаю. Я буду подстраховывать.

Иво, исключенный из планов, сидел на заднем сиденье изредка рыкавшей на холостом ходу машины. Вокруг кипела жизнь – ездили автомобили, ходили люди и не только люди.

Воспитанник слаш проследил за Вереском. Тот уверенным шагом дошел до нужного дома, спокойно спустился по лестнице к двери в подвальчик под вывеской «Телефоны б/у, ремонт телефонов и ноутбуков, скупка». У двери он задержался – Иво видел только макушку оборотня, – но после небольшой паузы вошел.

Атаниэль, оставшийся наверху, спокойно рассматривал прохожих. Стрельнул у проходившего мимо дейвона сигарету. Иво выругался – ведь мало того, что их ищет половина города и они сейчас заняты чуть ли не открытым грабежом, так элохим еще и не курит, и сделал все из чистой любви к риску!

Через пару минут Атаниэль, видимо получив некий сигнал от Мажа или Вереска, тоже спустился в подвальчик. Минут десять ничего не происходило, и воспитанник слаш от нечего делать начал разглядывать дом, в подвал которого зашли его друзья.

Это был основательный старинный особняк на углу Владимирского проспекта и небольшой улочки. Верхние четвертый и пятый этажи явно занимали коммунальные квартиры – два сиротливых стеклопакета, по одному на этаж, в разных краях здания остались в меньшинстве, большая же часть окон могла похвастаться лишь дряхлыми деревянными рамами, подчас с треснутыми стеклами и лишь изредка со следами более-менее свежей краски.

Второй и третий этажи выглядели куда более основательно – здесь обосновались коммерческие организации, и это было видно не только по стеклопакетам, но и по кондиционерам, по рекламе в окнах и одинаковым жалюзи.

А вот на первом этаже царил разброд – в половине бывших квартир находились магазинчики, к которым шли отдельные лестницы. Вторая половина была пока еще занята прежними владельцами, но на каждом окне красовалась надпись «Sale» – Иво всегда удивляло: почему не написать по-русски? – и выглядели эти помещения не очень жилыми.

Прямо над магазинчиком «Телефоны б/у» находилось единственное окно, не относящееся к магазинчикам и при этом не шеголяющее надписью о продаже. Окно было занавешено глухой черной шторой, чем также выделялось из общего ряда.

Иво задумчиво смотрел на штору, не замечая того, что понемногу проваливается в сон, как вдруг послышался глухой удар. Парень встрепенулся – он не был точно уверен, откуда донесся звук, но чувствовал, что из подвала, в котором скрылись его друзья.

Выйдя из «шестерки», он на мгновение замер, прислушиваясь – может, просто послышалось? Ничего не происходило, и Иво уже готов был ринуться на выручку друзьям, когда штора на окне отодвинулась. Затем кто-то невидимый открыл окно, и об асфальт шмякнулось нечто мягкое.

Глава 14

За массивным металлическим столом, заваленным горелыми микросхемами, кусками кожи, стружками и совершенно непонятным хламом, сидел старый Часовщик. Стол стоял в невысокой комнате с голыми бетонными стенами, ни одного окна здесь не было, а чтобы пройти в дверь, нагибаться приходилось даже самым низкорослым «желтым».

Не многие даже из числа Таккати знали о существовании бункера на территории авторынка «Северный Маршал», а уж тех, кто хоть раз бывал здесь после того, как торговые ряды построили гастарбайтеры из Узбекистана, можно было по пальцам пересчитать.

Вошедший в помещение Часовщик был в числе тех, кто имел доступ к вождю Жас-Таку, тому, кто после захвата «Ложей» источников на Апраксином рынке стал, пожалуй, самым влиятельным Часовщиком в Санкт-Петербурге.

– Жас-Так, мы поймали и допросили Тек-Чата, гр-хч-сг-от из племени Каддаги. Именно он участвовал в нападении на Одиннадцатый равелин, и из-за него мы были опозорены во время рейда «Ложи» сегодня утром.

– Молодец, – Жас-Так слегка ударил ладонью по свободному от хлама участку стола. – Очень оперативно! Он еще жив?

– Я думал, мы отдадим его «Ложе»... – посетитель замялся.

– Мы – Таккати, он – Каддаги. Если мы выдадим его «Ложе», то получится, что выдали мы чужого гр-хч-сг-от, то есть действовали как наемники. Что ты пообещал той безумной верог, когда она перевернула тебя вверх ногами и собралась выпить твою кровь?

– Что мы обязательно разберемся с этой проблемой.

Вождь довольно улыбнулся – не зря он поставил этого парня главным на «Южном Маршале»!

– Ты все правильно сделал. Мы разобрались с этой проблемой. Тек-Чат сказал что-нибудь интересное?

– Он многое нам открыл. После нападения он вместе с другим Каддаги, Лан-Рином, обманом захватил тех, с кем нападал на Одиннадцатый равелин, и продал их сатра из клана Акалон.

– Почему не «Ложе»? – удивился Жас-Так.

– Он боялся, что ему не простят участия в атаке. Готов был продать кому угодно, у него были выходы на глав нескольких объединений. Сатра предложили высокую цену. Один из пленников, маах'керу, смог каким-то образом сбежать, а затем ограбил Тек-Чата.

– Как интересно они все живут, ай-ай, – усмехнулся вождь. – Вот что. Тек-Чата мы никому отдавать не будем, впрочем, и убивать также не будем. Спрячем его подальше, а потом кому-нибудь подарим. Кому-нибудь, кому он будет нужен и кого мы не очень любим. Эта гадюка станет отличным подарком!

В первое мгновение, осознав, что штору в окне сдвинул некто невидимый, Иво решил, что это Маж, однако сразу сообразил, что такое маловероятно. А вот на пользующегося «отводом глаз» Лан-Рина, умудрившегося как-то нейтрализовать троих «гостей», неведомый маг тянул вполне уверенно.

Присмотревшись, воспитанник slash обнаружил, что видит тень Часовщика, не замечая его самого. Иво бросился вперед и с разгону ткнул рукой туда, где, по его расчетам, должна была находиться голова Лан-Рина. Удар прошел по касательной, что-то упало, парня развернуло, и, лишь уткнувшись в стену, он смог сохранить равновесие и оглянуться.

Напротив него на асфальте сидел самый маленький взрослый Часовщик, какого когда-либо видел Иво. Ростом он был едва ли метр тридцать, и именно поэтому удар прошел выше – тень не давала полного представления о габаритах «желтого».

Часовщик злобно посмотрел на Иво, небрежным жестом кинул в него «заморозку» и, не глядя на результат, подхватил две объемистые спортивные сумки, каждая из которых была едва ли не больше него самого, и бросился в улочку, пересекающую Владимирский проспект.

Воспитанник slash умудрился отклониться от несущегося на него заклинания и ощутил только ледяное дуновение около щеки, а, прикоснувшись к парикю, почувствовал, как ломаются рыжие волосы.

Вдалеке послышался вой сирены.

Парень кинулся вслед за неожиданно шустрым противником, которому, правда,

мешали громадные сумки, в десяток гигантских шагов догнал его и толкнул в спину. К удивлению Иво, Часовщик не упал, а бросил перед собой одну из сумок, ловко перекатился через нее, повернулся и сделал резкий жест рукой.

Иво уклонился и вновь бросился на Часовщика. Тот, однако, больше не собирался отступать – он сжал левой рукой правое запястье и торжествующе взглянул на человека. Иво не почувствовал абсолютно ничего и, заканчивая бросок, схватил Часовщика за грудки.

Сзади, на Владимирском, совсем близко выла сирена.

На лице Лан-Рина мелькнула паника. Часовщик нырнул к асфальту, оставляя в руках Иво старенький пиджак, извернулся, схватил обе сумки, вытащив одну из них из-под врага, и готов был бежать, когда парень схватил его за штанину.

Иво совсем не удивился бы, если бы Лан-Рин выскочил и из штанов, но Часовщик запнулся и упал, стукнувшись лбом об асфальт.

– Всем стоять, милиция! – заорал кто-то со стороны Владимирского.

– Суки, обложили, – сдавленно пожаловался Часовщик.

Он, кряхтя, поднялся на корточки, затем резким движением высвободил ногу, схватил одну из сумок и рванул по улочке, непонятно зачем на каждом третьем шаге отпрыгивая то влево, то вправо.

– Держите вора! – заорал Иво первое, что пришло на ум.

Мимо него протопали двое полных и невысоких милиционеров. Первый только бегло глянул на парня, и ни один не обратил внимания на вторую сумку, лежавшую между ним и стеной.

Иво схватил сумку и под неодобрительным взглядом старушки, стоявшей на другой стороне улочки, направился обратно к машине.

Рядом с вяло порывающейся «шестеркой» стояла новая «девятка», раскрашенная белым и синим и с внушительной надписью «УВО» на багажнике. А из подвального тем временем выходили Вереск и Маж – на этот раз видимый, хотя и не очень хорошо из-за обычной для альвов туманной дымки. Они тащили на себе Атаниэля, все трое выглядели побитыми и были в серой пыли с головы до пят.

– Иво, за руль! – крикнул Маж.

Воспитанник слаш закинул сумку Лан-Рина в салон, обежал машину и сел на водительское место, подумав, что сейчас, наверное, не время говорить о том, что водительских прав у него нет и ездить он не умеет.

Через пару секунд Атаниэля впихнули на заднее сиденье. Рядом с ним расположился щуплый альв, на переднее пассажирское сел Вереск.

– Поехали, – подбодрил он Иво.

– Я водить не умею, – признался воспитанник слаш.

Маж горестно простонал.

– Давай я сяду, правда, с механикой я почти не ездил, – предложил оборотень.

И в этот момент сзади и сбоку подъехали еще два автомобиля – один с надписью «УВО», а второй – «ППС», причем если в первом сидели обычные милиционеры, то второй был под завязку набит крупными ребятами в полном обмундировании, включая каски, бронежилеты и автоматы.

– Руль вправо до упора, – хладнокровно сказал Вереск. – Крайнюю левую педаль вниз. Рычаг передач чуть влево и вперед до конца.

Иво, которому происходящее нравилось все меньше и меньше, тем не менее выполнил указания.

– Медленно отпускаешь левую педаль, как только машину начнет потряхивать, нажимаешь правую, затем левую отпускаешь до конца.

– Выйти из машины, руки держать на... – заорал один из ментов, тыча автоматом в сторону Иво.

Что еще он хотел сказать, воспитанник слаш не услышал, потому что, выполняя приказы Вереска, в этот момент почувствовал, как и так трясущиеся «Жигули» начали

вздрагивать словно в предсмертных конвульсиях, и нажал на «правую педаль».

Автомобиль взял штурмом невысокий поребрик и рванул в стену ближайшего дома. В последний момент Иво успел выкрутить тяжеленный руль, и помчался по тротуару, успев отметить, как быстро могут отпрыгивать люди, когда им грозит попасть под колеса.

– Давай налево, – спокойно предложил оборотень. – Пока никого не сбили.

Иво послушно крутанул руль, который на этот раз поддался легче, выехал на дорогу между двумя какими-то очередными автомобилями и едва не развернулся в борт встречному автобусу, успев в последний момент выровнять машину.

Оставшийся сзади автобус резко затормозил, перегораживая обе полосы.

– Правую педаль отпускаешь, левую педаль в пол, рычаг назад до упора, плавно опускаешь левую педаль, нажимаешь правую...

Иво бездумно выполнил указания.

– Я научился водить машину, – нервно рассмеялся он.

– Не научился, тутти-ту, пока не остановишься, – не менее нерв-но откликнулся сзади Маж. – Почему они не стреляли, тутти-там?

– Потому что там были люди, – ответил Вереск. – Я знал, что полицейские не откроют огонь в центре города.

– Ты не знаешь наших полицейских, – глухо заметил с заднего сиденья очнувшийся Атаниэль. – Что случилось?

– Чуть позже, тутти-ту, – альв тронул плечо Вереска. – Я сейчас с помощью иллюзии поменяю цвет нашей машины на черный, а ты пока научи Иво, как можно затормозить и припарковаться.

– Нажимаешь центральную педаль... – начал было оборотень, и Атаниэль тут же вскинулся:

– Не слушай его!

Но было поздно. Иво уже выжал тормоз до конца, машина клюнула носом и заглохла. По левой полосе с яростным ревом сирен, едва не снеся «шестерке» зеркало, пронеслись одна за другой четыре милицейских автомобиля.

– Успел, тутти-ту, – пробормотал альв. – Оттолкните машину в какой-нибудь двор.

Однако Атаниэль решительно отказался бросать автомобиль и настоял на том, чтобы его пустили за руль, а затем толкнули «шестерку».

Двигатель завелся быстро. Иллюзию, благодаря которой машина не только поменяла цвет, но еще и стала выглядеть гораздо более красивой и новой, Маж снимать не стал. Все сели по местам, и Атаниэль повел драндулет через дворы и узкие улочки, лавируя между припаркованных автомобилей.

– Так что случилось? – поинтересовался элохим. – Я помню только, как подошел к двери.

– Вообще не помнишь, тутти-ту? – удивился Маж. – Ты ворвался с криком: «Я тебе припомню стояние на реке Угре», с ходу разбил две витрины, видимо, тутти-там, чтобы создать необходимую атмосферу, затем схватил Лан-Рина за шиворот и потребовал, чтобы он сказал, где его деньги, тутти-ту.

Вереск что-то проворчал.

– Что ты сказал? Я из-за отсутствующего глушителя ни хрена не слышу! – заявил Атаниэль.

– Я сказал, что после того, как ты потребовал деньги, я хотел выйти из помещения, чтобы не участвовать в грабеже! – отозвался недовольный маах'керу. – Мне показалось, что это слишком нечест-но – забирать деньги у маленького, слабого и несчастного Часовщика, да еще втроем.

– Не такой уж он и слабый, – возразил Иво, вспомнив юркого и на удивление сильного Лан-Рина.

– Мы это уже поняли, тутти-ту, – ответил с сарказмом Маж. – Так или иначе, но Вереск остался и попросил, чтобы Часовщика не били и дали ему возможность оправдаться. Лан-

Рин сказал, тутти-там, что его заставил участвовать в деле Тек-Чат, у которого на Лан-Рина имеется компромат, кроме того, они какие-то дальние родственники и отказаться не было никакой возможности, тутти-ту. Лан-Рина подвела жадность – когда мы пришли, он выгребал из столов и витрин последние телефоны и батарейки, притом что, насколько я понял, тутти-там, магазин он арендует и давно уже не платил хозяину.

– Атаниэль отпустил Часовщика по моему требованию – я думал, что он все равно никуда от нас не денется, – с легким чувством вины добавил Вереск. – Лан-Рин начал торговаться, предлагал нам вначале десять тысяч долларов, потом двадцать, потом тридцать. Я сказал, что он получил от сатра шестьдесят тысяч, и он согласился отдать нам шестьдесят при условии, что остальные его деньги мы не тронем.

– Атаниэль хотел забрать все, тутти-ту, – рассмеялся Маж, обращаясь скорее к Иво. – Но Вереск не дал, сказал, что мы не грабители. Лан-Рин достал ключ, подошел к сейфу, попросил отвернуться. Все, тутти-там, в том числе и Вереск, отказались.

– Не стоит путать честь и идиотизм, – прокомментировал маах'керу. – Впрочем, выяснилось, что мы все равно ошиблись. Лан-Рин, открывая сейф, то ли что-то нажал, то ли активировал заклинание. На нас упал потолок.

В этот момент Атаниэль въехал в какой-то глухой двор, проследовал в дальний его угол и осмотрелся – никого вокруг не было, от единственного въезда их закрывали деревья.

– Вроде бы никто нас не преследовал, – сказал он. – Итак, причиной моей амнезии является рухнувший потолок?

– Да, тутти-ту, – усмехнулся Маж. – На самом деле это был просто слой штукатурки в пару сантиметров толщиной. Ты, как самый высокий, тутти-там, принял основной удар, Вереск успел упасть на колени и получил совсем немного, я гораздо ниже вас и потому вообще отделался парой царапин. Но когда посмотрел на Лан-Рина, тутти-ту, его уже не было, сейф открыт, внутри лестница вверх ведет. Я думал туда влезть – но там какое-то хитрое заклинание стоит, подробно рассматривать времени не было, тутти-там, и всякое желание преследовать Лан-Рина пропало...

– Дальше я расскажу, – вмешался Иво. – Он вылез через окно первого этажа, невидимый. Я заметил его тень и попытался остановить, но он верткий, как черт, кинул в меня «заморозку», еще что-то пытался сделать, при этом тащил две сумки. Если бы не милиция, не знаю, кто бы победил.

– Один на один он мог одолеть любого из нас, – заявил Вереск. – Он абсолютно бесчестен.

– Я тоже, – небрежно заявил Маж, – когда дело касается – врагов.

– Но он старше и опытнее, – настаивал Вереск. – Иво говорит, что «желтый» применял магию, а с нами прикидывался бедным-несчастливым. То есть он четко знал, когда и что делать, у него были и отработанные схемы ухода. Если бы не жадность, он давно уже был бы далеко. Впрочем, он и так наверняка ушел от вашей полиции и унес свои сумки.

– Одну, – заметил Иво. – Вторая вот.

Он ткнул пальцем в спортивную сумку с надписью «Рибок».

Маж тут же заинтересованно потянулся к ней и расстегнул – молнию.

В сумке было три отделения – в самом большом лежала одежда на рост маленького Часовщика. Причем он явно собирался куда-то, где в июле холодно – теплый пуховик, два комбинезона, две пары мокасин. Было здесь и термобелье, и тренировочные штаны, и несколько маек.

Во втором, поменьше, лежали два блестящих от смазки пистолета, несколько обойм к ним и ракетница с набором ракет. В третьем находились два комплекта документов – паспорт обычный и заграничный, водительские права. Один комплект был на имя Леонида Аринина, второй – на имя Леона Тер-Аганяна.

Под паспортами в третьем отделении нашлась небольшая шкатулка с двумя десятками мутных камушков.

– Алмазы, – сразу определил Атаниэль. – Неограненные. Самый большой – карат на

пятнадцать, наверное. Если сделать из него бриллиант, тысяч на сто долларов потянет, может быть. Хотя я не большой специалист, вот к дяде Равэлю со всего СНГ приезжают консультироваться, он эти камни и знает, и чувствует, и баек про них рассказать может сколько угодно.

– Что может стоить эта кучка, тутти-ту? – поинтересовался Маж.

– В таком виде, да еще без контактов? Пулю в лоб. Точнее, четыре пули – я ведь с друзьями! – Атаниэль расхохотался. – Алмазы – это закрытый рынок, от них вообще-то легко с ума сходят. Даже опытные ювелиры, бывает, трогаются. Дядя Равэль никогда без алмаза спать не ложится, обязательно под подушку положит, привыкает к нему, разговаривает с ним. А попробуешь сказать, что это же так, просто камушек – и видно по лицу, что собирается тебе в морду дать, вот только пальцы повредить боится.

– И что? – спросил Иво. – Их нельзя продать какому-нибудь Часовщику?

– Атаниэль прав, тутти-ту, вход на любой закрытый рынок чреват быстрой смертью – и неважно, что ты продаешь – наркотики или оружие, уран или краденые чертежи нового двигателя, тутти-там. Тебя должны хорошо знать, иначе риск слишком велик и проще после сделки тебя убить. И проще, тутти-ту, и дешевле. Один камушек можно было бы сбавить по дешевке, но за партию краденых алмазов немногие могут заплатить, тутти-там, а те, кто может, тебе не понравятся. У «Ложи Петра и Павла» есть подобные контакты, и они занимаются в том числе и самой разной контрабандой. Я точно знаю, что когда дело касается одноразовых сделок, они предпочитают устранять контрагента.

– И что теперь, выкинуть их, что ли? – возмутился Иво.

– Нет, конечно, – ответил Атаниэль. – Когда разбогатеет, отдадим их дяде Равэлю в огранку, а потом сделаем каждому по перстню.

– А дядя Равэль не купит их у нас? – поинтересовался Вереск.

– Дядя Равэль – ювелир, а не миллионер, – ответил элохим. – У него четыре дочери и два больших кредита. И, что характерно, ни одного собственного алмаза или бриллианта, хотя он их любит больше, чем дочек.

На этом разговор иссяк.

Иво занялся собственной внешностью. Использовать парик для маскировки больше было нельзя, он привлекал внимание гораздо сильнее, чем сам воспитанник слаш, поэтому пришлось его снять.

Впрочем, и альв смотрелся не особо – обычная его дымка скрывала Мажа от взглядов весьма условно, сквозь нее можно было понять, что ее обладатель побывал в переделке.

Лучше всех из четверки выглядел Вереск – подросток-оборотень то ли умудрился хорошо отряхнуться, то ли просто был из породы тех, кто может пройти по грязи, не замарав ног.

Хуже всех пришлось Атаниэлю. Именно об его макушку раскололся хоть и не толстый, но тяжелый слой штукатурки. Иво подозревал, что если бы такая штука упала на него, он бы умер прямо там, – а элохим был еще в состоянии вести машину и вполне осмысленно разговаривать.

– Надо искать квартиру для базы, тутти-ту, – сказал наконец Маж. – Даже если мы ночью найдем источник Феофана, в чем я до сих пор сильно сомневаюсь, после долгого заплыва мы все устанем. А если, тутти-там, ничего не найдем да еще полночи от погони удирать будем, то потом свалимся прямо на улице.

– Я позвоню, – сказал Атаниэль.

– Кому? – любопытствовал Вереск.

– Трориэлю, это бригадир моих альпинистов, парень надежный и многим мне обязан, – элохим уже набрал номер и приложил трубку к поцарапанному уху. – Алло, Трорище? Привет еще раз!

– Тек-Чат тоже тебе многим был обязан, – проворчал Вереск.

Тем временем Атаниэль попросил Трориэля прислать эсэмэску с контактом агента по недвижимости.

Через минуту элохим набрал полученный номер и за десять минут подобрал два варианта жилья – трехкомнатную квартиру на Исаакиевской площади и большую мансарду на Суворовском проспекте рядом со Смольным собором. Оба варианта стоили запредельных денег, но Атаниэль заявил, что в данный момент это не имеет значения.

– Смольный – территория дейвона, клан Раджаш, тутти-ту, – сказал Маж. – Ты уверен, что у нас не будет с ними проблем?

– Они сейчас в силе, подвоха не ждут, – пояснил элохим. – Между ними и «Ложей» граница по Фонтанке, вот около нее – не особенно спокойно. Но в глубине, к тому же в стороне от штаб-квартиры клана, совершенно спокойно. Так что поехали, пристроимся.

Но вскоре стало ясно, что «шестерка» умерла внезапно и окончательно.

Иво и Вереск минут десять толкали ее вокруг детской площадки, изучив все выбоины в асфальте, но машина только натужно чихала, отказываясь заводиться. Маж отметил, что это, наверное, даже и к лучшему – машину уже видели, энергии на постоянную маскировку ни у него, ни у Атаниэля нет, а значит, передвигаться на старых «Жигулях» слишком рискованно.

Элохим еще раз позвонил своему бригадиру, и тот нашел для них телефон такси.

Пока ждали машину, Атаниэль пытался разобраться в проблемах «Жигулей», поминутно поминая разработчиков этого драндулета, их родителей, родственников и домашних животных.

Иво поглаживал в кармане «цветок», слушал разговор оборотня и альва и только постоянным усилием сдерживал себя от того, чтобы не провалиться в сон. Маж выяснял у Вереска, где и когда тот успел научиться водить автомобиль, и как получилось, что маах'керу, который обязан быть вспыльчивым и недоверчивым, так хладнокровно ведет себя.

Канадец сухо и без деталей рассказал, что его отец был убит в стычке с сатра еще до его рождения – тогда появился новый источник на территории, которая давно считалась спорной. Мать погибла, когда Вереску было десять лет. Опекуны, которых назначила хранительница закона, предполагали, что Вереск отслужит пару лет в армии, а затем пойдет работать в полицию. Там ему помогут занять определенный пост в нужном районе, чтобы он получил все необходимые связи и опыт.

– У меня жизнь лет до сорока расписана была по минутам, – то ли жаловался, то ли хвастался Вереск. – Ну, и учили соответственно – магия, компьютер, физическая подготовка, борьба, управление автомобилем и мотоциклом. Хранительница разговаривала со мной всего несколько раз. Как я понял, у нее в свое время были натянутые отношения с моим отцом, и она хотела избежать таких же со мной, поэтому я должен был жить вне стаи и при этом приносить максимальную пользу. А однажды я уснул дома, в кровати, а проснулся в тесном ящике. Перед этим нас крепко прижали дейвона из клана Маркан, было несколько столкновений, постоянно то переговоры, то погромы, то вылазки – в последних двух я участвовал, но как-то все бестолково. И я почти уверен, что на нас напали и меня просто взяли в плен. Но не исключая, что хранительница закона продала меня.

– Нереально, тутти-ту, – заявил альв. – Чтобы маах'керу продала своего? Не верю.

– У меня незадолго до этого был с ней разговор. О том, насколько я верен стае, готов ли пожертвовать своей жизнью ради благополучия остальных, ну и тому подобное. В личной беседе я с ней немного поспорил, она словно специально пыталась меня взбесить, про мать гадостей наговорила... Я потом еще решил, что у нее и так все сложно, просто не сдержалась. А теперь вот уже не уверен, не пыталась ли она тогда саму себя убедить, что я – чужой для них.

Водитель подъехавшего такси поначалу отказался пускать в новенькую «Нексию» грязных и исцарапанных пассажиров, вытаскивавших разномастные сумки из ржавой «шестерки». Но после недолгого торга согласился, что чистка салона не может стоить слишком уж много.

Иво всю дорогу клевал носом.

Хозяйка квартиры около Исаакиевского собора, пожилая джинна, едва увидев у порога

четверку кое-как приведших себя в порядок ребят, молча сделала перед собой крест из перечеркнутых рук.

– По-моему, нам не рады, тутти-ту, – констатировал альв, как только перед ними закрылась дверь.

– Она знает, кто мы, – согласился Вереск.

– Не повезло, – философски отметил Атаниэль. – Ей не повезло. Она не получит те деньги, что мы готовы были ей отдать, а ведь могла бы хорошо поторговаться.

Таксист ждал внизу. И снова Иво боролся со сном, пока они ехали, а потом тащил вверх самую легкую ношу – саквояж, добытый Вереском.

Здесь хозяином был обычный молодой мужик, который слегка смутился, увидев четырех парней, но не показал вида, а просто попросил внести залог больше оговоренной суммы. По звонку через двадцать минут подъехала агент, быстро подписали все документы, некое количество долларов переключало из рук Атаниэля в руки агента. Та сразу же отсчитала свою долю и отдала остальное хозяину мансарды.

Иво не успел рассмотреть помещение как следует – едва Вереск закрыл за хозяином дверь, как воспитанник слэш скинул с себя куртку, рубашку и джинсы. Даже не умываясь и едва успев положить «цветок» под подушку, как рекомендовал хозяин артефакта, он залез на высокую, почти метр от пола, кровать и мгновенно уснул.

Еремей шел между всходов, время от времени наклоняясь и выдергивая сорную траву. Сколько ни борони землю, в первый раз вспаханную, сколько ни переворачивай пласты, а все травы не выведешь, и еще не один год придется выдирать их.

Он знал, что болотник наблюдает за ним из леса, так же как знал и то, что Рел-Наг гордится своим умением бесшумно передвигаться по чащобе. Гордится ошибочно, но разочаровывать его человек не спешил.

Теперь Еремей знал, что забрался в глухие леса к северо-востоку от Пскова, и до ближайшей деревеньки здесь было едва ли не двадцать верст через трясины и чащобу. Особой тоски по людям он не испытывал, разве что хотелось порой увидеть вдалеке девуку, идущую за водой.

Не потискать, не полюбоваться на сеновале, а именно увидеть издалека. Как идет, словно плывет, невидимо перебирая ножками под длинным сарафаном, чуть склонившись вперед от небольшого веса двух пустых ведер на коромысле.

Этот морок особо часто возникал перед внутренним взором Еремея вечерами, когда он лежал на набитом прошлогодним сеном тюфяке в тесной землянке.

Болотники обещали помочь справиться дом. Ну, скорее даже не дом, а так, домишко, и с печью пока тоже не разобраться было. В первое время придется в холодные ночи топить по-черному, а вот осенью Еремей рассчитывал поставить нормальную печь. Он уже разведаль, где есть неподалеку хорошая глина и обстукивал сухостой, выбирая дрова для обжига кирпичей.

– Чего задумался? – поинтересовался Рел-Наг, выходя наконец из леса. – Чего закручинился?

– Да вот думаю, что это вы меня зимой подобрали да выходили, – слукавил Еремей.

Болотник наклонил ушастую голову, искоса глядя на человека.

Вопрос этот они обсуждали не раз, но человек так и не поверил тому, что ему говорили.

– А если я скажу правду, отстанешь? – спросил наконец ушастый нелюдь.

– Отстану, – кивнул Еремей.

– Небо коптит оставили оттого, что тебя использовать можно и нужно. Ты колдун, волшебник, – заявил Рел-Наг. – Молчи уж, что встрепенулся? Сам пока не знаешь, но в предсмертии прозрел, увидел нас такими, какие мы есть. А нас из Пскова выгнали, когда источник наш магический погас да мы на соседей вскинулись... Побили нас изрядно, не все пережили прошлое лето, а уж до этих диких мест добрались и вовсе малым числом. Здесь бабка раньше жила, ведьма, вот на слухи про нее мы и пришли, – а она лет десять как

околела уже. Но источник ее магический, слабенький да в месте неудобном, остался. Ну, мы здесь и осели.

– В Пскове жили? – усмехнулся мужик. – Скажи еще, в Питербурх к царю Петру кланяться ездили! Кто ж вас, ушастых да носатых, в город пустит?

– А никто нас такими не видит, – пояснил Рел-Наг. – Кроме тех, кто магию пользуется. Вот ты год назад ни в жизнь бы не признал во мне нелюдя, а увидел бы мелкого мужичка, обычного, на каком и взгляд не остановится.

– Ну, положим, не врешь, – с сомнением отозвался Еремей. – И даже положим, что я – колдун великий, силу свою не прознавший. Только вот зачем я вам нужен – никак непонятно!

Болотник потупился, переминаясь с ноги на ногу на жирной черной земле.

– Не можем мы здесь жить. Источник слабый, зимы лютые. Надо в город идти. В Псков нас никак не пустят, в Питербурхе своих волшбунов много, и если появимся там, сразу нас выкинут. Но есть при царе Петре Алексеиче человек многомудрый, очень, говорят, хитростью и разумением богатый. Вот он, если мы его своими делами заинтересуем, помочь сможет. Источников в Питербурхе много, и сильных, что ни год – новые появляются. Делят их люто, сами мы не выдюжим, а с поддержкой этого человека, может, и обоснуемся.

– Я здесь при чем? – удивился Еремей.

– Он, кроме как с людьми, ни с кем не знает, пакости разные строит, больше для смеху, но может и до смерти запутать, – пояснил Рел-Наг. – А мы тебя научим, как к нему подойти да что предложить, ты человек, тебя он не обманет. Но это потом, когда мы за тобой обмана ждать не будем. А пока – расти пшеницу.

Глава 15

С крыши Финляндского вокзала открывался не самый лучший вид – намного хуже, чем с куполов Смольного или Исаакиевского соборов, из окон Одиннадцатого рavelина или из штаб-квартиры ордена Изумрудных Крыльев на проспекте Обуховской обороны.

Но Арья всегда считала, что принадлежащее ей – самое лучшее.

И она любила этот вид, как любила свою трехкомнатную квартиру и дачу в Сосновом Бору. Она помнила те времена, когда могла любить и весь Петербург, – но это было давно.

Тогда она еще не была хранительницей закона.

Город стал чужим и холодным пятнадцать лет назад, когда после провокации дейвона из клана Раджаш маги стаи втянулись в войну с «Ложей Петра и Павла» – и проиграли, отдав источник на том месте, где сейчас «Ложа» строит «Петровский форт».

Тогдашнюю хранительницу закона это поражение сломало. Она прожила еще четыре года, но это была уже пустая оболочка маах'керу, кукла, делающая все по инерции. И когда она умерла, новой хранительницей стала Арья. Она договорилась с соседями о совместной защите от «Ложи», при ней стая разбогатела и окрепла. Они начали заниматься строительством, создали с нуля банк «Росгор», который сегодня входит в десятку сильнейших в Петербурге.

Но когда «Ложа Петра и Павла» решила расширить свои владения, все это оказалось жалкой и бессмысленной возней. Креон заявил, что на место строительства «Петровского форта» напали маах'керу, предъявил двух изуродованных рабочих и неявно, но довольно прозрачно указал на их стаю как на виновников. Все, кто до этого обещал помощь и поддержку, радостно кивнули – да, это же так логично! Щенок пытается отобрать у слона свою косточку!

И когда во время празднования трехсотлетия Петербурга бойцы Креона вероломно атаковали магов стаи, никто не усомнился в том, что это была самозащита. За один час Арья потеряла почти все, в том числе и самых лучших магов. Из тех, кто мог сражаться, остались в основном самые старые и самые молодые.

Причем молодые стремились в бой. Они были готовы умереть, но исправить

случившуюся несправедливость. Авторитет хранительницы, возражавшей против войны, пошатнулся.

За последние два месяца она проделала гигантскую работу, сдерживая молодежь, разговаривая с самыми умными и сильными из них, кого-то убеждая словом, кого-то подкупая.

В такое время нельзя допустить раскола в стае. Ей почти удалось. Почти.

Она смогла доказать, что можно жить и зависеть от «Ложи Петра и Павла», что так живут и Часовщики на Апраксином рынке, и джинна на Крестовском острове. Да, их последний источник формально будет принадлежать «Ложе», но стая останется жива, их дети смогут учиться магии, и рано или поздно справедливость восстановится.

А потом какие-то мальчишки, совсем еще дети, напали на Одиннадцатый равелин и смогли не только войти в него, но и выйти. И все те молодые маах'керу, кто за день до этого кивал, слушая рассуждения хранительницы закона, вдруг словно взбесились. Если смогли другие – почему не смогут они? Надо нападать! Надо кусать врага! Это можно сделать, «Ложа» ослабла, они уязвимы!

Одна случайная стычка. И никак не объяснить молодежи, что там не расчет и не логика, а чистое везение! Арья прикусила губу. Она решила для себя – надо переговорить с Антоном, самым старшим из оставшихся в живых магов. Сам он участвовать уже ни в чем не сможет – слишком стар. Но он подберет нескольких бойцов из своих учеников, четко знающих, что такое субординация. А эти бойцы найдут и уничтожат мальчишек, чей пример раскалывает стаю.

Их смерть будет еще одним укором «Ложе Петра и Павла».

Над Невой поднимался ветер. Здесь, на крыше Финляндского вокзала, он почти не чувствовался, но хранительница закона точно знала – ветер есть, и он будет усиливаться.

Проснувшись, Иво некоторое время не мог сообразить, где он находится. Вверху был наклонный потолок, слева – стена из неоштукатуренного красного кирпича, справа, в паре шагов – колеблющаяся занавесь из плотной белой тюли. За занавесью кто-то незнакомый бубнил:

– ...Продуктов на общую сумму четыре тысячи пятьсот шестьдесят два рубля, чек прилагается. Ноутбук за тридцать шесть тысяч рублей ровно, чек прилагается. Фонарь подводный, две штуки, две тысячи четыреста рублей, чек прилагается. Автомобиль «Тойота Корона», тысяча девятьсот восемьдесят девятого года, руль правый, коробка автомат, сто двадцать тысяч рублей, чека нет и не будет, рукописная доверенность и документы на машину прилагаются. И еще, Тан, в долг я тебе не поверю – сегодня ты живой и бодрый, с шишкой во весь лоб, а завтра ты грустный и мертвый, а я без денег.

Иво сполз с кровати – чувствовал он себя неплохо, но был очень слабым. Натянул джинсы, глянул на грязную рубашку и решил, что ну ее к черту – кого стесняться?

Отодвинул занавеску, выглянул и увидел высоченного незнакомого элохим с солидными крыльями, торчащими из футболки. Элохим сидел за столом, тыкая ручкой в бумажку и поясняя что-то заслоненному им собеседнику.

– Переведи в доллары, Троризэль, я тебе прямо сейчас заплачу, как и обещал, – заявил невидимый для Иво Атаниэль. – И сколько я бригаде должен – тоже говори, пока деньги есть. Накинь пару сотен долларов сверху себе за труды.

– Сверху ничего не накину, ты меня в свое время в шхерах раз пять вытаскивал, – пробурчал незнакомец.

– Я сам дурак, клянусь Семью, потащил тебя в подводные пещеры, ничего не умеющего глупого новичка, – покаялся бескрылый. – Но настаивать не буду. Сколько в итоге?

Иво не стал ждать, пока они договорятся, а вышел из своего занавешенного тюлем закутка и огляделся. Мансарда была побольше некоторых трехкомнатных квартир – длинное помещение метров шести в ширину и не меньше десяти в длину, с одной стороны – высокая,

в два человеческих роста, капитальная бетонная стена, с другой – придавленная опускающейся постепенно крышей кирпичная стена с несколькими окнами чуть выше головы Иво.

Из обстановки имелось несколько просматриваемых насквозь стеллажей, пара столов – обычный и кухонный, – два навесных шкафа, десяток разных стульев, три кресла, два дивана и электрическая плита в дальнем углу. Мебель была расставлена так, чтобы огораживать некие зоны-полукомнаты, также с потолка у стен то тут, то там свисали занавески – если их распрямить, они будут отделять свои куски помещения.

Кто-то основательно подумал о том, чтобы сделать планировку действительно свободной – несколькими движениями руки полупустая мансарда легко превращалась в трех- или четырехкомнатную квартиру, правда, с легкостью прослушиваемую из любого угла.

– Иво проснулся, тутти-там, – заметил Маж, сидевший в глубоком кресле боком к воспитаннику слаш и почти невидимый за боковиной и подлокотником. – Как себя чувствуешь?

– Как младенец, – буркнул Иво. – Хочу кушать, спать и в туалет. Кстати, где он?

– Сразу перед кухней дверь, тутти-ту, – альв явно хотел поговорить и немного разочаровался оттого, что у Иво нашлись более важные дела. – Смотри не заблудись там.

Как быстро выяснилось, альв пошутил.

Если в мансарде пространства было хоть отбавляй, то туалет, совмещенный с душем, являлся узкой комнаткой полметра на полтора. Вначале посетитель «удобств» проходил сквозь «зону душа», которую можно было отрезать от остального помещения полиэтиленовой занавеской, а затем оказывался около унитаза на высоком постаменте.

Иво сходил в туалет, затем умылся и почистил джинсы, приведя их хотя бы в относительный порядок.

Еще неделю назад он сидел спокойно у себя дома, проглядывая десяток раз читанного библиотечного «Человека, который смеется» Виктора Гюго и изредка убеждаясь в том, что приемный отец невозмутимо держит в руках пиалу с коньяком, раз в пару минут делая маленький глоток.

А сейчас он – часть команды, втянувшейся в самоубийственную борьбу с «Ложей Петра и Павла». Шансов выиграть в этом противостоянии нет, Иво видел это отчетливо. Атаниэль, сейчас обсуждающий с Трориэлем какие-то рабочие вопросы, любил риск и презирал обыденность. Маж хотел отомстить. Иво все прекрасно понимал, но не умел бояться.

Он вернулся в комнату.

– Вереск, а ты почему с нами? – спросил воспитанник слаш валяющегося на диване с газетой «Метро» оборотня.

Маах'керу рассматривал картинки и искал знакомые буквы.

– Во-первых, вы спасли мне жизнь, – обстоятельно начал Вереск. – Во-вторых, с вами весело. А в-третьих, я здесь без документов, и никто, кроме вас, мне не рад.

– Хорошие причины, чтобы умереть, тутти-ту, – отметил прислушавшийся к беседе Маж, затем поднялся и подошел поближе. – Если мы найдем источник, в чем я сильно, тутти-там, сомневаюсь, то еще побарахтаемся.

У Иво были сильные опасения, что, найдя источник, их команда, наоборот, перестанет прятаться и начнет нападать – а значит, барахтаться, скорее всего, им останется недолго.

Но его это – равно как и ничто другое – не пугало. Он вообще не совсем понимал, что такое страх. Вот логика – это да, великая вещь, помогающая оставаться живым и здоровым. Но – только если следовать ей, а в последнее время Иво так часто шел против здравого смысла, что это становилось опасным.

– Так, мужики, пора ужинать, – заявил подошедший Атаниэль.

За ним маячил Трориэль, черты его были грубыми и крупными, но в целом лицо казалось симпатичным.

Сели за кухонный стол, накромили бутербродов – Троризель принес с собой несколько пакетов, в которых было много чего, в том числе нарезка разного мяса, сыра, овощи, банки с оливками, красной икрой, а также несколько литровых пакетов с соком и два громадных круга хлеба.

Некоторое время слышалось только чавканье, хруст поедаемой курицы гриль и стук ножа о разделочную доску.

– Хорошо-то как, – заявил сдавшийся первым Маж. – Я считаю, что есть надо чаще, чем раз в сутки.

– А я думаю, что не чаще, чем раз в три дня, – с серьезным видом возразил Троризель.

Прошло еще минут двадцать, прежде чем насытились самые прожорливые – Вереск и Атаниэль. Наконец настало время для чая. Из настоявшегося чайника разлили по большим кружкам заварку, добавили кипятка, и элохим, прихлебывая ароматный напиток, заговорил о деле:

– Пора заняться источником. В том, что он есть, я не сомневаюсь и даже знаю с точностью до квадрата десять на десять метров, где именно. Источник находится под водой, аквалангов у нас два, гидрокостюмов – тоже два, поэтому спустимся только мы с Мажем.

– А как потом настраиваться на источник? – поинтересовался Вереск. – Если костюмов только два – и ни один ни мне, ни Иво не подойдет?

Атаниэль задумался – этот вопрос он явно не продумал.

– Разберемся по ходу дела, – наконец недовольно отозвался он. – Следующее. Ближе всего до места, где должен находиться источник, от Стрелки Васильевского острова, но туда нам нельзя. Чуть дальше – от пляжа у Петропавловской крепости, я бы рискнул оттуда, но это все же слишком опасно...

– Еще бы, тутти-ту! – возмутился Маж. – Это гораздо опаснее, чем со Стрелки!

– Согласен, – кивнул Атаниэль. – Тогда как рабочий вариант рассматриваем пристань на Дворцовой набережной. Не очень далеко, машину можно оставить сверху, спуститься к воде и заняться делом. В случае отступления – довольно удобно.

– А какие недостатки? – спросил маах'керу.

– Это тоже фактически территория «Ложи Петра и Павла», тутти-ту, – пояснил Маж. – Оттуда хорошо просматривается Одиннадцатый равелин, пара гранатометов может нанести серьезный ущерб штаб-квартире, тутти-там, поэтому набережную наверняка патрулируют.

– Именно за этим с нами едет Троризель. Он оставит машину сверху и будет сидеть внизу с баночкой колы, – пояснил Атаниэль. – Если возникнут вопросы – сидит, смотрит на воду, отдыхает после тяжелого трудового дня.

– В «Ложе» знают, что он работает на тебя, тутти-ту, – заметил Маж.

– От хвоста я ушел, – вступил в разговор Троризель. – А мое фото наверняка было только у тех, кто следил за мной в надежде выйти на Атаниэля. Вряд ли каждый боец «Ложи» знает, как я выгляжу, к тому же для многих все элохим на одно лицо. Кроме того, гулять по набережным может любой – не будут же они всех проверять?

– А зачем нужны мы? – тихо поинтересовался Иво.

– А что, все лавры – вам? – весело спросил Атаниэль. – Часовщиков по большому счету раскатали именно вы. И Тек-Чата, и Лан-Рина. Дайте уже и нам что-нибудь сделать. А сами будете на подхвате – сядете в брониках с «Когтями гнева», Троризель вас магией прикроет, а если начнется заваруха – вступите в бой и обеспечите нам чистый отход.

– Я согласен, – заявил Вереск, оставляя сомневающегося Иво в одиночестве.

– Я тоже, – проворчал воспитанник слаш.

– Тогда допиваем чай – и по коням, – Атаниэль был возбужден предстоящей операцией.

Если бы Иво не знал его, он подумал бы, что элохим пьян.

Собрались быстро, Атаниэль надел вычищенный парик, который не порвался лишь чудом, Иво выбрал себе новый, светло-русый, с длинными волосами, взамен испорченного рыжего, сунул «цветок» в карман куртки. Альв на выходе просто исчез, а Вереск, которого

вроде бы пока никто не искал, вообще не маскировался.

На улице было уже темно. Загрузили оборудование в багажник, сели в машину. В салоне, несмотря на возраст «Тойоты», все было ладно и удобно. Вереск, Маж и Иво легко уместились на заднем сиденье.

За руль сел Атаниэль, рядом с ним разместился бригадир альпинистов Трориэль. Двигатель заурчал мягко и негромко, подчеркивая контраст с «шестеркой», и машина плавно тронулась. Через пару минут они проехали недалеко от величественного и красивого Смольного собора и повернули на набережную.

– Да что ж такое, – сказал Иво. – Я опять хочу спать!

– Подожди уж, – ответил Атаниэль. – Сейчас приедем, сядешь на набережной на броник, поспишь.

Иво боролся со сном, поэтому даже не заметил, как они доехали. Сквозь полудрему почувствовал, как его вывели из машины и пристроили на неудобном бронезилете, накрыв каким-то покрывалом.

Рядом кто-то негромко переговаривался, чем-то шелестели, что-то происходило, но Иво уже практически не слышал этого. Он постепенно, как в зыбучий песок, погружался в сон.

– Псковские болотники, говоришь? – переспросил невысокий мужчина в шелковой рясе. Умное и властное лицо его было окаймлено окладистой бородой. – Как же, знаю, Таккати. Я хоть и нечасто бываю в Пскове, но все еще числюсь епископом тех земель. Много всякого они натворили перед тем, как их выгнали. Считаю, правильно с ними поступили.

Разговор проходил в Санкт-Петербурге, в высоком деревянном двухэтажном доме епископа Феофана Прокоповича на набережной Невы. Еремея очень удивили роскошные палаты, заходя в которые не надо было пригибаться. Полы выложены досочками одна к одной и не скрипят, а подсвечники искусно сделаны из бронзы и их так много, что поздним вечером в палатах светло, как днем.

– Болотники, – подтвердил он. – Готовы многое для вас сделать за протэксию.

– Протекцию? – усмехнулся Феофан. – Я с твоих слов понял, что они хотят в новой столице обосноваться, источник магический, а то и не один, получить в пользование. А чтобы не биться за него каждый час и чтобы никто не ярился на них за прошлое, получить личное добро на торговлю от царя Петра и поддержку на первое время от меня. Истинно скажу – не нравится мне их предложение. Но ты – человек, и человек, владеющий магией, хотя и совсем пока немного, и я тебя выслушаю. Что предлагают нелюди?

Еремей достал из котомки и положил на стол две вещи – моток длинного кожаного шнура с серебряными клепками и широкий книжный оклад, также кожаный.

– Сложные предметы, с магией, – отметил собеседник. – В чем их суть?

– Они защищают то, что ими сокрыто, от любых магов, кроме людей, – пояснил заученно Еремей. – Веревкой можно окружить любое магическое место или предмет, и никто, кроме человека, не найдет его никогда, даже если совсем рядом пройдет и будет искать спрятанное, зная, что оно там. А оклад – сокроет не книгу, но написанное в ней, так, что двое людей, прочитавших ее, узрят разное, и никто не увидит точно, что сокрыто, но каждый незнающий узрит намеки и подсказки, больше запутывающие, а знающий – точное указание.

– Это сделали Часовщики? – удивился Феофан.

– Болотники, – поправил Еремей. – Нет, они сказали, что просто хранили эти предметы, не касаясь их, и пытались открыть их секреты, но полностью не преуспели.

Феофан задумчиво провел рукой над предметами – вначале над мотком, перебирая пальцами в воздухе, затем над окладом. Через минуту он решительно коснулся оклада, затем сел рядом с ним, тронул пальцами левой руки висок, помотал головой и взялся за предмет двумя руками, не обращая внимания на Еремею.

Мужик ждал. Было чудом, что он вообще смог проскользнуть мимо стражей, пользуясь

показанной болотниками волшбой. Не меньшим чудом было и то, что Феофан не прибил его сразу, едва узрев в своем кабинете.

Но самым большим чудом было то, что Прокопович обращался с Еремеем спокойно и даже почти уважительно, хотя чином был выше не только деревенского старосты, плевавшего на мужиков, но даже и игумена, который в глазах беглого крепостного стоял где-то недалеко от царя, и уж во всяком случае выше бояр и тем более столбовых дворян.

– Дельная вещь, – произнес наконец Феофан. – И для бечеvy волшебной у меня есть применение. И я даже знаю, как и что надо добавить, чтобы получилось еще лучше. Есть у меня соблазн забрать их и не платить, но людей я не обманываю первым, хотя в ответ за обиду в пыль сотру. Есть у меня такая слабость, и некоторые о ней знают, потому и послали тебя. Продай мне поясok и оклад, заплачу золотом. В люди выведу, царевым человеком сделаю.

Еремей вспомнил жалобную рожу Рел-Нага, провожавшего его в дорогу. Вспомнил, как расплатились болотники за урожай – серебром, мясом и медом. Как выхаживали его, как показали тонкий столб света и научили черпать оттуда мощь для сотворения волшбы. Вспомнил, что ничего, кроме добра, не видел от мелкого ушастого и носатого народца.

Быть царевым человеком – честь великая, но как потом себя уважать?

– Нет, цену я сказал уже, – ответил Еремей. – Помоги болотникам, а они в ответ расстараятся, как смогут. Ты большой человек, они просят только указать, у кого источник можно перехватить, чтобы все не вскинулись, и помочь им в первое время. А уж они в ответ что угодно сделают, любые вещи волшебные, молиться на тебя будут!

– Хитрые нелюди, – с брезгливостью заметил Феофан. – А оставлю тебе вещицы да прикажу заковать в колодки. Вещи ко мне и придут сами, это нетрудно. А?

Еремей сжался. Вот тебе и «уважительно»!

– Шуткую, – перешел на серьезный тон Феофан. – Пусть приходит старшой их, поговорим.

Мужик протянул руку к окладу и мотку.

– Вещицы – оставь, мое слово крепко. Придут – поговорим, не договоримся – отдам. Да только чую, на все они согласны, не возникнет между нами раздора...

Выйдя из дома мимо остолбеневших людишек, не видевших, как он входил, Еремей перекрестился на деревянную часовню, отбил земной поклон и пошел в сторону Пскова.

Идти ему было недалеко – верст двести, может, даже ближе. В седмицу не обернуться, а в десять дней можно.

Но, едва Еремей вышел из города на тракт, забитый телегами, его догнал Рел-Наг. Видимо, болотник не доверял человеку, раз отправил его якобы одного, а сам все это время следил за ним.

– Он согласился?

– Да, – ответил Еремей. – Он готов разговаривать.

Открыв глаза, Иво обнаружил себя прислоненным к гранитной стене. Спину сводило от холода, ноги – от неудобной позы и жесткого бронежилета под задом. Рядом сидел на корточках Троризель с банкой газировки в руке, чуть дальше стоял неподвижный Вереск. Маж и Атанизель наверняка давно уже находились под водой.

Иво сидел на небольшой пристани, которой заканчивался спуск от Дворцовой набережной к Неве. Вверху по течению виднелся Троицкий мост, внизу – Дворцовый, впереди – Васильевский остров и Петропавловская крепость с темным силуэтом Одиннадцатого рavelина.

– Они не найдут источник, – заявил воспитанник slash. – Вокруг по дну положен артефакт, который позволит его увидеть только человеку.

– Озарение? – поинтересовался Троризель. – Опасная штука, если сильно веришь и при этом ошибаешься. В истории элохим полно подобных примеров.

– Не озарение, а сон, – ответил Иво. – И я верю в то, что мне приснилось.

– И что приснилось? – спросил Вереск.

– Момент передачи артефакта Феофану, – пояснил, не вдаваясь в подробности, Иво. – Артефакт сделан таким образом, чтобы скрыть любой объект ото всех, кроме людей.

– Хм, – оборотень явно не поверил другу. – Это не объясняет, почему источник не нашли люди. Или ты думаешь, никто не искал?

Иво задумался на секунду, затем усмехнулся:

– Наверняка Феофан поставил еще какие-то заклинания на источник. Сделал так, чтобы человеку его найти было очень сложно, а всем остальным – практически нереально.

– Плынут, – встал с корточек Троризель. – Вон они.

Внизу по течению, метрах в тридцати, маякнул в воде свет фонаря и снова скрылся за рябью. Маж и Атаниэль явно промазали с местом возвращения, и сказать им это было невозможно – никакой связи с аквалангистами не было.

Однако, упершись в гранит набережной, альв и элохим не всплыли, а выключили фонарь.

– Что они делают? – с отчаянием спросил Вереск.

– Все нормально, – спокойно ответил Троризель. – Тан специально взял западнее, чтобы гарантированно оказаться ниже по течению, а затем подняться выше. Надо было бы поставить световые дуги, чтобы они сработали как маяк, но на них, как мошки, прилетели бы ненужные нам личности.

И действительно, через пару минут на пристань вылез Маж, тут же выплюнувший трубку и со стоном распластавшийся на холодном граните. Через мгновение рядом оказался Атаниэль, подтянувшись на руках и едва ли не выпрыгнув из воды.

– Не нашли, – с огорчением сообщил он. – Но он там есть. Маж даже отыскал место, где он должен быть, должен, но нету.

– Иво сказал, что его скрывает какой-то мощный артефакт, пропускающий только людей, – с сомнением сказал Вереск.

– Чушь, тутти-ту, – выдохнул, не вставая, Маж. – Не верю. На источник просто наложено мощное комплексное заклинание. Что-то вроде «лесных колес» сатра, только хитрее. Само заклинание я почувствовал, тутти-там, даже смог сквозь него пройти. Но этого долбаного источника там нет, тутти-ту! То есть он есть, у меня было чувство, что он совсем рядом, я кучу энергии потратил на анализ заклинания, тутти-там, но все без толку. Это надо ставить там понтон, и месяца за три вдумчивых исследований...

– Рехнулся? – прервал его Атаниэль. – Понтон под окнами Одиннадцатого равелина?

– Я смогу найти источник, – вмешался Иво. – Если Маж покажет то место, где он должен быть.

– Я не пущу двух новичков, один из которых вообще не нырял, а второй погружался один раз и полностью выдохся, – категорично заявил Атаниэль. – У меня ПАДИ лицензию инструктора отберет.

– Самоубийство, – согласился Троризель. – Ночное погружение само по себе опасно, надо вначале днем выверить маршрут, понырять. В команде из трех дайверов может быть не больше одного новичка, это всем известно.

– Давайте вернемся к этому вопросу завтра, – поддержал двух элохим Вереск. – Я в дайвинге не разбираюсь, но то, что вы говорите, похоже на правду.

И тут Маж встал, снял наконец с лица маску и, облизнув едва видимые за альвовской дымкой губы, тихо и яростно, срывающимся голосом заявил:

– Я чуть не сдох в Одиннадцатом равелине. Я убил и покалечил кое-кого из тех, кто надо мной издевался. Каждый мой шаг – по лезвию бритвы, над пропастью. И вот я вижу источник – ровную дорогу, ведущую меня к мести и жизни, а вы говорите «завтра»? Мы с Иво прямо сейчас спустимся в воду и найдем этот проклятый источник!

Все уставились на альва, который был как минимум непоследователен.

– Ты ни разу не напел свои «тутти-там – тутти-ту», – сказал Атаниэль.

– Правда, тутти-ту? – удивился Маж.

– Опять началось, – вздохнул бескрылый. – Ладно, если нельзя, но очень хочется – значит, можно. В конце концов, под водой у вас меньше шансов наткнуться на магов «Ложи». Троризель, принеси запасные баллоны.

Инструктаж занял почти полчаса. Как пользоваться оборудованием, когда можно включать фонарь и когда нельзя, что делать, если вдруг потерял ориентировку в пространстве, как показать напарнику, что у тебя что-то не работает или что-то случилось, как поправить вентиль на баллоне напарника и так далее, и так далее, и так далее.

Иво запоминал все мгновенно – голова была чистая и ясная, к его громадному удивлению. За сравнительно недолгое время он умудрился и выпастаться, и отдохнуть.

Гидрокостюм Атаниэля даже после экстренной подгонки висел на Иво как на вешалке. «Цветок» воспитанник слэш пристроил в карман рубашки, и теперь он выпирал из прорезиненной ткани над сердцем.

– С этим уже ничего не сделать, – признал элохим. – Удачи. И – не рискуйте, если что, сразу снимайте пояс с грузом и расслабляйтесь. Так вы быстро всплывете.

Маж проверил амулеты в кармашках, поправил маску и решительно сполз вперед, опустив ноги в воду. Иво последовал за альвом.

Они неторопливо плыли над илистым, замусоренным дном. Маж включил фонарь и освещал путь. Иво медленно перебирал ластами, оглядывая сумрачное серое дно с зеленоватыми в свете фонаря выступами. Дважды они миновали большие покрышки, а один раз – даже остов какого-то автомобиля, непонятно как очутившегося так далеко от берега.

Плыли минут десять, за это время у Иво от неловкого движения начало сводить левую руку, но пронесло – мышцы разработались, и не пришлось включать фонарь, подавая знак альву.

Наконец Маж просигнализировал, что они приближаются к нужному месту. Как и договаривались, Иво подплыл к товарищу, и Маж пристегнул его к себе полутораметровой веревкой с карабином.

Альв спокойно поплыл дальше, а воспитанник слэш, испытывая острое ощущение, что делают они что-то не то и плывут не туда, слегка тормозил Мажа, хотя и старался не поддаваться.

А через минуту Иво внезапно – вот только что ничего не было! – прямо перед собой, чуть сбоку от Мажа, увидел потрясающую картину – желтовато-белый, яркий столб света, вырываясь из дна, уходил вверх.

Альв раздраженно подергал Иво за веревку – мол, что остановился? Поплыли дальше! Воспитанник слэш молча указал ему на источник – ничем иным столб быть не мог. Маж подплыл к Иво и двинулся туда, куда тот указывал. Однако почти сразу свернул в сторону и обогнул источник буквально в нескольких сантиметрах, снова натянув веревку до предела.

Маж обернулся, даже сквозь воду, альвовскую дымку и маску акваланга было件нятно, что он дико раздражен. Иво подплыл к грандиозному столбу света вплотную. На уровне чуть выше головы на источник было наложено заклинание, похожее на лежащий на боку серебристый цилиндр, на поверхности которого словно плавала искусно изображенная рыбка.

Чуть ниже вокруг источника прозрачным сероватым кольцом, похожим одновременно на медузу и на бахрому поганки, вилось нечто крайне запутанное. Это явно было какое-то охранное заклинание или даже набор заклинаний, созданный магом очень опытным и умелым. Внизу, на чистом, без ила, дне, вокруг столба света лежал кожаный ремешок – точно такой, как Иво видел во сне.

Воспитанник слэш опустилcя, стараясь держаться на одном месте, – но то ли здесь было неслабое течение, то ли грузиков в поясе оказалось недостаточно, но взять артефакт ему удалось едва ли не с десятой попытки.

Альв тоже отнюдь не помогал Иво. Он отвел фонарь в сторону, и каждые несколько секунд дергал друга за веревку, все чаще и чаще.

И только когда Иво удалось найти застежку на странно тяжелом артефакте и

разомкнуть ее, – что потребовало не меньше минуты, хотя секретов в замке не было, надо было просто одну сторону отвернуть от себя, держа вторую неподвижно, – только тогда Маж перестал его дергать.

Цилиндр с рыбкой сразу после того, как замок был открыт, исчез, и теперь столб света стоял чистый и ясный, ровный у основания и слегка расплывающийся выше. Бахрома охранных чар потускнела, и Иво с удивлением увидел, как части заклинания распадаются, словно ветошь в руках, на отдельные нити, а те тускнеют и исчезают.

Альв на мгновение застыл в благоговейном трепете – он словно до последнего мгновения не верил, что источник существует. В позе висевшего в мутной воде Невы Мажа были восторг и торжество, но продолжалось это недолго. Суетливо перебирая лапами и руками, он вплыл в источник и там остановился, застыв, словно лягушка в янтаре.

Иво ждал. Маж провисел так секунд тридцать, а затем неожиданно ловко, словно за эти секунды стал дельфином, выплыл из источника и махнул напарнику – мол, твоя очередь.

Однако воспитанник slash колебался, и тогда альв подплыл к нему вплотную, маска к маске, закрыл глаза и висел так несколько секунд, а потом открыл и толкнул Иво в источник.

Воспитанник slash вплыл в светящийся столб и сразу ощутил движение чего-то теплого снизу вверх. Однако это странное течение не выталкивало его из воды, а словно фиксировало в том положении, в котором он находился.

Ощущение было приятным и даже в чем-то волнующим, и Иво не сразу вспомнил о том, что надо закрыть глаза.

Едва сомкнув веки, воспитанник slash увидел расходящиеся концентрические разноцветные круги с пульсирующей точкой в центре. Картинка эта завораживала, круги все медленнее уходили вдаль, а точка пульсировала все быстрее, и вдруг перед внутренним взором застыла картинка – оранжевое кольцо с трехлучевой, похожей на «мерседесовскую», звездой, но только лучи были не «два вниз, один вверх», а наоборот – «два вверх, один вниз», будто рога на палочке.

В этот момент Иво почувствовал, что у него словно появился еще один орган чувств, шестой, но точно понять, что это и как им можно немедленно воспользоваться, он не смог.

Воспитанник slash открыл глаза, и с неохотой выплыл из источника. Маж показал ему вниз, пытаясь что-то объяснить, но Иво чувствовал себя словно выпотрошенный баран, сердце почти выскакивало из груди, в левом боку кололо, воздуха не хватало, а вдохнуть глубже акваланг не позволял.

Маж подтащил Иво ко дну, не обращая внимания на вялое сопротивление, и указал на кожаную веревку. Наконец до воспитанника slash дошло: альв хочет, чтобы он замкнул артефакт. Непослушными пальцами Иво взял два конца и попробовал их свести. Однако это оказалось не так-то просто, требовалось довольно серьезное усилие, и удалось это не сразу.

А Маж уже тащил его обратно к берегу. Иво не понимал, как альв узнал, куда надо плыть, сам он абсолютно потерялся в воде и знал только где верх, а где низ – и то лишь благодаря источнику.

Усталость и дурнота прошли быстро, а в теле появилось какое-то новое ощущение, как от руки, с которой сняли гипс после нескольких месяцев, – но ничего нового на Иво не появилось, хотя он и осмотрел себя тщательно, медленно перебирая лапами.

Иво отцепил карабин веревки, которая заставляла его плыть рядом с альвом. Он чувствовал себя нормально и только махнул обернувшемуся Мажу – двигай вперед, со мной все хорошо.

Через четверть часа, почти точно выбравшись к спуску с набережной к Неве, Иво вылез наверх и обомлел.

Никого перед ним не было, а сверху грозно и гулко прострекотала автоматная очередь. В отдалении завизжали покрышки и раздалось несколько одиночных выстрелов.

Маж подпрыгнул и тяжело взлетел на несколько метров, преодолевая не только силу тяжести, но и вес акваланга и гидрокостюма, но не смог подняться даже на уровень парашюта набережной и почти сразу опустился обратно.

Иво торопливо скинул ласты и, вынуд загубник, бросился вверх по лестнице.

Глава 16

После того как Иво вслед за Мажем погрузился в воду, Атаниэль, пока мог, следил за слабым тусклым огоньком, удаляющимся в сторону Биржевого моста, с вектором, проходящим между Васильевским островом и Петроградской стороной.

– Зря ты им позволил, – заявил Вереск. – Иво явно не в себе.

– Маж тоже, – согласился Атаниэль. – Но, с другой стороны, кто я такой, чтобы не позволить им нырнуть? А если завтра Маж и Иво не позволят мне сделать что-то, что я для себя решу крайне необходимым?

– Вам нужна хоть какая-то субординация, – заметил Трориэль. – Один отвечает за одно, другой за другое. В данном случае ты, Тан, – самый опытный дайвер. И должен был наложить вето.

Атаниэль, до этого момента стоявший лицом к воде, медленно развернулся.

– Трор, ты абсолютно ничего не понимаешь. Я просто поставил себя на его место – вот он я, ничего не понимаю в чем-то, кроме того, что это безумно опасно, но очень хочу. И кто-то говорит мне, что нельзя. Кто мне это говорит? Друг, брат? Нет. Мне это говорит тот же, кто жалеет меня за потерянные крылья, кто требует, чтобы я не пил и не употреблял наркотики. Кто-то, кто надо мной, а не рядом. Кто-то, кто ограждает меня, а не прикрывает мне спину. Я не начальник Мажу и Иво. Я их друг, и я всегда поддерживаю их.

– Даже если они решат повеситься? – скептически спросил Вереск.

– Если я буду знать, что при этом Маж собирается левитировать себя и Иво, а Иво доверяет Мажу, и это им совершенно необходимо, то – да.

Атаниэль опять отвернулся к Неве, показывая, что разговор закончен. Вереск и Трориэль переглянулись, оборотень при этом пожал плечами, а элохим усмехнулся.

Так прошло минут пять. Послышался писк телефона, Атаниэль достал трубку из кармана – на экране отражался неизвестный ему номер.

После долгого спора с Мажем четыре дня назад элохим поддался на уговоры альва-параноика и во всех контактах в том еще, украденном позже Тек-Чатом, телефоне поменял цифры. В рабочих контактах – просто местами последние две, в личных – цифры в середине номера. Теперь можно было не беспокоиться, что всех друзей и знакомых враги вычислят быстро.

Однако эта тактика имела и недостаток – входящий звонок даже от знакомого абонента показывался как незнакомый, и понять, кто именно звонит, было решительно невозможно.

– Да, – нажал на «прием» Атаниэль. – Кто это?

– Это ваш хороший знакомый, – по голосу элохим узнал сероглазого «бесцветного». – Посмотрите налево.

Слева был Дворцовый мост, ничего примечательного в той стороне не было.

– И что? – устало поинтересовался Атаниэль.

Ему не хотелось играть ни в какие игры, в этот момент двое – человек и альв – рисковали своей жизнью ради несбыточного приза, а он был очень близко к ним, но ничем не мог помочь.

– А теперь посмотрите направо, – вкрадчиво продолжил Наблюдатель.

– Ни там, ни там я ничего интересного не увидел, – заявил элохим, готовый прекратить этот дурацкий разговор.

– А оно там есть, – заявил собеседник. – К Дворцовому мосту сейчас медленно едет пустой туристический автобус. Если я прав, то через несколько минут он заглохнет во время поворота налево на Дворцовую набережную...

– Там нет поворота налево, – настороженно заявил Атаниэль, которому не понравилось уже то, что Наблюдатель знает, где они находятся.

– Ему это без разницы, его цель – закрыть улицу.

– И зачем?

– В это же время на съезде с Троицкого моста произойдет авария или еще что-то в этом роде, – «бесцветный» говорил так уверенно, что Атаниэлю стало не по себе. – Все мелкие съезды также будут перекрыты.

– Я не могу уйти, – спокойно сказал элохим. Рисковать собственной жизнью для него было естественно, и выбора для него не существовало – он мог только остаться и принять бой, попытавшись дать Иво и Мажу время и возможность хотя бы вылезти из воды.

– Что происходит? – поинтересовался Вереск.

Но Атаниэль только выставил перед собой левую ладонь, показывая – «не мешай».

– Значит, вы все погибнете, – равнодушно заявил сероглазый. – Это тоже хороший вариант. Но я бы предпочел, чтобы вы все были живы и на свободе.

– И как этого достигнуть?

– Сесть в машину, дожидаться, когда одну из сторон начнут перекрывать, и попытаться удрать в другую.

– И оставить друзей в гидрокостюмах, без оружия, одних? – возмутился Атаниэль.

– И увести за собой все брошенные на вас силы, – парировал сероглазый. – В «Ложу Петра и Павла» позвонили, сообщив, что видели тебя в старой «Тойоте Короне», и продиктовали номер. Машину нашли, сообщили о ее местонахождении, но кто именно в ней – им неизвестно, знают только о тебе. Вы трое – двое элохим и оборотень – последние пять минут под наблюдением, операция для «Ложы» довольно стандартная и отработанная. Как только с Петровского стадиона выехал автобус, мне уже все было ясно. Про Мажа и Иво им неизвестно, и если вы успеете увести хвост до того, как они вылезут из воды, у ваших друзей будет шанс. В противном случае вы погибнете все, причем в ближайшие полчаса и с гарантией.

– Почему вы нам помогаете?

Спрашивая это, элохим начал лихорадочно закидывать в сумку пустые баллоны и вещи погрузившихся в Неву друзей. Вереск и Трориэль тут же присоединились к нему.

– Потому что я рассчитываю на ответную любезность. Что вы искали на дне Невы?

Атаниэль на секунду задумался. Это выглядело проблемой – «бесцветный» был безусловно полезен, и если он не соврал, то сейчас спасал им всем жизнь, но если он соврал, чтобы получить ответ на этот вопрос? Или если это он сдал их «Ложу», а теперь вытаскивает, не рискуя при этом ничем и в то же время вроде как оказав услугу и им, и противнику?

– Мы искали источник Феофана Прокоповича.

Двое элохим и маах'керу поднялись на набережную и загрузили сумки в багажник. Трориэль, недовольно сопя, повиновался жестам друга и натянул на себя бронежилет.

– Что за чушь? – удивился Наблюдатель. – Вы всерьез искали мифический источник, рискуя своими жизнями и жизнью еще одного элохим? Ты лжешь!

– Я говорю правду, – смиренно сказал Атаниэль.

– Значит, вы глупее, чем я предполагал, – отметил «бесцветный». – Так, у меня есть информация – выезд на Марсово поле и соответственно Троицкий мост с Дворцовой набережной уже блокируется – там инсценировано ДТП, свободна полоса в вашу сторону, но ее могут в любое мгновение перекрыть, все подготовлено. Выезд на Дворцовую площадь будет свободен еще минуты полторы, у вас есть шанс.

В этот момент Трориэль тронулся и, подбадриваемый жестами Атаниэля, придавил газ до предела. Коробка-автомат дернула автомобиль «кик-дауном», и старая японская машина рванула так, что все трое вжались в сиденья.

Тут же сзади заорала сирена, и из Мошкова переулка выехали милицейские «Жигули».

– У вас проблемы! – крикнул в трубку Наблюдатель. – Два джипа впереди, около пятнадцати бойцов, ума не приложу, откуда они взялись! Разворачивайтесь!

– Прорвемся, – Атаниэль скинул вызов и бросил трубку на заднее сиденье, к Вереску. – Уводим погоню от Мажа и Иво.

Оборотень достал из кармана «Дэрринжер», но Атаниэль кинул ему пистолет и сказал:

– Убери «пукалку», возьми «Когти гнева».

У него самого такой же пистолет был уже в руке.

К этому моменту они уже подъезжали к Дворцовой площади. Два джипа не смогли полностью перекрыть набережную, и осталось место, чтобы проехать – по встречной полосе движения, – но там стояли несколько бойцов с автоматами.

– Прекратите движение! – заорал мегафон из преследующей беглецов милицейской машины. – Примите вправо и немедленно остановитесь!

– Жми на газ, – потребовал Атаниэль, высовываясь в окно.

Он прицелился и выстрелил, однако никакого эффекта это не произвело, помимо того, что в этот момент палить начали все.

– Вот же попадалово, – пожаловался Трориэль. – Предупреждать надо!

Вереск краем глаза заметил, что сидевший за рулем элохим по-бледнел и напрягся. В следующее мгновение они уже въехали в промежуток между джипом и поребриком – трое автоматчиков отскочили, один не успел, и машина проехала по увешанному оружием противнику.

Трориэль непроизвольно нажал на тормоз, «Тойота» завизжала покрышками, уходя в юз, и Вереск успел заметить, как выплывает слева направо от разворачивающегося автомобиля стоящий буквально в нескольких шагах от них молодой дейвона. «Серый» спокойно провел стволом автомата, пересекая очередь салон машины.

– Отпусти тормоз, идиот! – заорал Атаниэль.

Вереск с удивлением отметил, что из левого плеча у него сочится кровь. Боли не было. Он поднял правой рукой пистолет, как в замедленной съемке совместил прицел с удаляющимся дейвона-автоматчиком и выстрелил сквозь осыпавшееся стекло, отметив, что попал точно в переносицу.

А в следующий миг его бурно вырвало.

– Тан, меня ранили, – хрипло сообщил Трориэль.

«Тойота» едва успела проскользнуть мимо громады автобуса, выезжающего с Дворцового моста. Машина снижала скорость, сзади раздалась еще одна очередь.

– Жми на газ! – сипло, сорвавшимся голосом пытался орать Атаниэль, который раз за разом стрелял мимо Вереска, в выбитое заднее стекло. По его лицу текли слезы, и это было лицо разуверившегося в Создателе ангела – одновременно яростное и печальное.

Выскочив на набережную, Иво увидел только багажники полудюжины черных машин, недавно проскочивших в сторону Дворцовой площади. С самой площади раздавались выстрелы, там явно что-то происходило.

– Тутти-ту! – в порыве гнева заорал Маж. – Они нас бросили, тутти-там!

– Увели всех за собой, – с сомнением поправил Иво.

Из Мошкова переулка выехала маленькая машинка и двинулась мимо альва и человека в сторону Дворцовой. На отставшего участника погони красный автомобиль был похож так же, как мопс – на волка.

Маж выскочил на дорогу, преграждая путь автомобилю. Водитель резко затормозил и сумел остановиться в десяти шагах от альва. Иво, все еще держа зачем-то в руках ласты, кинулся к машине.

Он решительно дернул дверцу пассажира, и та, к его удивлению, открылась.

– Нам нужна помощь! – крикнул он девушке, судорожно сжимавшей руль.

– Или мы убьем тебя, тутти-ту, – буднично подтвердил Маж, проскальзывая на заднее сиденье. – Теперь, когда мы внутри, тутти-там, для тебя безопаснее ехать, чем стоять.

Иво также сел. Девушка завела машину и начала разворачиваться.

– Вперед, тутти-там, не назад! – заорал альв.

Но впереди раздавались выстрелы, там что-то грохало и пронзительно визжало – водительница, словно не слыша, резко нажала на газ и машинка поехала – не к месту боя, а в

обратную сторону.

Иво в первый момент не решился ничего делать, а через мгновение машинка проскочила мимо нескольких сатра в форме дорожных рабочих, которые едва обратили внимание на маленький тонированный автомобиль.

Они не сомневались в том, что в таком ни их друзья, ни враги ездить не будут.

– Кто вы такие? – потребовала ответа девушка. – Я буду жаловаться, мы ни с кем не ведем войн!

Иво внимательно взглянул на нее, а Маж присвистнул.

– Да ты ведь маг, тутти-ту! – воскликнул он. – В переулке, наверное, было заклинание, сквозь которое ты проехала?

– Какой-то дебильный морок, провал в асфальте, рассчитанный на обычных людей, – подтвердила девушка. Невысокая, с коротко стриженными темными волосами, она не была красавицей, но внутренняя энергичность и какая-то странная злость придавали ей индивидуальности и делали привлекательной. – А я не знаю, как здесь объезжать, ну и решила рискнуть.

– Повезло нам, тутти-ту, – философски сказал альв. – Просить тебя развернуться и поехать обратно будет глупо?

– Кто вы? – вновь спросила девушка. – За то, что вы сделали, мои соратники найдут вас на краю света и сделают из вас фарш!

– Придется встать в очередь, – порекомендовал Иво. – Нас ищут «Ложа Петра и Павла», Часовщики, сатра и наверняка еще кто-нибудь.

– Снимите маски, – попросила девушка.

Она вела свою машинку по набережной, мигающей желтыми светофорами, и держала скорость семьдесят километров. Иво предполагал, что это она делала специально – не ниже, чтобы у налетчиков не возникло желание выкинуть ее из автомобиля, но и не выше, что было бы рискованно с подобными пассажирами, от которых непонятно что и ожидать.

– Вот я влипла, – пожаловалась девушка, мельком глянув в лицо воспитаннику слаш. – Ты Иво, а сзади Рамаажие, правильно? Черт, черт, черт! А еще должен быть Атаниэль, он, наверное, в багажник спрятался? Хотя что я говорю, он же элохим, они все большие, его туда только кусками...

Мысль о покровсанном на куски элохим Иво очень не понравилась.

– Мы не причиним тебе вреда, – сказал он.

– Правда, тутти-ту? – иронично поинтересовался сзади Маж.

– Не слушай его, он шутит, – заявил воспитанник слаш. – Маж, мы же не сделаем ничего плохого такой красивой девушке?

Про «красивую девушку» с губ слетело совершенно неосознанно, и Иво тут же пожалел о сказанном. Захотелось добавить какую-нибудь гадость, чтобы не чувствовать себя так неловко.

– Я правда кажусь тебе красивой? – девушка снизила скорость.

Машина проехала мимо Смольного собора. Самая быстрая и удобная дорога домой осталась позади.

– Ну, в общем, да, наверное... – неуверенно сказал воспитанник слаш.

– Да он в тебя сразу влюбился, тутти-ту, – пояснил Маж. – Ты глянь на его тело Силы – сердечко шалит, голова туманная.

– Врешь ты все, – разозлился Иво.

Около минуты все молчали, водительница сбросила скорость до тридцати километров в час, затем до двадцати, а потом остановилась. Она выждала пару мгновений, затем, осознав, что никто ее выкидывать из машины не собирается, заявила:

– Ладно, куда вам надо?

– Так, тутти-ту, на Дворцовую мы даже к шапочному разбору опоздали, докинь до угла Кирочной и Кавалергардской, тутти-там, – попросил Маж. – А там мы сами уже разберемся.

– Но за это самый симпатичный из вас будет должен мне свидание, – поставила

условие девушка. – Романтическое, с цветами и кафе.

– Я не смогу, тутти-ту, – грустно ответил Маж, хотя в зеркало заднего вида Иво отлично видел, что в глазах альва мелькали бесовские искры веселья. – Я против межвидовых связей.

Девушка промолчала, и Иво понял, что теперь его ход. Сказать откровенно, водительница очень ему понравилась, было в ней что-то яркое и живое, интересное.

– Мы сейчас заняты войной... – начал он, понимая, что говорит что-то не то. – Конечно, я с удовольствием приглашу тебя на свидание, как только весь этот бардак закончится.

– Ну и отлично, – девушка тронулась и направила автомобиль к указанному Мажем месту. – Значит, запоминай. Я не люблю маленькие плюшевые игрушки, дешевые цветы и рюмочные. Некоторые молодые люди уверены, что счет за романтический ужин делится пополам. Это ошибка! В гости я к тебе в первый же вечер не пойду. Но на всякий случай место, куда меня можно пригласить, быть должно. И это не должна быть комната в общежитии, а за стенкой не должны подслушивать твои родители.

– Ты слушай ее, тутти-ту, – отметил наставительно альв. – Очень умные вещи говорит!

– Ты-то откуда знаешь? – поинтересовался Иво, покрасневший как рак.

– И еще раз повторю, – девушка какими-то узкими улочками вырулила к месту, которое Иво знал – они были уже в паре минут от цели. – Ни на что не рассчитывай. Руки не распускай, я этого не люблю. А если будешь слишком робким, сразу пошлю к черту. Все понял?

– Остается надеяться только на то, что меня убьют в ближайшее время, – сказал воспитанник слэш, выходя из машины.

Девушка перегнулась через рычаг коробки передач, открывая верх небольшой, но упругой груди, и протянула Иво визитку.

– И еще запомни – я неудачников не люблю, если тебя убьют, считай договор аннулированным!

После этого она хлопнула дверцей, выкрутила руль и, развернувшись через двойную сплошную, уехала по Суворовскому проспекту в сторону Староневского.

– Чего она тебе дала, тутти-ту? – поинтересовался Маж.

– Визитку.

Иво взглянул на оранжевый кусочек картона. На нем было написано: «Массаж грудных детей, медицинская помощь, консультирование. Мария Дробышева», а дальше два телефона – сотовый и домашний.

– Если бы меня так в оборот брали, тутти-ту, я бы тут же свалил из города, – заявил альв. – А лучше даже, тутти-там, из страны. Так что как только разделаемся с «Ложей», бери билет на самолет в любом направлении и беги, тутти-ту. Там сменишь имя, пол и сферу. Тогда у тебя будут какие-то шансы.

– Да ладно, – протянул Иво. – Она же сказала, что без шансов практически. Просто свидание. Если жив буду. Кстати, почему мы идем к этой остановке, а не домой?

– Потому что, тутти-ту, у нас нет ни денег, ни ключей от квартиры, – пояснил Маж. – Здесь нас почти не видно, тутти-там, зато мы прекрасно видим единственный вход в наш двор.

Иво прекрасно понимал, что Атаниэль и Вереск вполне могут и не вернуться, но альв словно исключил эту возможность, а настаивать на худшем развитии событий – что друзья так и не появятся и им придется как-то разбираться с ситуацией самостоятельно – ему не хотелось и самому.

Он прислонился спиной к стене и закрыл глаза.

– Я не буду тебя учить, – Феофан усмехнулся и, обмакнув перо в чернильницу, продолжил что-то писать. – Ты слишком близко сошелся с нелюдью.

Еремей с тоской смотрел на этого хорошо одетого красивого человека, решающего

подчас судьбы тысяч людей. Его, беглого крепостного, не хотел учить никто, хотя и по разным причинам. Болотники, обосновавшись в Гостиных рядах, стали гораздо менее приветливыми, и хотя и не гнали его от себя, но и к источнику не допускали, а уж о том, чтобы вымолить хоть крохи знаний, не было и речи.

Оказались в Питербурхе и человеческие маги. Но они Еремея опасались – пришел бы он ничего не понимающим, желтоклювым, – взяли бы, точно взяли. А недоучка, знающийся с Часовщиками и Феофаном, всем был подозрителен и никому не нужен.

Было одно общество, «Ложа Петра и Павла», согласное взять его, – но при этом от Еремея требовалось полностью отказаться от всего мирского и на много лет попасть в полную зависимость от более опытных волшебников, причем еще и не людей. Едва вырвавшись из крепости и хлебнув воздуха свободы, мужик обратно в неволю не хотел.

– Я могу дать тебе рекомендацию и отправить на Урал, – не прекращая писать, сказал внезапно Феофан. – Там Никита Акинфеев, у него проблема – богатые рудники находятся на земле оборотней. Человечка, зрящего сквозь Пелену, у Акинфеева нет. Урон он несет солидный, нормальный маг к нему не поедет – за тридевять земель, договариваться с нелюдью в ее владениях. А у тебя что здесь ничего нет, что там. Дам несколько уроков, чтобы совсем лаптем не был, договорюсь с Демидычем. А то Петр Алексеевич дал поручение, а мне не до этого сейчас, у меня с Синодом контры.

– Про Никиту Демидовича говорят – зверь, не человек, – засомневался Еремей.

– Для мелких людишек – всяк зверь, кто набольший. А для нужного человека он – отец родной. Как и все мы, как и все мы...

Феофан сунул перо в чернильницу и задумался, не обращая на гостя внимания. Что именно проходило перед его мысленным взором, Еремею было неизвестно, да и боязно даже помыслить.

– Поедешь на Урал? – наконец прервал размышления Феофан.

– Поеду, – вздохнул Еремей.

Здесь, в Питербурхе, он хотя и не стал своим, но были Часовщики, которые кормили его и давали койку, был Феофан, допускавший его изредка к себе для беседы, здесь было много возможностей и надежда ухватить птицу-удачу за хвост.

А там был жуткий Акинфеев, которого молва рисовала продавшимся дьяволу и жрущим по утрам младенцев. Впрочем, так же молва и Петра Алексеевича малевала, а царя Еремей видел на строительстве пристани, когда смотрел, как корабли через Неву ходят, – статный государь, хотя и сутулится иногда, гневливый, но и отходчивый.

Близко мужика, конечно, никто бы не пустил, но и издалека все было видно.

Не дьявол Петр Алексеевич, а человек. Авось и Акинфеев окажется не огнедышащим чудом.

– Ну, тогда дам пару уроков, – Еремей вдруг понял, что Феофан облегченно вздохнул, словно разрешил для себя какую-то неприятную проблему. – Чтобы с оборотнями не пустой головой бодаться. Во-первых, любят они, чтобы называли их «маах'керу» – запомнил? Потом еще повторю. Во-вторых, не все оборотни – волшебники. То, что они перекидываются, – часть природы их, а не волшба.

В-третьих, чтобы они с тобой разговаривать перестали, просто соври им единожды. Дипломаты из оборотней не ахти какие, зато бойцы выносливые. Обмануть их можно, и некоторые этим пользуются, но – до первого раза, когда ложь выплывет.

Далее покажу я тебе, как можно чужую волшбу разрушить и как от удара магического защититься, но источника у тебя нет, поэтому волшбой пользуйся с опаской и только когда совсем выхода другого нет...

– Идут, тутти-ту, – голос Мажа прервал сон Иво. – Оригинально идут, тутти-там!

Иво осмотрелся – в предрассветных сумерках он не сразу понял, кто идет – вокруг почти никого не было. Спешила куда-то девчонка лет тринадцати, вдалеке яростно обсуждали что-то двое стариков, видимо измученных возрастной бессонницей, да выгуливал

серо-черного волкодава высоченный полный мужик в плаще.

Это и были Атаниэль и Вереск. Шли они небыстро, будто бы действительно «выгуливались», при этом элохим прихрамывал на левую ногу.

– Машина в минус, тутти-ту, – с огорчением констатировал Маж. – Только вчера купили. На такси ездить дешевле получится.

Иво, еще не окончательно проснувшись, встал и тут же чуть не упал – ноги затекли. Перед тем как свернуть во двор, Вереск оглянулся и сдержанно гавкнул, показывая Атаниэлю, что опасности нет.

Босые, с ластами в руках, Иво и Маж увидели оборачивающегося к ним элохим. Друга было не узнать – и не столько из-за длинной царапины через всю щеку, сколько из-за выражения лица.

Атаниэль осунулся, словно разом постарел лет на десять, а оптимистичное обычно лицо было мрачно. Подойдя вместе с Вереском к альву и человеку и едва кивнув им, элохим тут же отвернулся.

– Что случилось, тутти-ту? – спросил Маж. – Что-то с Трориэлем?

– Сейчас придем, расскажу, – бесцветным голосом ответил Атаниэль.

Спрашивать у Вереска что-либо было бессмысленно, так как, будучи в облике пса, он ничего сказать не мог. Иво перебирал варианты, в худшем из них получалось – Трориэль мертв, из-за двух элохим между «Ложей Петра и Павла» и Исаакием начинается война, и все это ставится в вину Атаниэлю.

Вереск пропустил всех в прихожую, а сам задержался в коридоре и вошел уже в своем обычном облике. Снял с несопротивляющегося Атаниэля плащ, под которым обнаружилось много чего. Бронежилет с полудюжиной дырок в ткани; окровавленная плотная рубашка под ним; две кобуры с пистолетами – одна под мышкой, другая на поясе, разошедшиеся по шву штаны; и сидящий между броником и рубашкой за пазухой элохим щенок.

– В общем, на самом деле ничего страшного не произошло, – хриплым голосом сообщил Вереск, кутаясь в гигантский для него плащ. – Я получил несколько пуль и чуть не умер, но выкарабкался. Отлежусь пару дней и буду в порядке. Трориэль получил пулю в горло и какое-то заклинание в спину, броник поплавился, машину в утиль, сам он жив и, насколько я понимаю, уже в больнице. Мы сдали его тетушке Атаниэля, он дышал более-менее уверенно.

Атаниэль молча отпер дверь в мансарду, прямо в грязных ботинках прошел через все помещение, по дороге опустив на пол щенка, и скрылся в туалете.

– Если все нормально, то что с ним? – кивнул вслед удалившемуся элохим Иво.

– Потерял веру в себя, – проворчал Вереск. – Он думает, что это он втянул меня и Трориэля в это предприятие, да, в общем, и вас тоже. Там был момент, когда мы ехали со скоростью под сто, машина горела, я лежал вообще без дыхания, весь в крови, а Трориэль дышал, – но так, что лучше бы этого никому не слышать. Трориэль всем телом на газ давит, Атаниэль пытается одной рукой руль дер-жать, другой до тормоза дотянуться и при этом еще на дорогу смотреть... И вот в этот момент он вдруг громко так говорит: «Я убил своих друзей и не имею права жить».

– Атаниэль, тутти-ту? – поразился Маж.

– Да, – поморщился Вереск. – А потом мы вылетели куда-то, я не видел куда, нас протащило боком, пару раз развернуло и еще протащило. Все это – за несколько секунд, тут я смог глотнуть воздуха, сразу начал перекидываться – это как защитная реакция. Потом уже лежу в сорока метрах от Медного всадника, неподалеку машина догорает, рядом Атаниэль с другими элохим разговаривает, через минуту «Скорая» с надписью «Реанимация» подъехала... А еще через пару минут нас оставили вдвоем, Атаниэлю плащ дали. Он сказал, что никто нам помогать не будет, но и мешать не станут. Плакал.

– Атаниэль плакал? – Иво посмотрел в сторону туалета.

– Всю дорогу, – подтвердил оборотень. – Он вначале пошел к старой квартире, коммунальной, в которой мы вначале были. Словно беспамятный. Там он около подъезда на

улице нашел моего щенка, взял его подмышку. Затем развернулся и пошел сюда. Шел, плакал, иногда говорил о том, что это он во всем виноват и что лучше бы он никогда не родился, ну и много всего такого. Рассуждал, что если вы не появитесь, значит, вас убили, и ему тоже надо умереть.

– Ничего себе поворот, тутти-ту, – мрачно подвел итог Маж. – Пойду, проверю, тутти-там, не решил ли он повеситься на шланге душа, тутти-ту.

Вереск прошел за ближайший стеллаж, постанывая, скинул с себя плащ и спросил:

– Источник, естественно, не нашли?

– Естественно, нашли, – ответил воспитанник слаш. – И даже подключились к нему.

Оборотень, обернув вокруг поясицы занавеску, вышел к Иво, все еще сидевшему на полке для обуви в прихожей.

– И вы молчите? Нашли источник, подключились... Я всегда говорил – у каждой собаки есть свой день!

– Чего? – удивился Иво.

– Ну, это наша пословица, – пояснил оборотень. – В смысле, канадская. Она не про маах'керу. Ну, то есть про маах'керу, но не изначально. Хотя...

– Стоп! – Иво схватился за голову. – Хватит! Я понял. Пословица означает: «Будет и на нашей улице праздник» или что-то в этом роде. Правильно?

– Правильно, – кивнул Вереск. – Но я хотел бы уточнить...

– Не надо, – попросил воспитанник слаш. – Давай позже, у меня и так голова раскалывается.

На самом деле голова была довольно ясной, несмотря на суматошную ночь и не менее сумасшедшие предыдущие дни. Но разбираться с канадскими пословицами Иво хотелось в последнюю очередь.

– Давайте сюда, – потребовал из другого конца мансарды Маж. – Помощь нужна, тутти-там.

Атаниэль крепко спал, лежа прямо на полу туалета.

Лицо его было безмятежным, правильные черты и легкая припухлость делали лик похожим на детский или ангельский.

– Я его слегка усыпил, тутти-ту, – признался альв. – А то он уже заговариваться начал. Одна надежда – что проспится и придет в себя, тутти-там.

Иво и Вереск с трудом оттащили Атаниэля на самый большой диван, там с кряхтением стянули с него бронезилет, рубашку, штаны и ботинки, подивившись на множество старых шрамов, новых царапин и кровоподтеков. Левая ступня элохим распухла так, что выглядела раза в полтора больше правой, ботинок, чтобы снять, пришлось расшнуровать полностью.

– Всем спать, тутти-ту, – скомандовал Маж. – Я посторожу.

– Гавкинга надо покормить, – сказал Вереск, указывая на гонящего по полу шнурок щенка. Воспитанник слаш отметил, что оборотень присвоил себе не только зверька, но и право дать ему имя. Впрочем, по большому счету, Иво это не касалось, и вообще, ему больше нравились коты.

– Покормлю, тутти-там, – согласился альв.

Вереск, не споря, закрыл занавеской свой закуток и, судя по скрипу кровати, тут же улегся. Иво спать хотелось не очень, поэтому он сходил в душ, быстро сполоснулся, затем в одних трусах вышел на кухню.

Там на стуле сидел Маж, а в центре стола, виляя хвостиком, стоял щенок, исследуя дно большой деревянной площадки, в которой еще недавно, судя по всему, было молоко.

– Что с Атаниэлем делать будем, тутти-ту? – негромко спросил Маж. Гидрокостюм он снял, остался в синих трусах и светло-голубой майке. Выражения спрятанного за туманом лица было не разобрать. – Насколько я знаю элохим, они упертые, и если что-то решили, тутти-там, то сдвинуть их с этого мнения почти невозможно.

– Проспится, успокоится, – неуверенно ответил Иво. – Ты же сам сказал.

– Мало ли, что я сказал, тутти-ту, – вздохнул альв. – Он мне заявил, что надо

расходиться. Что пока мы воюем с «Ложей», рискуем и своими жизнями, и жизнями окружающих, тутти-там.

– Не похоже на него, – заметил Иво. – Если Троризель выживет, думаю, можно будет убедить Атаниэля, что он сам себя накрутил, а на самом деле ничего страшного не произошло.

– А если, тутти-ту, не выживет?

Иво не нашелся, что ответить. В этот момент закипел чайник. Маж с помощью заклинания снял его с подставки, пронес мимо уснувшего Гавкинга к стоящим на столе чашкам и попытался налить в них кипяток. Однако после трех неудачных попыток, едва не ошпарив щенка и перевернув одну из чашек, он сдался и сделал все руками, без магии.

– Опыта мало, тутти-ту, – оправдываясь, сказал альв. – Сила есть, знания есть, понимание процессов и нюансов. А опыта мало. Мне, тутти-там, дом взорвать легче, чем кипяток по чашкам разлить.

– Бывает, – согласился Иво.

И они еще долго сидели и пили чай. За окнами просыпался город, виднелся окрашенный солнцем в розоватые тона сине-белый Смольный собор. Иногда Маж говорил что-нибудь ни к чему не обязывающее, и Иво соглашался. Но больше они молчали.

А затем Иво внезапно стало так спокойно и хорошо: от спящих неподалеку Вереска и Атаниэля, от сопящего на столе Гавкинга, от роняющего время от времени случайные фразы Мажа, от просыпающегося за окнами Петербурга. Так хорошо, что воспитанник слэш попробовал запомнить, зафиксировать это мгновение в памяти. И тут же подумал, что от этой попытки обычное, жизненное волшебство покоя и счастья разрушится, но оно осталось таким, каким было. И сошло на нет, только когда хмурый и хромающий Атаниэль слез с дивана и сонно поинтересовался:

– Кофе есть?

– Только растворимый, – признался Иво.

– Тогда чай, – махнул рукой элохим. – Растворимый – это не кофе. Телефон не видели?

– Ты был без телефона, тутти-ту, – заметил Маж.

– Стационарный, – пояснил Атаниэль. – Мобильник сгорел вместе с машиной.

– В прихожей на полке, – Иво вспомнил, как недавно сдвигал телефон, чтобы сесть поудобнее.

Ничего не говоря, элохим, сильно хромая, отправился в прихожую. Маж в очередной раз включил чайник, налил в большую кружку побольше заварки и залил ее кипятком.

Через пару минут вернулся Атаниэль.

– Троризель жив, но шансы у него пятьдесят на пятьдесят, – сухо сказал он. – Я считаю, что пока мы все не сдохли, надо уезжать из Петербурга. Вереска отправим в Канаду, в его родной Квебек. Деньги есть, мои родственники, если я правильно попрошу, помогут. Ты, Маж, отправляйся домой. В Севастополь, откуда тебя украли. Маг ты сильный, свои примут с распростертыми объятиями. Тебя, Иво, я могу взять с собой – в Прагу или в Харьков. И там и там меня примут, и там и там у «Ложь Петра и Павла» нет связей.

Иво и Маж выслушали его спокойно. И даже когда элохим прекратил говорить, они сидели и молчали.

– У нас нет шансов, – начал объяснять Атаниэль. – Мы – никто в этом мире, а они – реальная сила. Вчера нам всем дико повезло. Да и то – только потому, что мне позвонил «бесцветный» и сказал, что на нас идет охота.

– Тот же самый, тутти-ту? – уточнил Маж.

– Да, – подтвердил элохим. – Мы должны были умереть вчера. Или позавчера. Но мы пока живы, спасибо Семи, и я считаю, надо сказать «хватит» и прекратить попытки самоубийства.

Никто ему ничего не ответил. Атаниэль поежился, словно от холода, хотя в мансарде было довольно тепло – июльское солнце уже пропекло крышу.

– Ну, скажите что-нибудь! – наконец проявил эмоции элохим.

– Мы нашли источник, тутти-ту, – тихо сказал Маж. – И подключились к нему. Наш собственный источник, о котором никому не известно. И теперь мы – полноценное объединение магов.

Теперь замолчал Атаниэль. Он долго переваривал сообщение, шевеля губами и ерзая на стуле, затем встал, прошелся в сторону прихожей, вернулся, задумчиво погладил спавшего на столе щенка, от чего тот, не просыпаясь, довольно заурчал.

– Это ничего не меняет, – неуверенно сказал он наконец.

– А по-моему, меняет, – вмешался Иво. – Вчера мы были никем, и тем не менее за нами охотились. А сегодня мы можем уже не просто дразнить тигра, но сесть ему на спину – а ты говоришь: «Это ничего не значит!»

– Иво прав, тутти-ту, – подтвердил Маж. – Мы можем не только сами драться, не опасаясь, что нас в любой момент отключат от источника, тутти-там, но и брать к себе новых бойцов. «Ложу Петра и Павла» в Петербурге не любят. Мы станем знаменем, тутти-ту, под которым соберутся все бунтари.

На шум голосов вышел заспанный Вереск, завернутый в простыню. Он взял кружку с чаем, которую заварил для Атаниэля Маж, спокойно сделал глоток и спросил:

– Что случилось?

– Эти безумцы хотят умереть, – ответил элохим.

– Если что, я – с ними, – оборотень сделал еще один глоток. – Но мы пойдем тебя, если ты уйдешь.

Такой поворот Атаниэлю не понравился.

– То есть вы все остаетесь, чтобы драться с «Ложей Петра и Павла»? – уточнил он.

– Да, тутти-ту, – ответил Маж.

– Именно, – подтвердил Вереск.

– Точно, – согласился Иво.

Сонный Гавкинг, разбуженный громкими голосами, тоже что-то рыкнул, правда, не так уверенно, как альв, оборотень и человек.

– Ну, значит, я тоже остаюсь, – сказал Атаниэль и вдруг улыбнулся. Несмотря на его запавшие глаза и длинную царапину через всю левую щеку, он стал выглядеть значительно лучше и бодрее. – Семь и бездна, я не могу оставить своих друзей в такую минуту!

После этих слов обстановка, еще секунду назад напряженная и торжественная, как на похоронах, разрядилась. Все улыбались, словно выиграли в лотерею, а не согласились на смертельно опасную войну.

– Нам, тутти-ту, нужно название, – Маж оперся на стол и привстал. – Предлагаю – «Повелители мира». Звучит и грозно, тутти-там, и в то же время есть куда расти.

– Слишком громко, – поморщился Вереск. – Когда я слышу подобные названия, я сразу понимаю, что за ними – компания из нескольких слабых магов и хилый источник. Лучше «Боевые щенки». И живой символ есть – Гавкинг.

– Смешно, – заявил Иво. – Но, по-моему, это больше подошло бы, если бы все мы были маах'керу.

– Ну, предложи что-нибудь другое, – неожиданно обиделся Вереск.

– Давайте назовемся «Бастарды», – предложил Иво. – От меня человеческие маги отказались, воспитывал меня слэш, я-то уж точно бастард, незаконный ребенок, который никому не нужен.

– Я тоже никому не нужен, тутти-ту, – подтвердил Маж.

– От меня мои рады избавиться, – добавил Атаниэль.

– Ну, я-то законный, – протянул оборотень. – Хотя тоже, наверное, в чем-то бастард. Ладно, мне нравится!

– Подождите! – Элохим вскочил с места. – Просто «Бастарды» – это те же самые «Ублюдки», только звучит красивее. Надо еще одно слово, например – «Великолепные» или «Потрясающие».

– «Святые бастарды», тутти-ту, – иронично предложил альв, и все посмотрели на

него. – Эй, тутти-там, я же пошутил!

– Отлично, по-моему, – сказал Атаниэль. – Пока все делают вид, что все хорошо, мы пытаемся исправить ситуацию, несмотря на то, что все, кому мы собираемся помочь, нам мешают.

– То, что надо, – согласился Вереск. – И звучит красиво, и полностью описывает нашу ситуацию!

– Я согласен, – просто добавил Иво.

– А я, тутти-ту, нет! – возмутился Маж, но его никто уже не слушал. – Ну и черт с вами, пусть будут «Святые бастарды»! Но когда нас будут жечь, тутти-там, делая из нас святых мучеников, я вам это припомню!

Глава 17

Александр сидел в теплом велюровом кресле в небольшом и очень уютном зале. Несмотря на то что июльская ночь была теплой, в камине горел огонь.

Дом, в котором верог сейчас находился, формально принадлежал не ему лично, а «Ложе Петра и Павла». Но Александр давно уже привык считать собственность объединения своей. Так как почти ничего, за исключением одежды, он себе не покупал, то выходило, что и жил он в доме, принадлежащем ложе, и ездил на машине, которая числилась за одной из сотни небольших контор, работающих на общее благо.

Сюда, в дом на Каменном острове, очень редко приходили гости. Александр и Анна не жаловали приемов и светских мероприятий. Но сейчас Анна спала в специально оборудованной комнате в подвале, восстанавливая силы после ран, нанесенных ей маленьким Мажем, ставшим вдруг вполне взрослым, злым и умелым магом Рамаажиэни. И Александр принимал иногда гостей. Особенно сейчас, когда в Одиннадцатом равелине царил бардак, с которым «красный» собирался разобраться завтра.

В Питер он вернулся ночью и вовсе не по приказу Креона.

– Можно? – постучали в приоткрытую дверь.

Это было лишним – никто, кроме званого гостя, не смог бы проникнуть сюда.

– Заходи, – Александр не сделал даже попытки привстать. – Зачем ты вызвал меня в Петербург?

Вошедший выглядел похожим на обычного человека – лет тридцати, среднего роста, карие глаза, темно-русые волосы, плотный, но не толстый. Но это было иллюзией, в гости к верог пришел Наблюдатель, которого Александр за последние пятнадцать лет видел в десятке разных обликов.

– Против вас играет орден Изумрудных Крыльев.

– Если верить Желтому Оку, к которому принадлежишь ты, они всегда самые главные наши враги, – усмехнулся вампир. – У тебя есть доказательства?

– Вот фотографии. Рука «действующих» встречается с Атаниэлем. Здесь смазано, но можно увидеть, как рука «действующих» выходит из-под арки. А вот из-под этой же арки выходит Вереск, это канадец, которого везли вам в качестве «посредника» и которого украли Маж и Атаниэль.

Александр просмотрел снимки.

Ничего криминального там не было. Рукой «действующих» его собеседник называл какого-то сероглазого мужчину или же, возможно, Наблюдателя, замаскированного под человека. С таким же успехом это мог быть «бесцветный» и из Желтого Ока.

– Это не доказательство, – спокойно сказал верог.

– То есть ты не собираешься принять меры? – уточнил Наблюдатель.

– Пока нет явных улик – нет. – Александр почти неслышно вздохнул. – Зачем?

– Жаль. – Наблюдатель покачал головой. – Тогда я сам попытаюсь что-нибудь сделать.

Но магистру очень не нравится то, что мы по первой просьбе должны выполнять ваши указания, а вы отказываетесь помочь нам.

– Это жизнь, – пожал плечами вампир. – Вы всегда можете отказаться и свернуть свои дела на Стрелке Васильевского острова. Но пока, насколько я понимаю, вам все равно выгоднее прикрываться нами.

Наблюдатель, которому так и не предложили присесть, по-стоял еще несколько секунд, а затем, не прощаясь, вышел. Александр привстал, взял из бумажного пакета кусок дерева, кинул его в – камин.

Весело взлетели искры.

Посиделки на кухне продолжались долго – миновал полдень, утихли споры о названии, было выпито множество чашек чая.

На какой-то момент Иво показалось, что Атаниэль сделался прежним, – но почти сразу стало понятно, что он ошибается. Если бы они нашли источник сутки назад, элохим сразу же кинулся бы к нему. Но теперь он, понимая, что в любом случае надо подключаться, тщательно продумывал схему.

– Никаких аквалангов, это рискованно, – констатировал Атаниэль, вычеркивая что-то на исписанном листе бумаги. – Водные мотоциклы – мобильно, но риск большой. Маж, ты уверен, что источник сильный?

– Сто процентов, тутти-ту, – альв сидел на спинке кожаного кресла и что-то вырезал из кусочка дерева перочинным ножом, изъятый из посудного шкафчика. – Один из самых сильных источников, которые я видел. Защита, тутти-там, пока не развалилась от старости после нашего вмешательства, производила впечатление мастерской работы.

– Ну, раз за сотни лет никто не нашел, значит, действительно хорошие заклинания, – согласился Атаниэль. – Так, мужики, надо срочно выбрать – рыбалка или экскурсия?

– Рыбалка, – отозвался Вереск.

– Экскурсия, – одновременно с оборотнем заявил Иво.

Альв не сразу ответил, и на несколько секунд показалось, что, увлеченный вырезанием из дерева, Маж вообще прослушал вопрос.

– А я – за корпоратив, – наконец ответил он, явно понимающий больше, чем человек и оборотень. – Маленький частный праздник небольшой компании.

– Ты гений, – восхитился Атаниэль. – Итак, я заказываю катер, набираем выпивки, ставим музыку погромче и плывем туда, где находится источник. Маж подведет нас вплотную, Иво в акваланге на минуту нырнет вниз, снимет артефакт, мешающий увидеть источник тем, кто находится совсем рядом с ним. Затем я и Вереск подключаемся к источнику, Иво возвращает артефакт на место, и мы спокойно продолжаем путешествие по рекам и каналам. Как план?

– Нормально, – признал Вереск.

Оборотень, насколько видел Иво, тоже за последнюю ночь изменился, хотя это было не так очевидно, как в случае с Атаниэлем. Теперь Вереск словно полностью влился в их команду и уже не ждал своей очереди, а говорил сразу и то, что думал.

– Нормальный план, если не считать того, что мы опять будем под самым носом у «Ложки Петра и Павла», – усмехнулся Иво. – Но с этим, как я понимаю, ничего не поделать.

– Точно, тутти-ту, – согласился Маж.

– На всякий случай я вызываю такси на Стрелку Васильевского острова и на Дворцовую набережную, – сказал Атаниэль. – Может, еще один катер, страховочный, взять?

– Что за дурь, тутти-ту? – возмутился Маж. – Вот как раз запасной катер и две машины у пристаней гораздо быстрее вызовут подозрение, тутти-там, чем просто катер с несколькими пьяными пассажирами.

Элохим тяжело вздохнул, но кивнул. Затем взял телефонный справочник и начал обзвон. Вскоре выяснилось, что в субботу найти свободный катер на вторую половину дня – та еще проблема. Тем временем Вереск, снабженный инструкциями ото всех друзей, надел старые шорты и майку, лежавшие в тумбочке в прихожей и ждавшие очереди на превращение в половые тряпки. Затем оборотень вышел в ближайший секонд-хенд.

Маж подал идею купить новую одежду для всех, благо деньги пока еще оставались. Но Атаниэль настоял на том, что четверо парней в ненадежных вещах могут вызвать подозрение, поэтому остановились на секонд-хенде.

– Есть катер, – элохим положил трубку. – В шесть вечера будет ждать нас у набережной Фонтанки. Отказывался выходить, утверждал, что у него уже выходной. Тысяча долларов решила вопрос.

– Он трезв? – поинтересовался Маж.

– Вряд ли, конечно, – признал Атаниэль. – Но я, если что, всегда смогу встать за штурвал.

Вереск задерживался. Маж все так же сидел на спинке кресла, вокруг его ног на сиденье образовалась кучка мелких, размером едва ли со среднюю занозу, кусочков дерева.

– Буратино ваяешь? – поинтересовался Атаниэль.

– Волшебную палочку, – предположил Иво.

– Второе, тутти-ту, – отозвался альв. – Магический жезл. Надо будет достать немного ртути, серебра и птичьих костей.

– Настоящий магический жезл? – удивился Иво. – А зачем он вообще нужен?

И тут же выяснилось, что магические предметы нужны для вещей разных, и функции у них могут быть какими угодно.

– Самый логичный вариант, тутти-ту, – пояснил Маж, – это когда ты вкладываешь в вещь заклинание, которое высвобождается после разрушения предмета. Такие вещи используются как сигнализация или для прикрытия отступления, тутти-там. Читал сказку, в которой Иван-царевич гребешок за спину кидал, и там горы возникали?

– Вроде бы читал, – неуверенно сказал Иво.

– Вот это пример таких вещей, тутти-там, – альв говорил, не прекращая терзать деревяшку. – Еще есть амулеты и артефакты. Амулеты, как правило, вещи массовые и понятные. Артефакты – куда более сложные, тутти-ту, и точная функция какой-нибудь старинной магической финтифлюшки может вообще быть неизвестна. Магия только кажется сложной и загадочной, тутти-там. Но когда с ней познакомишься поближе...

– То она окажется вообще непонятной и странной, – закончил мысль Атаниэль. – Не слушай его. У Мажа в голове сотни сложных заклинаний, он от них давно сошел с ума, и поэтому магия для него логичная и простая.

– Учись, тутти-ту, и будет тебе счастье, – наставительно произнес альв, не отрывая глаз от своего рукоделия. – Поначалу все кажется странным, и только когда ты вникаешь в предмет, он становится ясным. И неважно, тутти-там, что это – вождение мотоцикла или высшая математика, магия или вышивание гобеленов. Пока ты учишься – все странно. Когда научился, тутти-ту – все естественно. Если нет творческой жилки – пользуешься чужим, разобравшись, как оно работает. Если есть – создаешь свое, тутти-там, на зависть окружающим элохим.

– Я тебе не завидую, – обиделся вдруг Атаниэль.

– Завидуешь, тутти-ту, – удовлетворенно заявил альв. – Мало того, что я – красивый и умный, я еще и талантливый. А ты – просто нескладный громила! Иво, подтверди!

Оба они уставились на воспитанника слаш. В глазах друзей Иво видел огонек азарта и в то же время понимал, что большей частью вопрос шуточный. Однако как-то отвечать на него было надо, а как именно – в голову не приходило.

– Да, кстати, – подал голос от двери незаметно вошедший Вереск. – Меня тоже этот вопрос беспокоит. Я считаю, что самый умный и красивый – это я. В любом облике. Но как волкодав – вообще великолепен, и соревноваться со мной сможет только Гавкинг, когда подрастет. Иво, правда, эти двое мне в подметки не годятся?

– Дети в соревнованиях не участвуют, – ответил воспитанник слаш. – А если среди взрослых, то самый лучший – это я. Основам магии меня учил «черный», наследство я получил от загадочного и великого Феофана Прокоповича, и еще я девушкам нравлюсь, вот Маж свидетель.

Атаниэль сел на боковину кресла, спинку которого занимал альв, и, держа себя за бока, начал громко и со вкусом смеяться. Почти сразу к элохим присоединился Вереск, затем – Иво и последним – Маж, чуть не упавший со своего насеста.

Минуты через три, когда все успокоились, оборотень раскрыл пакеты. Меньше всех с одеждой повезло Мажу – на его рост были только детские вещи, и если с курткой, на которой были вышиты медвежата, он еще мог смириться, то кеды с рисованными крокодильчиками вызвали бурю.

– Ни в жизнь, тутти-ту, я не надену эту фигню! – орал альв. – Даже в Одиннадцатом равелине мне одежду лучше давали, во всяком случае, не такую смешную, хотя уж им-то на меня вообще плевать было!

– Это «Лакост», – оправдывался Вереск. – Им сносу не будет, отличные кеды, если бы были моего размера, я бы взял!

– Конечно, не бери, – подстегнул Атаниэль. – Вот в моем случае главное – я, и на мне любая одежда, даже это джинсовое подобие шароваров, будет сидеть идеально. А тебе обязательно надо что-нибудь покрасивее, чтобы не было заметно страшного лица.

Альв поморщился, но забрал кеды, натянул их на ноги и признал, что хотя выглядят они и не ахти, зато хорошо сидят и вполне удобны.

Иво вообще не жаловался. Шмотки, взятые Атаниэлем в машину, которая позже сгорела, были ему малы и малы давно – в отличие от тех вещей, которые принес оборотень. Подержанные, но не рваные и выглядящие более чем прилично рубашка из мягкого, приятного материала, легкая замшевая куртка и джинсы «в пол», плюс новые кроссовки.

Одевшись, воспитанник слэш посмотрел в большое зеркало, висящее в прихожей, и увиденное его полностью удовлетворило. Теперь он не выглядел ни бедняком, ни мальчиком-переростком. Иво смотрелся как нормальный, следящий за своей внешностью юноша среднего достатка – то есть как человек, которым он раньше мечтал быть.

Поймав себя на этой мысли, он с удивлением осознал, что его мечты – стать хирургом, жениться, купить небольшую квартиру и жить, как все нормальные люди, – словно слегка деформировались, «поплыли».

Теперь ему хотелось темпа, ритма в жизни. Рыхлое «быть как все» превратилось в «двигаться вперед». Стать хирургом? Да. Но при этом жить полноценной жизнью, общаться с друзьями, узнавать новое. Жениться? Да, наверное. Но – опять же, Иво вспомнил оценивающий взгляд Марии Дробышевой – он может не просто найти подругу, но найти ту, которой он будет действительно интересен. Купить квартиру? Да, конечно. Там, где ему будет лучше всего, и ту, в которой будет хорошо жить.

Раньше все было смутно и маловероятно, мечты виделись как какой-то комикс с рисованными персонажами, в числе которых был и сам Иво. Теперь же все оформлялось в понятную картинку, в которую словно вдохнули жизнь. Он внезапно осознал, что ему впервые за долгие годы действительно интересно, что же будет завтра, и даже – что будет сегодня вечером.

Все наполнилось смыслом, приобрело четкие грани, из вечных полутонов, когда вокруг и не друзья, и не враги, вдруг, словно изваянный резцом, выплыл черный цвет – «Ложа Петра и Павла» и белый – друзья из «Святых бастардов». Теперь он и сам мог сказать про себя, что он – настоящий, а ведь всю жизнь глубоко внутри Иво осознавал, что он никому не нужен. Ни врагам, которых не имелось, ни друзьям, которых, по большому счету, было еще меньше, чем врагов.

– Любуешься? – поинтересовался подошедший элохим.

– Хорошая одежда, – сказал, оборачиваясь, воспитанник слэш.

– Ты просто еще никогда не одевался в действительно хорошую одежду, – грустно произнес Атаниэль. – Ничего, братишка, вот разберемся с нынешней проблемкой, я свожу тебя в ателье на Моховой – там из тебя сделают настоящего короля!

Элохим был одет в мешковатые джинсы и бесформенную, ношенную кем-то более полным футболку. Однако эта одежда, как ни странно, практически не портила «белого» – он

все равно выглядел красивым, сильным и подтянутым, и готовым в любое мгновение к действию. Это был как раз тот случай, когда красит не одежда, а тот, кто ее носит.

– Нам не пора? – спросил Иво.

– Еще полтора часа, тутти-ту, – подошел к ним Маж. В левой руке его был короткий жезл, похожий на двух поставленных один на другого ферзей, в правой – перочинный нож. – Времени хоть отбавляй, тутти-там. Атаниэль, что с аквалангом для Иво?

– Зайдем в «Погружение», магазин здесь неподалеку, – мгновенно ответил элохим. – Семь и солнце, чуть не забыл! Иво, ты ведь вчера спал, когда приехал Троризель?

– Да.

– Он в числе прочего привез книгу Феофана, которую я отдавал ему на хранение. Вон там, на стеллаже лежит, обернутая в газету.

Иво медленно прошел к стеллажу.

Развернув газету, он аккуратно снял карту, легко – это на самом деле не потребовало почти никакого напряжения – раскрыл фолиант на первом попавшемся месте и прочитал:

«Чем сложнее заклинание, тем легче в нем ошибиться. Самые опытные маги создают заклинания, которые они видят как простые, с понятной внутренней логикой, однако менее опытным заклинателям эти построения видятся сложными и запутанными. Создать нечто, что ты видишь легко и просто и что кажется окружающим непостижимым, – фокус, доступный только мастерам, и к этому стоит стремиться».

Иво закрыл книгу, поразившись тому, как совпало то, что написано почти триста лет назад Феофаном, с тем, что они обсуждали в недавнем разговоре. Внезапно у него родилось смутное предположение, и он открыл фолиант на том же месте.

«Прусские альвы сокрыли сей предмет ото всех, но предположение, будто знали они источник вечной молодости – лжа и глупость, ибо в таком ряде все альвы или хотя бы часть их была бы неизменна, а то и моложе, нежели раньше, и вскрылось бы это хотя и в их среде, но сиюминутно, а поскольку подобного за прошедшие декады не обнаружено, то предмет данный наверняка связан с иллюзией молодости, а не с ее восстановлением».

Иво еще раз закрыл том, сунув палец между страниц, и еще раз открыл его.

«А есть еще притон модниц и модников, что на Моховой улице – и многия рекомендации от людей, знающих толк в искусстве выхода в свет, указывают на сей дом, номер семьдесят два».

– Атаниэль? – тихо позвал он.

– Да? – отозвался элохим из прихожей, где он негромко пикировался с Мажем.

– Ателье находится на Моховой, семьдесят два?

– А ты откуда знаешь? – удивился Атаниэль. – Да, именно там.

– Они там давно?

Элохим и альв подошли к Иво.

– Лет пять, может, шесть, – сообщил бескрылый. – А что случилось?

Иво рассказал им о том, что, закрывая книгу и открывая ее, он на одном и том же месте находил разный текст, который два раза из трех перекликался с тем, о чем недавно он сам говорил с Мажем и Атаниэлем.

– Это же артефакт, тутти-ту, а не простая книжка, – пожал плечами альв. – Опытные чародеи долгие годы исследуют подобные вещи, по маленькому шажочку, тутти-там, подбираясь к разгадкам, а ты хочешь, чтобы мы с нахрапу растолковали тебе, что и почему происходит?

– Нет, я не об этом, – попытался объяснить Иво. – Вот, смотрите: Атаниэль сказал об ателье, затем я открываю книгу, и в ней – название улицы и номер дома. А номер мне никто не говорил, да и вообще, во времена Феофана наверняка и улицы такой не было!

– Это все шутки Феофана, – заявил элохим. – Для него загнать собеседника в тупик было лучшим развлечением. Заставить кого-то поверить в миф или сделать так, чтобы никто не верил в то, что существует на самом деле. Он был и священником, и политиком, и авантюристом. Прадед говорил, что про Феофана даже в Италии осталось несколько бак

после того, как он там учился. Так что, Иво, не пытайся понять, что он там наворотил. Пользуйся книгой, она уже один раз нам очень пригодилась и, скорее всего, пригодится еще неоднократно.

– Вот ты, Атаниэль, молодец, тутти-ту, – покачал головой Маж. – Но употреблять артефакты, которых не понимаешь, дело опасное. Так что, Иво, тутти-там, сам решай – может быть, лучше просто закрыть эту книгу и никогда ее не открывать?

– Ну, спасибо, мужики, – рассмеялся Иво. – Я у вас спросил, как такое вообще возможно, а разрешения на то, чтобы читать собственную книгу, мне не надо.

Альв через плечо воспитанника слэш заглянул в фолиант и вновь покачал головой:

– Странная это штука, тутти-ту. Скорее всего, она как-то взаимодействует с тобой, возможно, также каким-то образом считывает информацию из ноосферы, или, как ее раньше, бывало, называли маги – всеобщего информатория. Я думаю, этот артефакт по способу добычи данных сходен с талантом предсказателей. Хотя ручаться, тутти-там, естественно, не буду. Но вот что точно знаю – книга эта опасна. Если уметь ею пользоваться – откроет многие дороги. А если в чем-то ошибиться – подведет она тебя под тяжелые боевые заклинания, тутти-ту. Так что если вдруг прочитаешь в книге Феофана некролог на себя – можешь сразу покупать гроб и свечи.

– Ты это серьезно? – спросил Атаниэль.

– В общих чертах, тутти-ту, да, – подтвердил альв. – А насчет свечек – нет. Если что, пусть сообщает, а мы еще поборемся!

Все трое рассмеялись. К ним подошел Вереск со щенком на – руках:

– Еще не срок?

– Я вызову такси, – сказал Атаниэль. – Времени еще достаточно, но лучше слегка подстраховаться.

Через двадцать минут, оставив Гавкинга за старшего, «Святые бастарды» в полном составе спустились вниз и сели в такси – старый «Шевроле». Никто особо не маскировался – Иво еще с утра вынул контактные линзы, от которых глаза дико устали, альв был видим и вполне доволен этим, разве что Атаниэль нашел на стеллаже в мансарде старую кожаную шляпу, пришедшуюся впору и вкупе с мешковатыми джинсами и футболкой сделавшую его похожим на американского фермера.

Водитель, парень едва старше Иво, попался словоохотливый, и по дороге до магазина подводного снаряжения успел вывалить кучу новостей – и про то, как попилили бюджет трехсотлетия Санкт-Петербурга, и про новую квартиру Ксении Собчак на Каменноостровском проспекте, и про очередную мафиозную разборку, случившуюся накануне на Дворцовой площади.

– А что там было? – полюбопытствовал Вереск.

– Стреляли, – лаконично ответил водитель и улыбнулся, довольный эффектом. Однако сам не выдержал паузы и продолжил: – Старая мафия, вскормленная Яковлевым, дралась с новой мафией, которую в город привела Матвиенко. У меня у деверя шурин знает сторожа из Эрмитажа, тот такое рассказал! Там из базуки стреляли, восемь машин взорвали, трупов – с полсотни! И знаете что?

Никто ему не ответил. Впрочем, рассказчик и не ожидал ответа, вопрос был риторическим. Выдержав паузу, водитель продолжил:

– По телевизору об этом вообще ничего не сказали! Только, мол, трое молодых людей устроили стрельбу в центре города, и фотографии их. Кстати, это не вы?

– Нас четверо, – среагировал Иво.

– Да ладно, я ж пошутил, – хохотнул водитель. – Знаю я этих, из милиции. Надергали первые попавшиеся фотографии, начальству отчет написали – мол, дело движется, – и все. А этих троих, которые вроде как стрельбу устроили, на самом деле не существует. Мафия, говорю вам. Точно, мафия! Матвиенковская против яковлевской. Ха, трое пацанов. Взрывы на Петроградке слышно было, двоюродный брат свояка моего кума живет там, проснулся ночью, думал, третья мировая начинается!

– Вот здесь останови, – попросил Атаниэль.

Он вышел, спустился в подвальчик с вывеской, на которой был схематично изображен дельфин, и через несколько минут вернулся с большим свертком.

За то время, пока ждали элохим, водитель успел рассказать несколько драматических историй о переделе Петербурга, старой, собачаковской мафии, которая опиралась на «Свидетелей Иеговы», и о том, что под памятником Кирову есть альтернативный золотой запас России, но об этом никто не знает.

Дальше поехали туда, где договорились встретиться с хозяином катера. По дороге остановились у магазинчика, там Атаниэль набил пару пакетов продуктами – все-таки планировалось корпоративное мероприятие, – а заодно взял полсотни разноцветных воздушных шариков.

– Гений маскировки, тутти-ту, – шепнул севшему вперед элохим Маж. – Тортик-то взял, тутти-там?

– Для тебя, малыш, я купил шоколадку, – тихо ответил Ата-ниэль.

Водитель, увлеченный монологом о преступных разборках политической элиты, даже не заметил этого короткого разговора. Они добрались до нужного места, и таксист, получив с Атаниэля деньги, с видимым сожалением расстался с такими спокойными слушателями.

Катер, несмотря на то что до оговоренного времени оставалось еще около получаса, уже стоял у пристани. На слегка облезшем сером борту красовалось название «Косатка». В довольно просторной кабине кто-то спал, уронив кудлатую голову на штурвал.

– «Косатка»? – удивился Вереск.

– Я, тутти-ту, сам в шоке, – признался Маж. – Наверное, так называет свой инструмент госпожа Смерть.

– Не придирайтесь, – внезапно обиделся элохим. – В следующий раз сами будете искать катер летом, в субботу, во второй половине дня.

Хозяина растолкали. Помятый и похмельный, он тем не менее сразу вспомнил о договоренности, а помахав купюрами перед его носом, Атаниэль смог разбудить живой интерес к прогулке.

Вереск и Маж выразили сомнения в способности этого человека в таком состоянии вести судно, однако, взявшись за штурвал, хозяин мгновенно протрезвел, и пару минут последив за его действиями, Атаниэль удовлетворенно кивнул и прошел в пассажирский отсек к друзьям.

– Туда точно доплывем, – сказал он.

Пока шли по Фонтанке, успели надуть полтора десятка шариков, причем с двумя оборотень переусердствовал – они лопнули. Маж, заявив, что у него одного в этой компании достаточно вкуса и художественного чутья, высовывался в открытые окна и привязывал шарики к веревке, тянувшейся вдоль крыши.

– Переходим к алкоголю, – заявил Атаниэль, едва катер vyplыл в Неву. – Не забывайте – у нас праздник!

На самом деле, скорее всего, «Косатка» не удостоилась бы даже второго взгляда от любого, кто за ней наблюдал, – старое потертое судно наверняка за долгие годы примелькалось в акватории.

Тем не менее они расстелили на пластиковом столе вынутое из-под сиденья одеяло, поставили сверху две бутылки – «Мартини» и «Джонни Уокер ред лейбл». Добавили баклагу колы, пару пакетов сока и несколько тарелочек с нарезанными колбасой и сыром.

Элохим налил в два пластиковых стаканчика виски, разбавив его колой, и еще в два – мартини с апельсиновым соком.

– Так и оставим, тутти-ту? – поинтересовался Маж, заметив, что Атаниэль не собирается пить.

– По одной можно, наверное, – неуверенно сказал элохим. – Но вообще я пить не умею и не особенно люблю, если честно. Да, в общем, и без этого у меня проблем хватает.

– А я выпью, – сказал вдруг Иво и потянулся к стаканчику с мартини.

Он видел рекламу этого напитка, встречал его упоминание в книгах и газетах, однако попробовать не доводилось. Вереск посмотрел на него с неодобрением, однако воспитанник слаш сделал пару небольших глотков и отметил про себя, что просто апельсиновый сок, наверное, был бы куда лучше.

Тем временем Маж поднялся и прошел к водителю катера. Они затеяли негромкую перебранку, туда же переместился и Атаниэль, а через минуту в кабину поднялся и Вереск.

Иво небольшими глотками допил содержимое стаканчика и с удивлением понял, что напиток очень вкусный и почти лишен алкоголя. Воспитанник слаш уверенно налил себе еще одну порцию. Попробовал – оказалось горьковато. Долил сока, отпил – опять горьковато. Сделал глоток побольше, добавил сока – и понял, что нашел идеальное соотношение. Неспешно допил второй стаканчик и тут же налил третий, с первого раза добившись нужных пропорций.

– Иво, тутти-ту, какого черта ты не отзываешься? – подошел Маж. – Пойдем, мы уже на месте.

Иво с сожалением допил коктейль, выглянул в окно и в паре метров от себя увидел вырывающийся из-под воды столб света.

– Источник! – заявил он и встал.

– Чувствую, но не вижу, тутти-ту, – пожаловался альв. – Атаниэль, стоп, бросайте якорь! Кстати, тутти-там, когда ты успел так нажраться?

– Я абсолютно трезв, – уверенно ответил Иво. Он чувствовал приятный душевный подъем. При этом язык не заплетался, ноги держали нормально. – Там алкоголя-то почти нет!

– Следи за пальцем, – подойдя, элохим одной рукой взял Иво за плечо, второй провел перед глазами. – Ну, в мясо нажраться не успел, но клянусь Семью, успешно шел в этом направлении. Ты что, не понимаешь, что от тебя все зависит? Кроме тебя, никто не нырнет!

– Да там алкоголя-то почти нет, – повторил воспитанник слаш. – Я пил кое-чего, и спиртное всегда неприятное и резкое, а потом словно удар по голове, и все вокруг мутное.

Трое друзей внимательно смотрели на него. Наконец Атаниэль хмыкнул и заявил:

– Ладно, рискнем. Второй раз плыть сюда гораздо опаснее. Иво, ты просто никогда не пил хорошего алкоголя. Лучшие напитки употребляются за беседой и совершенно незаметно, хуже того – они вкусные. И пока не встанешь, ты ни в жизнь не догадаешься, что уже пьян.

Иво начал переодеваться в гидрокостюм. Через пару минут, едва не забыв настроить под себя маску и загубник, он был готов.

Элохим тщательно проверил все ремешки, несколько раз прошелся по сочленениям и открыл-закрыл карабины.

– Сколько раз ты должен дернуть за веревку, чтобы мы начали тебя тянуть? – спросил он.

Иво точно помнил – ничего подобного Атаниэль ему не говорил. Однако и Маж, и Вереск смотрели на него серьезно, а значит, это не было шуткой.

– Два? – неуверенно спросил Иво.

– Пусть будет два, – махнул рукой элохим. – Здесь всего несколько метров вниз, там на минуту работы и столько же вверх. Если что, откачаем.

От этих слов Иво почти протрезвел. Ему стало стыдно за то, что он, как бывалый алкоголик, успел накачаться за те несколько минут, что провел без компании друзей.

Дальнейшее он помнил смутно и кусками – вот он плывет вниз рядом с источником, подсвечивая путь фонарем. Вот отщелкивает замок шнура-артефакта. Вот следит за рыбкой, которая, совершенно его не боясь, словно застыла рядом с рассеивающимся лучом.

Вот сверху дергают дважды, и он, вспомнив наставления, отвечает тройным подергиванием.

А вот уже всплывает – и неясно, закрыл он замок или нет, а может, надо вернуться? И момент удивления, когда непонятно, куда он движется – вниз, чтобы проверить, замкнул ли

он артефакт, или уже вверх?

И – рывком – смеющийся Атаниэль и сосредоточенно хлещущий его по щекам Маж. И Вереск, который почему-то решил, что с Иво срочно нужно снять гидрокостюм.

А следом – улыбающийся Стас в белом халате, режущий куклу на операционном столе...

Глава 18

В кофейне на Сенной площади сидели в основном пары – девушки с парнями, парни с парнями, девушки с девушками. Людей старше тридцати здесь было немного – сама культура такого времяпрепровождения пришла в Россию недавно. И тем большее недоумение вызывали у постоянных посетителей четверо мрачных мужчин, каждому из которых было под пятьдесят, что в гробовом молчании цедили кофе за столиком в углу.

У одного из мужчин пикинул телефон. Мужчина слушал несколько секунд, затем встал и пошел к выходу. Остальные трое точно так же, не говоря ни слова, двинулись за ним.

Вспокоившаяся официантка метнулась к столику и облегченно вздохнула – там лежало несколько купюр, явно покрывавших стоимость кофе. Охранник, стоявший в дверях, вряд ли смог бы что-то противопоставить этим мрачным мужикам, а не достачу повесили бы на якобы не уследившую девушку.

Выйдя из кофейни, мужчины направились по улице Ефимова в сторону Фонтанки. Находящаяся в самом сердце Петербурга эта улочка являла собой жалкое зрелище – разрисованная стена около строящегося торгового центра, обшарпанные дома, мусорные баки, ржавеющие автомобили, запаркованные когда-то давно и забытые владельцами.

Впрочем, окружающий «пейзаж» мало интересовал четверых мужчин.

Они дошли до мусорных баков и чуть сдвинули их. Затем трое зашли за импровизированное ограждение и там присели, скрываясь от прохожих, которых, впрочем, было совсем немного.

Через минуту из-за баков показалась оглядывающаяся собака, подозрительно похожая на волка. Четвертый мужчина на мгновение скрылся из виду, затем вышел обратно с большим пакетом, из которого торчал рукав рубашки. Мужчина быстрым шагом прошел в ближайшую арку, а еще через минуту оттуда выскочил крупный пес. К нему тут же присоединились три собаки, выбравшиеся из-за мусорных баков.

Все четверо добежали до набережной Фонтанки, дождались, пока пройдет поток машин, степенно перешли через дорогу, выбрались на центр мостика и там замерли, просунув морды в фигурную решетку.

Люди, стоящие на мосту, вначале шарахнулись от таких соседей, но псы не проявляли агрессии, и вскоре все успокоилось, хотя ближе двух метров к животным никто не подходил.

Пацан лет десяти, вырвавшись из рук матери, подбежал и погладил одного пса, на что тот отреагировал лишь досадливым подергиванием уха. Мать рывкнула на ребенка, и тот вынужден был вернуться к ней.

Псы стояли и ждали. Так прошло минут двадцать, а потом, когда к мостику подплыл небольшой катер, животные одно за другим ловко перемахнули ограду и спрыгнули на судно. Первый пес упал на стекло кабины, разбил его и провалился внутрь. Второй и третий приземлились на крышу каюты, а четвертый скатился по корме, лишь чудом не попав в лопасти мотора.

Все эти события произошли так быстро и почти бесшумно, что их увидела только одна дама средних лет. Она осмотрелась, ища, с кем можно обсудить происшествие, но, не найдя других свидетелей, обиженно поджала губы.

И в этот момент с другой стороны моста раздались крики.

Иво проснулся оттого, что его скинули в воду.

Одно мгновение он не понимал, где находится, но почти сразу сообразил – в

нескольких метрах от него дрейфовал катер, а сам он плавал в мутных водах реки Фонтанки. С катера доносились хриплые возгласы, злобное рычание и неритмичный стук.

Катер развернуло носом к воспитаннику слаш, и он увидел, как двое мощных псов теснят стоящего на самом краю Атаниэля. Элохим, с обмотанной вокруг правой руки курткой, время от времени делал выпад левой, словно собирался атаковать. Псы вроде бы даже вздрагивали, но особенного страха не проявляли и отступать явно не собирались.

Позади собак раздался громкий вопль, и одна из них обернулась. Атаниэль прыгнул на вторую, а дальше Иво не видел, так как подплыл вплотную к носу катера и, ухватившись за свисавшую петлей веревку, начал карабкаться вверх.

В книгах про пиратов те легко забирались даже на многопалубные корабли – по якорной цепи или перебираясь по резным фигурам. Иво позавидовал героям прошлого, которым не доводилось сталкиваться с нейлоновыми шнурами и скользким пластиком.

На катере шла схватка, однако никто не стрелял и не использовал заклинаний. Воспитанник слаш наконец умудрился подтянуться и закинуть вверх ногу, зацепившись ею за борт.

Сжимая зубы от напряжения, Иво наконец вылез наверх и увидел продавленное лобовое стекло кабины. Один из псов, Атаниэль и водитель катера были то ли мертвыми, то ли без чувств. Еще трое псов, сцепившись в клубок, чуть ли не топтались по поверженному Мажу. Если размышлять логично, то двое в этом клубке были чужими маах'керу и один – Вереском.

Иво, еще не зная, что он будет делать, осторожно вошел в кабину и увидел лежащий на приборной панели пистолет. Взяв его, он попытался понять, кто из трех псов – Вереск, но все они были одинаково злыми, большими и серо-черными.

И тогда воспитанник слаш выстрелил вверх.

Грохот оказался страшным, а эффект – удивительным. Клубок распался на три части, затем две вновь сплелись, а третья кинулась на Иво. Тот выставил оружие перед собой и нажал на спусковой крючок, а в следующий момент рядом с его горлом клацнули клыки.

Отшатнувшись, воспитанник слаш упал боком на штурвал. Дважды Иво удалось уклониться, но в третий раз зубы пса захватили мокрый воротник замшевой куртки, стиснули горло.

Уже видя перед глазами красных мух на черном фоне, Иво сумел кое-как выкрутить руку с пистолетом и выстрелил в пса.

Перед глазами возник Стас.

Он что-то говорил неслышно, и Иво вдруг понял, что вот это оно и есть – «смертное проклятие». Когда ты умираешь, а рядом с тобой не друзья, не недавние враги, к которым ты питаешь ненависть и с которыми готов биться до последнего. Рядом – мертвый верог, к которому ты успел привыкнуть и который играет чуть ли не роль шута в твоих снах.

Однако Стас почти сразу растаял, а перед глазами закачался серый пластиковый потолок с маленькой, окаймленной черным дыркой.

Иво с трудом приподнялся на локте. Рядом дергал задними лапами недавний противник, спина его была окровавлена, а в глубине кабины, разделенные сломанным откидным столиком, тяжело дыша и остервенело скалясь, глядели друг на друга два пса.

– Я сейчас выстрелю тебе в голову, – сказал Иво, с ужасом понимая, что не знает, кто из животных – Вереск. – С двух метров я не промахнусь, и даже хваленая регенерация маах'керу тебе не поможет.

Один из псов тихо зарычал, глянув на Иво.

Тот усмехнулся – проблема решена. Он навел оружие на оборотня и нажал на спуск. Пистолет щелкнул, показывая, что патроны кончились. И тут же в ногу человеку впились зубы – раненый им недавно маах'керу нашел силы проползти пару сантиметров и сжать челюсти.

Глядя вниз, краем глаза Иво отметил бросок того пса, что сражался с Вереском, причем бросок в свою сторону. Но сделать уже ничего не успел и почти сразу же погрузился во тьму,

по другую сторону которой его вновь поджидал Стас.

На этот раз каждое движение покойного верог отдавалось нешуточной болью – вот скальпель полоснул по руке, и словно огненным бичом стегнули по предплечью. Вот кровопийца аккуратно сжал громадными плоскогубцами горло, и воздуха снова, не в первый уже раз, стало не хватать...

– А ю олл райт? – проступил сквозь тающий образ Стаса Вереск. Оборотень был голым, но за счет длинных царапин и множества кровоподтеков таковым не выглядел. – О, йес.

Иво попробовал встать, но ноги его не слушались. Перед глазами плавали разноцветные круги, руки были словно ватные.

Кое-как поднеся ладони к голове, он пустил в ход «анальгин». Стало легче, но не очень – разве что голова слегка прояснилась, но боль, словно десяток метров раскаленной колючей проволоки, окутывала все тело.

Рядом, постанывая, приходил в себя Маж, чуть дальше Вереск, разорвав футболку на груди Атаниэля, пытался понять, бьется ли у него сердце.

– Какого, тутти-ту, дьявола, – медленно пробормотал альв, вставая. – Я помню, как разбилось стекло, затем вроде бы меня ударили по голове... Что это было, тутти-там?

– А ю олл райт? – повернулся к нему оборотень. – Экселлент...

– Нападение маах'керу, – объяснил Иво. – Ты, кстати, говорил, что в «Ложе» оборотней нет.

Маж, покачивая головой, подошел к Вереску и Атаниэлю. Катер прибило к высокой набережной и начало аккуратно постукивать о бетон. Находившиеся сверху туристы принялись радостно фотографировать разбитое лобовое стекло.

Вереск, видимо, нашел способ, как привести в чувство Атаниэля – элохим приподнялся на четвереньках, в то время как оборотень пошел вглубь кабины и начал подбирать одежду.

Едва придя в себя, бескрылый подошел к штурвалу, подвинул бесчувственного хозяина и, усевшись на место капитана, завел двигатель.

– Куда плывем? – поинтересовался он и, не дожидаясь ответа, добавил дизелю оборотов.

Натужно урча, кораблик медленно, но уверенно начал набирать скорость.

Иво наконец смог осмотреться – они были между Гороховой улицей и Московским проспектом, сразу за маленьким мостиком, названия которого воспитанник слэш не помнил, а скорее всего, никогда и не знал.

На катер сверху смотрели люди, и не только они – в толпе на мостике находился как минимум один дейвона и двое Часовщиков. Надеяться на то, что «Ложа» еще не знает о том, что они здесь, не стоило.

– Нас обнаружили, – сказал Иво.

– Кто бы сомневался, – Вереск успел не только одеться, но и найти «переводчик». – Плывем как можно быстрее и как можно дальше.

– Братишки, уберите пса с левого борта, – попросил элохим. – Я его туда сбросил, накинув канат.

Иво выглянул и обнаружил, что пес-маах'керу действительно висит на веревке, обвязанной вокруг неожиданно длинной шеи.

– И приведите в чувство хозяина нашего катера, – вновь по-просил элохим. – Заорав, он спас меня.

Вереск проскользнул мимо Иво и перерезал веревку, так что труп с бульканьем ушел в воду. Маж занялся хозяином «Косатки», но тот, хотя и явно был жив, в себя не приходил.

– У него есть телефон? – поинтересовался Атаниэль.

– Есть, тутти-ту, – альв вынул из кармана бесчувственного человека старый «Эрикссон».

– Дай сюда, я вызову такси. – Элохим забрал трубку у альва. – Хозяина придется оставить на катере, я ему денег побольше в карман положу. Семь и небо, его наверняка возьмут в оборот, но с собой его тащить нереально. Приводите пока себя в порядок.

Атаниэль быстро дозвонился до диспетчерской такси, договорился о месте и времени встречи. Альв сидел на покосившемся во время свалки сиденье и то ли размышлял, то ли медитировал. Вереск стоял за спиной элохим и смотрел вперед.

Иво попытался восстановить цепь событий. Вот он выпил два коктейля. Или три? Этот момент помнился смутно. Затем вроде бы нырял. Один или два раза. Момент подъема словно провалился в бездну памяти и никак оттуда не выковыривался.

Затем был сон – почему-то не с Еремеем, а со Стасом. Почему? Может быть, дело в алкоголе? Неправильный ход мыслей. Скорее надо понять, почему сны в последнее время были с Еремеем. Началось это вчера, незадолго до подключения к источнику. Хотя не так уж и незадолго, почти сразу после больницы.

Больница. Врач-верог, врач-сатра... «Цветок»! Точно, «цветок» и его «побочные эффекты», о которых говорил врач!

Иво пробежался руками по карманам, но волшебной вещи там не было. Зашел вглубь каюты – бардак здесь был просто ужасающий: сломанные сиденья и выгнутый в точке крепления откидной столик, ровный слой битого стекла, бурой жижи, в которой смешались виски, мартини и кровь, куски сыра и мяса.

А в углу, за помятой стопкой из десятка пластиковых стаканчиков, лежал «цветок» – неприметный и абсолютно с виду целый. Иво поднял его, отметив, что вещь тут же начала слегка светиться, и сунул ее во внутренний карман куртки.

– ...Я откинул его, – Вереск, видимо, рассказывал Мажу, что случилось, пока тот был в отключке. – Второй собирался перегрызть Иво горло, защищать Иво я не мог, их и так было двое на меня одного, и я ударил по краю стола сверху, слегка оглушив врага столешницей, и выкинул Иво в окно, надеясь, что он в воде придет в себя.

Так вот кто его скинул в воду! Воспитанник слаш испытал смешанные чувства – с одной стороны, Вереск спасал ему жизнь, с другой – чуть не убил.

– Ты был без сознания, – продолжал тем временем оборотень. – Врагов – четверо. Хозяин катера забился в угол, двигатель заглох. Атаниэль, видимо чтобы не драться в тесной кабине, вылез наружу. Двое против него – и двое против меня. Мне нужен был момент, чтобы поменять облик, с двумя псами как человек я проигрывал совершенно точно. Хозяин достал нож и попытался ткнуть одного из маах'керу, тот отвлекся, я в этот момент перекинулся, хозяин это увидел и заорал, его тут же вырубил, чтобы не голосил особо.

– Дальше я скажу, – не переставая управлять катером, заявил Атаниэль. – На крик хозяина один из моих противников отвлекся. Рядом с ним был швартов. Я «длинной рукой» накинул веревку на шею отвлекшемуся оборотню, а сам бросился на второго, при этом попробовал пнуть первого, чтобы уронить его с катера. Дальше, извиняйте, не помню. Но, видимо, столкнуть удалось, от рывка оборотень под собственным весом сломал себе шею.

– Атаниэль спихнул одного маах'керу с катера, – вновь заговорил Вереск, – и вместе со вторым сквозь разбитое стекло провалился в кабину. Причем оба остались лежать. Тем временем на меня наседали двое маах'керу, и я, если честно, просто пытался выжить – вывернуться, не подставить горло, увернуться. Это были опытные бойцы, мне и против одного-то было бы сложно, а с двумя я заведомо проигрывал. Сколько это длилось, сказать не могу, но потом раздался выстрел, и я смог отскочить в угол. Стрелял Иво. Один из моих противников кинулся на него, со вторым мне было уже чуть легче – во всяком случае, я весил чуть больше него, и он был уже старый. На самом деле все они были старыми, но еще крепкими. Против одного я мог держаться долго. Затем я услышал, как Иво сказал, что собирается убить моего противника. Почему он сразу не выстрелил, я не понял.

– Я не знал, кто из вас – кто, – признался воспитанник слаш.

– Это же очевидно! – воскликнул Вереск.

– Тебе очевидно, тутти-ту, а человеку – нет, – сказал альв. – Дальше можете не рассказывать, в то, что с одним оборотнем вы вдвоем справились, я верю, тутти-там. Куда трупы дели?

Вереск замаялся, потом честно признался:

– Они все еще живы были, кроме повешенного Атаниэлем. Я скинул их за борт, и если маах'керу в России хотя бы примерно такие же, как в Квебеке, то все они выживут.

– Ясненько, тутти-ту, – Маж покачал головой. – В «Ложе Петра и Павла» нет маах'керу, но это ничего не значит. Среди тех, кто готов служить «Ложе», есть и альвы, тутти-ту, и джинна, и люди, и Часовщики, и оборотни. Но что это за маах'керу, которые решили справиться с нами без помощи магии, я не знаю.

– Братишка, на этот вопрос никто не ответит, – ехидно заметил Атаниэль. – Вереск, может, это родичи пришли по твою душу?

– Нет, – отрезал маах'керу, воспринявший шутку серьезно. – Они мне незнакомы, я не встречался с представителями этой стаи, иначе наверняка опознал бы их запах.

– Прогулки по городу становятся все более опасными, – усмехнулся Атаниэль. – А у меня ведь есть пара поводов пожить чуть подольше!

Он подвел катер к причалу, направил его между речным трамвайчиком и моторной лодкой.

– Куда прешь, скотина! – заорал из моторки дюжий мужик в камуфляже без знаков различия. – Если прижмешь меня, всю жизнь платить будешь!

Элохим спокойно открыл дверь каюты и крикнул:

– Сто баксов заработать хочешь?

– Что надо сделать? – насторожился мигом сбавивший тон мужик.

– У нас тут швартовы потерялись, и хозяин в обморок упал, надо устранить недостатки, – Атаниэль подмигнул.

Иво не видел, как его друг выглядел сквозь Пелену, но вид у элохим наверняка был разбойничий и помятый.

– Ни фига себе, – заглянул в окно каюты мужик. – Пятьсот баксов, катерок привяжу, но хозяина будить не буду, свалю от греха подальше.

– Согласен, – Атаниэль заглушил двигатель, выпрыгнул на пристань и придержал катер, пока с него сходили Иво, Вереск и Маж. Затем отсчитал пять сотенных купюр.

За всей этой сценой из речного трамвайчика наблюдали около двадцати туристов, один из которых был джинна, судя по кепке с флажком, из ФРГ.

– А теперь – бегом, – сказал Атаниэль. – В ста метрах отсюда должна быть «Волга» с номером семьсот двадцать шесть, это наше такси.

Водитель такси, стоящего на углу набережной Фонтанки и Лермонтовского проспекта, едва завидев бегущую в его сторону четверку парней, сдал назад, – однако позади был перекресток, – и тут же рванул вперед. Но, не доезжая десяти метров до вырвавшегося вперед Атаниэля, резко затормозил и заглох.

– От нас не уйдешь, – сообщил элохим, плюхаясь на переднее пассажирское сиденье. Мгновением позже в автомобиле устроились остальные трое. – По-моему, у тебя передние суппорта подклинивает.

Таксист, седой грузин, с ужасом смотрел на пассажиров, переводя взгляд с одного на другого.

– Поехали, тутти-ту, это мы вас вызвали, – заявил сзади Маж. – Суппорты уже наверняка в порядке.

– Вы грабители? – опасливо поинтересовался таксист.

– Мы клиенты, – ответил Атаниэль, выкладывая на торпеду стодолларовую бумажку. – Если через двадцать минут будем на углу Кавалергардской и Суворовского – получишь столько же.

Машина тут же тронулась. Иво подумал, что таксист наверняка повез бы их и без денег, настолько сильно они напугали его.

– А я знаю вас, – сообщил таксист. – Вы вчера на Дворцовой площади стрельбу устроили. Ваши фотографии по телевизору показывали, и еще сгоревшую машину около Исаакиевской площади.

– Не читайте отечественных газет, – порекомендовал Атаниэль.

– Чем быстрее вы нас довезете, тутти-ту, – добавил сзади Маж, – тем меньше шансов, что завтра покажут вашу сгоревшую машину.

Грузин вцепился в руль и прибавил газу. Иво, которого фраза альва покорила, вдруг понял, что Маж абсолютно прав. Любой, оказавшийся рядом с ними – что Троризель, что хозяин катера, – ежесекундно рисковал жизнью и имуществом.

– Да все нормально, – спокойно отозвался Вереск, глядя в затонированное окно на Фонтанку, по которой, ревя сиренами, плыли два катера с надписью «ОМОН». – Спокойно доедем, расплатимся и разойдемся.

Однако Иво уже совсем не был в этом уверен – и по сосредоточенному лицу Атаниэля и по ехидно-безумному Мажа было понятно, что большинство «Святых бастардов» разделяет его мнение, а не вариант Вереска.

Переехав через Аничков мост и только набрав скорость, таксист резко затормозил, повинаясь жесту выскочившего непонятно откуда инспектора ГАИ.

– Сержант Васильев, проверка документов, – заявил милиционер. – Скорость превышаем?

– Ну, семьдесят-то можно, я тридцать лет за рулем, – начал оправдываться таксист.

– Ладно, – ответил сержант, отдавая так и не проверенные документы. – Увидите кого-нибудь подозрительного, сообщите в милицию.

Едва отъехав, грузин спросил:

– Почему он не обратил на вас внимания?

– Мы просто не показались ему подозрительными, – ответил Вереск.

Сидевший рядом Маж ехидно хмыкнул.

Высадив пассажиров на оговоренном перекрестке и получив обещанные деньги, таксист сдержанно улыбнулся, но, уже отъезжая от четверки, выглядел предельно собранным и даже напуганным.

Некоторое время «Святые бастарды» шли молча, каждый думал о своем.

– Мы, как бомба, которая время от времени взрывается, – заявил оборотень, думавший точно так же, как и Иво. – Сегодня мы должны были умереть.

– Это точно, тутти-ту.

– А я должен был умереть вчера, – подтвердил Атаниэль. – Если бы машина была не праворульной, удар того заклинания достался бы мне.

– Покупаем свечки и гробы? – предложил Иво.

Первым расхохотался Маж, следом – Вереск, затем – Иво, а последним к ним присоединился Атаниэль.

– Сколько нам осталось? – поинтересовался, отсмеявшись, элохим. – День, два? Против одной «Ложи» воевать можно долго, хотя даже это вряд ли. Но против всего города мы не продержимся и недели.

– Поехали в Канаду? – предложил Вереск. – Там хорошо. У наших сейчас война, я за вас поручусь, раскатаем дейвона?

– Я думаю, нас из Петербурга не выпустят, – пресек на корню эти планы Иво. – Нужны новые документы, новая внешность и хотя бы пара недель тишины, чтобы раны зажили, а шумиха улеглась.

– Не о том говорите, тутти-ту, – раздраженно заявил Маж. – Если скрываться или уезжать слишком опасно, надо нападать. У меня есть план.

– Дома поговорим, – ответил Атаниэль.

У него плана явно не было, и он опять начинал впадать в апатию.

По дороге домой зашли в магазинчик, купили две пачки хинкали, французские котлеты «Кордон Блю», большую баклагу воды и несколько пакетов сока.

Когда подходили к подъезду, в элохим едва не врезался Часовщик лет десяти от роду.

– Сдаст? – равнодушно спросил Атаниэль.

– Да у него своя жизнь кипит, тутти-ту, – уверенно заявил альв. – Девочки, песочницы, деревянные лошадки и роботы-трансформеры, тутти-там.

– Поехали в Канаду, – еще раз предложил Вереск.

На этот раз никто не ответил.

Дома было тепло и уютно, если не считать того факта, что Гавкинг, едва увидев входящих, с радостным и облегченным лаем сделал большую лужу прямо на тапочки в прихожей.

– Собак надо выгуливать, – констатировал Вереск.

Едва раздевшись, оборотень быстро сполоснул кастрюлю и сковороду, придирчиво осмотрел противень в духовке и поставил хинкали вариться, а «Кордон Блю» – подогреваться. Достал из холодильника оставшиеся со вчерашнего дня огурцы и помидоры и начал их сноровисто нарезать.

– Маж, ты собираешься еще раз напасть на Одиннадцатый равелин? – поинтересовался Иво, сев вместе с друзьями за стол.

– Нет, конечно, тутти-ту, – усмехнулся альв. – Я много думал о том, что мы делаем, чем занимаемся. По большому счету, нам нужна база, которая ни от кого не зависит, нужны были деньги, тутти-там, и нужен был источник. Все это, тутти-ту, у нас есть. Если мы хотим всколыхнуть этот городишко и показать всем, что шериф – козел, мы должны действовать, тутти-там.

– Ты сказал, штурмовать штаб-квартиру мы не будем, – уточнил Атаниэль. – Мелкие уколы для «Ложи» – как слону дробина. Ну, убьем мы одного или двух из тех, кто мучил тебя. Ничего не изменится.

– Тутти-ту, тутти-там, – пропел альв. – Тутти-ту, тутти-ту, тутти-там.

У Иво мелькнула мысль, что Маж, и так постоянно находящийся на грани безумия, наконец совсем рехнулся. Судя по подобравшемуся элохим, у него тоже появилась эта мысль. Оказаться в одной комнате с сошедшим с ума магом невероятной силы... Да еще подключенным к хорошему источнику, находящемуся в паре километров отсюда...

Это выглядело не самой приятной перспективой.

– Друзья, тутти-ту, – начал альв, не заметив то, как отреагировали соратники на его пение. – Братишки, как сказал бы Атаниэль. Я предлагаю вам настоящее дело, тутти-там, которое заметят все и начать которое нам никто не помешает.

– Какое? – поинтересовался от кухонного стола методично работавший ножом Вереск.

– Мы захватим два источника на Васильевском острове, тутти-ту! – воскликнул Маж. – Один из них новый, возник пять лет назад, второй семь лет назад отбили у маах'керу. И там, тутти-ту, и там охранные заклинания накладывали маги, к которым я был подсоединен. Если уж кто и знает, как снять защиту с этих источников, тутти-ту, так это я!

– Я доверяю тебе, – осторожно сказал элохим. – Но что мы будем делать с этими источниками? Спрячем в карман и убежим?

Для Иво все эти разговоры об источниках были вообще китай-ской грамотой – сам он видел только один, и даже мысли о том, что их много, сотни на Петербург, казались ему странными. А о том, как их захватывать и охранять, он вообще предпочитал не говорить, чтобы не выдать собственного дремучего невежества.

– Мы поставим на них свои заклинания, тутти-ту, – небрежно ответил альв. – До вчерашнего дня я думал о захвате одного источника и его обороне до тех пор, пока окружающие «Ложу» объединения не решат вмешаться, тутти-там. Для этого, по моим прикидкам, надо было всего лишь уничтожить десять-двенадцать магов «Ложи»...

– Так просто? – усмехнулся Атаниэль.

– При продуманном плане, тутти-ту, находясь прямо в источнике, – да, – отозвался Маж. – Зная слабые места самых сильных бойцов противника, играя на их нежелании раскрывать окружающим факт потери источника...

– Я понял, Маж, понял, – элохим поморщился. – Не согласен с тем, что «десять-двенадцать магов» это «всего лишь», но продолжай.

– А вчера, тутти-ту, благодаря Иво и источнику Феофана, я понял, что с колодцами можно делать многое. Поставить на него амулет, питающийся от источника, закрыть его еще

одним амулетом, тутти-там, и спрятать там третий амулет...

– Слишком сложно, по-моему, – отозвался Вереск, заправлявший салат подсолнечным маслом из почти пустой бутылки. – Хотя ты, наверное, уже подходил к четвертому и пятому амулету, да?

– Да вы будете меня слушать или нет? – взорвался альв, взлетая на метр над столом. Опрокинутый стул с грохотом свалился на пол. – Я вам рассказываю, как можно всех победить и выиграть, а вы меня перебиваете!

Он был действительно грозен, этот маленький маг.

С виду больше похожий на худого подростка, он распространял вокруг себя атмосферу ярости и гнева, а учитывая, что ни один из трех «Святых бастардов» в магии не мог составить Мажу конкуренции, все умолкли. Иво начал просчитывать действия – опрокинуть стол, толкнуть Атаниэля вправо, перекатиться влево, отползти за стеллаж...

Хотя было понятно, что если Маж сейчас окончательно сойдет с ума, то от этой мансарды вряд ли останется хоть что-то.

– Ты опять говорил без «тутти-ту», – сказал тихо Атаниэль.

– Правда, тутти-ту? – мгновенно успокоился альв. – Наверное, тутти-там, со временем все-таки пройдет. Итак, я знаю, как сделать так, чтобы они не смогли воспользоваться своими источниками. Я знаю, кто будет пытаться снять мои заклинания, тутти-ту, какими способами, и как сделать так, чтобы это им не удалось. Нам надо быстро захватить и заблокировать два источника. У второго будем держать оборону, тутти-ту. Второй – дальний, поэтому магам «Ложи» придется тянуться за энергией за три километра, это недалеко, тутти-там, но, учитывая, что мы будем в метре от своего колодца, это даст нам некоторое преимущество.

– А что помешает им убить нас после того, как они разберутся во всем? – поинтересовался элохим. – Навалиться толпой и задавить или просто закидать гранатами? Снять из снайперской винтовки?

– После первых штурмов, тутти-ту, должны вмешаться окружающие объединения. Клань, стаи, отряды, – альв спустился, поднял упавший стул и сел на него. – Если этого не случится, нам придется прорываться с боем, и тогда я, тутти-там, с радостью рассмотрю вариант с Канадой.

– Канада отпадает, – Атаниэль встал со своего места и оперся на стол, чуть наклонившись вперед. – Вы забываете, что однажды оттуда уже выкрали Вереска, а значит, именно там у «Ложи» есть связи. Как только мы появимся в Квебеке, здесь об этом узнают. А Креон – не из тех, кто прощает. В конце концов, наши тела контрабандой доставят сюда, мумифицируют и выставят в Эрмитаже под видом фараонов... Шутка, конечно, но доля правды в ней приличная.

– Значит, чтобы вернуться в Квебек, мне нужно уничтожить «Ложу Петра и Павла»? – спокойно поинтересовался Вереск.

– Получается, тутти-ту, так, – ответил Маж.

– Значит, я за атаку.

После этих слов оборотень аккуратно поставил на стол большую миску с салатом из огурцов и помидоров.

– Я с вами, – после паузы сообщил элохим. – Не хочу в Прагу, не хочу в Харьков. Если я уеду туда, прадед никогда не скажет больше, что я полетел.

– Я в деле, – сразу после Атаниэля сказал Иво. – Вы – это единственная семья, которая у меня есть.

Через несколько секунд тишины послышался звонок телефона.

– Бах, токката и fuga ре-минор, – мгновенно среагировал Вереск.

– Атаниэль, тутти-ту, откуда у тебя телефон? – поинтересовался Маж.

Элохим с удивлением залез в карман, медленно вытащил оттуда «Эрикссон» хозяина катера и взглянул на него, как домохозяйка на дохлую мышь.

– Не отвечай! – заорал альв, но опоздал.

Атаниэль поднес трубку к уху, сказал: «Да. Да. Понял». Затем он положил телефон на стол, увеличив громкость до максимума.

– Итак, парни, у меня для вас есть новости!

– Кто это? – почти неслышно спросил альв.

– «Бесцветный», – так же тихо ответил элохим.

– Привет вам, тем, кто именует себя «Святыми бастардами», – прозвучало из динамика телефона. – Во-первых, послезавтра «Ложя Петра и Павла» собирает совет магов, так или иначе зависящих от них или же желающих с ними дружить. С вероятностью сто процентов там будет решено уничтожить вас. И с этим будут вынуждены согласиться все, а это немалая часть петербургских магов, в том числе многие объединения центра города. Во-вторых, за последние два дня на горячий телефон, чей номер выложен на сайте «Ложы», поступило двадцать восемь звонков – причем я считаю только те, которые касались вас и в которых имелась конкретная информация: где вас видели, куда вы направляетесь, как маскируетесь. Двадцать один звонок – за сегодня. Вы вообще перестали скрываться!

– Если нас так обложили, то почему еще не нашли? – удивился Вереск.

– Потому что указанный телефон получает сигнал от декадно-шаговой АТС Петроградского района, а там переткнуты пара шнурков, и обо всем первым узнавал я. Звонки в «Ложу» не прекращались, но это – «мусорные» звонки, сфабрикованные. А двадцать восемь звонков, которые дошли до меня, – это четырнадцать тысяч долларов, по пятьсот на каждого информатора, и их оплачивал лично я. Семь звонков за вчера я пережил, но сегодня вы просто обнаглели.

– Если вчера «Ложя» не получала звонков, – медленно и внятно начал Атаниэль, – то как они нашли нас на Дворцовой набережной?

Некоторое время телефон молчал, затем выдал:

– Мне нужно было убедиться, что вы еще помните о том, кто ваши враги.

– Если Троризель умрет, я убью тебя, – сообщил элохим очень спокойно.

– Об этом поговорим позже, – так же бесстрастно заметил «бесцветный». – У вас есть двое суток, после чего можете копать себе могилы. Если вы завтра совершите нападение на Одиннадцатый рavelин и взорвете его, то в ночь с завтра на послезавтра я дам вам возможность выбраться из города.

«Бастарды» переглянулись. В глазах Мажа появилось бесовское выражение, лицо, едва видимое за дымкой, исказилось в ухмылке.

– Нам нужно оружие и транспорт, тутти-ту, – заявил он. – Шесть автоматов, по пять рожков на каждый, четыре пистолета с четырьмя обоймами к каждому, ящик гранат, тутти-там, бронежилеты, взрывчатка, еще кое-что. Микроавтобус с номерами, видя которые милиция будет отворачиваться.

– С ума сошел? – одними губами спросил Вереск. – Одиннадцатый рavelин?

Маж покачал головой – нет, мол.

– И еще, тутти-ту, нужен отвлекающий маневр. Чтобы кто-то оттянул на себя часть сил «Ложы» в то время, которое мы, тутти-там, укажем.

– Когда? – поинтересовался Наблюдатель.

Он, похоже, был согласен со всеми условиями.

– Оружие и микроавтобус – завтра утром, – встрял в разговор Атаниэль. – Отвлекающий маневр – в течение десяти минут после звонка.

На этот раз «бесцветный» некоторое время молчал.

Наконец он сказал:

– Сим-карту из телефона уничтожьте сразу после разговора, в течение часа вам принесут новую и зарядку для телефона, он должен быть всегда включен. Вы просите многого и должны понимать, что за подобные услуги вам придется заплатить, причем немало. Конец связи, ломайте сим-карту, только запомните вначале мой номер.

– Мне кажется, это бесчестно, – высказался Вереск. – Он дает оружие для подрыва Одиннадцатого рavelина, а не на захват источников.

– Если бы он узнал про источники, тутти-ту, он бы одобрил, – заявил Маж. – Но ему нельзя доверять.

– Он вчера подставил нас под «Ложу», – согласился Атаниэль. – Может и завтра подставить. Я согласен с Мажем – надо брать оружие и микроавтобус и пользоваться ситуацией. Если «бесцветный» еще и организует отвлекающий маневр, вообще чудесно. А за Трора я его рано или поздно убью.

– Маж, мы готовы завтра атаковать источники? – поинтересовался Иво.

Альв с ответом не торопился и заговорил только через минуту:

– Мы никогда не будем готовы в полной мере, тутти-ту. Но если мы собирались драться с тем, что есть, то глупо отказываться от штурма, имея значительно больше, тутти-там. Вереск, ты умеешь стрелять из автомата?

– Я учился этому, – ответил оборотень. – А вчера я даже убил одного дейвона, правда из пистолета.

Глава 19

Александр находился в верхнем зале Одиннадцатого равелина.

Прозрачным здесь было все, кроме несущих конструкций, – и пол, сквозь который можно наблюдать заседания совета магов «Ложы», и стены, дающие возможность видеть потрясающую панораму Петербурга, и купол потолка. Отсюда было видно многое, но сюда заглянуть могли лишь избранные.

Креон сделал это помещение своим кабинетом, но проект когда-то довольно давно делал Александр, и теперь он просто стоял и наслаждался видом вечернего города.

– Александр? – в зал вошла Настя. – Как Анна?

Анна еще спала. И должна была спать еще долго, в лучшем случае месяца полтора, о худшем верог предпочитал не думать. Он знал, что Настя спрашивает скорее по привычке – у нее не было особой привязанности к родителям, как, впрочем, и у большинства вампиров. Да и сам начальник службы безопасности «Ложы Петра и Павла» относился к дочери довольно холодно. Если он кого и любил, то только Анну, да и то, по меркам торопливых и переменчивых теплокровных, это была скорее привязанность или симпатия.

– Спит, – ответил он после паузы. – Почему сорвалась операция на набережной?

– Меня отстранили, всем занимались дейвона, – Настя выглядела довольной и не понимала, что провал ее противников внутри «Ложы» – это провал, бьющий по всему объединению.

– Больше тебя никто не сможет отстранить, – холодно проинформировал Александр насторожившуюся дочь. – С этого момента тыходишь в группу быстрого реагирования, но как рядовой боец.

– Нет, отец! – возмущенно вскинулась Настя. – Я же маг, один из лучших, я хороший тактик, ты сам говорил это!

– Успокойся, – он не повысил голоса, но она понурилась, чувствуя, что ничего не изменить. – Тебя прокачал Рамаажиэни, поэтому ты сильный маг. Но опыта у тебя маловато, и ты совершаешь ошибки. Полгода рядовым бойцом – на мой взгляд, отличная практика. Вернешься к истокам, к тому, с чего начинала шестнадцать лет назад.

Настя кивнула.

– А теперь иди.

Дождавшись, пока она выйдет, Александр подошел к массивному дубовому столу и приоткрыл одну из лежавших на столешнице картонных папок.

На первой странице было напечатано:

«Верриан Лакост, Квебек, Канада».

Вампир перевернул страницу.

«Рамаажиэни Тиноаиск, Севастополь, Петербург».

Далее.

«Атаниэль, он же Антон Глазурин, Петербург».

Перевернул следующую.

«Иво Грабин, Петербург».

Александр хмыкнул.

Он мог использовать этих мальчишек, имел «крючок» для каждого из них. Мог перевербовать поодиночке, всех, кроме Рамаажизни, а потом направить против собственных врагов.

Это была бы интересная работа, мальчишки оказались очень удачливыми.

И Александр даже испытывал легкую досаду, что ситуация требовала их смерти.

Надо было как можно быстрее уничтожить их, а затем перейти к проблеме номер два, к Креону, который несколько заигрался и допустил такое.

«Ложе» необходим новый руководитель.

Сразу после того как курьер принес сим-карту, замаскированный до полной неузнаваемости Вереск ушел в вечерний город искать заказанные Мажем вещи – кости, кожу, чурбаки дерева разных пород и что-то еще, о чем альв сказал оборотню на ухо.

Где он найдет все это в незнакомом городе, Иво не представлял, но Атаниэль дал оборотню адреса нескольких Часовщиков и гарантировал, что они за приличные деньги добудут для него что угодно в один момент.

Маж настоятельно попросил не беспокоить его, закрылся занавесками в отсеке около входа в квартиру и что-то там делал.

А Атаниэль затеял обучать Иво стрельбе из пистолета. Он снял длинную столешницу с кухонного стола, нарисовал на ней найденным на одном из стеллажей черным маркером человекоподобную фигуру, затем начал прибивать этот стенд к стене неподалеку от двери.

– Было время, мы часто выпивали в квартире у Трориэля, – сказал элохим, заколачивая гвозди. – Мы слушали громкую музыку, орали, топали, под разные игры двигали мебель – силы достаточно, квартиру никто особо не жалел. Соседи, честно скажу, были не в восторге. Они вызывали милицию, звонили в дверь, жаловались. И кто-то из нашей компании притащил простое, но очень эффективное заклинание – «тихий омут». Действует только в помещении, внутри ты все отлично слышишь, а снаружи такое ощущение, что за стеной или дверью гробовая тишина. Мага этим обмануть практически невозможно, зато остальных – вполне. После этого проблемы Трориэля с соседями прекратились, и мы могли слушать свою музыку и развлекаться как угодно долго.

– И даже выстрелов никто не услышит? – уточнил Иво.

– Если за стеной не будет мага, который поймет, что наша мансарда – под заклинанием, то – не услышат, – подтвердил Атаниэль. – Итак, у нас есть пистолет «Когти гнева», он же – переделанный Часовщиками под большой магазин пистолет Макарова. Также есть несколько обойм. Вначале я показываю, как перезаряжается пистолет, как его собирать и разбирать. Ты повторяешь мои действия, привыкая к оружию и усваивая, как в нем все работает. Затем переходим к распространенным стойкам, их преимуществам в разных ситуациях, к стрельбе стоя, присев, на ходу, лежа и навскидку. После этого – стрельба с левой руки. Вначале работа над ошибками после каждого выстрела, затем – после серий. Возражения по регламенту есть?

– Нет, – мотнул головой Иво. – А ты служил в армии?

– Нет, меня отмазали, – честно ответил Атаниэль. – Хотя я и пытался туда попасть. Но прадед решил, что я и так убогонький, и нечего меня еще и армией калечить. Если честно, именно после этого я и пустился в самые рискованные предприятия. Итак, смотри...

За следующие двадцать минут Иво научился разбирать и собирать пистолет. Четкости движений, как у Атаниэля, он добиться не смог, но, во всяком случае, делал все то же самое – взять, вытащить обойму, снять с предохранителя, проверить отсутствие патрона в патроннике, сдвинуть спусковую скобу, снять затвор, снять пружину, вернуть скобу, затем надеть пружину на ствол, скоба, затвор и обойма.

– Доступно? – спросил Атаниэль после нескольких циклов, которые Иво проделал без подсказок.

– Примитивно, – согласился ученик.

– Тем и хорош, – подтвердил элохим.

Дальше Иво пришлось выслушать длинную лекцию о том, когда лучше стрелять с вытянутой руки, когда – с полусогнутой, как фиксировать пистолет в любой позиции, как двигаться, держа оружие перед собой, – оказалось, что есть правила на все случаи жизни.

Как бегать, куда смотреть, как падать, когда в твоей руке пис-толет.

– Я не запомню, – признался через полчаса запутавшийся Иво.

– Потом вспомнишь, – ответил Атаниэль. – А что-то заново изобретешь, если подольше походишь с этой штукой. Ладно, переходим к стрельбе. Меться в торс, шанс попасть значительно выше, чем в голову.

Уши заткнули берушами, сделанными из нашедшегося на стеллаже гигантского старого ластика. Первая пуля попала ровно в центр груди нарисованной фигуры. Вторая – тоже. И третья.

После четвертого выстрела из своего закутка вышел альв. Он высказал друзьям все, что он о них думает, и потребовал, чтобы перед каждым выстрелом Иво орал: «Стреляю!»

Быстро выяснилось, что с десяти метров Иво легко попадает в копеечную монетку. Эвакуировав Мажа из его кабинета за спину стрелку, Атаниэль потребовал, чтобы воспитанник слэш стрелял, принимая положение лежа, затем сидя, затем стоя, и все это без остановки.

Результаты ухудшились, но не сильно – Иво стабильно клал пули рядом друг с другом.

– У нас в команде появился стрелок, тутти-ту? – усмехнулся Маж. – Атаниэль, он стреляет лучше тебя?

– Лучше, – признал элохим. – Ему хотя бы пару месяцев в хорошем учебном лагере... А потом снайпером в любую горячую точку, с командой, ориентированной на него.

Иво рассмеялся. Ему было лестно, что он стреляет лучше, чем куда более опытный элохим.

– Но одного его убьют моментально, – добавил Атаниэль после паузы. – Опыта нет, страха нет, и, если верить Григорию Пахомовичу, организм истощен.

– А одного мы его и не оставим, тутти-ту, – сказал Маж. – Если вы закончили со стрельбой, то я займусь куда более важными делами, тутти-там, от которых зависит сама возможность нашего завтрашнего предприятия.

– Вообще-то надо бы еще... – протянул элохим. – Но ты прав, клянусь Семью, парень прирожденный стрелок, и учить его – только портить.

Остаток вечера Атаниэль учил Иво пользоваться энергией собственной ауры, объяснял, как воздействовать «длинной рукой» на движущиеся предметы, как использовать окружающую обстановку в своих целях, как накладывать «отвод глаз».

– Вторым Мажем за один вечер, а скорее всего, и за всю жизнь, ты не станешь, – сказал он, – но в большинстве случаев это и не нужно. Самые сильные маги редко дерутся друг с другом, обычно они предпочитают договариваться или интриговать. Очень могучих чародеев часто убивают куда более слабые или люди, которые вообще не знают о существовании заклинаний.

Твой противник пошатнулся? Толкни его «длинной рукой». Ты видишь, что он собирается кинуть в тебя что-то сложное и смертоносное? Первым ударь его «огнями Архангела Михаила». Но это только если у тебя в руках нет пистолета или кончились патроны, – потому что состязаться в скорости наложения заклинаний с магами «Люжи» способен только Маж.

В бою нет запрещенных приемов, ты можешь ударить противника в пах или выдавить ему глаз. Но мне, к примеру, ты вряд ли сможешь нанести достаточно болезненный удар в промежность. И выколоть глаза альву, который этого не хочет, тоже вряд ли получится – они мастерски владеют иллюзиями.

Поэтому старайся держать противника на расстоянии, стреляй, контролируй количество патронов, если надо перезарядиться – кричи мне, Вереску или Мажу, мы прикроем. Если помощь нужна – проси сразу, не тяни. Если просят – помогай, не откладывая на секунду, думая, что вот сейчас выстрелишь, а потом поможешь.

– Ты часто участвовал в боях? – поинтересовался Иво.

Элохим встал, включил свет на кухне – общего уже не хватало, за окном стемнело.

– Нет, – честно признался он. – Но года три назад я, на правах сына полка, прибил к команде, которая занималась контрабандой. Мы возили лекарства, оружие и технику туда, куда их было ввозить нельзя. Именно боев – не было, но раз шесть случались перестрелки, однажды я попал в плен и два месяца просидел в яме, несколько раз приходилось уходить от погони, сбрасывая груз. Компания у меня была из обычных людей, и они даже не подозревали, что я элохим. А я им, естественно, не признавался. После последнего раза я вышел из дела с пятьюдесятью тысячами долларов и двумя сломанными ребрами.

– Наверное, это очень интересно? – Иво взглянул в глаза собеседнику.

– Это постоянные грязь, страх, появляется привычка не доверять никому. За год с небольшим выяснилось, что у нас в команде один хорват стучал своим старым друзьям-ушатам, нашим прямым конкурентам. И еще был грек, который скрывал ото всех, что колется, а потом в опасный момент чуть не провалил операцию, потому что не запасся заранее опиумом и впал в истерику при прохождении таможни. Хотя как раз тогда мы шли пустыми, а груз перетаскивали через считающийся непроходимым перевал нанятые нами баски. Но если бы нас тщательно пробили по всем базам, выяснилось бы много интересного.

– Какая насыщенная у тебя жизнь, – удивился Иво. – А почему ты не рассказывал об этом?

– Если рассказать все, что я пережил за последние лет пять, – усмехнулся Атаниэль, – то наберется на трехтомный приключенческий роман. Я искал клады, исследовал подводные пещеры, восходил на самые высокие пики планеты. Занимался контрабандой, участвовал в подпольных гонках, как-то раз полтора месяца прожил в публичном доме, со сломанной ногой, без документов, и точно зная, что если меня поймают полиция, то условным сроком я не отделаюсь.

– Классно, – Иво был заворожен историей Атаниэля.

– Было бы классно, если бы я умел летать, – грустно ответил элохим и уткнулся в чашку с чаем.

Иво понял, что продолжения не будет, сходил в душ, быстро перекусил холодными хинкали, постоял рядом с занавеской, отгораживавшей «кабинет» Мажа – оттуда доносились непонятные ритмичные шорохи. Наверняка альв работал и не обрадовался бы, если бы его отвлекли.

Спать не хотелось, хотя состояние было сонное и маетное. Два раза Иво ложился и вновь вставал, чтобы выпить еще чашку чая, сидя рядом с уставившимся в одну точку Атаниэлем.

А потом пришел Вереск, притащил громадный рюкзак и две большие спортивные сумки, набитые до отказа. Из рюкзака торчали текстолитовые полосы, из одной сумки капало на пол что-то красное.

– Убил двух радиоинженеров, – прокомментировал Атаниэль, вроде бы слегка отошедший от своей тоски. – Тела порезал и сунул в сумки, а платы спрятал в рюкзак.

– Почти, – хрипло отозвался оборотень, он выглядел очень уставшим. – Отдайте это Мажу, я сполоснусь и спать. – Он поставил сумки и скинул рюкзак, глухо стукнувший о паркет. – Во сколько подъем?

– Если раньше десяти утра, то я убью ту мелкую сволочь, которая попробует меня разбудить, – громко заявил элохим, глядя на занавеску, отделявшую основную часть мансарды от импровизированной комнаты Мажа.

– Подъем, тутти-ту, в одиннадцать! – крикнул альв. – Вереск, ты все принес?

– Некоторых вещей найти не удалось, брал самое близкое, что можно было достать, –

ответил оборотень.

Он скинул кроссовки и поплелся в душ.

Иво взял сумки – тяжеленные, килограммов по двадцать пять в каждой – и, сдвинув занавеску, внес их к Мажу. Альв сидел в кресле, наклонившись вперед, и водил деревянным жезлом над оранжевым огоньком стоявшей на столе свечи.

– Ставь на пол, тутти-ту, я разберусь, – велел он.

– Хорошо, – Иво опустил сумки на пол.

Уже выходя, он уловил какое-то странное движение сзади, но, резко обернувшись, увидел альва в той же позе и занимающегося тем же самым.

Следом за Иво к альву зашел Атаниэль, притащивший рюкзак. Ему тоже было интересно, что делает друг, и вышел он через пару секунд с разочарованным лицом – ничего эдакого Маж не совершал.

Спросить Вереска о том, что он купил, не удалось – выйдя из душа, оборотень, как зомби, прошел к своему диванчику и, даже не задергивая занавеску, лег спать.

Атаниэль спросил у него, остались ли деньги, на что Вереск ответил: «Семьдесят долларов», – и засопел, проваливаясь в сон.

– Мы снова нищие, – констатировал элохим.

Впрочем, нельзя было сказать, что он сильно разочарован этим фактом.

Иво посмотрел на спящего оборотня и пошел к себе. Задернул занавеску между стеллажами, положил «цветок» под подушку и довольно быстро уснул.

Санктпитербурх стал выше и красивее.

Там, где раньше стояли деревянные двухэтажные дома, сейчас красовались каменные, подходы к самым видным зданиям вымостили булыжником, а по деревянным тротуарам можно было ходить, не рискуя провалиться по колено в грязь, хотя дождь начался давно и зарядил надолго.

Еремей, кутаясь в тяжелый, подбитый куньим мехом плащ, постучал в маленькую дверцу черного хода в красивом высоком доме.

Бывший крепостной, бывший беглый и бывший свободный мужик вспомнил, как когда-то пешком шел в этот город в первый раз и как девятнадцать лет назад уехал отсюда в Верхотурский уезд, помогать Никите Демидовичу осваивать уральские земли под молотовые и чугунные заводы.

Житье на Урале сделало из беспокойного и неуверенного мужика сильного и властного человека.

Оборотни, или, как они называли себя – маах'керу, оказались меньшей из всех проблем. После первых стычек и долгих переговоров они стали верными союзниками, куда более надежными, чем иные люди.

Но учитывая, что источники в этом краю последнее время появлялись куда чаще, чем исчезали, проблем возникало все больше. Плохо было с местными дейвона, приходилось объясняться и с кровососами-верог, а однажды Еремея заразили чем-то слаш, и в обычное время-то малопонятные, а тогда, в дни всеобщего мора, вообще дикие и странные. От гадости той Еремей едва оклемался, лечили его и льдом, и жаром, и кровь выпускали так, что едва в жилах что прощупывалось.

Никита, по первости хаявший и Еремея, и Феофана, постепенно понял ценность нового человека, и последние годы жизни при посторонних величал его Еремеем Васильевичем, хотя в личной беседе мог и «Еремкой» тыкнуть.

Именно Еремей присоветовал Никите Демидовичу выписать из Швеции и Санктпитербурха болотников, или, как их уже начал называть и он сам, Часовщиков. Невысокие лопухие человечки чувствовали и металл, и как с ним обращаться, легко могли скопировать немецкие ружья и разные вещицы, на чем сошлись с Никитой, который и сам был мастером изрядным.

Никита Акинфеев, пожалованный царем наследным дворянством и фамилией Демидов,

ненадолго пережил своего благодетеля, Петра Алексеевича, – а сын Никиты, Акинфий, всегда с большим интересом прислушивался к Часовщикам, чем к Еремею. Едва отец умер, он начал потихоньку отодвигать Еремея в сторону, а все его дела сдавать обрусевшему шведскому Часовщику Прохору, среди родни звавшемуся Роп-Рохом.

И уже не Еремей ездил на Алтай, не он разбирался с пришлыми джинна, не он накладывал заклинания на новый источник в Невьянске. Постепенно он отошел от демидовских дел, организовал свой орден человеческих магов – «Седой Урал», и уж там развернулся, благо все, видящие сквозь Пелену, знали его хорошо, кто-то ценил, а кто-то и боялся.

Старший сын, Демид, прижитый от девки Прасковьи, поморозившейся по глупости в тысяча семьсот двадцать четвертом году от Рождества Христова, обладал магическим даром, многое умел и был готов перенять власть из отцовых рук, если Круг Старших ордена согласится назначить его на эту должность.

А вот младший, Никита, законный, таланта к магии не перенял, и это сильно беспокоило Еремея. Он уже совсем решил отойти от дел и отправить младшего в Санкт-Петербург, в семинарию, под крыло к старику Феофану, с которым поддерживал хоть и редкую, но искреннюю переписку, когда пришло письмо из столицы. Прибыло оно якобы от дьяка Семенова с предложением прибыть в Санкт-Петербург и ознакомиться с завещанием умершего в первой декаде сентября Феофана Прокоповича.

Письмо было писано рукой Феофана, в этом Еремей не сомневался. Оставив вечно хворую жену Настасью с сыновьями в Невьянске, он спешно отбыл в столицу.

И не узнал город, который оставлял почти тридцать лет назад. Тогда это была одна сплошная стройка, грязь и роскошь в нем соседствовали друг с другом, сейчас же это была полная лоска европейская столица.

Еремей еще подумал, что и он, и Санкт-Петербург переменялись одинаково – выросли и заматерели, поднявшись из грязи. И вот он стоял перед дверью дома, соседствующего с указанным в письме, – шифр был прост, но никто, кроме Еремея и Феофана, не понял бы, что если в предыдущей фразе есть отрицание, то адрес смещать вперед, а если подтверждение – то назад.

Наконец дверь приоткрылась, в проеме стоял сам Феофан. Был он взерошен и неряшлив, сильно отличаясь от того блистательного клирика, каким его помнил Еремей.

– Проходи, – буркнул Прокопович. – Плащ кидай на пол, дев-ки почистят и высушат.

Прихожая в людской была тесной и невысокой, зато секретный кабинет, куда вела особая дверь, оказался велик и роскошен.

Окон в нем не имелось, еще две двери были заколочены – старик явно кого-то боялся. Здесь было множество книг, разложенных по стеллажам, рабочему столу, и даже на полу валялись сомкнутые или распахнутые тома. Часть на славянском, часть по-иностранным, а какие-то и чистые, с отдельными фразами или заполненными наполовину страницами. Везде были перья – отточенные, ступившиеся или еще не знавшие лезвия ножа.

– Садись, – велел Феофан, указывая на низенький пуфик для ног. – При Петре не успел я очистить землю Российскую от нелюди, а при Анне Иоанновне слишком круто взял, от меня свои же отступились, Маркелка, собакин сын, за добро гнусней змеи подколотной отплатил! Ладно, не о том говорю...

– Что за слух о смерти твоей? – спросил Еремей, показывая, что он уже не беглец от крепости, а человек, твердо стоящий на земле и имеющий свое мнение.

– Уже и похоронили, – усмехнулся Феофан. – Пусть пока делят мое наследство, мне надо истинные ценности передать в надежные руки.

Тяжелое предчувствие посетило Еремея.

И действительно, Прокопович уверенно ткнул пальцем ему в грудь:

– Ты возьмешь на себя мою ношу. И когда придет смертный час, передашь ее дальше.

– Почему я, почему не кто-то из близких твоих?

– Нет у меня близких, – отмел Феофан. – Или предатели, или мелкие людишки,

которые за свою-то жизнь ответить боятся, а моя ноша их раздавит в одночасье. Я следил за тобой, попов везде хватает, и доносы безграмотные на тебя читал, и целые эпистолярии. Ты – нужный мне человек. Ты сохранишь мою библиотеку, мои записки и мой источник, сохранишь и передашь в целости, а там, когда-нибудь, они послужат тому, чтобы очистить православную Русь от всей нелюди, которая здесь живет.

Еремею были знакомы такие слова, но чаще слышал он их от людей молодых и малограмотных, едва научившихся видеть сквозь Пелену, но уже решивших, что могут все.

Однако когда подобное говорил человек не только пожилой, но еще и считающийся одним из самых грамотных и разумных мужей по всей Руси, а то и за ее пределами, Еремея пробирало хо-лодом.

– Я знаюсь с нелюдью, есть у меня знакомцы и среди оборотней, и среди Часовщиков, – сказал он неторопливо, в то же время подбирая слова для отказа.

– Предали тебя твои Часовщики, – усмехнулся Феофан. – В глаза улыбались, а Демидовых к рукам прибрали. Маах'керу ты даром не нужен. Пока рядом и порядок блюдешь, ты им выгоден, а исчезнешь или ослабнешь – сожрут все, до чего дотянутся. Они ж звери, для них один закон – кто сильнее, тот и прав. Отказать мне ты не сможешь, старый должок на тебе. Сохрани и передай в поколениях мое наследство, чтобы, когда придет час восстать и скинуть нелюдь в море, наследникам было на что опереться.

– Я отказываюсь, – Еремей, кряхтя, поднялся с пуфика. – У меня жена, дети...

– Сядь, – властно приказал старик, и Еремей не смог противиться, бухнулся обратно на пуфик. – Откажешься – прокляну, и тебя, и семя твое. На сыновьях род пресечется. Хочешь того?

В том, что Феофан сможет наложить на него сильное проклятие, Еремей не сомневался, но если бы дело касалось только его, то пошел бы на это легко – столько раз приходилось ему проходить на грани со смертью, что и не счесть по пальцам, разом больше, разом меньше – какая разница?

Но рисковать детьми он не мог.

– Чего ты хочешь? – спросил Еремей.

– Только чтобы ты сохранил знания и источник, коим я тайно ото всех пользуюсь, для следующих поколений, – ответил Феофан. – Они будут умнее, я в этом уверен. Они нас рассудят.

Около шести часов утра посреди мансарды, в которой спали Иво, Вереск и Атаниэль, из воздуха возник плотный улыбающийся человек в черном приталенном балахоне с толстой, шевелящейся золотой цепью на шее. Застежка цепи была выполнена в виде головы змеи, кусающей себя за хвост.

Человек появился внезапно, провел в помещении не больше минуты и исчез так же неожиданно, и все время улыбался. Но за это недолгое время он успел сделать нечто такое, что непонятным образом отразилось в бормотании работающего в своем закутке Маж:

– Как же, тутти-ту, запустить регенерацию? Должен, тутти-там, быть способ... А если, тутти-ту?.. А тутти-там?.. Ой! Что, тутти-ту, я сделал? Как это, тутти-там? Сидеть! Сидеть, тутти-ту! Не падай! Тутти-там, что я сделал-то? Ого! Аккуратнее! Упрямая тварь, тутти-ту! Как я запустил механизм регенерации, тутти-ту? Я гений, тутти-там! Но как я это сделал?

Иво проснулся в половине двенадцатого дня от крайне неприятного запаха, совмещающего в себе вонь гнилого мяса, дыма и дешевого освежителя воздуха, который усиливал остальные запахи, а не забивал их.

Все уже были на ногах. По кухне вокруг стола с гигантской картой центра Петербурга ходил Атаниэль, не отрывая телефонную трубку от уха. Вереск возился со щенком и выглядел спокойным и вполне довольным жизнью – во всяком случае, выпавшимся и отдохнувшим.

Маж этой ночью явно не спал.

Он негромко, но беспрестанно напевал «Тутти-ту, тутти-там», иногда даже начинал пританцовывать.

– Иво, тутти-ту, хочешь, тутти-там, посмотреть на настоящую магию, тутти-ту? – поинтересовался он, остановив идущего из ванной друга.

– Можно, – с опаской согласился воспитанник слаш.

Альв кивнул в сторону своего огороженного стеллажами угла. Приоткрыв занавеску, Иво увидел сказочный беспорядок в закутке. Стена и пол были изрисованы маркерами – круги, треугольники, звезды были вписаны друг в друга или пересекались, повсюду валялись огарки свечей, несколько пакетов с кусками костей и мяса, стружки и куски неких непонятных материалов.

На диванчике, отведенном для Мажа, сидел некто, смутно похожий то ли на самого альва, то ли на подростка, но этот некто напоминал скорее манекен. Лицо фигуры было вылеплено из кусков мяса и обтянуто тонкой полиэтиленовой пленкой. На месте глаз зияли провалы, в глубине которых едва угадывались зрачки, в выдвинутой вперед пасти, за тонкими свиными губами, скрывались свиные же челюсти. Там, где у кабана находился бы пятачок, красовалось нечто бесформенное. Одето существо было в старую футболку и рваные штаны Атаниэля.

– Тутти-ту, – невнятно прохрипела фигура. – Тутти-там.

– Это, тутти-ту, Доппельгангер, – с гордостью заявил Маж. – Он плохо ходит, тутти-там, у меня возникла проблема с суставами, тутти-ту, но именно он, тутти-там, позволит нам, тутти-ту, обыграть «Ложу», тутти-там, на их собственном, тутти-ту, поле!

Иво внимательнее взглянул на альва. Маленький маг выглядел нервным и возбужденным, он пританцовывал на месте и заглядывал в глаза собеседнику, явно ожидая похвалы.

– Просто потрясающе, – тактично отметил Иво. – Никогда не видел ничего подобного!

Маж расхохотался, и в его хриплом смехе отчетливо проявились нотки безумия.

– Тутти-там, – каркнул Доппельгангер и, неуверенно покачнувшись, добавил: – Тутти-ту!

Отвернувшись от этого тягостного зрелища, Иво уткнулся в Атаниэля.

– Через двадцать минут общий сбор и выход, – сообщил элохим. – Завтракать не будем, каждый возьмет по паре шоколадных батончиков и по бутылке воды. Ты вообще как?

– Да вроде нормально, – ответил Иво.

– Ломки нет? – уточнил Атаниэль. – Голова чистая? Руки-ноги двигаются?

– Все хорошо, – уверенным тоном ответил воспитанник слаш. – Чувствую себя превосходно, выспался, отдохнул, готов к любым испытаниям.

– Ну и отлично, – элохим развернулся, вынул вибрирующий телефон из кармана и сказал в него: – Подтверждаю, через двадцать минут.

Иво, подняв с пола красный маркер, прошел к себе, неуверенно взглянул на вчерашние носки, подумал мгновение, вздохнул и достал из тумбочки новую пару. Вынул из-под подушки «цветок», завернул его в старую газету, найденную на стеллаже, маркером написал на ней «Собственность Григория Пахомовича». Фамилии врача-сатра, Алексия Дмитриевича, который был настоящим хозяином целебного предмета, он не помнил.

Сверток Иво сунул во внутренний карман замшевой куртки.

– Видел «это»? – поинтересовался Вереск, заглядывая к Иво.

Из рук оборотня пытался вырваться Гавкинг.

О том, что за «это», можно было не спрашивать – выделения голосом оказалось достаточно, чтобы понять, что молодой маах'керу имеет в виду Доппельгангера.

– Видел, – кивнул Иво.

– Маж сказал, что после моих слов согласился, что куча амулетов – это слишком сложно, – сообщил Вереск. – И вместо них создал эту тварь.

– Ну, создал и создал, – пожал плечами Иво. – Что такого?

– Мне страшно рядом с «этим», – признался оборотень. – Я и забыл, что ты ничего не

боишься. Атаниэля тварь тоже пугает, но он старше и говорит, что успел за свою жизнь повидать и не такое. Оно слишком похоже на нас и при этом совершенно другое. Знал бы, не тащил бы вчера домой разделанную тушу свиньи. Видел его ноги?

– Нет, Доппельгангер при мне был в брюках, – ответил воспитанник слаш.

– Это Атаниэль Мажа заставил одеть тварь. Тонкие, как паучьи, два сустава в каждой, и скрипят, когда она ходит, так мерзко!

Оборотень судорожно поглаживал Гавкинга, не обращая внимания на почти истерические попытки щенка вырваться. Иво в первый раз видел Вереска в таком напряженном состоянии. Его надо было обязательно успокоить, но как это сделать, он не знал.

– Доппельгангер – жуткая штука, – согласился воспитанник слаш. – Но это наша штука, которая должна помочь против «Ложи Петра и Павла». Ну, не раскисай, подумай – что бы сказал твой отец, если бы увидел тебя в таком состоянии?

Оборотень задумался, а потом внезапно усмехнулся:

– По рассказам мамы, отец никогда и ничего не боялся, а если ему было действительно страшно, он сжимал зубы и преодолевал страх. Ты прав, в конце концов, эта... этот Доппельгангер – всего лишь живой амулет, оружие. Голем. Я слышал про подобных, хотя именно с таким никто из моих знакомых не сталкивался. И если бы у Мажа было больше времени, он бы сделал его куда менее жутким. Он сам сказал, что его бесит то, что он не успел поработать с внешним видом твари. Да, ты прав.

Он вышел, явно воспрянув духом. Иво, когда начинал говорить об отце, совсем забыл о том, что Вереск рос без отца, но получилось неплохо.

Вспомнился Эддинг, вечная его пиала с коньяком... Вот кто совершенно не думал ни о страхе, ни о брезгливости. С тех пор как Иво вышел из своего старого дома, оставляя там тело слаш, он многое узнал о «черных». И про то, что они занимались некромантией, и про их привычку к одиночеству. Сны с Еремеем дали еще кое-какую информацию – слаш чаще всего оставались спокойными соседями, и если не лезть к ним, то проблем не доставляли, но иногда они словно сходили с ума, и тогда находиться неподалеку от них было крайне рискованно.

Так почему же Эддинг спас ему жизнь? Почему не отдал в приют? Отчего подарил ему книгу Феофана Прокоповича – вещь безумно дорогую, продав которую слаш мог бы не один год пить коньяк, не вставая со своей табуретки? Был ли он, Иво, «игрушкой», как прямо сказал слаш-координатор? Вряд ли. Может, его и впрямь изучали?

Возможно. Но тогда опять же непонятно, почему ему отдали книгу.

Сам Эддинг фолиантом воспользоваться не мог. У него наверняка имелись причины не продавать книгу, это Иво мог понять – владея опасным оружием, которое ты не можешь применить, продавать его на сторону крайне неосмотрительно.

Но он отдал книгу ему, Иво. Книгу, которую создал Феофан – наверное, говорить, что Прокопович ее «написал», все же неверно, раз фолиант стал чем-то большим, чем просто текстом под обложкой.

Феофан, ненавидевший альвов, элохим, Часовщиков и всех остальных уроженцев гостевых сфер, передал книгу Еремее, вынудив того стать хранителем своего наследства.

Как книга оказалась у Эддинга? Почему он отдал ее ему, Иво?

Воспитанник слаш снял фолиант с полки стеллажа, легко раскрыл ее в середине и прочитал:

«Многое из того, что происходит, имеет в своей основе не случай, а долгую и умелую работу, и чем более искусен тот, кто планирует, тем более похоже происходящее на случай».

Иво расхохотался. Книга Феофана просто взяла и сформулировала мысль, которая билась у него в голове.

– Ну, спасибо, – улыбаясь, сказал он. – Что бы я без тебя делал!

Закрыв том и тут же раскрыл его в другом месте:

«В изведанном мире нет ничего такого, без чего нельзя было бы прожить, однако

многие вещи делают твое существование более комфортным и интересным».

В комнату заглянул Атаниэль, кинул на кровать около Иво кобуру с какими-то ремнями, аккуратно положил рядом пистолет и заявил:

– Собирайся, выезжаем.

Едва выйдя из своего закутка, Иво увидел Доппельгангера и его создателя: голем слепо тыкался в стеллаж и при этом прихрамывал на обе ноги, в то время как Маж натягивал кроссовки.

– Ох, тутти-ту, отольется им сегодня моя кровушка, тутти-там, – напевно заявил альв.

Входная дверь была открыта, в нее вошел Вереск, взял две сумки, стоявшие у порога, и выскочил. Иво подобрал оставшийся одинокий рюкзак и вышел следом.

На улице, подъехав так, что боковая дверь оказалась прямо у подъезда, стоял красивый бело-оранжевый микроавтобус с надписью «Разминирование». За погрузкой следил пожилой мужчина в военной форме.

– Только сильно не разбейте, – умоляюще сказал он, глянув на Иво. – Ну, чтобы хотя бы геометрию не повело.

– Постараемся, – ответил воспитанник слаш, хотя смысл просьбы от него ускользнул.

– Я же сказал, вернем в лучшем виде! – донесся из салона голос Атаниэля. – Если вообще вернем.

– Я так и понял, – грустно сказал военный, еще постоял немного, но, заметив выводимого Мажем Доппельгангера, быстро развернулся и пошел прочь.

Что именно он увидел за искажающей реальность Пеленой, Иво не знал, но военный явно не хотел иметь с этим дела.

Из салона выпрыгнул Атаниэль, довольно потер руки:

– Первую часть обещанного «бесцветный» выполнил, на такой машине нас в любое место пропустят. Правда, хороша она до первого столкновения, потом становится сущим кошмаром – слишком приметна. Оружием весь салон набит, в основном новье, причем половиной я пользоваться не умею, но то, что знаю – вещи проверенные и хорошие.

– Все равно, тутти-ту, я ему не верю, тутти-там, – заметил альв, помогая Доппельгангеру забраться в салон микроавтобуса.

Тварь лезла вперед, спотыкаясь, но настойчиво. Наконец она кое-как преодолела пару ступенек и тут же устроилась на ближайшем кресле, торжествующе прокряхтев:

– Тутти-ту!

– Молчи уж, тутти-там, – проворчал Маж. – Недоделок, тутти-ту.

– Итак, – негромко начал Атаниэль, убедившись, что Маж, Иво и Вереск слушают его. – Сейчас мы едем на Васильевский остров. Мне доставило немало хлопот убедить нашего благодетеля, что операцию по нападению на Одиннадцатый равелин начинать нужно оттуда, но в итоге он согласился. Там мы встаем около Смоленского братского кладбища «Остров декабристов» – место проверенное, спокойное, никого заинтересовать мы там не можем. В то же время до источника в другой части кладбища – недалеко.

Основу плана мы с Мажем оговорили сегодня утром, там обсудим детали. Затем сделаем звонок «бесцветному», он организует отвлекающий маневр у источника в районе строительства «Петров-ского форта» – суть он нам рассказывать отказался, но после этого все внимание «Ложь Петра и Павла» должно быть приковано к тому месту. По его плану, мы после этого должны напасть на Одиннадцатый равелин. Даже с учетом отвлекающего маневра, подобный поступок – чистое самоубийство.

Поэтому мы, как и договаривались ранее, захватываем источник на Смоленском кладбище, благо поставленные на него заклинания Маж знает назубок и может снять за несколько минут. Затем он ставит свои заклинания, мы короткой дорогой возвращаемся к машине и едем ко второму источнику, и там уже начинаем шуметь. Основание второго колодца расположено в подвале двухэтажного дома, дом стоит чуть наособицу, защищать его – одно удовольствие, атаковать – совсем другое. К сожалению, никто из нас там не был, поэтому точного плана действий нет. Разбираться будем на месте. Ваши мнения?

– Как оттуда выбираться будем, если что? – поинтересовался Вереск.

– У нас есть взрывчатка, – ответил Атаниэль. – Я поставлю закладки в паре мест неподалеку, заминирую само здание, в котором находится источник. В нужный момент взрываем дальние закладки, под шумок прыгаем в машину, это «Мерседес Виано», бронированный, с пятилитровым дизелем. Как только отъедем, взорвем само здание. Шанс уйти есть, но я бы на это сильно не рассчитывал.

– Куда поедет оттуда, если все-таки выберемся? – спросил Иво.

– Бросим машину в паре кварталов от дома и будем уходить парами, – вздохнул Атаниэль. – Вчетвером шансов вообще нет. Но если честно, то так далеко я даже загадывать боюсь. Я рассчитываю, что мы сможем спровоцировать всех на нападение на «Ложу».

Элохим не видел, но за его спиной Маж злобно усмехнулся, и в этом оскале Иво четко прочитал – альв не рассчитывал на чью-то поддержку. Он явно собирался ввязаться в бой и по возможности отомстить тем, кто издевался над ним долгие восемь лет, а что будет потом, считал несущественным.

Вереска, также заметившего гримасу альва, передернуло. Хотя, возможно, оборотень просто еще раз бросил слишком пристальный взгляд на созданную альвом тварь.

– Я в деле, – мрачно сказал Иво.

Он и сам не мог до конца объяснить, зачем лезет во все это, почему не пытается отговорить элохим от самоубийственной атаки. Логика, заменяющая ему страх, вопила о том, что этот корабль тонет и все крысы давно уже плывут к берегу.

– Я тоже, – согласился Вереск.

– У меня никогда в жизни не было таких друзей, – тихо сказал Атаниэль. – И, думаю, никогда больше не будет. Прошу об одном – берегите друг друга, я очень хочу, чтобы сегодняшний день мы пережили без потерь. Все, по коням!

Глава 20

Этот кабинет более походил на коридор – два метра шириной и с десятков длиной, и он заставлял любого посетителя некоторое время идти, чтобы просто добраться до сидевшего за столом хозяина. Сероглазый – рука «действующих» – знал, что в стенах есть ловушки, и пройти коридор от начала до конца может только Наблюдатель из ордена Изумрудных Крыльев, причем только тот, кого здесь ждали.

И хотя ему вроде бы нечего было бояться, он все равно внутри трепетал.

Магистр ордена Изумрудных Крыльев Санкт-Петербурга не озабочился приветствиями, он заговорил сразу же, едва сероглазый остановился у стола, и заговорил спокойно, безо всяких признаков эмоций:

– Ты увяз в этом деле по уши. Ты был уверен, что используешь их, а теперь выясняется, что это они используют тебя.

Рука «действующих» стоял, понутив голову.

Он не собирался прекращать операцию, несмотря на то что «Святые бастарды» на ходу перекроили утвержденный план. Но ему нужна была поддержка магистра – в противном случае, если операция провалится, все могло закончиться изгнанием или вообще ритуальной казнью.

– Если они захватят хотя бы один источник, мы сможем представить ситуацию в самом выгодном для нас свете, – ответил сероглазый. – А если они захватят два источника, хотя бы даже и ненадолго, у многих в городе возникнет сомнение в том, что «Ложка Петра и Павла» так уж хорошо защищает свои владения.

– «Ложка Петра и Павла» – это не причина, а следствие, – укоряюще произнес магистр. – Мы легко могли бы с ними договориться, если бы не Желтое Око. Именно они выживают нас из города.

– С помощью «Ложки», – парировал рука «действующих».

– Ты идешь очень длинным путем, но, во всяком случае, не бездействуешь. Я оставляю

эту операцию на твое усмотрение, но по-старайся не оставлять явных следов. Ваш командор надолго остается в Амстердаме, и сегодня у тебя есть шанс встать на его место. Или перестать быть даже тем, кем ты сейчас являешься... если все пойдет не в нужную для нас сторону.

– Я понял.

– Тогда иди.

Сероглазый коротко поклонился и пошел к выходу.

Он знал, что не все выходят из кабинета после подобных разговоров.

Рука «действующих» разочаровал магистра, когда сообщил ему о том, что внедренный в «Мерседес» «жучок» передал разговор «Бастардов», и неожиданно выяснилось, что цель их – источники, а не Одиннадцатый равелин.

Однако он дошел до двери, легким движением руки распахнул ее и очутился в коридоре. Он не только остался жив, но еще и продолжал свою работу. Это оказалось большой удачей для него и для четверых дерзких мальчишек, которым сегодня было суждено умереть.

Умереть в любом случае, потому что сероглазый действительно увяз. Он слишком много с ними общался, и оставлять в живых эту безумную, но удачливую четверку смысла не было.

Впрочем, пока что рука «действующих» еще раз обдумывал отвлекающий маневр с нападением на строителей «Петровского форта», который даст «Бастардам» хорошую фору для начала операции.

Двадцать «коричневых», из них трое наемников-профессионалов, остальные мелкие уголовники, а еще около полусотни дворняг, которых выпустят на территорию голодными и разозленными. После звонка от начальника охраны стройки – обычного человека – начальство «Ложи» просто обязано будет решить, что им мстят маах'керу. То, что это провокация, выяснится быстро, но цели маневр, скорее всего, достигнет.

Атаниэль вел машину, Вереск сидел рядом с ним, а Иво, Маж и его голем находились в салоне микроавтобуса, соседствуя с несколькими ящиками, набитыми оружием и взрывчаткой. По стенам были развешены бронежилеты, каски, «разгрузки».

– Зачем нам нужен Доппельгангер? – поинтересовался Иво.

Тварь его особо не беспокоила, но от нее пахло сырым мясом, и выглядела она действительно неприглядно.

– Он, тутти-ту, замкнет на меня второй источник, тутти-там, – ответил Маж. – И все, тутти-ту, кто будет, тутти-там, качать из него энергию, тутти-ту, будут делать это через него, тутти-там. А он, тутти-ту, передаст эту энергию, тутти-там, мне.

– Ты говоришь «тутти-ту – тутти-там» беспрестанно, – сообщил Иво.

– Я, тутти-ту, знаю, – усмехнулся Маж. – Устал, тутти-там, как собака, тутти-ту. Но это, тутти-там, уже ненадолго, тутти-ту.

Иво понял, что альв считает себя смертником. А если погибнет Маж, то и всем остальным останется недолго.

– Тутти-ту, – прохрипел Доппельгангер.

– Внимания, тутти-ту, требует, – усмехнулся Маж. – Доппельгангер, тутти-ту, сейчас живет, тутти-там, за счет моей энергии, тутти-ту. И так будет, тутти-там, пока я не замкну его на источник, тутти-ту.

– Как это все действует? – решил уточнить Иво, хотя от певучих присказок альва у него уже начинала болеть голова.

– Ритуальная магия, тутти-ту, – пояснил Маж. – Когда хотят кого-то убить, тутти-там, делают фигурку, тутти-ту, с односторонней связью, тутти-там, и через нее, тутти-ту, убивают. Я сделал, тутти-ту, Доппельгангера с обратной связью, тутти-там. Когда у него мало энергии, тутти-ту, он сосет ее у меня, тутти-там. Когда много, тутти-ту, отдает излишки мне, тутти-там. Если члены «Ложи», тутти-ту, будут брать энергию, тутти-там, через

источник, тутти-ту, который я заблокирую Доппельгангером, тутти-там, им придется, тутти-ту, стараться лучше, тутти-там. Потому что, тутти-ту, они будут качать энергию, тутти-там, и для меня, тутти-ту, и для него, тутти-там. Это, тутти-ту, заклинание на основе «посредника», тутти-там, с помощью которого, тутти-ту, они восемь лет издевались надо мной, тутти-там.

– По-моему, это слишком сложно, – осторожно сказал Иво.

В этот момент микроавтобус резко затормозил, и непристегнутый Доппельгангер свалился с сиденья, уткнувшись свиным рылом в сидевшего напротив Иво. Маж небрежно дернул свое создание за футболку, и оно вновь оказалось на месте. Альв вытянул ремень и пристегнул Доппельгангера.

– Не дрова, тутти-ту, везете! – крикнул он Атаниэлю, проигнорировав слова Иво.

– Да подрезали нас! – проорал в ответ элохим. – Знали бы они, сколько у нас в салоне взрывчатки!

Пока Доппельгангер был около коленей Иво, воспитанник слэш успел увидеть его морду вблизи – и удивился тому, что теперь она выглядит не так страшно. Поверх мяса появился тонкий, почти прозрачный слой кожи.

– У него морда заживает, – кивнул на тварь Иво.

– Да, тутти-ту, за мой счет, – проворчал в ответ Маж. – Первый блин, тутти-там, регенерация. Если честно, тутти-ту, сам не пойму, тутти-там, как смог. Только что не получалось, тутти-ту, и вдруг, тутти-там, пошел процесс. Сегодня я бы, тутти-ту, совсем по-другому все делал, тутти-там. А знал бы ты, тутти-ту, как я его оживлял, тутти-там, всплакнул бы, наверное.

За затемненными окнами проносился город.

Насколько Иво понял по отрывочным фразам элохим, ехали они по маршруту, оговоренному с «бесцветным». Вереск негромко рассказывал Атаниэлю, как хорошо летом в Квебеке, какие там леса, запахи, как прекрасно дурачиться, кувыркаясь в траве. Элохим на это вполне резонно отвечал, что это в любом лесу хорошо, и под Питером есть такие места, что просто загляденье, а если взять среднюю полосу, а еще лучше – Южную Сибирь, так и вообще места можно найти потрясающие.

– Тутти-ту, тутти-там, – время от времени хрипел Доппельгангер.

Причем каждый раз это у него получалось все более и более отчетливо, начали проявляться интонации. Один раз Иво даже показалось, что тварь урчит эту немудреную фразу с удовлетворением.

– Приехали, – сообщил, наконец, Атаниэль.

Иво распахнул дверь и увидел знакомые места – отсюда, если по прямой, можно минут за десять дойти до их с Эддингом дома. Вот только возвращаться туда не хотелось. Всего несколько дней прошло с того момента, как он вышел из барака, оставив позади тело приемного отца, но словно целая жизнь прошла за эти долгие, насыщенные июльские дни.

Микроавтобус стоял на парковке около одноэтажного длинного дома, на котором висела табличка «Прием по общим вопросам с понедельника по пятницу, с 10.00 до 16.00, перерыв на обед с 12.00 до 13.30».

– Что это за здание? – поинтересовался Иво у Атаниэля, который успел обойти морду машины вокруг.

– А Семь его знают, – ответил элохим небрежно. – Важно то, что в выходные здесь есть только сторож, который спит или смотрит телевизор, а парковка скрыта от дороги забором. Мальчишки, бывает, бегают, но Маж обещал прикрыть машину от них.

– Обещал, тутти-ту, – сделаю, тутти-там, – ответил альв, вылезая из салона.

Вслед за ним, не сказать, что ловко, но уже без помощи создателя, выбрался Доппельгангер. На свету стало видно, что морда его более не нуждается в полиэтилене, которым альв стянул куски мяса. Маж сдернул пленку небрежным жестом. Свиная челюсть чуть втянулась в череп, розовато-серая кожа обтягивала морду, все больше походившую на лицо.

– Жрать, тутти-ту, – каркнул Доппельгангер.

– Это остаточное, тутти-там, – уверил Маж пораженных друзей. – Он своего разума иметь не должен, тутти-ту, если не считать полутора килограммов свиных мозгов, тутти-там, в оргалитовой коробке в голове.

Но, едва сказав это, альв вдруг замер, а затем подошел к собственному детищу вплотную и начал разглядывать его глаза.

– Но я, тутти-ту, до конца не уверен, тутти-там, – сказал он. – В любом случае, тутти-ту, это не имеет значения.

Собравшись около машины, несколько раз проговорили план действий.

Первый источник находился на православном кладбище, в двухстах метрах от часовни Ксении Блаженной. По случаю воскресенья на кладбище наверняка было много людей, как тех, кто пришел загадать желание к часовне, так и родственников похороненных.

Между Мажем и Атаниэлем разгорелся спор по поводу Доппельгангера. Альв настаивал на том, чтобы взять его с собой, хотя и признавал, что делать тому около первого источника нечего. Элохим же не понимал, зачем рисковать, тащить с собой неуклюжую тварь.

– Ладно, тутти-ту, оставим, тутти-там, – согласился, наконец, Маж, и было видно, что решением этим он крайне недоволен.

Первыми вперед должны были пойти Вереск и Иво, как наименее привлекающие внимание. Рядом с ними, чуть позади, под иллюзией, двинется альв. А в полутора десятках метров сзади, ссутулившись, чтобы так уж сильно не выделяться, их будет прикрывать Атаниэль.

У всех, кроме Мажа, было по пистолету. Автоматы и бронежилеты в этот раз решили не брать – все решала скорость, и в случае серьезного столкновения в первую очередь рассматривался вариант бегства, а не схватки.

– Начинаем, – сказал Атаниэль в мобильник и тут же сбросил, не желая ввязываться в разговор с «бесцветным».

– Сейчас где-то проведут отвлекающий маневр? – уточнил Вереск.

Он был спокоен, а так как Доппельгангера оставили в машине, то даже почти счастлив.

– Где-то, тутти-ту, что-то да начнется, тутти-там, – философски ответил Маж.

Смоленское кладбище занимало большую территорию на Васильевском острове и было разбито на несколько частей – в том числе православную и лютеранскую. Иво жил рядом с лютеранской частью, а источник находился с другой стороны реки Смоленки – в православной.

Как и было оговорено заранее, друзья перешли речку по мосту и проследовали к входу на православное кладбище.

Иво время от времени оглядывался – людей вокруг было немало, но никто не обращал на них внимания. Один раз мелькнул впереди Часовщик, но воспитанник слэш не успел даже понять, женщина это или мужчина – так далеко и на такое короткое время показался «желтый».

Вошли в ворота, Вереск уверенно шел вперед, ему хватило одного взгляда на карту, чтобы точно знать, куда идти. Иво бы еще раз десять сверился, и то не был бы до конца уверен, а канадец пер, не сбавляя шага, словно поставленная маркером на карте точка притягивала его к себе.

По мере отдаления от основной аллеи кладбища, ведущей к – часовне Ксении Блаженной, людей вокруг становилось все – меньше.

– Как думаешь, источник точно не охраняется? – поинтересовался Иво у оборотня.

– В живом стороже нет никакого смысла, – ответил Вереск. – На колодцах обычно стоит серьезное заклинание, а то и не одно, и пока кто-то будет пытаться их взломать, хозяева успеют приехать и покарать наглеца. А если кто-то может быстро и легко снять заклинание такого уровня, значит, ему и на охрану плевать – сметет, не задумываясь. Где-то здесь должно быть.

Вокруг теснились могилки, часть – ухоженные, со скамеечками, с рюмками, печеньем и

конфетками у обелисков или крестов. На другие же, видимо, давно никто не заглядывал – там памятники покосились, иногда не было даже ограды.

Из посетителей Иво увидел только пожилую даму в платке и длинном платье, стоявшую на коленях около креста метрах в сорока от него.

– Левее, тутти-гу, – пропел невидимый альв.

В той стороне кладбище заканчивалось, там были липы и ивы, а чуть дальше – невидимая пока Смоленка.

Иво шагнул в указанном направлении и тут же увидел беловатый столб источника. Согласно плану, он не стал подходить туда. Повернулся к источнику спиной, присел на колено, достал пистолет, убедился, что патрон находится в патроннике, снял с предохранителя и осмотрелся.

Теперь его задачей – так же как и задачей Вереска и Атаниэля – становилось прикрытие Мажа. Еще у машины тот, не вдаваясь в подробности, объяснил, что заклинание на источник накладывал Локка ди Вери, молодой джинна, ставший сильным магом за счет «посредника»-альва.

Маж чувствовал это заклинание, знал его наизусть и собирался сыграть на этом, быстро сняв плетение джинна и поставив вместо него свое.

Коленопреклоненная женщина встала и направилась к Иво.

Воспитанник слаш не собирался убивать или калечить ни в чем не повинную даму, но и позволить ей приблизиться к Мажу было нельзя. Так что он спрятал руку с пистолетом в широкий карман куртки и встал в полный рост.

– Ой! – испугалась женщина. – Что вы здесь делаете?

– Обеспечиваю безопасность, – честно ответил Иво.

Его слова еще больше испугали даму, она, не пытаясь расспрашивать далее, сделала шаг назад, еще один, затем развернулась и неловко побежала прочь, чуть приподняв подол платья руками.

– К нам едут, – вышел из кустов Атаниэль. – Вереску я уже сказал, Мажа отвлекать не стал. У нас есть минут пять точно, скорее даже семь, и очень маловероятно, что десять.

– «Бесцветный» звонил? – уточнил Иво, дождался кивка и вновь присел на колено, достав пистолет из кармана.

Обернувшись, он обнаружил, что Атаниэля рядом уже нет. Сколько времени Маж будет снимать заклинание? Он говорил, что это несложно для него, – но насколько несложно? А как долго он будет ставить свое заклинание? И не снимут ли его члены «Лужи» за пару минут?

Оставалось только надеяться, что альв был действительно таким сильным магом, каким считал себя. Проверить это как-то или опровергнуть у Иво не было ни единого шанса. Хотя – если посмотреть на Доппельгангера – Маж мог действительно немало. Да, он сам не до конца понимал, что сделал, но его творение ходило, разговаривало и даже могло регенерировать.

Секунды текли, выстраиваясь в минуты, солнце то выглядывало из-за туч, и тогда Иво становилось жарко, то пряталось вновь, и тогда он вздрагивал от внезапного холода.

Издалека донесся вой сирен – почти наверняка под их аккомпанемент приближались хозяева источника. Вдалеке, среди могил, Иво увидел движение – кто-то следил за ними, но, видимо, не собирался нападать, ожидая, пока подойдут основные силы.

Воспитанник слаш осторожно, не отводя глаз от места, где видел движение, сменил опорную ногу и чуть покачался, убеждаясь, что ничего не затекло. Когда рядом раздался шорох, Иво мгновенно перекатился вправо, выставив перед собой пистолет.

В паре метров от него стоял Атаниэль.

– Уходим, Маж справился, – сказал элохим. – Я видел троих, но они не решатся нападать. Главное, сам не подставляйся.

Иво, пригибаясь и то и дело оглядываясь, побежал за Атаниэлем. Метров через двадцать он в последний момент понял, что впереди – начало склона, ведущего к воде. Лишь

чудом удержался от того, чтобы не кувыркнуться вниз.

Маж ждал на другом берегу, в его руке был черный жезл, которым он сосредоточенно качал в такт прыжкам Вереска по воде. Едва оборотень оказался на другой стороне, в воду шагнул Атаниэль – и тоже не провалился. Создалось ощущение, что он прыгает с камня на камень, хотя ничего подобного в реке не было.

Переход речки занял несколько секунд. Едва элохим вышел на берег, Иво прыгнул вперед, почти без удивления отметив, что вода его держит и даже пружинит.

Маж взмахивал жезлом каждый раз, когда нога воспитанника слэш касалась воды. Судя по виду альва, заклинание это давалось ему легко, хотя выглядело необычным и сложным. Вверху, среди кустов, уже сидел Вереск, выставив перед собой пистолет. К нему карабкался Атаниэль.

Как только Иво поднялся на высокий берег, он также обернулся и выставил перед собой оружие. И тут же заметил движение в кустах на противоположном берегу реки. Альв еще не успел подняться вверх и был отличной мишенью, поэтому воспитанник слэш, не раздумывая, выстрелил.

В то же мгновение началась пальба – словно бы нажав на спусковой крючок, Иво сдвинул рубильник в положение «бой».

Он дважды успел пальнуть, причем один раз точно попал, прежде чем расслышал рев Атаниэля:

– Не тупи! Уходим! Не тупи!

Сколько раз элохим успел повторить эту фразу, прежде чем воспитанник слэш ее услышал, было неизвестно, но понятно, что говорил он ее не впервые.

Они пробежали едва сотню метров, как открылась парковка с их «Мерседесом». Машина была уже заведена, когда Атаниэль подбежал к ней и открыл водительскую дверь. Иво это сильно удивило, и он, едва впрыгнув в начавший двигаться микроавтобус, спросил у альва:

– Кто завел машину?

– Автозапуск, тутти-ту, – прохрипел пристегнутый на дальнем сиденье Доппельгангер.

– Я понял! Он считывает мои мысли! – радостно воскликнул альв. – По сути – он ведь часть меня, просто вынесенная наружу!

– Ты перестал петь «тутти-ту – тутти-там», – заметил Иво.

– Голова другим занята, – отмахнулся альв. – То есть ритм внутри есть, но он словно отошел на задний план, дальше, чем обычно. Иво, ты не представляешь, как мне не хватало в последние недели этого дикого напряжения!

Маж выглядел ужасно. Даже сквозь дымку было понятно, что он осунулся и словно уменьшился, но при этом казался довольным и даже, пожалуй, счастливым.

Иво удивился – это в последнее время не хватало напряжения? Хотя, возможно, альв имел в виду что-то свое, связанное со сложными магическими задачами.

Машина тем временем неслась по улице, включив сирену, а на затонированных стеклах отражались блики включенных проблесковых маячков.

– Ты сделал все как надо? – спросил Иво.

– С источником? – уточнил Маж. – Даже лучше, чем надо. Я фактически не снимал заклинания Локки, оно слишком сложное, я бы долго возился. Просто поправил пару мест так, что даже сам автор не сразу обнаружит подвох, и наложил сверху свое заклинание, вообще топорная работа, чтобы всерьез не воспринимали. Сейчас никто не может пользоваться этим источником, а когда снимут мою поделку, то возникнет впечатление, что все как раньше.

– А на самом деле?

– А на самом деле источник будет выдавать им часть энергии, а остаток накапливать в этом заклинании, делая его все более и более мощным до определенного предела, – Маж злобно расхохотался. – Во время магического боя они будут постоянно тянуться к нему, и в определенный момент – бах! – и вся накопленная энергия высвободится!

– И что произойдет?

– Не знаю, – помрачнел Маж. – Но должно произойти что-то неприятное. В лучшем случае – с теми, кто качает энергию из колодца, в худшем – с самим источником.

– А когда это случится? – уточнил Иво, подозревая уже ответ.

– Наверное, скоро, – неуверенно ответил альв. – Ну что ты пристал! Я такую вещь сделал, подобного наверняка никто и никогда еще не пробовал! Я изменил чужое, серьезное, сложное заклинание так, как это было нужно мне, и уверен, что это доставит массу проблем нашим врагам!

– Мы их всех порвем, тутти-ту, – хрипло и радостно добавил Доппельгангер.

– Надеюсь, – осторожно согласился Иво, присматриваясь к едва видимому в полумраке салона голему.

Возможно, это было всего лишь игрой света и тени, но теперь физиономия Доппельгангера очень походила на человеческую – ну, или альвовскую, при такой грубой компоновке черт разница стиралась. Свиное рыло явно разделилось на нос и рот, круглые глазки сверкали вполне осмысленно. Злости в них не было, только радость и предвкушение чего-то.

Сидевший напротив Иво Маж задумался, и Доппельгангер позади своего создателя мгновенно повторил изменения в позе альва, уселся совершенно так же и даже подпер рукой подбородок.

– Вот скотина! – выругался элохим. – Я же с мигалкой!

– В Канаде ты обязан убедиться в безопасности маневра, – хладнокровно заметил Вереск.

– Слава Семи, мы не в Канаде, – отозвался Атаниэль. – Иво, подай мне автомат, я его к окну приложу, чтобы соседи перестали баловаться. А то и дам пару очередей в воздух.

По тону элохим было понятно, что это шутка.

А еще через минуту микроавтобус накренился, а затем, резко взвизгнув тормозами, остановился.

– Пять минут на отдых и обсуждение, затем разведка и штурм, – заявил, потягиваясь на сиденье, Атаниэль. – Кстати, для сидящих на галерке. Пока мы сюда ехали, я видел два набитых бойцами автобуса ОМОНа. Они ехали явно к источнику на Смоленском кладбище.

– Значит, скоро вернутся, – заметил Маж. – Мы-то уже здесь.

– Они могли ехать туда, где «бесцветный» устроил отвлекающий маневр, – добавил Вереск.

– Я бы не стал на это рассчитывать, – вклинился в разговор Иво.

Они вышли из машины, оставив в ней только Доппельгангера.

Микроавтобус стоял в тихом дворике, вокруг которого, словно удав, обернулся трехэтажный старый дом, оставив одну арку для выезда. Внутри этого «кольца» торчало кирпичное сооружение высотой метров семь.

– Что это? – спросил Вереск.

– Водонапорная башня старая, – пояснил Иво. – Тут таких по острову штук десять, если не больше.

На втором этаже дома открылось окно, и из него выглянула ветхая, лет под девяносто, старушка, которая негромко, но за счет хорошей акустики внятно спросила:

– А что, у нас бомбу нашли?

Иво мельком взглянул на кузов с надписью «Разминирование» и ответил:

– Покурить заехали, чтобы народ не пугать.

– А я как раз и испугалась, – призналась бабка и, втянувшись в окно, закрыла створки.

Быстро обсудили план действий и в процессе обсуждения рассмотрели распечатанную фотографию дома, в котором находился источник, найденную Атаниэлем на каком-то сайте.

С виду это был обычный особнячок конца восемнадцатого или начала девятнадцатого века, без изысков. Судя по фото, стоял он и впрямь отдельно от других зданий, в небольшом сквере.

Вереск залез в салон, а через минуту оттуда выпрыгнул большой серо-черный пес, который, не оглядываясь, быстро побежал к арке.

– Одеваемся, собираемся, – скомандовал Атаниэль. – Иво, ты у нас стрелок, возьми «сто третий» «АК», машинка новая, сам я с ними пока не сталкивался, но, по отзывам, очень приятная. Вообще считается, что их только на экспорт гонят, а нашим вроде как не положено.

Он запрыгнул в салон, порылся в ящиках, затем позвал к себе Иво. Воспитанник слась не заставил себя долго ждать. Внутри ему пришлось снять куртку, после чего на него были надеты бронежилет, «разгрузочная» жилетка, каска.

– Гранаты не даю, – сказал элохим. – Было бы у нас хотя бы полчаса на тренировку... А так слишком велик шанс, что подорвешь себя и нас, или перекрытие обрушишь, или еще что-нибудь натворишь.

Также Иво получил штык-нож, фонарик и восемь магазинов к «АК». Элохим скороговоркой пояснил, что нужно для того, чтобы стрелять одиночными, как ставится отсечка на три патрона и на длинные очереди.

– Все понятно?

– Вроде да, – ответил Иво.

К своему автомату Атаниэль примкнул подствольный гранатомет и повесил на «разгрузку» десяток разноцветных гранат. Он все брал и брал из ящиков что-то, постепенно становясь похожим на гигантского Винни Пуха в стиле «милитари».

Маж в углу тихо переговаривался с Доппельгангером.

– Надень бронежилет и каску, – потребовал Атаниэль.

– К черту, – небрежно отмахнулся Маж. – Они будут сковывать движения, скорость важнее.

– Время мы тебе обеспечим. Надень, я не отстану.

Альв покачал головой, но согласился. Ни одного подходящего по размеру бронека не нашлось, поэтому маленький маг стал напоминать пугало в бронежилете.

В кабину забрался Вереск и, не стесняясь присутствующих, перекинулся из пса в человека.

– В общем, так, – начал канадец. – Снаружи охраны нет, на двери обычная сигнализация. Здание принадлежит какой-то компании, внутри на первом этаже спит сторож, обычный человек вроде бы. Форточка в его комнате открыта, если меня в облике волкодава подсадить, я туда легко залезу.

– Туда надо мне, – небрежно отмахнулся альв. – Я смогу быстро и эффективно допросить человека, убедить его сотрудничать. Мы снимем дом с сигнализации и впустим вас.

Иво ощутил сочувствие к незнакомому сторожу.

Наверняка тот не знал, что дом, равно как и, скорее всего, сама компания, находившаяся в нем, принадлежат «Луже Петра и Павла». Вряд ли Маж собирался просто разговаривать с человеком – наверняка он уже придумал какие-то болезненные или неприятные способы быстренько разговорить его.

– Подъедем вплотную, я сам открою шпингалет, – решил наконец Атаниэль. – Если форточка открыта, значит, сигнализация с большой вероятностью стоит только на двери. Осмотрим здание, перетащим внутрь оружие и взрывчатку, если будет возможность, я сделаю пару закладок – заминирую старый автомобиль и сарайчик неподалеку, потом отгоню микроавтобус в сторону. Далее все по плану – Маж занимается источником, Иво и Вереск сидят сверху с автоматами, я занимаюсь связью и помогаю там, где нужен.

– Тутти-ту? – заинтересованно спросил Доппельгангер.

– Ты со мной, – ласково произнес Маж и погладил лысую голову голема.

Тварь довольно заурчала.

Вереск к этому времени уже успел одеться, не забыв про бронежилет, «разгрузку» и каску. Иво с завистью посмотрел, как оборотень набирает себе гранаты – элохим ничего не

сказал, видимо, по этому вопросу у него уже состоялся разговор с канадцем.

– Поехали, – Атаниэль хлопнул раскрытой ладонью по спинке ближайшего кресла. – И пусть Семеро сегодня смотрят на нас.

Вереск на этот раз остался в салоне, вместе с Мажем, Иво и Доппельгангером. Машина заурчала и мягко тронулась, разворачиваясь вокруг старинной водонапорной башни.

На этот раз ехали недолго – буквально через минуту машина остановилась. Выскочив из салона первым, Иво увидел дом, который им предстояло вначале захватить, а затем оборонять.

В этом месте Васильевского он никогда не был, но понял, что они находятся где-то в юго-западной части острова. Вдалеке, между домов, виднелась труба какого-то судна.

Здание, метров двадцати длиной, выглядело словно утопленным в квартал. Улица с редкими проезжающими автомобилями находилась в полсотне метров, с двух сторон от дома, окруженного аккуратными кустами и редкими деревьями, стояли такие же невысокие постройки – каждая на расстоянии трех десятков шагов.

Атаниэль решительно прошел вдоль окон, выбрал одно, мотнул кистью, затем словно дернул на себя – створки распахнулись, и внутрь ловко забрался вначале альв, а затем элохим. Вереск и Иво наблюдали снаружи, готовые в любой момент прикрыть друзей или кинуться им на подмогу.

Редкие прохожие шли вдалеке и особо не присматривались к тому, что происходило около окруженного кустами домика.

Через минуту открылась входная дверь, и выглянувший из нее Атаниэль махнул рукой друзьям. Вышел Маж, приоткрыл дверцу микроавтобуса, влез туда и, отцепив ремень безопасности, хотел было помочь Доппельгангеру выбраться наружу, однако голем уже не нуждался в его помощи.

Нескладная фигура легко, словно танцуя, спрыгнула с подножки, и при свете дня стало видно, что Доппельгангер, благодаря заложенной в него Мажем программе или чему-то другому, изменился к лучшему. Морда стала лицом с массивным коротким носом и сильно выдвинутой вперед челюстью.

Глаза смотрели вполне разумно и выглядели почти человеческими, разве что зрачки почти полностью занимали радужку. Руки, лицо, шея – все это было теперь не кое-как состыкованными кусками мяса на оргалитовой основе, а нормальными частями тела с розовато-серой, плотной на вид кожей.

– Тутти-там, работа? – поинтересовался Доппельгангер у своего создателя.

– Да, идем, – сказал альв, недоверчиво глядя на голема.

Времени на анализ перемен в его облике и поведении не было. Иво и Вереск перетаскивали коробки и амуницию из машины в темный коридор здания, сваливая там как придется, стараясь резко не отпускать ящики с патронами, гранатами и взрывчаткой. Атаниэль вначале отложил кое-что себе, а затем стоял около кабины, скрытый ею от дороги, и наблюдал за улицей.

Человек и оборотень управились меньше чем за пять минут.

– Вереск, оборудуй себе и Иво на крыше гнезда, – скомандовал элохим. – Я отгоню машину и поставлю пару сюрпризов.

Воспитанник слаш прикрыл дверь и последовал за оборотнем, который двинулся вглубь здания. За ближайшей дверью обнаружилась неожиданно широкая и светлая лестница, ведущая наверх.

– Что со сторожем? – поинтересовался Иво.

– Он абсолютно пьян, я его на всякий случай связал телефонным шнуром, – ответил канадец. – Иво, только если меня убьют, позаботься о Гавкинге, хорошо?

– Хорошо, – кивнул Иво.

Со второго этажа к потолку и лазу на чердак вела ржавая железная лестница. Вереск ловко вскарабкался по ней и застрял на пару минут, пытаясь сладить с замком.

– Ржавый, сволочь, – пожаловался он сверху. – Может, взорвать его?

– И сразу привлечь внимание? – сказал Иво. – Дай я попробую.

Но Вереск лишь помотал головой. Прошло еще не меньше двух минут, прежде чем оборотень справился с замком. Он передал его вниз, и Иво аккуратно положил замок и дужку на пол.

Чердак был пыльный и грязный, в дальнем углу светил выходящий из пола источник. На полу среди керамзита валялись старые шины, автомобильные диски, сломанные столы и стулья.

Вереск ловко вылез через ближайшее окошко, легко выдавив деревянные створки. Воспитанник слэш последовал за ним. Вид открылся приятный – на крыши, деревья, несколько кораблей вдали и какую-то верфь совсем далеко, за Невой.

Еще дальше и левее виднелся купол Исаакиевского собора.

– Так умирать не хочется, – вдруг произнес Вереск. – Вот вроде бы уже сто раз для себя все решил: и что не могу вас одних оставить, и что все равно мне деваться некуда. А как подумаю, что через час или полтора меня не будет, так сразу руки опускаются.

– Хочешь – уходи, – предложил Иво. – Пока еще есть время. У нас вроде никто насильно держать не будет.

– А как вы без меня? – невесело усмехнулся оборотень. – Одного жаль – пожить не успел. Вам-то проще, вы уже совсем взрослые.

Иво рассмеялся. Это он-то, в свои неполных семнадцать, взрослый? Вереск вначале обиженно надулся, но потом робко улыбнулся и вдруг тоже расхохотался в голос.

Они стояли на крыше и от души ржали.

– Это истерика, – отсмеявшись, сказал Вереск. – От нервного напряжения.

Парни осмотрели пологую двускатную крышу с оцинковкой. По периметру шла невысокая, меньше полуметра, металлическая оградка. Два окошка выходили в одну сторону, два – в другую, в центре стояла покосившаяся двухметровая антенна.

– Я не знаю, что здесь можно сделать, – признался Вереск. – И не представляю, про какие «гнезда» говорил Атаниэль.

Иво спустился на чердак, обошел там все, затем вернулся и предложил:

– Давай устроимся у окошек, с двух сторон.

Вереск подумал и согласился. Так они могли видеть все, что происходило вокруг, но рядом со зданием оставалась небольшая «мертвая зона».

Оборотень и человек успели устроиться и обложить свои «гнезда» досками и покрывками, когда на чердак вылез Атаниэль, бодрый и очень довольный.

– Маж увяз в своих магических экзерсисах, – ехидно сообщил он. – С Доппельгангером что-то не то, не по его расчетам. Звонил «бесцветный», нас здесь пока не ищут, «Ложа Петра и Павла» сделала из центра города одну большую пробку, ловят нас на мостах. О захвате первого источника кто-то выложил материал в Интернете. Если бы «Ложа» не поторопилась с попыткой нас поймать, никто бы не поверил, а так все выглядит натурально. Александр, верог, пообещал за голову любого из нас пятьдесят тысяч евро. Креон все еще за городом, этого мне не понять, ну да нашим легче, чтоб ему Семеро задницу на голову натянули!

– То есть пока мы в безопасности? – уточнил Иво.

– Пока Маж не разобрался с Доппельгангером и не начал снимать с источника защитные заклинания – да, – подтвердил Атаниэль. – Ну что? Я вижу, вы неплохо поработали! Только надо убрать часть хлама – он вас не защищает, под таким углом вас разве что с вертолета зацепить можно, а обзор закрывает. Давайте, братишки, сейчас вас дядя Тан плохому научит!

В руке у него была черная пластиковая коробка – на ней рядом расположились скрытые под стеклянными колпачками переключатели.

Иво догадался – с помощью этой штуки Атаниэль будет взрывать свои «закладки».

Глава 21

За угловым столиком в «Астории», спиной к стене, сидел высокий седой старик – таким его увидел бы любой, кто не может смотреть сквозь Пелену. Но те, для кого это заклинание, некогда наложенное сильнейшими магами мира, не является преградой, увидели бы на месте этого человека одного из самых влиятельных и могущественных существ Петербурга – элохим Интраэля.

– Подойди уж, – сказал старик, отодвигая тарелку с так и не тронутым куском мяса.

К столику шагнул стоявший чуть в стороне молодой «белый», ростом под два с половиной метра, еще и широкий в плечах, с гигантскими крыльями за спиной.

– Интраэль, есть новости об Атаниэле и его приятелях, – тихо произнес молодой. – Они захватили источник «Ложи» на Смоленском кладбище и исчезли. Многие кланы города получили электронные письма с описанием акции и обещанием, что этим дело не кончится. Подручные Креона ищут Атаниэля и его приятелей по всему городу.

– Кто-то использует нашего мальчика, – так же тихо отозвался Интраэль. – Кто-то, кто может позволить себе играть с ними против «Ложи».

– Мы будем заявлять, что не связаны с Атаниэлем? – поинтересовался молодой элохим. – Александр ждет этого, не так давно в нашем офисе был принят звонок от него.

Интраэль хмыкнул, затем подвинул к себе тарелку и с энтузиазмом отрезал кусочек не до конца прожаренного мяса. Из-под острого, точно бритва, ножа вытекло немного сока.

Пару минут элохим жевал, словно рядом никого не было, будто никто не ждал ответа. За окном жила Исаакиевская площадь, гуляли люди, ездили автомобили. Детали менялись часто, каждые десять – пятнадцать лет, но суть оставалась неизменной с тех пор, как здесь построили первую церковь.

Интраэль вспомнил венчание Петра и Екатерины, чуть ли не лет триста назад это случилось, красивое зрелище, а сам он тогда был молод и горяч, и когда на него давили, не испытывал судьбу, выжидая, что же будет дальше.

– Александр хитрый лис, но здесь он себя переиграл, – наконец отметил Интраэль. – Если он позвонил нам, значит, он чего-то боится. Если он чего-то боится, значит, мы можем получить какую-то выгоду. Предположим, мы сделаем ожидаемое заявление. А после этого кто-то нападет на «Ложу», используя и Атаниэля, и все свои силы. Мы не сможем вмешаться – после того, как заверили, что не связаны с мальчиками. Знаешь что, немедленно собирай бойцов на площади. Без спешки, без паники. Это не мобилизация, это просто меры предосторожности – в эти смутные времена надо думать о безопасности. А звонить Александру не надо, пусть «красный» понервничает.

Молодой элохим сдержанно кивнул, четко, по-военному, развернулся и вышел из зала ресторана.

– А я пока сделаю несколько звонков. – Интраэль огляделся, убедился, что никто не обращает на него внимания, и неожиданно злобно оскалился: – И мы еще посмотрим, кто будет извиняться и оправдываться.

То окно, из которого Иво просматривал окрестности, теперь действительно напоминало гнездо – в ход пошли и старые тряпки, и покрышки, и доски. Рядом с парнем было два автомата Калашникова, на одном из них стоял оптический прицел. В лежащей справа крышке покоилось несколько запасных обойм, а по рации, комплект которых, как оказалось, находился в одном из ящиков в микроавтобусе, Вереск рассказывал канадские анекдоты.

– ...И вот ковбой спрашивает: «Как тебе наш город?» – и обводит рукой дома вокруг. А индеец, пьяно улыбаясь, говорит: «Неплохо! А как тебе наша страна?»

Прошло уже полчаса с того момента, как Атаниэль приказал готовиться – Маж наконец разобрался с Доппельгангером и начал работать с защитным заклинанием на источнике.

Через десять минут приехала милиция – обычные люди – и начала выставять ограждение. Один из милиционеров заорал в мегафон: «Всем покинуть дома, в районе обнаружен склад боеприпасов времен Великой Отечественной войны! Всем покинуть дома, в

районе обнаружен...»

Еще через десять минут вдалеке остановились два автобуса с надписью «ОМОН», но вылезли оттуда не милиционеры, а дейвона и сатра в полной боевой амуниции. Они рассредоточились метрах в сорока-пятидесяти от здания, в котором засели «Святые бастарды».

– Стрелять только по команде или при начале штурма, предварительно сообщив мне, – распорядился элохим по рации. – Семь и бездна, они что, считают, что нас тут рота?

В этот момент к первым двум автобусам подъехали еще три, и каждый оказался забитым до предела. Чуть подальше скопилось с десятков легковых автомобилей, и среди сатра и дейвона в военной и милицейской форме замелькали штатские – скорее всего, маги.

– У меня в окне напротив снайперы, – сообщил Вереск. – Может, шархнуть по ним из подствольника?

– Ждем, – отозвался Атаниэль. – Не забивайте эфир, нас наверняка слушают.

Теперь все зависело от Мажа – если альв успеет заблокировать источник и устроить какие-нибудь пакости нападающим, то, как предполагал Иво, у них будет немного времени.

Если же не успеет, их сомнут почти мгновенно.

Впрочем, откровенно говоря, воспитанник слэш сомневался в том, что они даже с помощью маленького мага выдержат хотя бы первый штурм. Вереску хотелось поговорить. Он не мог молчать, его словно распирало – это Иво понял, еще когда они доделывали «гнезда». После запрета Атаниэля оборотень молчал чуть больше минуты, а затем не выдержал и выдал в эфир первый анекдот, про какого-то «ньюфи», похожего на чукчу из российских анекдотов.

Элохим никак не отозвался на анекдот, и канадец, ободренный молчанием, перешел в «режим радио», выдавая одну историю за другой. Некоторых названий и терминов Иво не понимал, но основная масса анекдотов или была забавной, или же являлась копией тех, которые он не раз слышал в школе – другими были только имена и места.

– Эй, герои! – Иво развернулся и увидел, что на чердак вылез Атаниэль с двумя рациями на груди. – Я поймал их частоту, у них пятиминутная готовность. Вначале они вроде собираются попробовать взять нас живыми. Когда я скажу: «А есть еще анекдот про двух евреев», попробуйте снять снайперов. Удачи нам.

– Это точно, – пробормотал Иво.

Согласно плану, Иво и Вереск должны были сидеть наверху до тех пор, пока противник не прорвется к стенам дома. Затем нужно было спуститься на первый этаж, обойдя поставленные Атаниэлем на чердаке растяжки, и оборонять здание оттуда. Когда противник ворвется в дом, все «Бастарды» уйдут в подвал, будут защищаться там, пока Маж не закончит свои дела, а затем элохим последовательно активирует несколько зарядов – часть в доме, часть снаружи.

«У меня был хороший учитель, Дабравко, хорват, – рассказывал Атаниэль Иво и Вереску по рации еще до того, как Маж приступил к снятию заклинания с источника. – Но я оказался плохим учеником. Взрывное дело – точная наука, а я когда ставлю заряды, не твержу формулы, а прошу Семерых, чтобы пронесло...»

Атаниэль ушел вниз.

Иво ждал – до начала боя оставались считанные минуты, если не секунды. В голову почему-то лезли мысли о Ленке Соколовой и Марии Дробышевой. Девушки были совсем разными, и в то же время их образы словно сливались в единый, и от воспоминаний о них Иво становилось одновременно хорошо и печально.

– Так я и не поступил в универ, – тихо произнес он, затем достал две каски – одну надел на себя, вторую закрепил на доске рядом, так, как советовал элохим.

После визита Атаниэля Вереск замолчал, и тихое потрескивание в рации казалось каким-то пустым и бессмысленным.

– Приуныли? – раздался из динамика бодрый голос элохим. – Я вам сейчас расскажу отличный анекдот про двух евреев!

Не успел он сказать последнее слово, как позади и левее Иво что-то бухнуло. Воспитанник слась прижался щекой к прикладу, выцелил намеченное заранее окно в доме напротив и нажал на спусковой крючок. Приклад дернул плечо чуть назад, но на этот раз Иво был готов к такому. Пуля разбила стекло. Через секунду Иво выстрелил еще раз – и на этот раз целил не в смутную тень, а в дернувшуюся в окне фигуру.

– Бьем прицельно, не останавливаемся! – рявкнул по рации Атаниэль.

Иво не обнаружил других снайперов, кроме того, в окне, поэтому опустил ствол автомата и начал искать новые цели между стоявшими напротив дома автобусами с надписью «ОМОН».

Где-то на окраине сознания билась мысль о том, что он убил, убил специально и расчетливо, что где-то неподалеку будут умирать те, в кого он пошлет маленькие кусочки свинца. Но разбираться с этой мыслью сейчас было совершенно невозможно, и воспитанник слась загонял ее все дальше. Но полностью перестать думать об этом не получалось.

Рядом время от времени что-то громко звякало, но Иво сосредоточенно искал цель. Наконец отыскал чью-то голову, не полностью скрытую за автобусом, – скорее всего, это был сатра, – и сделал выстрел.

Повернувшись на раздражающий звук, воспитанник слась с удивлением увидел, что в плотно надетой на доску каске зияют шесть аккуратных отверстий. Проследив примерную траекторию, он обнаружил, что стрелявший должен находиться на крыше дома напротив, но там никого не было.

– Они тоже используют магию, – пробормотал Иво, вглядываясь в то место, где вроде бы прятался снайпер. – Логично, черт подери. И что мне делать?

Каска звякнула еще раз. И никакого движения, никаких бликов.

– Возьми прицел на два градуса левее основания антенны...

Иво высунулся из окна, развернулся, отпуская автомат и выхватывая из-под мышки пистолет. И прицелился в сторону конька крыши, понимая, что не успевает.

Наверху стоял Игрок – Повар. Он был одет в старинную, как в «Белом солнце пустыни», военную форму с брезентовым мешком-скалкой поперек груди. Мешок подергивался, поскрипывал, а через мгновение над плечом Повара появилась узкая серая голова, и стало ясно, что никакой это не мешок, а толстая змея, проглотившая собственный хвост.

– Я же тебе подсказывал, куда стрелять, – невозмутимо заявил Повар.

– Что ты здесь делаешь?

– Интересуюсь, – ответил Игрок. – Любопытствую. Скажи Атаниэлю, чтобы третью закладку не взрывал, обвалит здание. Кстати, Александр уже приехал, и штурм начнется через две минуты, причем приказ об этом пройдет на частоте, которую твой друг не слушает. Если вы продержитесь минут двадцать, то, скорее всего, здание или сожгут, или взорвут. Терять здесь бойцов Александр не собирается, а дом... Что дом?

– То есть мы обречены? – уточнил Иво.

– Нет, – спускаясь по крыше к нему, ответил Повар и улыбнулся. – У вас будет двадцать минут на то, чтобы вывести из строя Александра, не убивая его. В этом случае будет действовать его последний приказ – штурмовать здание. Хочешь конфету?

– Давай, – задумавшись, Иво даже не заметил, как согласился. Взял из руки Игрока маленький шарик, развернул обертку и положил конфету в рот.

– Смешные вы, – широко улыбнулся Повар и исчез.

Змея на мгновение осталась в воздухе без поддержки, но почти сразу же растворилась вслед за своим хозяином – или, как предполагали некоторые, – рабом.

Иво повернулся к рации и сказал:

– Штурм начнется без предупреждения, через минуту, общая готовность.

– Семеро и падшая баба, ты-то откуда знаешь? – спросил Атаниэль. – Ладно, потом объяснишь, принято.

– Принято, – без комментариев сказал Вереск.

– Принято, – отозвался неожиданно и Маж. – Я освободился, но уходить нельзя.

Иво выругался про себя, двигая ствол автомата на пару градусов левее основания антенны. Плавнов нажав на спусковой крючок, он увидел, как в том месте, куда он стрелял, проявился высокий джинна в серо-зеленом камуфляже. Снайпер покати́лся вниз, но с крыши не упал, остановленный парашютом.

И тут воспитаннику слаш стало дурно.

Это не было связано с убитым или раненым снайпером, а значит, проблема состояла в конфете, подsunутой Поваром. Легкая тошнота длилась несколько мгновений, а затем пропала.

Иво выглянул из гнезда и обнаружил, что видит теперь все совсем иначе.

Мир стал серым и четким. Автобусы и здания остались на месте, за ними угадывалось движение, а вот вокруг обороняемого дома обнаружилось порядка тридцати серых фигур, медленно идущих к зданию, и каждая двигала перед собой большой щит на колесиках.

Александр не собирался жертвовать своими бойцами в открытом штурме, он пустил вперед тех, кого его маги скрыли от «Святых бастардов», наложив некий «отвод глаз».

Тут поработали колдуны, что пытали Мажа, те, кто год за годом расширял сферу влияния «Ложи Петра и Павла», не гнушаясь самых грязных методов, от шантажа до убийства. Тут собрались те, кто, скорее всего, убил Эддинга, а потом назначил награду за голову Иво.

Воспитанник слаш выцелил первую фигуру – судя по выгибающимся назад коленям, это был сатра – и выстрелил. Не глядя на результат, перевел ствол и выстрелил еще раз.

И еще. И еще.

Иво успел сделать еще четыре выстрела, почти без пауз, просто переводя ствол, после чего уловил, что в рацию орет, и, видимо, уже довольно давно, Атаниэль:

– Как ты их видишь, чтоб тебя Семеро живым взяли!

Ответить воспитанник слаш не успел. Несколько врагов, бросив щиты, кинулись вперед и почти сразу скрылись в «мертвой зоне», по которой Иво никак не мог стрелять.

– Сейчас, сейчас! – хрипло крикнул Маж. – Сейчас я сделаю их видимыми!

В этот момент к зданию, открыв огонь, бросились остальные бойцы «Ложи».

Двигались они неожиданно быстро, из шести выстрелов Иво попал лишь дважды – и оба раза в бронежилеты. Торчать в окне не было смысла, и воспитанник слаш собирался уже покинуть свою позицию, когда, оглядывая в последний раз поле боя, заметил рядом с одним из автобусов смутно знакомую фигуру с рацией в белой тонкой руке.

В первое мгновение ему показалось, что это Стас.

Имелось что-то неуловимо общее у покойного верог и у стоявшего рядом с автобусом существа. Но при взгляде в оптический прицел стало ясно, что это другой вампир – тот, который руководил нападением на Мажа и Атаниэля в кофейне в день их знакомства с Иво.

Это был Александр.

Иво нажал на спусковой крючок – и явно попал, потому что верог отшатнулся. Однако падать Александр не собирался, равно как и скрываться. Он взмахнул рукой, указывая прямо на Иво, и рядом с воспитанником слаш оплавилась многострадальная каска.

Нажав на спусковой крючок еще раз, Иво не успел даже понять, попал или нет, потому что его словно гигантским маятником вбило внутрь чердака. Видимо, некоторое время он провел без сознания, а когда очнулся, увидел рядом с собой тонкую проволочку поставленной Атаниэлем растяжки.

Все звуки исчезли. Выстрелы, крики, грохот и вой сирен – не было абсолютно ничего, только сквозь развороченное окно, где еще недавно находилось его «гнездо», тихо и мирно светило солнце.

Иво встал, перешагнул через проволочку и, пошатываясь, до-брел до спуска.

Он не понимал, почему все так тихо, почему ничего не происходит, где Вереск. Если бой кончился поражением, почему его не нашли? Если вдруг – ну, мало ли, какие чудеса в мире случаются – они победили, то где друзья?

Воспитанник slash спустился на второй этаж, и тут прямо на него из двери коридора выскочил дейвона средних лет. Беззвучно сказав рот, «серый» выкинул руку, и Иво лишь чудом успел уклониться, спотыкаясь о железную лестницу, ведущую на чердак. Падая, он потянулся к кобуре под мышкой, но пистолета там не обнаружил.

А в следующее мгновение на него накинута дейвона.

В его руке был узкий черный нож, который вошел воспитаннику slash точно между левой рукой и боком, едва оцарапав кожу. Иво инстинктивно повернулся влево, заламывая руку противнику, а правым локтем со всей силы ударил снизу вверх в нос «серому». Тот, все так же беззвучно разевая рот и обдавая Иво запахом гнилых зубов, завалился в сторону.

Воспитанник slash обыскал дейвона и вынул у него из поясной кобуры пистолет – белый, с черными накладками на рукояти, значительно больше и тяжелее «макарова». Обернулся и увидел еще двоих «серых».

А боковым зрением уловил, как снизу, по стене вдоль лестницы, на громадной скорости мчится что-то непонятное. Это нечто промелькнуло мимо Иво, поймало своим телом две пули, предназначенные человеку, и кинулось на «серых».

И тут стало понятно, что это – Доппельгангер.

Теперь он был голым, лишь на чреслах болтались какие-то серые обрывки. Создание Мажа выглядело как длиннорукий и длинноногий серокожий ребенок, невероятно сильный ребенок.

Через мгновение Доппельгангер метнулся обратно, развил просто немыслимую скорость, и все так же по стене вдоль лестницы спустился вниз. На том месте, где недавно находились дейвона, остались две красноватые груды тряпья.

Иво бросился вслед за Доппельгангером, пытаясь вспомнить, где вход в подвал. Спустившись на первый этаж, парень обнаружил, что тварь успела исчезнуть, а в холле громоздятся десяток тряпично-кровавых куч и пятеро или шестеро трупов, вид которых подействовал на Иво неожиданно успокаивающе.

«Я оглох, – сообразил он наконец. – И просто ничего не слышу».

Из тамбура перед входной дверью прямо на Иво выскочил сатра. Он уже нажимал на спуск автомата, когда в его висок впиалась пуля. За первым сатра последовал второй, но Иво сбил его выстрелом и решил убраться из центрального прохода, где он был уязвим отовсюду.

Он отскочил в сторону, едва не споткнувшись о труп, и обнаружил, что неподалеку, за поваленным набок столом, стоит Вереск с автоматом в руках.

Здание ощутимо вздрогнуло. Видимо, что-то где-то взорвалось. Вспомнились слова Повара: «Скажи Атаниэлю, чтобы третью закладку не взрывал». Что за закладка, где она находится? Элохим мог в любой момент поднять весь дом на воздух и не знал этого.

– Где Тан? – проорал Иво, не слыша собственного голоса. – Я оглох, так покажи!

Вереск что-то начал говорить, затем махнул рукой.

Воспитанник slash видел, что на голову оборотня наложено какое-то заклинание, вероятно, как-то воздействующее на зрение. Судя по всему, конфета Игрока продолжала действовать.

Из холла, со стороны лестницы, вылетел кто-то очень быстрый и ловкий. Легко сгруппировался и, увернувшись от выстрела, пружиной прыгнул на Вереска, вцепился ему в шею.

Иво побоялся стрелять, чтобы не задеть друга, он подбежал по-ближе, а противник уже отпустил безвольное тело канадца и обернулся. Это оказалась невысокая худая верог без каски, бронежилета и какого-либо оружия, хотя «красным» оно особенно не нужно.

В первую встречу с Настей Иво не успел разглядеть ее, не до того было, а сейчас он стоял напротив, понимая, что попытка поднять пистолет будет пресечена мгновенно.

Девушка улыбнулась одними губами, гордо и зло, что-то сказала, но Иво не услышал ее.

А затем в его голове прозвучал голос:

«Это ты убил Стаса?»

Воспитанник слаш кивнул. Сделав это, он почувствовал себя неожиданно легко.

Подчиниться этой прекрасной даме стало пределом его мечтаний.

«Что за тварь помогает вам?» – спросила Настя.

«На-астя», – ласково покатав в голове Иво.

– Доппельгангер, его создал Маж.

«Рамаажизни? – удивилась «красная». – Создал голема? Без подготовки? С нуля? Из чего он сделан?»

– Из туши свиньи, текстолита, крови Мажа, – покорно ответил Иво.

Краем глаза он видел, как вокруг суетятся дейвона и сатра, как входят в холл один за другим, с разных сторон, не обращая внимания на верог и человека.

«Из своей крови? – уточнила Настя, дождалась кивка и заметила: – Скорее всего, достаточно ранить одного из них, чтобы вывести из строя обоих. Что он сделал с источником?»

– На Смоленском кладбище... – начал Иво, но «красная» его перебила:

«Там Локка уже снял его художества. Детский лепет, не ожидала подобного от Рамаажизни. Что он сделал с этим источником?»

Иво попытался собрать мысли, чтобы вспомнить, что говорил альв.

– По-моему, – неуверенно начал он, – Маж применил заклинание «посредник», с помощью которого вы использовали источник. Только теперь все, кто берет энергию из этого источника, заряжают Доппельгангера, а через него и Мажа.

К Иво и Насте подошел пожилой дейвона. Он сел на корточки, сунул руку за батарею и вытащил оттуда три узких черных цилиндра, между которыми был зажат маленький стальной цилиндр. Дейвона спокойно вынул его и откинул в сторону, а затем что-то спросил у Насти.

«Где и сколько взрывчатки в доме?» – прозвучало в голове у воспитанника слаш.

Вопрос сформулировали так, что не надо было вспоминать про закладки снаружи. А сколько и чего внутри, Иво не знал, в чем сразу же признался.

– На чердаке четыре растяжки с гранатами, – добавил он, радуясь возможности угодить сказочно прекрасной госпоже.

«Это мы уже знаем, – скривилась Настя. – Где прячется Рамаажизни?»

– В подвале.

«Пойдешь со мной, будешь прикрывать спину, – великодушно позволила верог. – Будь готов умереть по первому моему требованию».

Иво кивнул, радуясь, что он еще сможет послужить госпоже и, возможно, даже умереть на радость ей. Шагнув за Настей, он увидел, как шевельнулся Вереск. Однако оборотень был все еще без сознания, угрозы для Насти не представлял, и воспитанник слаш тут же забыл о нем.

Они прошли по коридору несколько метров, и в кабинете справа Иво увидел связанного, но вполне живого Атаниэля.

Дальше была разорванная железная решетка перед ведущей в подвал лестницей. Тут лежало вповалку несколько тел, у верхнего не имелось ботинок – судя по копытам, это был сатра.

«Рамаажизни, сдавайся, – предложила Настя. Иво слышал ее голос и знал, что она дублирует специально для него сказанное вслух. – Иво, он говорит, что будет общаться только с Александром. Но в отца всадили три пули, и он временно не склонен к общению».

Воспитанник слаш слегка удивился.

Он помнил одну пулю, которую послал сам, возможно – вторую, хотя не факт, а откуда взялась третья?

– Скажи ему, что убьешь меня, Вереска и Атаниэля, если он не выйдет, – порекомендовал Иво.

«Он не выйдет, – уверенно заявила Настя. – Не дурак же он».

– Выйдет, – настаивал Иво. – Мы – его единственная семья.

Настя что-то сказала, выслушала ответ, сказала еще что-то.

Воспитанник слэш терпеливо ждал приказов от обожаемой госпожи, готовый умереть по первому ее слову или подсказать что-либо, если потребуется.

А затем по лестнице, с внутренней ее стороны, вверх метнулся Доппельгангер. Настя кинула в него заклинание, которое Иво увидел как раскаленную огненную комету, но промахнулась. Тут же началась пальба, голем не пытался уклониться от пуль, но видимого вреда они ему не наносили.

В узком коридоре высоким и крепким бойцам в бронежилетах было очень непросто уследить за маленьким и очень быстрым врагом, поэтому, прежде чем Настя смогла достать его заклинанием, Доппельгангер успел убить троих сатра и одного дейвона, просто свернув им шеи.

Получив в бок огненный шар, Доппельгангер сгруппировался и, прыгая с одной стены на другую, поскакал в сторону холла. Все отвлеклись на него, и поэтому только Иво увидел, как, скрытый каким-то заклинанием, но отлично видимый ему, плывет вверх по лестнице Маж.

Альв выглядел взбешенным.

Он дернул зажатый в правой руке жезлом, направляя его на Настю. Иво едва успел заслонить прекрасную госпожу левой рукой. Он просто не дотянулся, чтобы прикрыть ее всем телом.

Еремей сидел в глубоком мягком кресле. Он отлично все слышал, но ничего не видел. Этому мешала старческая слепота, напавшая на него четыре года назад и полтора года как полностью захватившая его очи.

Демид в последние годы не писал отцу, и вести с Урала приходили через другие, подчас совсем не человеческие руки. Когда шесть лет назад старший сын погиб в сваре за новый источник, Еремей в последний раз за свою жизнь предпринял путешествие – и чуть не сдох от тряски и жары. Повидав вдову сына, передав подарки внучатам, из коих один вроде был способен к магии, а четверо – нет, Еремей вернулся в столицу, поклявшись себе, что дальше строящегося неподалеку от дома Исаакиевского собора никуда не поедет.

Никита, в отличие от старшего брата, являл собой пример хорошего сына. Даже с выбором жены подходил к папеньке, что, с одной стороны, льстило родителю, а с другой, вселяло в него опасение за то, как младшенький жить будет после кончины отца.

В краткое правление Петра Третьего Еремей подсутился и получил дворянство вместе с наследственной фамилией Отразов, но сразу после отречения и скорой кончины молодого государя над благодетелями нового дворянина и им самим сгустились тучи – впрочем, те дни были не самыми худшими, во всяком разе Еремей тогда еще видел.

– Сбитня, батенька? – спросил Никита.

Под сорок лет мужику, а все при отце живет... Хорошо хоть единственный его сын, Корней, пошел в деда. Без таланта к заклинаниям, но с живым умом и решительностью отрок. Да какой отрок, юноша уже! Именно Корнею переданы все бумаги, все секреты и все мысли Феофана, которому обещано было, что не сгинет его наследие в летах.

После настоящей смерти Прокоповича, через одиннадцать лет после скоморошной, для врагов придуманной, Еремей стал хозяином большого дома на Малой Конюшенной, и тут уже никак он не мог отступить от своего слова.

Хоть и из крепости рожден был, а честь знал и блюл.

– Позови Корнейку, – глухо сказал Еремей сыну.

– Да, да, батенька, – засуетился сын, вызвав у родителя презрительную усмешку.

– Звали, дедушка? – и ходил внук чинно, и говорил степенно. Многое ему сказал Еремей, многое и сам понял, пока пересказывал. Умный слушатель – он ведь куда лучше глупого рассказчика.

– Подыхаю я, – старик и впрямь чувствовал себя хуже некуда. Грудь сдавливало и

раньше, но ostatние дни случалось это все чаще и длилось все дольше. – Обещание-то не забыл?

– Все выполню по воле вашей, – ответил внук. – И тайны не раскрою кому не след, и передам дальше.

– Ну и славно, – вздохнул Еремей.

И так ему вдруг захотелось сделать это полной грудью, так стало жалко, что нельзя, что тут же сдавит, что гнев прорвался сквозь все страхи. Старик вдохнул воздух, наслаждаясь запахами и хвоей, добавленной в свечи, и кулебяки, которую Анютка наверняка сделает отменно и которую уже не попробовать ему никогда.

Он все вдыхал и выдыхал, понимая, что уже не выдохнет. Что это – его последний вдох. Пытался ухватить еще глоточек воздуха, еще капельку, еще чуточку.

Но воздуха больше не было.

Иво очнулся от крика. Кричали где-то далеко, но очень резко и протяжно. На воспитаннике слэш лежало что-то тяжелое, он попытался скинуть с себя это и чуть не потерял сознание вновь – левая рука казалась одним сплошным комком боли.

Кое-как выползая из-под чьего-то тела, Иво обнаружил, что орет именно оно – просто слух еще не вернулся полностью, поэтому крик раненого в живот сатра он ощущал как что-то далекое. В правой руке парень с удивлением обнаружил пистолет.

Последнее, что он отчетливо помнил, была вставшая перед ним Настя, дальше шел набор отдельных, слабо связанных картинок – лежащий на полу Вереск; бегущий по стене Доппельгангер; кидающий в него, Иво, какое-то заклинание Маж. Или нет, не в него, но в кого?

Воспитанник слэш с трудом поднялся на колени, посмотрел на левую руку – она была вся в крови.

Из коридора вышел Атаниэль. Его лицо казалось одним сплошным кровоподтеком, но он нес автомат и двигался ловко.

Элохим что-то сказал, но, видимо, негромко.

– Я тебя не слышу, – сказал Иво и почувствовал во рту железный привкус.

Атаниэль махнул рукой – мол, ничего важного, а потом взмахом пригласил друга следовать за собой. Однако в следующий момент словно взлетел и впечатался головой в порванную металлическую решетку.

А на его место шагнул из коридора Александр. Верог выглядел еще хуже, чем элохим, – вместо одного глаза у него зияла черная дыра, левая щека была порвана, и из раны сочилась черная кровь.

Мельком глянув на стоявшего на коленях Иво, Александр прошел мимо. Воспитанник слэш поднял пистолет и выстрелил. Однако дрогнувшая рука в последний момент направила оружие в стену.

Вампир обернулся, подошел поближе и, вырвав у Иво пистолет, взял парня рукой за подбородок.

– Кто убил Настю? – спросил он.

На этот раз Иво почувствовал, что может и не отвечать, но все-таки ответил:

– Я не знаю.

– Зачем ты вообще в это все влез, маленький ублюдок? – спокойно продолжил Александр. – Я понимаю Рамаажизни. Он мстит. Но все остальные? Чем мы вам помешали?

– Вы убили Эддинга.

– Слаш? Мы его не убивали, – отрицательно покачал головой верог. – Но для тебя есть подарок, чтобы ты не думал, что умираешь зря. Я навел справки о том, кто ты, откуда и что из себя представляешь. Когда-то я лично отдал приказ убить твою беременную мать.

– Зачем? – прохрипел Иво.

В стальной хватке Александра горло едва пропускало воздух.

Сон о Еремее грозил стать вещим.

- Поверь мне, имелись на то причины, и не личные, а важные, касающиеся «Ложи».
- Кто мой отец?
- Это меня никогда не интересовало, – Александр начал медленно сжимать руку.

Иво посмотрел на пол и увидел под ногами пластиковую коробочку с тумблерами – с помощью этой штуки Атаниэль собирался взрывать свои мины. Колпак был разбит, часть тумблеров включена, часть – выключена, и понять, какое положение соответствует чему, Иво не мог. Ощущая нарастающее давление на горло, он двинул ступней, переключая все тумблеры в одно положение. Ничего не произошло.

Воспитанник slash задыхался, он уже не видел ничего, судорожно дергая ногой, чтобы переключить тумблеры обратно, когда раздался грохот.

А потом упал потолок.

Иво не знал, сколько он был без сознания – если вообще проваливался в беспамятство. Он стоял, и все еще пытался отдышаться, и смотрел по сторонам.

Здание не обрушилось полностью – стены стояли, хотя по ним и змеились трещины, а вот потолок кусками свалился вниз, оставив сверху две длинные стальные балки. Так как воспитанник slash был прижат к стене вампиром, обрушившееся перекрытие не задело его.

Александр досталось гораздо сильнее – толстая балка с кусками паркета прижала его к полу. Ему наверняка сломало позвоночник, раздавило внутренние органы, даже беглый взгляд на верог позволял предположить, что такого удара не выдержал бы ни один человек.

Но Александр не был человеком – и он еще жил.

Подняв пистолет, лежавший рядом с вампиром, Иво сделал несколько выстрелов. Шатаясь, он продолжал нажимать на спуск раз за разом, не слыша ничего и удивляясь отсутствию отдачи. Не сразу он понял, что патроны кончились, – а истекающий черной кровью вампир мертв.

А когда понял, встал на колени, чтобы не упасть, и пополз по грудам мусора к Атаниэлю, лежавшему у противоположной стены. Приложил ухо к груди элохим и почувствовал стук сердца. Облегчение захлестнуло воспитанника slash, и он снова рухнул без сознания.

Неприметный сероглазый мужчина гнал скутер по Университетской набережной. Пробки в центре большей частью рассосались – все-таки воскресенье, трафик не такой интенсивный, как в будни. Но здесь все еще стояли – Благовещенский мост под каким-то диким предлогом развели, и все пытались выехать через Дворцовый. А от Дворцового в сторону Благовещенского стояли те, кто еще не осознал проблемы и считал себя самым хитрым.

Однако для скутера пробки не препятствие – и поэтому сероглазый легко преодолел самый проблемный кусок дороги, затем выехал на свободную набережную и разогнался до восьмидесяти километров в час.

Владелец небольшого японского скутера был уверен – счастливый билет у него в кармане. Магистр лично сказал, что операция проведена блестяще, а значит, скоро тот, кто задумал и провел ее при минимальной поддержке ордена, станет командором «действующих».

Притормозив у очередного светофора, сероглазый увидел в зеркале заднего вида какой-то блик, а затем услышал шорох, ощутил резкий жар, и мир для него погас.

Случайный прохожий, если бы он смотрел в этот момент на скутер и его владельца, увидел бы, что скутер упал, а его хозяин, вспыхнув ярким пламенем, покатился по асфальту и за несколько секунд сгорел дотла. А затем вновь появился, но уже стоящим, поднял своего «японца», сел на него и поехал дальше. Возможно, за эти несколько секунд он стал чуть выше и толще, но, скорее всего, это был обман зрения. А на тротуаре около перекрестка осталось большое черное пятно копоти.

И уж точно никто бы не смог узнать, что здесь только что закончился давний поединок двух смертельных врагов, принадлежащих к разным орденам Наблюдателей.

Атаниэль вышел из разрушенного дома в третий раз.

На руках у него был Иво. На траве около обугленных дверей лежали Вереск и Маж. За элохим из-за ограждения наблюдали несколько встревоженных людей-милиционеров, старший что-то выяснял по телефону, громко требуя отменить какое-то решение.

К дому подкатил скутер, с которого бодро прыгнул сероглазый Наблюдатель.

– Все живы? – не здороваясь, спросил он.

– Пока – да, – сухо ответил Атаниэль.

– Я вызвал «Скорую», – заявил сероглазый. – Они будут с минуты на минуту. Описываю ситуацию: сорок минут назад источник на Смоленском кладбище выдал гигантский заряд энергии. Был вихрь, ураганный ветер, местами по Васильевскому острову прошел град. Сразу после этого в сторону феномена с Исаакиевской площади вылетели элохим.

Это стало сигналом и для всех остальных – множество вооруженных сатра с Черной реки пересекли Каменный остров и направились к Одиннадцатому равелину. Чуть позже, не желая остаться без добычи, собрало ополчение Центральное землячество джинна, в дело влезли два клана дейвона, Часовщики, маах'керу и люди. Все, кто остался жив после штурма и шуточки с колодцем, – а она погубила немало членов «Ложи», – пробиваются к Одиннадцатому равелину. Кроме Александра, который остался, чтобы уничтожить тех, кто убил его дочь.

– Настю убил я, – сухо заметил элохим. – Александра – Иво.

– Где твой телефон? – поинтересовался Наблюдатель.

– Сломан, – лаконично ответил Атаниэль.

– Возьми этот, – «бесцветный» протянул элохим новую «Нокию» спортивной серии. – Симку со старого уничтожь. Орден Желтого Ока не мог вмешаться прямо, ты должен понимать.

– Желтого Ока? – удивился Атаниэль. – Я думал, ты из Изумрудных Крыльев!

– Я должен был отвести подозрения от нашего ордена, – сказал сероглазый. – «Ложа Петра и Павла» давит на нас, и если бы у вас ничего не вышло, а они все узнали... Это было бы очень плохо. А орден Изумрудных Крыльев сейчас очень слаб, они бы ни за что не решились помочь вам. Перейдем к делам. В ближайшее время «Ложу» придавят, но сломать их полностью не смогут. Вы будете героями, но вас попробуют отодвинуть от трофеев. Требуйте себе источник на Смоленском кладбище, он нестабилен, но, по нашим прикидкам, восстановится. Вам его отдадут. Креон будет все валить на Александра, не пытайтесь добить «Ложу», иначе вас уничтожат. Берите, что дают.

– Иди ты... – Атаниэль сплюнул кровавой слюной под ноги «бесцветному».

С дороги в их сторону свернула карета «Скорой помощи».

Рядом с водителем сидел невозмутимый Григорий Пахомович.

– Хотя бы подумай! – крикнул Наблюдатель, торопливо шагая к скутеру. – Я позвоню тебе через пару часов!

Когда Иво очнулся в шикарной и светлой одноместной палате, рядом сидел Атаниэль с «цветком» в руке.

– Все живы? – спросил воспитанник слаш.

– Маж в коме после того, как Настя убила Доппельгангера, – тихо ответил элохим. – У Вереска сломан позвоночник, но врачи говорят, через неделю будет ходить. Маах'керу главное пережить первые несколько часов, а потом организм справится.

– Долго я?..

– Четыре дня, – Атаниэль тяжело вздохнул.

– Что-то случилось? – Иво не понимал, почему его друг так мрачен. Они живы, их лечат, значит – они победили! Как, почему – это совсем другие вопросы, и ответы на них наверняка не замедлят появиться.

– Да вроде ничего такого, – замялся элохим. – Кстати, Трор из комы вышел. А еще тебе какая-то Мария Дробова цветы и фрукты передала, говорит, вы знакомы.

– Дробышева, – поправил Иво с улыбкой. Левая рука немного побаливала, все тело ломило, но это были мелочи. Он жив! – Так что ты такой унылый?

– «Ложе Петра и Павла» оставили шесть источников, – сказал Атаниэль. – Креон жив и остался номинальным главой, но по факту «Ложу» разделят на три объединения – одно сатра, одно дейвона и одно джинна. На самом деле они и сейчас вместе сильнее, чем любой клан города, поэтому их и пытаются развести. Я присутствовал на общем сборище и свидетельствовал в пользу Креона. Маж меня убьет. Из тех, кто издевался над Мажем, уцелели четверо, и если наш братишка попробует их уничтожить теперь, то его мгновенно объявят вне закона, и мы тоже должны будем его ловить.

– Мы? – удивился Иво. – Почему это мы будем его ловить, а не помогать ему?

– Потому что мы теперь – орден «Святые бастарды». С двумя источниками, один из которых, правда, нестабилен, а о втором никто не знает... Наплыва желающих вступить в орден нет, но кое-кто уже прощупывает почву. Эх... Вереск, когда встанет, тоже вцепится мне в глотку.

– Он-то за что?

– Я договорился с неким Рамосом. Нашему ордену нужны деньги, а Рамосу нужна возможность ввозить в Россию некоторые товары, минуя таможеню. Никаких наркотиков, никакого оружия... Я согласился. И только потом вспомнил, что это именно он привез сюда Вереска в гробу с серебряными накладками.

– А я тебя убить ни за что не должен? – легонько улыбнулся Иво.

– Да вроде нет, – все так же грустно ответил Атаниэль.

– Ну, тогда держись, братишка, как только я встану, помогу тебе с Мажем и Вереском. Иво почувствовал, что проваливается в сон.

На этот раз он спал долго и без сновидений – не было ни Стаса, ни Еремея.

А было только предвкушение будущего, интересного, может быть, немного опасного, но насыщенного и увлекательного.